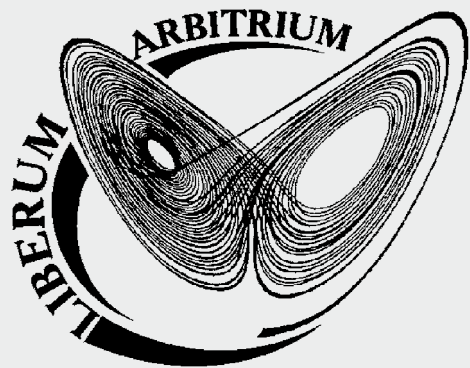

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

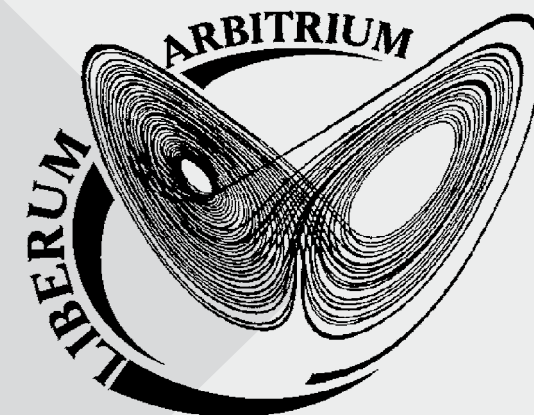
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ / 2023

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Том 21. Номер 4 (75). ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ / 2023
Volume 21. No. 4 (75). OCTOBER–DECEMBER / 2023

СТАРЫЕ МОТИВЫ – НА НОВЫЙ ЛАД МЕГАТРЕНДЫ

Вячеслав
Сутырин	▶	Метаморфозы системы
содействия развитию
Артём
Мальцев
Виктория
Мустафина	▶	Сила умиротворения
Максим
Харкевич	▶	Обратная связь и адаптивность

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международных
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

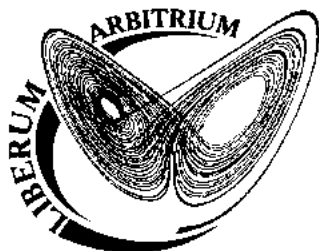
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 21. Номер 4 (75)
ОКТАБРЬ–ДЕКАБРЬ **2023**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Sergey Afontsev, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Andrey Baykov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Irina Bolgova, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Igor Istomin, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«International Trends» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич,
Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор – первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь – заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Даниил Менчиков, Ирина Николаева, Иван Хлудов

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2022

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2022

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

CONTENTS

RESEARCH ARTICLES

REALITY AND THEORY

Victoria Mustafina Artem Maltsev	The Influence of Mediator Military Power on Armed Conflicts Resolution	6
Maxim Kharkevich	Cybernetic Model of Global Governance	41

CATCHING A TREND

Vyacheslav Sutyrin	Transformation of Development Assistance under Great Power Rivalry	53
Stanislav Nozdrev	Debt of the Non-Financial Sector and Economic Instability in Asia	83
Elena Zinovieva Alexander Ignatov	The Role of BRICS in the International ICT Security Regime	104
Egor Sergeev Irina Kiseleva	EU Eastern Enlargement: A View from a Small Open Economy's Perspective	133
Nikita Neklyudov	In Search of Antagonistic Other: Troubling Threats and Non-Intervention	156

LETTER TO THE EDITORS

Dmitry Novikov Kirill Gorenkin	Greater Eurasia in the New Cold War: Challenge or Opportunity?	171
-----------------------------------	---	-----

<i>Our authors</i>	192
--------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Виктория Мустафина	Военная сила государства-посредника	
Артём Мальцев	и урегулирование вооружённых конфликтов	6
Максим Харкевич	Кибернетическая концепция глобального управления	41

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Вячеслав Сутырин	Трансформация политики США, ЕС и КНР в области содействия развитию на фоне междержавного соперничества	53
Станислав Ноздрев	Долг нефинансового сектора как фактор усиления экономической неустойчивости в Азии	83
Елена Зиновьева	БРИКС в глобальном режиме ИКТ-безопасности	104
Александр Игнатов		
Егор Сергеев	Трансформация подхода малых открытых экономик к расширениям Европейского Союза	133
Ирина Киселёва		
Nikita Neklyudov	In Search of Antagonistic Other: Troubling Threats and Non-Intervention	156

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дмитрий Новиков	Большая Евразия в условиях новой «холодной войны»: вызов или возможность?	171
Кирилл Горенкин		

Наши авторы 191

Our authors..... 192

ВОЕННАЯ СИЛА ГОСУДАРСТВА-ПОСРЕДНИКА И УРЕГУЛИРОВАНИЕ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ

ВИКТОРИЯ МУСТАФИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

АРТЁМ МАЛЬЦЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия

Резюме

Изучение посредничества при урегулировании вооружённых конфликтов остаётся перспективным направлением исследований международных отношений. Тем не менее до сих пор не установлено, действительно ли доминирование в военной силе государства-посредника может влиять на прекращение боевых действий и имплементацию итоговых мирных соглашений. Мы предположили, что превосходство посредника в военной мощи (или отсутствие такового) можно охарактеризовать в терминах асимметрии и паритета. Для оценки соответствующих характеристик военной силы мы предлагаем воспользоваться обобщённым показателем военной асимметрии, созданным посредством проведения простого сравнительного анализа. В рамках представленной в статье методики различные метрики военной мощи сторон конфликта и посредников попарно сравнивались между собой по критерию пороговых значений (квартилей), констатирующих наличие асимметрии военной мощи или её отсутствие (паритет военной мощи). Затем для агрегирования бинарных оценок в единый показатель также использовались различные пороги достаточной асимметрии от 20 до 50%. В результате проведённого исследования, с помощью оценки серии регрессионных моделей, удалось установить, что совокупное превосходство государства-посредника в военной силе над враждующими сторонами конфликта статистически значимо способствует как непосредственно прекращению боевых действий, так и успешному установлению мира в долгосрочной перспективе. Контрольные переменные в виде особенностей мирного соглашения также оказывают влияние на положительный исход мирного процесса. Ключевые среди них — повышение прозрачности процедур принятия политических решений и вовлечение различных социальных групп во властные процессы на различных уровнях. Результаты настоящего исследования демонстрируют взаимосвязанность военной силы и успешного посредничества, а также указывают на взаимодополняемость военной и переговорной составляющих в контексте медиации, осуществляемой государством. Таким образом, настоящее исследование предлагает трансформировать представление о посредничестве, доминирующее в настоящее время в теории международных отношений.

Ключевые слова:

вооружённый конфликт; негосударственный игрок; государство-посредник; военная сила; асимметрия; паритет; простой сравнительный анализ; регрессионный анализ

Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.07.2023

Дата принятия к публикации: 18.12.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: ammalcev@hse.ru

Окончание «холодной войны» не стало гарантией всеобщего урегулирования локальных вооружённых конфликтов. В 1990-х годах было зафиксировано 286 вооружённых конфликтов, а в 2000-х их число возросло до 311¹. На этом фоне в начале XXI столетия стали появляться публикации, в которых потенциально наиболее эффективным способом урегулирования вооружённых конфликтов стало обозначаться международное посредничество [Bercovitch, Jackson 2001; Bercovitch, DeRouen 2005]. Более того, исследователи стали предполагать, что государства, в отличие от институциональных субъектов (региональных и международных организаций, альянсов), могут более гибко подходить к исполнению этой функции и потому быть более результативными. Гибкий подход к посредничеству может выражаться в первую очередь в установлении посредником интересов и целей сторон конфликта, а также в определении его первопричин [Bercovitch, Jackson 2001]. Вместе с тем предыдущие исследования подчёркивали, что гарантия эффективного посредничества — совокупная мощь государства-посредника, преимущественно опирающаяся на экономический потенциал [Sahadevan 2006].

В начале XXI столетия исследователи обратили внимание на то, что соотношение военной силы сторон конфликта и посредника может влиять на ход посредничества. В частности, В. Фортна предположила, что превосходство или даже доминирование государства-посредника в военной мощи может с большой долей вероятности предотвратить возобновление боевых действий после подписания соглашений [Fortna 2003]. Тем не менее соответствующая статистическая закономерность в международных отношениях пока однозначно не установлена. Насколько подобное превосходство значимо для недопущения воспроизводства конфликта спустя годы после

подписания итоговых мирных соглашений? И каким образом в принципе можно эмпирически оценить общее превосходство государства-посредника в военной силе?

В настоящем исследовании под военной силой (мощью) подразумевается широкий спектр средств ведения боевых действий, которые позволяют обеспечить принуждение и достичь социально-политических целей, поставленных в рамках вооружённого конфликта. Для того чтобы измерить характеристики военной силы, мы предложили комплексный набор различных индикаторов. При проведении исследования использовались следующие метрики военной мощи: оборонный бюджет, характеристики сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил с указанием отдельных видов вооружений и техники, а также наличие тяжёлого вооружения, поставок вооружений и др.

При определении предпосылок успешного урегулирования вооружённых конфликтов исследователи опирались на концепцию «ресурсной асимметрии» (resource asymmetry) [Geiss 2006; Paulus, Vashakmadze 2009]. Под этим понятием имеется в виду неравное распределение некоторых благ, которое предоставляет игрокам стратегические преимущества для достижения их политических целей [Gross 2009]. В контексте изучения вооружённых конфликтов часто упоминается информационная асимметрия. Она подразумевает наличие у государства-посредника более широкого набора сведений о мотивах, интересах, намерениях и стратегиях конфликтующих сторон [Kressel, Pruitt, Pruitt 1989]. Благодаря этому посредник может выстраивать более гибкий диалог с непосредственными участниками конфликта и помочь им прийти к взаимовыгодному компромиссу [Walter 2002]².

Мы предположили, что соотношение военной силы сторон вооружённого конфликта и государства-посредника можно

¹ Correlates of war. URL: <https://correlatesofwar.org/> (accessed: 24.04.2022).

² Doyle M.W., Sambanis N. Building peace: challenges and strategies after civil war // World Bank. 27.12.1999. 33 p.

квалифицировать как асимметричное или паритетное. Принимая во внимание концепцию «ресурсной асимметрии», мы предприняли попытку разработать собственную методологию формирования обобщённого показателя военной асимметрии/паритета. Затем была осуществлена проверка наличия и характера взаимосвязи между асимметричным/паритетным соотношением военной мощи всех сторон и урегулированием вооружённого конфликта. Под **урегулированием** понималось *полное прекращение боевых действий после старта переговорного процесса, а также их отсутствие спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений*.

Ранее уже высказывались предположения о том, что асимметрия военной мощи в пользу государства-посредника может содействовать благополучному течению переговорного процесса [Fortna 2004]. Данная идея проистекает из анализа военных интервенций, при которых вмешательство внешнего игрока усиливает военный потенциал одной из сторон конфликта. В частности, в контексте гражданской войны внешний игрок чаще оказывает военную поддержку правительственным силам, а не повстанцам³. Вследствие этого вероятность победы правительственных сил в вооружённом конфликте существенно повышается [Greig, Rost 2013]. Иными словами, материальное (военно-техническое) превосходство, возникшее вследствие вмешательства в конфликт третьей стороны, может способствовать победе одного из участников конфликта. Более того, утверждалось, что военная состоятельность третьей стороны делает вмешательство менее насильственным и более результативным.

Логика асимметрии была привнесена В. Фортной в изучение посредничества. Она сместила фокус анализа асимметрии в вооружённых конфликтах с оценки соотношения военной силы сторон конфликта к оценке военного потенциала сторон кон-

фликта и государства-посредника. При этом Фортна подчёркивала, что посредничество предполагает не военную победу, а проведение переговоров и нахождение компромисса между сторонами конфликта. Она выдвинула предположение о том, что превосходство государства-посредника в военной силе сможет воздействовать на стороны конфликта таким образом, что они быстрее перейдут от боевых действий к мирным переговорам. Как следствие, вероятность общего мирного урегулирования вооружённого конфликта возрастает. Данное предположение не получило последующей проверки. Как следствие, до сих пор отсутствует подтверждение статистической связи между асимметрией военной мощи в пользу государства-посредника и прекращением боевых действий. Более того, не было установлено, способствует ли доминирование государства-посредника в военной силе предотвращению возобновления боевых действий спустя какое-то время после подписания итоговых мирных соглашений.

Авторы настоящего исследования оценили наличие и характер влияния асимметрии военной мощи в пользу государства-посредника на прекращение боевых действий и их возобновление после подписания итоговых мирных соглашений. Они предложили гипотезу, в соответствии с которой превосходство государства-посредника в военной силе способствует не только прекращению боевых действий, но и их невозобновлению впоследствии.

Эффективное посредничество в рамках настоящего исследования рассматривалось как результат взаимодействия двух составляющих — асимметрии военной мощи и положений итоговых мирных соглашений. Подобный подход к концептуализации процесса посредничества активно используется при анализе исторических примеров урегулирования вооружённых конфликтов. Например, вооружённый конфликт между Египтом и Израилем удалось урегулиру-

³ Doyle M.W., Sambanis N. Building peace: challenges and strategies after civil war // World Bank. 27.12.1999. 33 p.

вать благодаря посредническим усилиям Соединённых Штатов [Quandt 2016]. Кэмп-Дэвидские мирные соглашения были подписаны в условиях абсолютного военного преобладания США: в 1978–1979 годах они превосходили стороны конфликта по совокупным вооружённым силам примерно в 4–5 раз [McMahon, Miller 2013]. Вместе с тем и сам переговорный процесс стал немаловажной составляющей общего мирного урегулирования [Wallenstein, Svensson 2014]. Основной целью переговоров было определение неявных противоречий между сторонами конфликта и, таким образом, его первопричин. В тексте итоговых мирных соглашений были предложены компромиссные решения для преодоления политических разногласий между враждующими сторонами. Таким образом, благодаря подписанию Кэмп-Дэвидских соглашений удалось добиться удовлетворения интересов всех сторон конфликта, а США как посредник с мощным военным потенциалом стали гарантом имплементации итоговых мирных соглашений.

Концептуализация посредничества и теоретические подходы к его изучению

В чём заключается сущность процесса посредничества? В. Зартман и Р. Тоуваль подчёркивали, что посредник способен помочь сторонам конфликта выработать такие компромиссные решения, прийти к которым самостоятельно участники конфликта не могут [Zartman, Touval 1985]. С. Гартнер утверждал, что лишь государство-посредник способно обеспечить трёхстороннюю коммуникацию, в первую очередь через выстраивание конструктивного диалога с каждой стороной конфликта [Gartner 2014]. Последнее позволяет посреднику установить конкретные мотивы и интересы конфликтующих сторон и выработать решения, которые были бы наиболее приемлемыми для них.

С. Гартнер предпринял попытку обобщить признаки посредничества и дал данному явлению следующее определение: «Посредничество – добровольный и договорный процесс, посредством которого

конфликтующие стороны работают с третьей стороной для достижения взаимоприемлемого мирного соглашения» [Gartner 2011]. Данная дефиниция не позволяет установить, какие именно игроки могут выступать в качестве посредника и, более того, какие из них могут стать наиболее эффективными посредниками. В этой связи наиболее релевантным представляется концептуализация посредничества, которая была осуществлена Я. Берковичем и его соавторами: «Посредничество – это процесс урегулирования конфликтов, при котором спорящие стороны обращаются за помощью или принимают предложение о помощи от отдельного лица, группы, государства или организации для урегулирования конфликта или урегулирования разногласий, не прибегая к физическому насилию и не ссылаясь на авторитет закона» [Bercovitch et al. 1997; Bercovitch, DeRouen 2005; Bercovitch, Langley 1993].

Такое понимание посредничества было положено в основу настоящего исследования. Посредник в нём будет трактоваться как **государство**, которое демонстрирует намерения вступить в переговорный процесс в качестве третьей стороны и положить конец конфликту. В условиях вооружённого конфликта государство-посредник должно инициировать переговорный процесс на уровне представителей высших должностных лиц [Ruhe 2015]. Кроме того, ещё до старта переговорного процесса посреднику следует наладить двустороннюю коммуникацию с каждой конфликтующей стороной, включая негосударственных игроков [Jenne 2010]. Наконец, посредник должен присутствовать при подписании итоговых мирных соглашений. По перечисленным выше критериям и определялось наличие государства-посредника в вооружённых конфликтах, которые позднее сформировали выборку представленного в настоящей статье исследования [Lundgren, Svensson 2020].

Более широкому видению посредничества способствует ряд теорий, объясняющих природу вооружённых конфликтов и их урегулирования. основополагающей

выступает договорная (торговая) теория войны, которая в англоязычной литературе известна как *bargaining theory of war* [Powell 2002]. В рамках этой теории вооружённый конфликт рассматривается как поиск баланса между выгодами и потерями [Reiter 2003]. Мирные переговоры могут максимизировать выгоды каждой стороны конфликта вне зависимости от её прежнего положения на поле боя. Тем не менее, вопреки потенциальным выгодам от ведения мирных переговоров, участники вооружённого конфликта часто склонны продолжать вести боевые действия. В первую очередь это связано с недостатком информации у сторон конфликта о намерениях друг друга.

Более того, один из ключевых представителей теории договорной войны, Дж. Фирон, утверждал, что сторонам конфликта очень сложно соблюдать достигнутые договорённости и обязательства [Fearon 1995]. Это связано с политической элитой конфликтующих стран, состав которой может претерпевать существенные изменения в период активных боевых действий. Таким образом, благодаря договорной теории войны вооружённый конфликт можно представить как борьбу между антагонистическими игроками, цели которых зачастую противоположны. При этом в подобной антагонистической борьбе можно найти равновесие, воплощением которого станут положения итоговых мирных соглашений.

Договорная теория войны имеет ряд ограничений. В том числе преодоление информационной асимметрии (например, уведомление сторон конфликта об обоюдном намерении перейти к мирным переговорам) не всегда приводит к изменению поведения сторон конфликта. Более того, из теории практически невозможно установить универсальную формулу затрат и выгод, поскольку последние зависят от мотивов и целей каждой стороны конфликта.

Важно отметить, что в договорной теории войны не проводилось разделения между различными типами вооружённых конфликтов. В процессе развития данной теории было важно идентифицировать

в контексте каждого вооружённого конфликта условия для заключения сделки, при которой стороны соглашаются прекратить боевые действия. Иными словами, суть переговорной теории войны заключалась, в первую очередь, в определении целей и мотивов сторон вооружённого конфликта, в выявлении его причин, а также в определении условий переговорного взаимодействия. Всё перечисленное является универсальными характеристиками любого вооружённого конфликта вне зависимости от его типа. Наконец, как во внутригосударственном, так и в межгосударственном вооружённом конфликте необходимо присутствие третьей стороны в лице государства-посредника, которое будет способствовать переходу от интенсивных боевых действий к мирным переговорам. Как следствие, договорная теория войны может стать релевантной теоретической парадигмой для анализа как внутригосударственных, так и межгосударственных вооружённых конфликтов, представленных в настоящем исследовании.

Опыт эмпирического изучения посредничества

В результате концептуализации посредничества стала очевидной комплексность данного феномена. Она заключается в определении государством-посредником целей и интересов участников вооружённого конфликта, а также выработке компромиссного решения противоречий, ставших причиной начала боевых действий. При этом ранее выдвигалось предположение, по которому обладание государством-посредником большим потенциалом может способствовать не только окончанию боевых действий, но и их невозобновлению после подписания (прежде всего итоговых) мирных соглашений [Попова 2009]. Таким образом, и ресурсный (прежде всего военный), и переговорный факторы являются неотъемлемыми составляющими посредничества государства при урегулировании вооружённых конфликтов.

Прекращение активных боевых действий и недопущение их возобновления в прин-

ципе становятся более вероятными при появлении государства-посредника [Сидоров 2018]. В этой связи Мюлленбах подчёркивал, что старт посреднической деятельности наиболее вероятен тогда, когда существует риск расширения зоны ведения боевых действий и вовлечения в конфликт новых участников [Mullenbach 2005]. Иные исследователи предполагали, что членство посредника и участника (участников) вооружённого конфликта в одном международном альянсе также может увеличить вероятность начала посредничества [Jones 2000]. Например, российские специалисты Золотарёв и Трунов при анализе вооружённых конфликтов на постсоветском пространстве подчёркивали, что членство в Содружестве Независимых Государств ускорило процессы посредничества [Золотарёв, Трунов 2018].

Подобная помощь в урегулировании вооружённых конфликтов соответствовала истинной природе посредничества, ведь оно предполагало просьбу помощи со стороны конфликтующих игроков (то есть добровольный характер посредничества), а также согласие всех членов СНГ относительно начала посреднической деятельности [Курылев и др. 2018]. С одной стороны, описанное выше вовлечение можно квалифицировать как пример институционального посредничества. С другой — в данном региональном объединении есть очевидное государство-лидер, которое принимает на себя ключевую роль по реализации посредничества. Между тем иные исследователи также склонны соглашаться, что общее участие в одном международном объединении может способствовать успешному посредничеству [Горюнова 2022].

От того, что именно стало предпосылкой начала посредничества, может зависеть стратегия государства-посредника при урегулировании вооружённых конфликтов. Тем не менее многие авторы сходятся во мнении, что коммуникативный аспект посредничества, выражающийся в проведении мирных переговоров, крайне важен при формировании стратегии посредничества. Если государству-посреднику удастся

установить конструктивный и доверительный диалог с каждым участником конфликта, то общее мирное урегулирование станет более вероятным. В то же время Меннинга констатировала, что государству-посреднику крайне важно постоянно подчёркивать разницу в соотношении сил с соперничающими сторонами [Menninga 2020]. Чем быстрее стороны конфликта осознают превосходство посредника в военной силе, тем более результативным будет переговорный процесс. В чём же именно должно выражаться военное превосходство посредника и как его следует демонстрировать?

Сначала, однако, следует уяснить, насколько существенно в последние десятилетия изменились способы урегулирования вооружёнными конфликтами. В этой связи становится актуальным вопрос: насколько вооружённые конфликты 2010-х — 2020-х годов отличны от тех, которые происходили ранее (во второй половине XX века)? В частности, в 2010-х годах стала распространяться идея о росте числа зон нестабильности, выступающих угрозой для всех стран мира [Попова 2009]. О. Попова связывала эти опасения с развитием оборонно-промышленного комплекса ведущих стран мира [2015]. Как следствие, постоянно повышается вероятность апробации государствами усовершенствованного военного потенциала.

Вместе с тем вооружённые конфликты 2010-х — 2020-х годов характеризовались особенно острой борьбой за жизненно важные ресурсы в условиях постоянно повышающихся угроз социально-экономического характера [Степанова 2020]. С этим связана ещё одна проблема: интенсификация циркуляции оружия (в том числе устаревших образцов) увеличивает риски его попадания в руки деструктивных игроков, в частности террористических организаций. Как следствие, они более активно вовлекаются в боевые действия, вследствие чего шансы урегулировать вооружённый конфликт путём мирных переговоров снижаются. Наконец, ещё одной отличительной чертой с середины 2010-х

годов стало обострение региональных вооружённых конфликтов (в Северной Африке и на Ближнем Востоке), которые имели место и в XX веке. Их спецификой стало отсутствие явных медиаторов. Это может быть обусловлено желанием глав конфликтующих государств урегулировать конфликт самостоятельно, без внешнего влияния [Druckman 2001].

Как видно, специалисты (преимущественно в русскоязычной литературе) выявили ряд особенностей вооружённых конфликтов 2010-х — 2020-х годов. Тем не менее авторы настоящего исследования склонны полагать, что описанные выше особенности (в частности, угрозы социально-экономического и террористического характера) были свойственны и конфликтам второй половины XX столетия. Как следствие, есть основания рассматривать вооружённые конфликты в XX и XXI века в едином аналитическом контексте.

Многие конфликтологи были сосредоточены на определении факторов, от которых напрямую зависит успех посреднической деятельности, который может выражаться в прекращении боевых действий и их невозобновлении после подписания итоговых мирных соглашений [Bercovitch, DeRouen 2005; Savun 2008; Walter 2002]. Ранее мы предположили, что ресурсная асимметрия в пользу государства-посредника может напрямую влиять на благополучное урегулирование вооружённых конфликтов. Концепция асимметрии зачастую применяется исследователями для описания несоразмерности потенциалов непосредственных участников вооружённого конфликта. Вместе с тем подобная трактовка асимметрии не подразумевает выведение объяснений продолжения боевых действий вопреки очевидному превосходству одной из сторон конфликта. С начала 2010-х годов приобретает всё большую актуальность понятие структурной асимметрии, которая предполагает «резкие различия в организационных формах противоборствующих сторон» [Степанова 2020]. Они выражаются в статусе сторон конфликта (государственные, негосударствен-

ные игроки), а также в их силовом и мобилизационно-идеологическом потенциале. Как следствие, одни участники конфликта могут обладать жёсткой иерархией и единой стратегией, тогда как другие участники конфликта, напротив, де-факто состоят из (полу)автономных группировок. Последние не характеризуются едиными идеологическими и стратегическими установками и, соответственно, не возглавляются единым лидером.

Однако большинство исследователей применяют термин асимметрии при описании потенциалов противоборствующих сторон. Как следствие, настоящее исследование становится ценным хотя бы потому, что в нём концепция асимметрии применяется при описании соотношения военного потенциала сторон конфликта и государства-посредника.

Помимо ресурсного фактора, на благополучную реализацию посредничества могут влиять и иные факторы. Вовлечение в переговоры всех заинтересованных сторон, определение основ функционирования будущих демократических институтов, выработка компромиссных решений по вопросам, являющимся причиной конфликта, — совокупность факторов, максимизирующая вероятность успешного урегулирования [Mediation in international relations 1994; Resolving international conflicts 1996]. Меннинга настаивала на том, что реальная разница в соотношении сил, обращённая в пользу государства-посредника, может стать основой урегулирования вооружённых конфликтов [Menninga 2020]. Соотношение сил она сводила к военно-экономическим ресурсам. Посредники, обладающие большей военной и экономической мощью, могут быстрее способствовать нормализации отношений между ранее конфликтовавшими странами [Carnevale, Pruitt 2012; Chodosh 2003; Crocker et al. 1999; 2001; 2004].

Друкман и Фишер также подчёркивали, что государство-посредник, превосходящее в военной силе, может установить барьер между воюющими сторонами. Он сведёт к нулю вероятность возобновления боевых

действий [Druckman 2001; Crocker et al. 1989]. Важно подчеркнуть, что посредничество также предполагает организацию и проведение переговоров. Согласно Росту, Шнейдеру и Клейби, основа успешных переговоров – установление интересов и целей каждой конфликтующей стороны [Rost, Greig 2011]. Более того, по мнению Берковича и Хьюстон, при организации переговоров государство-посредник должно учитывать возможное влияние внешних сил [Resolving international conflicts 1996]. Подобные игроки, как правило, непосредственно не вовлечены в конфронтацию, но часто оказывают существенную военнотехническую, разведывательную и иную помощь участникам вооружённого конфликта. Такое содействие может вести к интенсификации боевых действий. Если своевременно не прервать осуществление данных поставок, то урегулирование конфликта мирным путём будет существенно затруднено [Beardsley 2009; Chodosh 2003; Rost, Greig 2011; Greig, Diehl 2005].

Ряд исследователей утверждают, что сам факт прекращения боевых действий (их «заморозка») уже является достаточным для последующего урегулирования вооружённого конфликта. На этом фоне подписание итоговых мирных соглашений и их долгосрочная имплементация могут считаться второстепенными задачами [Бартенев 2014]. Тем не менее отсутствие компромисса относительно вопросов, ставших причиной вооружённого конфликта, может привести к возобновлению боевых действий [Жуков 1987]. В подобном случае предшествующие усилия государства-посредника по урегулированию конфликта будут напрасны. Например, А.Г. Большаков подчёркивал, что в отношении некоторых вооружённых конфликтов (например, грузино-абхазского) применялись методы «заморозки», а потому подобные конфликты, как минимум, некоторое время характеризовались как взрывоопасные [2008]. Тем не менее риски возобновления боевых действий в подобных конфликтах возрастают в силу этнической природы противостояний, но ряд исследователей считает

релевантным применить к ним метод консервации [Бекмурзаев 2021]. Последний предполагает обеспечение мира путём постоянного присутствия в зоне боевых действий миротворческого контингента, преимущественно сформированного из представителей государства-посредника.

Авторам настоящего исследования было важно понять, что гарантирует невозобновление боевых действий после их прекращения. Согласно утверждениям ряда исследователей, в условиях глобальной нестабильности особенно важно гарантировать долгосрочную имплементацию достигнутых договорённостей, что, в свою очередь, минимизирует вероятность возобновления боевых действий [Кукушкин, Поликанов 1997]. В связи с этим ещё один пласт литературы, рассмотренный в настоящем исследовании, был посвящён сохранению мира в постконфликтный период. Исследователи подчёркивают, что после подписания итоговых мирных соглашений важно осуществить процесс разоружения сторон и не допустить стремительного наращивания ими военной силы в последующем [Sullivan et al. 2020; Reid 2017]. Вдобавок, в случае, если посредник оказывает экономическую помощь бывшим участникам конфликта, вероятность возобновления вооружённых столкновений снижается [Дундич 2010]. В подобных условиях бывшие оппоненты, скорее всего, переориентируются на собственное социально-экономическое восстановление, и продолжение боевых действий станет нецелесообразным.

В настоящее время уже сформировано общее представление о посредничестве в вооружённых конфликтах. Более того, исследователи утверждают, что превосходство государства-посредника может способствовать полному примирению конфликтующих сторон [Лисенков и др. 1988]. Тем не менее до сих пор не было представлено целостного обоснования предположения о том, что асимметрия военной силы в пользу посредника содействует прекращению боевых действий, а также сохранению мира спустя годы

после подписания итоговых соглашений. Неотвеченным остаётся и вопрос о том, может ли обсуждение спорных вопросов в рамках переговоров способствовать полному урегулированию вооружённого конфликта при условии уже зафиксированного превосходства посредника в военной силе (или отсутствия такового)?

Источники данных

Предпосылка любого вооружённого конфликта – наличие противоборствующих сторон (сторон конфликта). При формировании выборки в качестве сторон конфликта рассматривались игроки, которые представляли противостоящие друг другу политические силы и на протяжении всего вооружённого конфликта принимали непосредственное участие в боевых действиях в составе воинских частей и подразделений вооружённых сил государств, временных и повстанческих формирований или иных военных объединений [Кукушкин, Поликанов 1997; Крейв 2010].

Кроме того, на основании изученной литературы нами выработан ряд критериев для определения наличия или отсутствия государства-посредника в вооружённом конфликте [Ruhe 2015; Paulus 2009; Reiter 2003]. *Во-первых*, посредник должен инициировать переговорный процесс как минимум на уровне представителей высших должностных лиц конфликтующих сторон. *Во-вторых*, на переговорах также должны присутствовать представители руководства государства-посредника. *В-третьих*, ещё до старта переговорного процесса посреднику следует наладить двустороннюю коммуникацию с каждой из сторон [Wennmann 2009]. Посредником можно назвать государство, способное организовать переговоры, в которые бы в равной степени вовлекались все стороны конфликта (и в первую очередь негосударственные игроки). Наконец, посредник должен присутствовать при подписании итоговых мирных соглашений.

Для того чтобы сделать процедуру формирования исследовательской выборки максимально транспарентной, авторы

обратились к данным *Correlates of War*, содержащим сведения о всех вооружённых конфликтах в период 1961–2021 годов. Этот временной интервал обусловлен тем, что необходимость посредничества государств, а также изучения данного феномена на теоретическом уровне была осознана только после Второй мировой войны.

В отношении каждого вооружённого конфликта авторы настоящего исследования провели анализ на предмет наличия в нём государства-посредника. Соответственно, из общего перечня были исключены те случаи, в которых таковые отсутствовали. В соответствии с обозначенными выше критериями определения посредника среди всех вооружённых конфликтов, произошедших в 1961–2021 годах, итоговую исследовательскую выборку составили шестьдесят вооружённых конфликтов. В них вошли как внутригосударственные, так и межгосударственные вооружённые конфликты.

Вслед за представителями переговорной теории войны (на которой базируется настоящее исследование) авторы намеренно отказались от различия специфики посредничества в конфликтах разных типов. *Во-первых*, сопоставление природы межгосударственных и внутригосударственных вооружённых конфликтов возможно только при выявлении всех различий между данными типами конфликтов, что достойно отдельного исследования. Как следствие, только тогда станет уместным говорить о спецификации посредничества при урегулировании внутригосударственных и межгосударственных вооружённых конфликтов. *Во-вторых*, при обсуждении теоретических оснований настоящего исследования было указано, что все типы конфликтов имеют общие закономерности (мотивы, цели, интересы, переговорные позиции), вследствие чего грани между различными типами конфликтов могут стираться. Особенно это предположение становится релевантным с учётом того, что примерно пятая часть вооружённых конфликтов, вошедших в выборку, носит незавершённый характер.

Для того чтобы измерить военный потенциал государства-посредника и сторон конфликта, мы использовали следующий набор индикаторов: население, валовой внутренний продукт, оборонный бюджет, сухопутные войска, флот, военно-воздушные силы, наличие тяжёлого вооружения. Показатель численности населения позволил оценить весь потенциал вооружённых сил государств (с учётом лиц, находящихся в запасе). При этом численность населения и **нормированный** показатель ВВП часто включаются в работы, посвящённые изучению военной мощи. Эти показатели являются ключевыми и в справочнике «Военный баланс» (*The Military Balance*), выступающем главным источником систематизированного описания военной силы государств. В то же время степень экономического развития государства могла указывать на то, сколько финансовых средств руководство страны способно потратить на повышение военного потенциала [Simons 2021]. Экономический потенциал государств может оказаться ещё более значимым в долгосрочной перспективе (при переходе к мирной жизни). В связи с этим в оригинальный массив данных были привнесены показатели валового внутреннего продукта и оборонного бюджета.

Каждый конкретный показатель военной мощи (включая численность населения) сам по себе опосредованно связан с успешной реализацией посредничества; то есть зависимость между отдельными индикаторами военной мощи (в первую очередь численностью населения) не является линейной. Вместе с тем измерение и сопоставление военного потенциала игроков в принципе нетривиальная задача. Вследствие этого любой подобный показатель (или входящие в него исходные показатели) будет лишь косвенно отражать реальное соотношение сил всех сторон. Тем не менее прозрачность процедуры формирования обобщённого показателя асимметрии военной мощи (будет пред-

ставлена ниже) позволяет говорить о его достаточной валидности.

Кроме того, в настоящем исследовании между обобщённым показателем военной асимметрии и успехом посредничества будет установлена прямая положительная взаимосвязь (что продемонстрируют представленные ниже регрессионные выкладки). Демографические и экономические показатели могут способствовать росту боеспособности государства, но непосредственными характеристиками военной мощи государства выступают сухопутные войска, флот и военно-воздушные силы. Для того чтобы охарактеризовать военную силу государств (посредников и сторон конфликта) посредством данного набора индикаторов, мы использовали архив справочника-ежегодника *The Military Balance* за 1961–2021 годы⁴.

При попытке описать военный потенциал игроков, вовлечённых в вооружённый конфликт, также стоит обращать внимание на наличие в зоне боевых действий военных баз государства-посредника. Тем не менее при анализе вооружённых конфликтов 1960-х годов не удалось обнаружить достоверных сведений относительно наличия или отсутствия военных баз в ряде государств. Аналогичный пробел наблюдается и относительно сил кризисного реагирования. Более того, следует отметить, что посредничество часто реализуется на уровне высших должностных лиц, вследствие чего возрастает вероятность применения в качестве миротворческого контингента основного состава вооружённых сил государства-посредника.

Наконец, следует отметить, что природа посредничества предполагает учёт роли восприятия при его реализации. Зачастую сторонам конфликта на самом деле очевидно безусловное превосходство государства-посредника в военной силе, вследствие чего они без видимого силового принуждения соглашаются начать переговоры. Иными словами, наступает точка бифурка-

⁴ IISS *The Military Balance*. URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance> (accessed: 23.03.2022).

ции (перелома), символизирующая переход к общему мирному урегулированию вооружённых конфликтов в присутствии государства-посредника. Старт общего мирного урегулирования конфликта является жизненно важным в условиях нарастающей эскалации и гибели гражданского населения вследствие ведения интенсивных боевых действий. В подобных условиях даже на первый взгляд абстрактные показатели, наподобие ВВП и оборонного бюджета, могут по меньшей мере создать видимость безоговорочного превосходства государства-посредника, вследствие чего любая попытка сторон конфликта продолжить боевые действия будет заведомо обречена на провал.

В ходе анализа исследовательских работ отмечалось, что экономическая помощь сторонам конфликта может содействовать успешному посредничеству. Вместе с тем она может не выражаться исключительно в виде финансовых поступлений. Экономическое содействие может реализовываться в том числе путём предоставления гуманитарной помощи. Более того, не всегда экономическая помощь со стороны государства-посредника носит эксплицитный характер, так как данный вопрос связан с перенаправлением бюджетных средств государства-посредника. Последние могли быть использованы для решения внутригосударственных социально-экономических вопросов самого государства-посредника. Как следствие, и посреднику, и иным игрокам, оказывающим поддержку сторонам конфликта, иногда имеет смысл осуществлять такую деятельность неофициально, то есть не фиксировать её на документальном уровне. Ограниченность, несистемность и неоднородность доступных данных не позволяет оценить роль экономической помощи в процессе посредничества [Lanz 2011]. Наконец, на практике поддержка игроков в постконфликтный период не сводится исключительно к эко-

номическому содействию, а часто касается вопросов в том числе политической сферы (аспектов трансформации институтов власти, разграничения полномочий и др.). В том числе и этим обусловлено рассмотрение аспектов итоговых мирных соглашений, имплементация которых под контролем государства-посредника может содействовать установлению мира.

Большая часть современных вооружённых конфликтов являются внутригосударственными. Подтверждением этому служит соотношение внутригосударственных и межгосударственных вооружённых конфликтов в исследовательской выборке (представлены в онлайн-приложениях⁵). Особенностью внутригосударственных конфликтов выступает присутствие в качестве участников нерегулярных вооружённых формирований (негосударственных игроков). В данных вооружённых конфликтах присутствовали не только повстанцы (силы, выступающие в качестве оппозиции действующему правительству), но и террористические организации (например, ИГИЛ и Аль-Каида). Иными словами, при оценке военного потенциала анализировались разнородные негосударственные игроки. Благодаря этому становится возможным оценить влияние асимметрии в различных вооружённых конфликтах, характеризующихся участием в том числе повстанческих и террористических объединений [Palmiano 2019].

Для того чтобы учесть военную силу различных негосударственных участников вооружённых конфликтов, мы воспользовались базой данных о негосударственных акторах (Non-state actor database), составленной Д. Каннингэмом и его коллегами в 2013 году [Cunningham et al. 2013]. При описании их военной силы выделить отдельные рода войск и типы вооружений практически невозможно. В этой связи Каннингэм и его коллеги обозначили четыре характеристики, благодаря которым уда-

⁵ С полным перечнем вооружённых конфликтов и их характеристиками можно ознакомиться в онлайн-приложениях к статье: https://drive.google.com/file/d/1RMGEkUUNug5NMI-P2aEzQ_bon3z6a7Og/view?usp=sharing

лось отразить общую военную силу негосударственных вооружённых группировок. Они определили среднюю, максимальную и минимальную оценку численности вооружённых сил, а также их соотношение с характеристиками военной мощи государственных игроков (сторон конфликта и посредников):

- *Rebestimate* – средняя оценка численности вооружённых сил повстанцев;
- *Rebestlow* – заниженная оценка численности вооружённых сил повстанцев;
- *Rebesthigh* – завышенная оценка численности вооружённых сил повстанцев;
- *Rebstrength* – соотношение военной силы повстанцев и других участников конфликта.

Поскольку выше представлены показатели общей военной мощи негосударственных игроков, представлялось логичным сопоставить их с общей военной мощью государств. Это сопоставление может носить сугубо минималистический характер, то есть базироваться не на всех перечисленных индикаторах, а на характеристиках сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. Более того, именно эти параметры были включены в показатель средней оценки численности вооружённых сил повстанцев (*rebestimate*), упомянутый выше. Авторы настоящего исследования вычислили среднее арифметическое показателей сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил государств-посредников и сопоставили их с показателями *rebestimate*. При наличии в конфликте нескольких негосударственных игроков средние показатели их военной мощи суммировались. Благодаря применению пороговых значений (будут представлены ниже) авторам настоящего исследования удалось констатировать наличие или отсутствие асимметрии военной мощи в пользу посредника относительно военной силы негосударственных игроков.

Для того чтобы описать военный потенциал негосударственных игроков в кон-

фликтах после 2013 года, авторы прибегли к процедуре «склеивания» данных. Данная процедура предполагает поиск идентичных кодов в нескольких базах данных, на основании чего и будет проводиться дальнейшее дополнение данных. В настоящем исследовании в качестве кодов выступали название конфликта и год, соответствующий ему.

Военный потенциал сторон вооружённого конфликта также зависит от поставок вооружений и военной техники. В связи с этим мы обратились к базе данных *SIPRI Arms Transfer Database*, которая поддерживается Стокгольмским институтом исследования проблем мира⁶. Использование сведений из этого справочника позволило установить, как характеризовались объём и частота поставок вооружений и военной техники в конфликтах, вошедших в исследовательскую выборку. Кроме того, подобные данные помогли понять, каким образом в результате поставок изменялось соотношение военной силы сторон конфликта и посредника.

В дополнение к оценке потенциалов мы выявили положения, которые наиболее часто обсуждаются и фиксируются в итоговых мирных соглашениях. Множество специалистов пишут о колоссальной значимости коммуникативной составляющей при урегулировании вооружённых конфликтов. При этом переговоры и в первую очередь заключение итоговых мирных соглашений составляют её квинтэссенцию, то есть являются главным *результатом* переговоров [Keels, Greig 2019].

Как упоминалось ранее, посредничество является дипломатическим способом урегулирования вооружённых конфликтов. В этой связи было бы ошибочно рассматривать военное превосходство государства-посредника как единственную и самодостаточную предпосылку посредничества при урегулировании вооружённых конфликтов. Кроме того, необходимо учитывать характеристики итоговых мирных

⁶ Davis I., van der Lijn J. SIPRI (1961–2021): Yearbook: Armaments, Disarmament and International Security. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (accessed: 16.03.2022).

соглашений, закрепляющих дипломатическое урегулирование конфликтов. Такие характеристики могут включать в себя реформу политической системы, при которой противоборствующие стороны инкорпорируются в легальный политический процесс, механизмы сдержек и противовесов. Кроме того, в подобных мирных соглашениях может содержаться информация о процедурах принятия решений между ветвями власти, структуру организации государственных институтов, а также различные вопросы социальной и культурной политики. Для того чтобы привести в анализ характеристики переговорного процесса, мы использовали базу данных *Peace Agreement in Internal Conflicts (PAIC)*⁷. Она была опубликована группой учёных-конфликтологов из Бирмингемского университета (Великобритания) в 2021 году.

Например, в контексте анализа вопросов реорганизации власти рассматривались положения относительно репрезентации различных социальных групп в законодательной, исполнительной, силовой и судебной сферах. Кроме того, в рамках данного блока анализировались вопросы принятия политических решений в соответствующих ветвях власти. Благодаря тематическому блоку «Правосудие и социальное реформирование» удалось учесть, каким образом будут расследоваться военные преступления в постпереговорный период, а также каким будет наказание за их совершение. Кроме того, в данный блок получилось интегрировать индикаторы, которые апеллировали к созданию институтов примирения и социального сплочения.

Тематический блок «Выстраивание властной вертикали» позволил отследить потенциальное влияние факторов политики реинтеграции, разоружения и демобилизации, а также процессов децентрализации и проведения референдумов о статусе спорных территорий. Наконец, при рассмотрении культурных аспектов оценива-

лось влияние реформирования медиапространства и образовательной сферы, а также организации культурно-массовых мероприятий.

При этом в ходе работы с базой данных PAIC также актуализировался вопрос о том, каким образом интегрировать характеристики мирных соглашений (подписанных в рамках внутригосударственных конфликтов) в авторскую базу данных с индикаторами военной мощи (описанными для внутригосударственных вооружённых конфликтов). Именно авторская база данных рассматривалась в качестве основной, так как она включала гораздо более широкий перечень внутригосударственных и межгосударственных вооружённых конфликтов. Как следствие, работа с этой базой данных в качестве основной обеспечивала большую внешнюю валидность исследования. Поскольку авторская база данных уже содержала информацию о военной мощи участников внутригосударственных и межгосударственных вооружённых конфликтов, при процедуре «склеивания» требовалось дополнить данные о характеристиках мирных соглашений в межгосударственных вооружённых конфликтах. Мы изучили источники данных, которые использовались авторами базы данных PAIC, и также обратились к аналогичным источникам, описывающим характеристики мирных соглашений в межгосударственных вооружённых конфликтах. Данные дополнялись вручную строго в соответствии с переменными, предложенными составителями базы данных PAIC. Основным источником в этой связи стала *Uppsala Conflict Data Program (UCDP)*, а также публикации, в которых описывается процесс урегулирования межгосударственных вооружённых конфликтов. Дополнение данных вручную стало возможным ввиду общего небольшого количества межгосударственных вооружённых конфликтов, вошедших в исследовательскую выборку.

⁷ The dataset of Political Agreements in Internal Conflicts (PAIC). URL: https://www.researchgate.net/publication/343808007_The_dataset_of_Political_Agreements_in_Internal_Conflicts_PAIC (accessed: 25.02.2022).

Может возникнуть вопрос о том, почему межгосударственные вооружённые конфликты в настоящем исследовании в принципе рассматривались в едином контексте с внутригосударственными. Кроме того, насколько рассмотренные выше характеристики мирных соглашений являются релевантными в контексте межгосударственных конфликтов? *Во-первых*, в ходе анализа не было установлено корреляции между типом вооружённого конфликта и зависимыми переменными. При этом если построить отдельные парные регрессии для предиктора «тип конфликта» и обеих зависимых переменных, то окажется, что в двух моделях данный предиктор не является статистически значимым. Вдобавок, если провести отдельный ROC-анализ для разных типов конфликтов со всё теми же зависимыми переменными, то можно увидеть практически идентичные оптимальные модели для разных типов конфликтов. Таким образом, у нас не было чисто статистических оснований для рассмотрения только одного типа вооружённых конфликтов. *Во-вторых*, все рассмотренные межгосударственные и внутригосударственные вооружённые конфликты характеризовались высокой интенсивностью боевых действий. Это давало основания полагать, что вне зависимости от типа конфликтов механизмы посредничества в них одинаковы. *В-третьих*, что самое главное, в межгосударственных вооружённых конфликтах, включённых в исследовательскую выборку, присутствовала борьба за влияние на определённых территориях, которая могла включать не только экономическую, но и социокультурную составляющую (последняя может закрепить установление влияния на территориях, за контроль над которыми ведётся борьба). Это позволяет говорить о схожей природе внутригосударственных и межгосударственных конфликтов или, как минимум, рассматривать их в едином контексте.

Таким образом, мы, следуя ранее обозначенной логике рассмотрения посредничества, собрали в единой базе данных не только военные, но и переговорные характеристики (мирные соглашения). Отличительной чертой скомпилированного массива данных стало присутствие в нём наряду с аспектами итоговых мирных соглашений обобщённого показателя военной асимметрии (паритета), сформированного по авторской методике. Наконец, третьей особенностью собранного массива данных стало фиксирование изменений военных характеристик и положений итоговых мирных соглашений, которые могли изменяться с учётом длительности каждого вооружённого конфликта. Таким образом, в итоговую выборку исследования вошло 270 наблюдений, каждое из которых представляет собой характеристику вооружённого конфликта за определённый период (месяц или год) в зависимости от его общей хронологии и имеет следующий вид «наименование вооружённого конфликта + месяц/год»⁸. Для каждого наблюдения были обозначены 2 зависимые переменные (исходы вооружённого конфликта): 1) прекращение боевых действий и 2) наличие мира спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений. Под первой зависимой переменной подразумевалось отсутствие каких-либо боевых действий при продолжавшемся процессе посредничества, направленном на общее мирное урегулирование. В рамках второй зависимой переменной первое пятилетие после подписания итоговых мирных соглашений обозначено в качестве отчётного временного периода. Исследователи утверждают, что в этот период наиболее вероятно возобновление вооружённых столкновений и полномасштабных боевых действий [Yang et al. 2022].

Подчёркнём, что в предшествующих публикациях сохранение мира обозначалось как неотъемлемая часть обеспечения

⁸ С полным перечнем вооружённых конфликтов и их характеристиками можно ознакомиться в онлайн-приложениях к статье: https://drive.google.com/file/d/1RMGKEUUNug5NMI-P2aEzQ_bon3z6a70g/view?usp=sharing

общего мирного урегулирования вооружённых конфликтов. Подобный подход обусловлен тем, что в некоторых случаях прекращение боевых действий (их «заморозка») не является необратимым и через некоторое время происходит возобновление конфликта. В этой связи авторам настоящего исследования было важно понять, что гарантирует невозобновление боевых действий после их прекращения. Как следствие, вторая зависимая переменная была привнесена в анализ.

Таким образом, благодаря описанной выше процедуре совмещения баз данных и их дополнения, все игроки (посредники и участники конфликта), внутригосударственные и межгосударственные вооружённые конфликты были охарактеризованы с позиции характеристик военной мощи и мирных соглашений. При этом важно отметить, что при проведении простого сравнительного анализа (см. ниже) использовались панельные данные⁹. Благодаря этому удалось установить наличие асимметрии/паритета военной мощи на различных этапах вооружённых конфликтов. В то же время построение логистической регрессии не предполагает работы с панельными данными, а скорее подразумевает анализ характеристик в определённый (в настоящем исследовании – в терминальный) период вооружённых конфликтов. В этой связи при построении логистических регрессий использовались характеристики военной мощи и мирных соглашений, соответствовавшие терминальной стадии вооружённых конфликтов.

Методология исследования

Попытки комплексно оценить военную силу государств предпринимались с 1950-х годов. Например, профессор Принстонского университета и советник правительства США К. Кнорр практически отождествил национальную и военную мощь. Кнорр предложил измерять их при помощи

основных военно-экономических показателей государства (таких, как ВВП и оборонный бюджет) [Knorr 1970; 2019]. Идею К. Кнорра уже в 1960-х годах развил профессор Кембриджского университета Г. Клиффорд. Он выдвинул предположение о том, что военная мощь государства является суммой следующих составляющих: территории, населения, ядерного потенциала как составляющей военной мощи, а также индустриального базиса [Hogowitz 2011]. В 1963 г. Дж. Д. Сингер и его коллеги разработали индекс национального потенциала [Singer et al. 1972]. Данный показатель учитывал не только те ресурсы, которыми государство обладает в настоящий момент, но также и тот потенциал, которым страна предположительно будет располагать через 5–10 лет.

Позднее исследователи всё чаще стали утверждать, что только комплексная оценка вооружений государства может действительно продемонстрировать его боеспособность. Так, индекс *Global Firepower* (GFP) объединяет более 50 различных показателей, характеризующих боеспособность государства¹⁰. Помимо показателей сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил, составители индекса учитывали объём экономических средств, направляемых на поддержание военного потенциала государства.

Тем не менее универсальные методики измерения военной мощи, основанные на сопоставлении и агрегировании её отдельных показателей, в исследованиях международных отношений пока отсутствуют. Имеющиеся индексы либо агрегируют макроэкономические потенциалы военной мощи в единые показатели, лишь косвенно связанные с реальной боеспособностью вооружённых сил, либо представляют собой структурированные сборники описания материально-технической базы (преимущественно в виде численности различных видов вооружений и военной

⁹ Авторская база данных. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/15t8GgP65E-Gxi28062R0dPvD7ubE8log/edit#gid=1452593445>

¹⁰ Global Firepower 2022. URL: <https://www.globalfirepower.com/> (accessed: 17.05.2022).

Таблица 1
Этапы проведения простого сравнительного анализа

Подготовительный этап: подсчёт соотношений между сторонами по различным метрикам военной мощи	Этап 1. Унификация данных: перевод разных числовых диапазонов в единый квартильный вид
Этап 2. Отдельные метрики военной силы. Асимметрия: при каком значении квартиля можно фиксировать наличие асимметрии на уровне отдельной метрики военной мощи? Асимметрия (обозначалась как 1) последовательно констатировалась при квартиле 0.25, 0.5 и 0.75 соответственно.	Этап 3. Совокупная военная асимметрия: какой процент асимметричных значений достаточен для констатации общего военного превосходства медиатора в военной силе? Были выбраны пороговые значения в 20, 30 и 50 %.
Этап 4. Сочетание пороговых значений: Модель 1: квартиль 0.25 – процентное значение 20% Модель 2: квартиль 0.25 – процентное значение 30% Модель 3: квартиль 0.25 – процентное значение 50% Модель 4: квартиль 0.5 – процентное значение 20% Модель 5: квартиль 0.5 – процентное значение 30% Модель 6: квартиль 0.5 – процентное значение 50% Модель 7: квартиль 0.75 – процентное значение 20% Модель 8: квартиль 0.75 – процентное значение 20% Модель 9: квартиль 0.75 – процентное значение 50%	Этап 5. Получение обобщённого показателя военной асимметрии: асимметричные значения, подсчитанные в 9 моделях, суммировались отдельно для каждого наблюдения.

Источник: составлено авторами.

техники). Предлагаемая в представленной статье методика оценки военной мощи стремится дать качественную характеристику асимметрии, в то же время опираясь на конкретные количественные индикаторы структуры вооружённых сил. Она базируется на попарном сравнении индикаторов военной мощи сторон конфликта и государства-посредника. В табл. 1 в системном виде представлен алгоритм создания обобщённого показателя асимметрии военной мощи.

Для оценки уровня асимметрии военной мощи в вооружённых конфликтах в качестве первого этапа мы воспользовались методом простого сравнительного анализа. Этот метод предназначен для сопоставления и агрегирования отдельных метрик комплексного параметра в единую качественную оценку бинарного вида: в нашем случае – наличие или отсутствие асимметрии. Для этого по каждому количественному индикатору военной мощи посредника и сторон конфликта было выполнено попарное сравнение соответствующих значений.

В качестве основного критерия сравнительного анализа использовался такой

инструмент математической статистики, как квартиль. С его помощью весь упорядоченный числовой диапазон делился на четыре примерно одинаковые четверти (квартили). Как следствие, первый квартиль объединял 25% значений упорядоченного диапазона, а второй квартиль (медиана) – 50% значений. Такой подход позволял стандартизировать процедуру сравнения для индикаторов с различными шкалами и единицами измерения (численность военнослужащих, оборонный бюджет и др.). Для каждой метрики устанавливалась собственная формула перевода в квартили 0, 0.25, 0.5, 0.75 или 1. В итоге все количественные оценки индикаторов военной мощи, представленные в массиве, приняли унифицированные значения квартилей. В табл. 2 продемонстрировано, как соотносились значения индикаторов военной мощи квартильного преобразования.

При проведении простого сравнительного анализа было необходимо определить набор пороговых значений, благодаря которым удалось бы выявить наличие или отсутствие асимметрии на уровне отдельных метрик военной мощи. Тем самым предполагалось преобразовать все данные,

Таблица 2

Выражение в квартилях соотношения сил сторон конфликта и посредника в различных метриках военной мощи
(приведены соотношения для каждого двадцатого наблюдения в исследовательской выборке)

	Население	ВВП	Оборонный бюджет	Армия	Флот	Военно-воздушные силы
1	0	0,25	0,25	0,5	1	0,75
20	0,5	0,5	0,5	0,5	0,25	0,75
40	0,75	0	0	0,5	1	0,5
60	1	0,25	0,75	0	1	0,5
80	0,5	0,75	0,25	0,5	0,75	0,5
100	0,25	0,5	1	0,25	0,25	0,5
120	0,25	0,25	0,25	0	0,25	0,25
140	0,25	1	0,75	1	0,5	0,25
160	1	0,25	0,5	0,75	0,25	0,75
180	0	1	0,25	0,25	0,25	0,75
200	0	1	0,75	0,5	0,75	0,75
220	0	1	0,75	0,5	0,75	0,75
240	0,25	0,5	0,5	0,75	0,75	0,75
260	1	0,75	0,75	0,25	0,75	0,75
270	0,5	0,25	1	0,5	1	0,75

Источник: составлено авторами.

имевшиеся в массиве, в бинарный вид, приведя к значениям 0 (отсутствие асимметрии) или 1 (наличие асимметрии). В зависимости от выбранного порога значения асимметрии могут существенно варьироваться. При приведении квартилей к бинарному виду можно было бы воспользоваться стандартными правилами математического округления (квартили 0.5 и 0.75 округлять до 1). Тем не менее разумно предположить, что значительная асимметрия совокупной военной мощи может быть обусловлена превосходством по какому-то отдельному её аспекту (например, потенциалу военно-воздушных сил как инструмента проекции мощи). Таким образом, для последующих проверок результатов статистического моделирования на устойчивость

мы предложили три различных пороговых критерия асимметрии. В первой модели асимметрия по отдельным метрикам военной мощи констатировалась на уровне 0.25, во второй — на уровне 0.5, в третьей — на уровне 0.75.

Для агрегирования отдельных оценок асимметрии в единый показатель вновь были использованы пороговые значения. Аналогичный подход используется Национальным демократическим институтом по международным вопросам¹¹. В разработанном его представителями индексе политический режим идентифицируется как демократический в случае наличия 20, 30 или 50% отдельных признаков демократии. В настоящей статье мы применили идентичные пороги. В первой модели совокуп-

¹¹ National Democratic Institute for International Affairs, 2010. URL: <https://spisok-inoagentov.ru/natsionalnyy-demokraticheskiy-institut-mezhdunarodnyh-otnosheniy-ssha-national-democratic-institute-for-international-affairs/> 10 марта 2016 года деятельность Национального демократического института международных отношений была признана нежелательной на территории Российской Федерации (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

Таблица 3
Соотношение квартильных и процентных пороговых значений в моделях 1–9

Номер модели	Комбинация пороговых значений
Модель 1	0.25 – 20%
Модель 2	0.25 – 35%
Модель 3	0.25 – 50%
Модель 4	0.5 – 20%
Модель 5	0.5 – 35%
Модель 6	0.5 – 50%
Модель 7	0.75 – 20%
Модель 8	0.75 – 35%
Модель 9	0.75 – 50%

Источник: составлено авторами.

ная асимметрия военной мощи констатировалась, если в 20% от общего числа индикаторов военной мощи, собранных в едином массиве, фиксировалась асимметрия (значение 1). Во второй и третьей моделях использовались пороги на уровне 30 и 50% соответственно. Таким образом, в зависимости от применения более или менее мягких порогов асимметрии на уровне квартилей отдельных показателей и общего агрегирования оценок получилось девять моделей («три по три»), представленных в табл. 3.

На втором этапе исследования мы оценивали, насколько превосходство государства-посредника в военной силе статистически значимо для урегулирования вооружённых конфликтов. Ещё с 1970-х годов общие механизмы воспроизводства и урегулирования вооружённых конфликтов изучаются в виде закономерностей на больших выборках («large-N studies»). На рубеже XX–XXI веков для анализа вооружённых конфликтов стали активно использоваться статистические методы, в первую очередь в виде различных моделей регрессионного анализа [Lee, Greig 2019]¹².

Множественная регрессия представляет собой один из наиболее распространённых

методов многомерного анализа статистических данных в международных отношениях. Данный метод позволяет выявить и оценить силу, а также направление статистических зависимостей между различными характеристиками объектов (например, стран или конфликтов и других явлений). В контексте настоящего исследования регрессионный анализ позволил установить характер статистической связи между успехом в завершении конфликта и имплементации мирного соглашения как зависимыми переменными и параметрами асимметрии военной мощи между государством-посредником и враждующими сторонами как независимыми предикторами.

В частности, была применена модель логистической регрессии (logit-model), предназначенная для моделирования бинарной зависимой переменной. Обращение к ней обусловлено тем, что характеристики урегулирования вооружённого конфликта (прекращение огня и сохранение мира в течение 5 лет) в ходе моделирования принимали значения 0 или 1 (провал или успех). В качестве независимых переменных выступили характеристики асимметрии военной мощи, рассчитанные по 9 различным моделям попарного сравнительного анализа. В качестве контрольных переменных использовались характеристики итоговых мирных соглашений. Особенность контрольных переменных заключается в том, что на протяжении всего исследования они остаются неизменными и тем самым позволяют лучше понять характер связи между зависимой и независимой переменными.

Результаты исследования

Простой сравнительный анализ

На первом этапе исследования с помощью простого попарного сравнительного анализа мы устанавливали наличие или отсутствие асимметрии военной мощи в рамках каждого вооружённого конфлик-

¹² Garrigues J. The case for contact: overcoming the challenges and dilemmas of official and non-official mediation with armed groups. Oslo: Norwegian Peacebuilding Resource Centre, 2015. 10 p.

Таблица 4
Процент зафиксированных асимметричных значений в зависимости от установленного порогового значения (квартилей)

Порядковый номер наблюдения (пример)	Квартиль 0.25 (процент асимметричных значений среди всех наблюдений)	Квартиль 0.5 (процент асимметричных значений среди всех наблюдений)	Квартиль 0.75 (процент асимметричных значений среди всех наблюдений)
1	77.78	44.44	29.63
20	51.85	29.63	18.44
40	66.67	37.33	25.93
60	14.81	11.11	6.44
80	62.96	31.33	22.22
100	55.56	51.85	44.44
120	48.15	25.33	15.33
140	59.26	33.33	19.33

Источник: составлено авторами.

та. Для решения этой задачи, как было описано в предыдущем разделе, разность значений по каждому из индикаторов между государством-посредником и враждующими сторонами была приведена к квартильному виду. Затем последовательно констатировалось наличие асимметрии по отдельным метрикам военной мощи на уровне квартилей, равных 0.25, 0.5 и 0.75 соответственно. В зависимости от строгости порога квартиля для разных конфликтов асимметрия военной мощи констатируется по большему или меньшему числу индикаторов (табл. 4). Это, в свою очередь, прямо влияет на вероятность про-

хождения порога совокупной асимметрии. Менее строгий порог по квартилю позволяет идентифицировать общую асимметрию военной мощи в большей доле наблюдений.

Комбинируя различные пороги сравнения как по индивидуальным индикаторам, так и по общим показателям, мы получили девять моделей оценки соотношения военной мощи между сторонами вооружённого конфликта и государством-посредником. Таблица 5 демонстрирует, что установленное значение асимметрии и паритета может существенно зависеть от выбранных порогов.

Таблица 5
Соотношение квартильных и процентных пороговых значений в моделях 1–9

	М. 1 0,25 20%	М. 2 0,5 20%	М. 3 0,75 20%	М. 4 0,25 35%	М. 5 0,5 35%
Паритет	2,96	7,41	29,19	7,14	19,05
Асимметрия	97,04	92,59	70,81	92,86	80,95
	М. 6 0,75 35%	М. 7 0,25 50%	М. 8 0,5 50%	М. 9 0,75 50%	
Паритет	44,44	14,68	40,87	99,63	
Асимметрия	55,56	85,32	59,13	0,37	

Источник: составлено авторами.

Таблица 6
Разброс оценок асимметрии или паритета военной мощи в зависимости от различных пороговых значений
 (модели 1–9)

Номер наблюдения	Комбинация квартильных и процентных пороговых значений в моделях 1–9								
	М. 1 0,25 20%	М. 2 0,5 20%	М. 3 0,75 20%	М. 4 0,25 35%	М. 5 0,5 35%	М. 6 0,75 35%	М. 7 0,25 50%	М. 8 0,5 50%	М. 9 0,75 50%
1	1	1	1	1	1	0	1	0	0
20	1	1	0	0	0	0	1	0	0
40	1	1	1	1	0	0	0	0	0
60	0	0	0	0	0	0	0	0	0
80	1	1	1	1	1	1	1	1	0
100	1	1	1	1	1	1	1	1	1
120	1	1	0	1	1	1	1	1	0
140	1	1	1	1	0	0	1	0	0
...									

Источник: составлено авторами.

В итоге различные комбинации более или менее строгих квартильных и процентных порогов позволяют установить асимметрию или паритет военной мощи в большем или меньшем проценте наблюдений.

Из табл. 6 следует, что при низких пороговых значениях асимметрия фиксируется практически во всех вооружённых конфликтах. Напротив, при максимальных значениях обоих порогов в подавляющем большинстве наблюдений устанавливается паритетное соотношение военной мощи. При этом можно предположить, что если асимметрия военной мощи для отдельного

конфликта была идентифицирована сразу в нескольких моделях с промежуточными порогами, то это свидетельствует, что государство-посредник действительно обладает превосходством над противоборствующими сторонами.

Как можно заметить, в табл. 7 при использовании большинства пороговых комбинаций порогов, кроме максимальных или минимальных, для многих конфликтов можно с уверенностью судить об устойчивой асимметрии или паритете военной мощи.

Мы также рассмотрели, как распределяются завершённые и незавершённые кон-

Таблица 7
Количество вооружённых конфликтов с общим военным превосходством государства-посредника, зафиксированных в рамках одной и нескольких моделей

	М. 1 0,25 20%	М. 2 0,5 20%	М. 3 0,75 20%	М. 4 0,25 35%	М. 5 0,5 35%
Количество вооружённых конфликтов, в которых зафиксирована асимметрия в пользу государства-посредника	3	39	35	52	47
	М. 6 0,75 35%	М. 7 0,25 50%	М. 8 0,5 50%	М. 9 0,75 50%	
Количество вооружённых конфликтов, в которых зафиксирован паритет в пользу государства-посредника	44	17	21	10	

Источник: составлено авторами.

Таблица 8
Средняя сумма показателей общей военной асимметрии и паритета в моделях 1–9
среди завершённых и незавершённых вооружённых конфликтов

	Среднее количество асимметричных значений	Среднее количество паритетных значений
Завершённые вооружённые конфликты	7,67	1,33
Незавершённые вооружённые конфликты	0,83	6,78

Источник: составлено авторами.

фликты с точки зрения установленных в них оценок совокупной асимметрии военной мощи. В рамках моделей 1–9 в завершённых конфликтах чаще всего (примерно в 8 моделях из 9) фиксировалась общая асимметрия (табл. 8). Напротив, в незавершённых конфликтах военное превосходство посредника не удавалось констатировать даже при использовании относительно мягких пороговых значений.

Регрессионный анализ

В ходе регрессионного анализа проверялся ряд предположений, представленных ниже.

Гипотеза 1. Асимметрия военной мощи в пользу государства-посредника будет способствовать прекращению боевых действий.

Гипотеза 2. Асимметрия военной мощи окажет положительное влияние на сохранение мира спустя 5 лет после подписания итоговых мирных соглашений. Напротив, паритет военной мощи будет препятствовать как прекращению боевых действий, так и поддержанию мира.

Гипотеза 3. Мирные соглашения также являются значимым элементом общего мирного урегулирования в условиях асим-

метрии военной мощи. В этой связи мирному урегулированию будет способствовать учёт в соглашениях вопросов реорганизации процессов принятия политических решений, а также репрезентации в органах власти.

Основными зависимыми переменными для регрессионного анализа стали 1) прекращение боевых действий и 2) сохранение мира спустя 5 лет после подписания итоговых мирных соглашений. В то же время рассчитанные на предыдущем этапе исследования обобщённые показатели военной асимметрии (паритета), рассчитанные для каждого наблюдения в выборке, выступили в качестве ключевой независимой переменной. Статистическая значимость данного предиктора могла бы свидетельствовать о том, насколько военное превосходство государства-посредника в принципе влияет на урегулирование конфликта.

На первом этапе регрессионного анализа требовалось определить, как превосходство посредника в военной мощи влияет на **прекращение боевых действий в вооружённых конфликтах**. В первую очередь мы оценивали статистическую значимость обобщённого показателя военной асимметрии (паритета). Она оказалась статистически значи-

Таблица 9
Модель парной регрессии. Проверка статистической значимости обобщённого показателя военной асимметрии относительно обеих зависимых переменных

	Зависимая переменная 1. Прекращение боевых действий	Зависимая переменная 2. Наличие мира спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений
Обобщённый показатель военной асимметрии	2.89658*** (0.49765)	3.23357*** (1.08760)

Коды значимости: 0 ‘****’ 0.001 ‘***’ 0.01 ‘**’ 0.05 ‘.’ 0.1 ‘.’ 1

Источник: составлено авторами.

мой как для прекращения боевых действий, так и для сохранения мира спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений (табл. 9). Напротив, переменная, свидетельствующая о паритете военной мощи всех сторон, продемонстрировала обратное (связь между ней и зависимыми переменными была отрицательной).

Ранее подчёркивалось, что переговорный процесс также неотъемлемая составляющая посредничества. Предположительно переговоры могут оказать равнозначное влияние и на прекращение боевых действий, и на сохранение мира в постпереговорный период. При этом сам переговорный процесс представляет собой множество явных и латентных фаз, которые можно рассматривать в контексте нескольких отдельных исследований. В то же время именно подписание и имплементация мирных соглашений служит квинтэссенцией переговорного процесса. Наличие компромисса относительно мирных соглашений и их последовательная реализация могут гарантировать невозобновление боевых действий, как минимум, в краткосрочной перспективе.

Каковы ключевые положения итоговых мирных соглашений, которые могут гарантировать в первую очередь прекращение боевых действий? Практически все основные характеристики итоговых мирных соглашений, упоминающиеся различными исследователями, собраны в базе данных РАИС. Выше были обозначены тематические блоки (аспекты итоговых мирных соглашений), входящие в состав этого массива. Мы предположили, что различные положения итоговых мирных соглашений могут по-разному воздействовать на прекращение боевых действий и сохранение мира спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений. В частности, мы допустили, что положения, посвящённые культурным сюжетам, являются наименее значимыми, как минимум, для прекращения боевых действий. Напротив, разрешение вопросов репрезентации граждан в органах власти, а также принятия политических решений предположительно

может оказать наибольшее влияние на процесс общего мирного урегулирования.

В ходе построения регрессионных моделей мы оценивали одновременное влияние всех положений итоговых мирных соглашений в первую очередь на прекращение боевых действий (первая зависимая переменная). Напомним, что переменные, характеризующие мирные соглашения, в рамках регрессионных моделей рассматривались в качестве контрольных. При проведении регрессионного анализа удалось приоритизировать разные аспекты итоговых мирных соглашений относительно их воздействия на зависимую переменную 1 (табл. 10). Выяснилось, что реформы в сфере образования, учреждение общей символики и общих праздников не оказывают никакого влияния на прекращение боевых действий. В то же время благодаря регрессионному анализу удалось установить, что преобразование средств массовой информации (также входящее в тематический блок «Культурные аспекты») способствует повышению объяснительной силы регрессионной модели. Положительный эффект от данной переменной становился ещё более очевидным тогда, когда наряду с ней в модели присутствовал фактор асимметрии военной мощи. Иными словами, реорганизация медиапространства может способствовать прекращению боевых действий (особенно в условиях асимметрии военной мощи).

Каким образом иные положения итоговых мирных соглашений влияют на прекращение боевых действий? В частности, в какой степени включение в мирные соглашения вопросов правосудия может приблизить окончание боевых действий? В базе данных РАИС в рамках тематического блока, посвящённого правосудию, рассматривались следующие переменные: расследование военных преступлений, проверка причастности должностных лиц к ним, а также социально-правовые преобразования, направленные на профилактику совершения преступлений. Исследователи утверждают, что преобразование правового поля конфликтующих игроков

Таблица 10

Регрессионная модель. Результат тестирования аспектов итоговых мирных соглашений и обобщённого показателя военной асимметрии относительно двух зависимых переменных

	Зависимая переменная 1. Прекращение боевых действий	Зависимая переменная 2. Наличие мира спустя 5 лет после подписания итоговых мирных соглашений
Обобщённый показатель военной асимметрии	2.89658*** (0.49765)	3.23357*** (1.08760)
Решения в исполнительной сфере	0.68017** (0.52687)	1.10115** (0.60373)
Решения в законодательной сфере	0.16578* (0.56338)	0.16249** (0.60825)
Решения в судебной сфере	0.24567* (0.53467)	0.22282* (0.65890)
Решения в силовой сфере	0.18756 (0.51383)	1.42249* (0.23222)
Репрезентация в исполнительной сфере	1.81264** (0.80205)	0.96661* (0.60571)
Репрезентация в законодательной сфере	1.08367* (0.25768)	1.32846** (0.60457)
Репрезентация в судебной сфере	0.33853* (0.57687)	0.24482* (0.66677)
Репрезентация в силовой сфере	0.80143** (0.12609)	0.42794* (1.12747)
Гендерные аспекты	-1.76006 (0.87236)	-0.71672 (0.81962)
Законы о насильственных актах по отношению к гражданам	0.71634* (0.58548)	1.15867* (0.64054)
Расследование военных преступлений	1.58985* (0.54765)	1.21622 (0.65980)
Институты социального сплочения	0.27389 (0.53271)	0.08684 (1.87070)
Политика разоружения и демобилизации	1.53547** (0.50654)	0.73443 (0.83273)
Политика реинтеграции	0.69678 (0.51347)	0.71478 (1.55888)
Органы по примирению конфликтовавших групп	0.43758 (0.52224)	0.04856 (0.98764)
Реформы в сфере образования	-0.73979 (0.54796)	-0.23549 (0.98243)
Реформы медиапространства	1.31200* (0.51797)	1.56790** (0.60878)
Культурно-массовые мероприятия	0.32989 (0.51500)	0.51769 (0.47892)
Выстраивание вертикали власти	1.48651* (0.54780)	1.26785* (0.46780)
Децентрализация и делегирование полномочий	1.54772** (0.53678)	0.76341 (1.99964)
Референдум о статусе спорных территорий	1.58645** (0.50908)	-0.64789 (1.67589)

Коды значимости: 0 '****' 0.001 '***' 0.01 '**' 0.05 '*' 0.1 '.' 1

Источник: составлено авторами.

должно осуществляться поступательно и без вмешательства третьей стороны [Kastner 2015]. В то же время проведённый регрессионный анализ продемонстрировал, что инициирование расследований военных преступлений может способствовать как прекращению боевых действий, так и недопущению их возобновления. При этом расследование военных преступлений может осуществляться успешно только в условиях асимметрии военной мощи. Это доказывает и регрессионная модель: переменная «расследование военных преступлений» статистически значима только в условиях асимметрии военной мощи.

Благодаря базе данных PAIC нам удалось интегрировать в регрессионную модель следующие процессы: централизация власти, широта полномочий у органов местной власти, а также присутствие в государстве автономных территорий. Выяснилось, что все перечисленные выше обстоятельства могут способствовать и прекращению боевых действий, и сохранению мира спустя годы после подписания итоговых мирных соглашений. В условиях паритета военной мощи попытка реализации данных положений итоговых мирных соглашений, напротив, может воспрепятствовать общему мирному урегулированию вооружённых конфликтов. Таким образом, положения итоговых мирных соглашений, касающиеся вопросов децентрализации власти и организации территориального самоуправления, не могут быть успешно реализованы при отсутствии государства-посредника с мощным военным потенциалом.

Может ли конституирование новых основ функционирования различных ветвей власти повлиять на динамику вооружённого конфликта? Будет ли более широкая репрезентация граждан в законодательной, исполнительной, судебной и силовой сферах способствовать скорому прекращению боевых действий? В массиве данных PAIC не обозначены конкретные политические должности в рамках каждой ветви власти, которые могут занять представители различных групп населения

после окончания вооружённого конфликта. В то же время он позволяет оценить, какое внимание в рамках итоговых мирных соглашений уделялось вопросам гражданского представительства в различных ветвях власти. Включение переменных репрезентации в законодательной, исполнительной, судебной и силовой сферах в регрессионную модель позволило установить, что для прекращения боевых действий первостепенной является законодательная сфера и представительство в ней. В то же время перечисленные выше факторы также могут повлиять на прекращение боевых действий только при имеющейся асимметрии военной мощи в пользу государства-посредника. В противном случае попытка прийти к компромиссу приведёт лишь к эскалации вооружённого конфликта. Об этом свидетельствует отрицательная связь между данными переменными и зависимой, которая наблюдается при невключении в модель обобщённого показателя военной асимметрии.

База данных PAIC среди прочего позволила включить в модель и оценить эффект от таких контрольных переменных, как принятие политических решений в законодательной, исполнительной, судебной и силовой ветвях власти. В данном случае (согласно авторам базы данных PAIC) речь идёт о самом факте наличия изменений процедур принятия политических решений в этих сферах публичной власти. В результате проведения регрессионного анализа удалось установить, что все четыре перечисленные выше переменные в наибольшей степени (в сравнении с рассмотренными ранее группами предикторов) оказывают влияние на объяснительную силу модели. Таким образом, положения итоговых мирных соглашений, посвящённые процедурам принятия политических решений и их трансформации вследствие достигнутых договорённостей, являются наиболее значимыми, как минимум, для прекращения боевых действий. В то же время продолжает проследиваться отмеченная ранее тенденция: компромисс по данным положениям итоговых мирных

соглашений может быть достигнут только при доминировании государства-посредника в военной силе.

Прекращение боевых действий на момент подписания итоговых мирных соглашений — одна из двух составляющих полного урегулирования вооружённых конфликтов. Не менее важной задачей для государства-посредника является обеспечение мира спустя пятилетие после их подписания. В связи с этим было необходимо определить, в какой степени военная сила государства-посредника является значимой не только для прекращения боевых действий, но и для недопущения их возобновления. Для ответа на данный вопрос в начале работы мы построили парную регрессию и для сохранения мира спустя годы после подписания итоговых мирных соглашений (см. табл. 9). При тестировании обобщённого показателя военной асимметрии выяснилось, что его статистическая значимость относительно второй зависимой переменной не менее велика, чем относительно первой. Это наблюдение позволяет с большей уверенностью утверждать, что даже в постконфликтный период посредник должен продолжать реализовывать собственный посреднический потенциал (в более опосредованном виде).

Построение регрессионной модели со второй зависимой переменной было идентично работе с первой зависимой переменной. Использовались аналогичные предикторы (тематические блоки), процедура их тестирования также не претерпела изменений. В результате проведения регрессионного анализа выяснилось, что преобразование медийного пространства с целью повышения его транспарентности и инклюзивности не менее важно и для сохранения мира. Вместе с тем и в данном случае для успешного преобразования медиасреды требуется мониторинг со стороны посредника с мощным военным потенциалом. При отсутствии в регрессионной модели обобщённого показателя военной асимметрии связь между переменной «преобразование медиапростран-

ства» и второй зависимой переменной («сохранение мира спустя пять лет после подписания итоговых мирных соглашений») становится отрицательной. Иными словами, даже спустя годы после подписания итоговых мирных соглашений посреднику следует продолжать осуществлять мониторинг медийного пространства конфликтовавших сторон и не допускать трансляции идей вражды и насилия через средства массовой информации.

В то же время иные культурные аспекты — реформы в сфере образования, учреждение символики для идентификации меньшинств, а также общих праздников и памятных дат — становятся более значимыми для поддержания мира, чем в период прекращения насилия. Причём реорганизация культурных аспектов, упомянутых в мирных соглашениях (тематические блоки были описаны ранее), может быть особенно существенной в условиях паритета сторон конфликта и посредника в военной силе. Это можно объяснить тем, что создание коммуникационного и социокультурного пространства, основанного на единстве и равноправии, будет способствовать мирному сосуществованию.

Стоит напомнить, что предиктор «расследование военных преступлений» оказался статистически значимым для успешного прекращения боевых действий. В то же время при его тестировании относительно второй зависимой переменной выяснилось, что он, напротив, может воспрепятствовать сохранению мира в постпереговорный период. Как следствие, повышается вероятность возобновления активных боевых действий.

Как было отмечено ранее, реорганизация властной вертикали может содействовать прекращению боевых действий (особенно в условиях асимметрии военной мощи). При тестировании переменных, характеризовавших такие аспекты итоговых мирных соглашений, как «Процедуры принятия решений» и «Репрезентация в органах власти», выяснилось, что они могут способствовать не только прекращению боевых действий, но и их невозобнов-

лению. Репрезентация различных групп населения в органах законодательной и исполнительной власти уже может стать гарантом сохранения мира. Вместе с тем и в долгосрочной перспективе (спустя годы после подписания итоговых мирных соглашений) асимметрия военной мощи в пользу государства-посредника влияет на поддержание мира. В противном случае попытка урегулировать вопросы репрезентации и принятия решений во властных структурах может привести к большей конфронтации. Это стало очевидным из проведённого регрессионного анализа: статистическая значимость перечисленных переменных снижалась при отсутствии в модели обобщённого показателя военной асимметрии.

Обсуждение результатов исследования

Результаты исследования продемонстрировали, что асимметрия военной мощи значима как для прекращения боевых действий, так и для сохранения мира спустя годы после подписания итоговых мирных соглашений. В то же время даже при наличии превосходства посредника в военной силе не стоит недооценивать роль содержания итоговых мирных соглашений в урегулировании вооружённого конфликта. Регрессионный анализ и построение в его рамках ROC-моделей позволили установить, что оптимальные модели для первой и второй зависимых переменных являются практически идентичными. Как для прекращения боевых действий, так и для сохранения мира немаловажной является выработка компромисса по положениям итоговых мирных соглашений, касающихся вопросов обретения, распределения и удержания власти. В то же время данный вопрос может быть разрешён только в присутствии государства-посредника с военным потенциалом, превосходящим силы конфликтующих сторон. Если между участниками конфликта и посредником наблюдается паритет военной мощи, то консенсус по организации публичной власти, скорее всего, достигнут не будет. Как следствие, едва ли стоит полагать, что вооружённый

конфликт будет урегулирован. Осуществление децентрализации и проведение референдума о статусе спорных территорий также может содействовать успешному урегулированию конфликта, но только при условии параллельной реорганизации всех ветвей власти.

Статистическая значимость переменных, касавшихся вопросов репрезентации и принятия решений, была несколько ниже в сравнении с предикторами, которые характеризовали преобразования в иных ветвях власти. Регрессионный анализ продемонстрировал, что в условиях паритета военной мощи предикторы, относящиеся к функционированию силовых структур, не могут способствовать как прекращению боевых действий, так и сохранению мира.

При этом реализация положений итоговых мирных соглашений, касающихся расследования военных преступлений, проведения референдума о статусе спорных территорий (при наличии таковых) и осуществления процессов децентрализации, может дополнить и завершить процесс общего мирного урегулирования. Подобные преобразования будут способствовать формированию более демократического правового поля в государствах, некогда являвшихся участниками вооружённых конфликтов. Более того, запуск процессов децентрализации станет импульсом к развитию местного самоуправления. Это, в свою очередь, может гарантировать вовлечение в процесс принятия решений всех социальных групп, чьи интересы отныне могут быть услышаны и учтены. В то же время, исходя из результатов регрессионного анализа, все упомянутые выше положения итоговых мирных соглашений могут положительно влиять на прекращение боевых действий и недопущение их возобновления только в условиях асимметрии военной мощи между сторонами и посредником. Таким образом, решение вопросов обретения и распределения власти в совокупности с превосходством государства-посредника в военной силе — основа успешного посредничества и мирного урегулирования в целом.

* * *

Посредничество как способ урегулирования современных вооружённых конфликтов уникален тем, что в его рамках превосходство государства-посредника в военной силе сочетается с устранением глубинных противоречий между сторонами конфликта посредством проведения мирных переговоров. Более того, медиация не сводится исключительно к применению военной силы, а скорее заключается в создании благоприятных условий для начала конструктивного диалога между сторонами конфликта. В то же время сами стороны, осознавая существенное превосходство государства-посредника в военной силе, не решаются на возобновление боевых действий. Таким образом, при посредничестве, осуществляемом игроком с мощным военным потенциалом, вероятность эскалации вооружённого конфликта существенно снижается.

Проведённое исследование имеет некоторые ограничения. В нём рассматривались внутригосударственные и межгосударственные вооружённые конфликты, произошедшие в период 1961–2021 годов. Соответственно, могут сохраняться сомнения относительно возможности экстраполяции результатов на другие исторические эпохи. Вместе с тем необходимость институционального посредничества была осознана лишь после Второй мировой войны. Посредничество, осуществляемое государством, возникло ещё позже и до сих пор остаётся самым недооценённым способом урегулирования современных вооружённых конфликтов. Более того, до 1960 года не было систематизированных данных о характеристиках военной силы всех государств мира. При этом первые относительно конвенциональные примеры посредничества, осуществляемого государством, можно обнаружить только в разгар «холодной войны», то есть в 1960-х годах [Wallenstein, Svensson 2014]. В то же время в период 1961–2021 годов было зафиксировано немалое количество вооружённых конфликтов, в которых присутствовало государство-посредник. Наконец, среди дан-

ных вооружённых конфликтов были и межгосударственные, и внутригосударственные, и негосударственные.

Таким образом, несмотря на хронологические ограничения, удалось проанализировать большой спектр вооружённых конфликтов и тем самым получить достаточно валидные и репрезентативные результаты. Иным ограничением исследования стала идентификация соотношения военной мощи (асимметрии и паритета) только между государством-посредником и каждой стороной конфликта. Иными словами, мы не определяли, как между собой соотносятся военные силы между непосредственными участниками конфликта. Вместе с тем данный факт не является упущением, так как анализ посредничества в первую очередь предполагает оценку того, в какой степени посредник превосходит все стороны конфликта вне зависимости от отдельных характеристик их военной мощи. Предполагалось, что чем более существенно данное превосходство, тем проще будет урегулировать вооружённый конфликт. Это и продемонстрировано в настоящем исследовании: общее доминирование посредника в военной силе (вне зависимости от соотношения сил участников) уже создаёт благоприятные условия для успешного урегулирования вооружённого конфликта.

Одной из отличительных черт настоящего исследования стало рассмотрение характеристик военной мощи и мирных соглашений как взаимодополняемых и равнозначных предпосылок успешного посредничества. Тем самым была предпринята попытка трансформировать представления о посредничестве, которое часто сводилось к переговорам и подписанию итоговых мирных соглашений. Кроме того, благодаря применению простого сравнительного анализа удалось разработать обобщённый показатель военной асимметрии. Он продемонстрировал, как соотносится военная сила сторон конфликта и государства-посредника. Наконец, в результате формирования данного показателя удалось нивелировать методологическую лакуну. Она заключалась в отсутствии

в литературе понимания того, как от попарного сравнения метрик военной мощи сторон конфликта и посредника перейти к её общей качественной оценке.

Таким образом, в ходе исследования удалось показать, что асимметрия военной силы в пользу посредника одинаково важна как для прекращения боевых действий, так и для сохранения мира спустя годы после окончания переговорного процесса. Однако для общего мирного урегулирования вооружённого конфликта первостепенную значимость имеет имплементация аспектов итоговых мирных соглашений, касающихся представительства в органах власти и процессов принятия политических решений. Репрезентация групп в различных ветвях власти, повышение транспарентности процедур принимаемых решений, проведение референдумов и осуществление децентрализации могут спо-

собствовать обретению мира и его сохранению. В то же время регрессионный анализ продемонстрировал, что найти компромиссные решения по перечисленным аспектам и претворить их в жизнь возможно только в условиях асимметрии военной мощи.

Авторы настоящего исследования постарались внести вклад в изучение явления посредничества с участием государства-медиатора и, вероятно, уже доказали релевантность данного способа урегулирования современных вооружённых конфликтов. В этой связи становится ещё более очевидной необходимость дальнейшего изучения явления посредничества. Появление новых академических знаний в этой области может обогатить реальные политические стратегии по обретению мира на территориях, на которых в настоящее время ведутся активные боевые действия.

Список литературы

- Бартенев В.И. Внутриполитические детерминанты использования инструментов внешней помощи: модель для сборки // Полис. Политические исследования. 2014. №5. С. 153–166. DOI: 10.17976/jpps/2014.05.11
- Бекмурзаев Б.А. Миротворческая деятельность России в урегулировании вооружённых конфликтов в СНГ // Московский журнал международного права. 2021. №4. С. 16–27. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1994-4-16-27>
- Большаков А.Г. Этнические вооружённые конфликты в посткоммунистических странах: основные тенденции развития и возможности урегулирования (региональный аспект) // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. №7. С. 109–123.
- Гарюнова А.О. Повышении эффективности деятельности отечественного ОПК в период 2010–2020 // Власть. 2022. Т. 30. №4. С. 137–141. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9139>
- Дундич А.С. Таджикистан: мир без процветания // Международные процессы. 2010. Т. 8. №3. С. 143–154.
- Жуков Г. П., Викулов С.Ф. Военно-экономический анализ и исследование операций. М.: Воениздат, 1987. 440 с.
- Золотарёв В.А., Трунов Ф.О. Особенности урегулирования вооружённых конфликтов в современном мире // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 17–38.
- Кукушкин П.В., Поликанов Д.В. Кризис в районе Великих Озер: Руанда, Бурунди, Заир. М.: Институт Африки РАН, 1997. 212 с.
- Курылёв К.П., Дегтерёв Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В. Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. №1. С. 134–156. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-08
- Лисенков К.А., Полякова Т.В., Сидоров А.С. Оценка соотношения сил участников регионального конфликта (на примере ситуации в Чаде) // Региональные и локальные конфликты: Генезис, урегулирование, прогнозирование / Под ред. А. В. Торкунова. М.: МГИМО МИД СССР, 1988. С. 42–58.
- Попова А.С. Применение медиативных технологий при урегулировании военных конфликтов // Вестник Самарского юридического института. 2015. №1(15). С. 133–139.
- Попова О.В. «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешённых проблемах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2009. Т. 5. №1. С. 271–291.

- Сидоров А.С. Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 116–137.
- Степанова Е.А. Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия // Военная мысль. 2010. №5. С. 47–54.
- Степанова Е.А. Вооружённые конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №6. С. 24–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39
- Трунов Ф.О. Особенности участия Германии в урегулировании вооружённых конфликтов в Мали и Сомали // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 160–183.
- Aduda L., Bussmann M. Mediation and the Dynamics of Civilian Victimization in Intrastate Conflicts in Africa // Civil wars. 2020. Vol. 22. No. 1. P. 64–86. <https://doi.org/10.1080/13698249.2020.1703078>
- Beardsley K. Intervention without leverage: Explaining the prevalence of weak mediators // International Interactions. 2009. Vol. 35. No. 3. P. 272–297. <https://doi.org/10.1080/03050620903084547>
- Bercovitch J., DeRouen K. Managing ethnic civil wars: Assessing the determinants of successful mediation // Civil Wars. 2005. Vol. 7. No. 1. P. 98–116. <https://doi.org/10.1080/13698280500074453>
- Bercovitch J., Diehl P. F., Goertz G. The management and termination of protracted interstate conflicts: Conceptual and empirical considerations // Millennium. 1997. Vol. 26. No. 3. P. 751–769. <https://doi.org/10.1177/03058298970260030201>
- Bercovitch J., Jackson R. Negotiation or mediation? An exploration of factors affecting the choice of conflict management in international conflict // Negotiation Journal. 2001. Vol. 17. No. 1. P. 59–77. <https://doi.org/10.1111/j.1571-9979.2001.tb00227.x>
- Bercovitch J., Langley J. The nature of the dispute and the effectiveness of international mediation // Journal of Conflict Resolution. 1993. Vol. 37. No. 4. P. 670–691. <https://doi.org/10.1177/0022002793037004005>
- Carnevale P.J., Pruitt D.G. Negotiation and mediation // Annual review of psychology. 1992. Vol. 43. No. 1. P. 531–582.
- Chodosh H.E. Local Mediation in Advance of Armed Conflict // Ohio St. J. on Disp. Resol. 2003. Vol. 19. No. 1. P. 213–226.
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. A crowded stage: Liabilities and benefits of multiparty mediation // International Studies Perspectives. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 51–67. <https://doi.org/10.1111/1528-3577.00037>
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P.R. Herding cats: Multiparty mediation in a complex world. Washington, DC: US Institute of Peace Press, 1999. 768 p.
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P.R. Taming intractable conflicts: Mediation in the hardest cases. Washington, DC: US Institute of Peace Press, 2004. 240 p.
- Cunningham D.E., Gleditsch K.S., Salehyan I. Non-state actors in civil wars: A new dataset // Conflict management and peace science. 2013. Vol. 30. No. 5. P. 516–531.
- Druckman D. Turning points in international negotiation: A comparative analysis // Journal of Conflict Resolution. 2001. Vol. 45. No. 4. P. 519–544. <https://doi.org/10.1177/0022002701045004006>
- Fearon J.D. Rationalist explanations for war // International organization. 1995. Vol. 49. No. 3. P. 379–414. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033324>
- Fearon J.D. Fighting rather than Bargaining // Annual Meetings of the American Political Science Association. 2007. Vol. 4. P. 1–46.
- Fortna V.P. Scraps of paper? Agreements and the durability of peace // International Organization. 2003. Vol. 57. No. 2. P. 337–372. doi:10.1017/S0020818303572046
- Fortna V.P. Does peacekeeping keep peace? International intervention and the duration of peace after civil war // International studies quarterly. 2004. Vol. 48. No. 2. P. 269–292. <https://doi.org/10.1111/j.0020-8833.2004.00301.x>
- Fortna V.P. Peace time: Cease-fire agreements and the durability of peace. Princeton: Princeton University Press, 2018. 264 p.
- Gartner S.S. Signs of trouble: Regional organization mediation and civil war agreement durability // The Journal of Politics. 2011. Vol. 73. No. 2. P. 380–390. <https://doi.org/10.1017/S0022381611000090>
- Gartner S.S. Third-party mediation of interstate conflicts: actors, strategies, selection, and bias // Arbitration law review. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 269–294.
- Geiss R. Asymmetric conflict structures // International Review of the Red Cross. 2006. Vol. 88. No. 864. P. 757–777. <https://doi.org/10.1080/13698249.2013.817854>
- Greig J.M., Diehl O.F. The peacekeeping–peacemaking dilemma // International Studies Quarterly. 2005. Vol. 49. No. 4. P. 621–645. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2005.00381.x>
- Greig J.M., Rost N. Mediation and Peacekeeping in Civil Wars // Civil Wars. 2013. Vol. 15. No. 2. P. 192–218. <https://doi.org/10.1080/13698249.2013.817854>

- Gross M.L. Asymmetric war, symmetrical intentions: Killing civilians in modern armed conflict // *Global Crime*. 2009. Vol. 10. No. 4. P. 320–336. <https://doi.org/10.1080/17440570903248262>
- Horowitz M.C. *The Diffusion of Military Power: Causes and Consequences for International Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2011. 264 p.
- Jenne E.K. Mediating Conflict from the Inside Out // *International Studies Review*. 2010. Vol. 12. No. 4. P. 590–596. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.00963.x>
- Jones D.L. Mediation, conflict resolution and critical theory // *Review of International Studies*. 2000. Vol. 26. No. 4. P. 647–662. doi:10.1017/S0260210500006471
- Kastner P. *Legal normativity in the resolution of internal armed conflict*. Cambridge University Press, 2015.
- Keels E., Greig J.M. Reputation and the occurrence and success of mediation in civil wars // *Journal of peace research*. 2019. Vol. 56. No. 3. P. 410–424. <https://doi.org/10.1177/0022343318811430>
- Knorr K. The determinants of military power // *Power, Economics, And Security* / ed. by K. Knorr. New York; London: Routledge, 2019. P. 69–133. <https://doi.org/10.4324/9780429302831>
- Knorr K. The International Purposes of Military Power // *Theories of Peace and Security* / ed. by J. Garnett. London: Palgrave Macmillan, 1970. P. 50–63.
- Kreß C. Some reflections on the international legal framework governing transnational armed conflicts // *Journal of Conflict & Security Law*. 2010. Vol. 15. No. 2. P. 245–274. <https://doi.org/10.1093/jcs/krq009>
- Kressel K., Pruitt D.C., Pruitt D.G. *Mediation research: The process and effectiveness of third-party intervention*. Hoboken, NJ: Jossey-Bass, 1989. 457 p.
- Lanz D. Who gets a seat at the table? A framework for understanding the dynamics of inclusion and exclusion in peace negotiations // *International Negotiation*. 2011. Vol. 16. No. 2. P. 275–295. <https://doi.org/10.1163/138234011X573048>
- Lee S.M., Greig J.M. The conditional effectiveness of directive mediation // *International Interactions*. 2019. Vol. 45. No. 5. P. 838–864. <https://doi.org/10.1080/03050629.2019.1614923>
- Lundgren M., Svensson I. The surprising decline of international mediation in armed conflicts // *Research & Politics*. 2020. Vol. 7. No. 2. <https://doi.org/10.1177/2053168020917243>
- McKibben H.E., Skoll A. Please help us (or don't): External interventions and negotiated settlements in civil conflicts // *Journal of Conflict Resolution*. 2021. Vol. 65. No. 2–3. P. 480–505. <https://doi.org/10.1177/0022002720950417>
- McMahon S.F., Miller C. Simulating the Camp David negotiations: A problem-solving tool in critical pedagogy // *Simulation & Gaming*. 2012. Vol. 44. No. 1. P. 134–150. <https://doi.org/10.1177/1046878112456252>
- Mediation in international relations: Multiple approaches to conflict management / ed. by J. Bercovitch, J. Rubin. London: Palgrave Macmillan, 1994. 283 p. <https://doi.org/10.1057/9780230375864>
- Menninga E.J. Complementary mediation: Exploring mediator composition in civil wars // *International Interactions*. 2020. Vol. 46. No. 6. P. 893–921. <https://doi.org/10.1080/03050629.2020.1814759>
- Mullenbach M.J. Deciding to keep peace: An analysis of international influences on the establishment of third-party peacekeeping missions // *International Studies Quarterly*. 2005. Vol. 49. No. 3. P. 529–555. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2005.00376.x>
- Palmiano F.J. We do negotiate with terrorists: Navigating liberal and illiberal norms in peace mediation // *Critical Studies on Terrorism*. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 19–39. <https://doi.org/10.1080/17539153.2018.1472727>
- Paulus A., Vashakmadze M. Asymmetrical war and the notion of armed conflict – a tentative conceptualization // *International Review of the Red Cross*. 2009. Vol. 91. No. 873. P. 95–125.
- Powell R. Bargaining theory and international conflict // *Annual Review of Political Science*. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 1–30. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.092601.141138>
- Quandt W.B. *Camp David: peacemaking and politics*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016. 538 p.
- Reid L. Finding a peace that lasts: Mediator leverage and the durable resolution of civil wars // *Journal of Conflict Resolution*. 2017. Vol. 61. No. 7. P. 1401–1431. <https://doi.org/10.1177/0022002715611231>
- Reiter D. Exploring the bargaining model of war // *Perspectives on Politics*. 2003. Vol. 1. No. 1. P. 27–43. doi:10.1017/S1537592703000033
- Resolving international conflicts: The theory and practice of mediation / ed. by J. Bercovitch. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 1996. P. 63–85.
- Rost N., Greig J.M. Taking matters into their own hands: An analysis of the determinants of state-conducted peacekeeping in civil wars // *Journal of Peace Research*. 2011. Vol. 48. No. 2. P. 171–184. <https://doi.org/10.1177/0022343310396110>
- Ruhe C. Anticipating mediated talks: Predicting the timing of mediation with disaggregated conflict dynamics // *Journal of Peace Research*. 2015. Vol. 52. No. 2. P. 243–257. <https://doi.org/10.1177/0022343314558101>

- Sahadevan P.* Negotiating peace in ethnic wars // *International Studies*. 2006. Vol. 43. No. 3. P. 239–266. <https://doi.org/10.1177/002088170604300301>
- Savun B.* Information, bias, and mediation success // *International studies quarterly*. 2008. Vol. 52. No. 1. P. 25–47. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2007.00490.x>
- Savun B.* Mediator types and the effectiveness of information provision strategies in the resolution of international conflict // *International Conflict Mediation* / ed. by J. Bercovitch, S. S. Gartner. London: Routledge, 2008. P. 114–132. <https://doi.org/10.4324/9780203885130>
- Sullivan P.L., Blanken L.J., Rice I.C.* Arming the peace: Foreign security assistance and human rights conditions in post-conflict countries // *Defence and Peace Economics*. 2020. Vol. 31. No. 2. P. 177–200. <https://doi.org/10.1080/10242694.2018.1558388>
- Simons G.* Russia as a powerful broker in Syria: hard and soft aspects // *KnE Social Sciences*. 2021. Vol. 5. No. 2. P. 418–432. <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8385>
- Singer J.D., Bremer S., Stuckey J.* Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820–1965 // *Peace, War, and Numbers* / ed. by B. Russett. Beverly Hills: Sage, 1972. P. 19–48.
- Svensson I.* Bargaining, bias and peace brokers: How rebels commit to peace // *Journal of Peace Research*. 2007. Vol. 44. No. 2. P. 177–194. <https://doi.org/10.1177/0022343307075121>
- Svensson I.* Who brings which peace? Neutral versus biased mediation and institutional peace arrangements in civil wars // *Journal of conflict resolution*. 2009. Vol. 53. No. 3. P. 446–469. <https://doi.org/10.1177/0022002709332207>
- Wallensteen P., Svensson I.* Talking peace: International mediation in armed conflicts // *Journal of peace research*. 2014. T. 51. №. 2. C. 315–327.
- Walter B.F.* Committing to peace: The successful settlement of civil wars. Princeton: Princeton University Press, 2002. 150 p.
- Wennmann A.* Getting Armed Groups to the Table: peace processes, the political economy of conflict and the mediated state // *Third World Quarterly*. 2009. Vol. 30. No. 6. P. 1123–1138. <https://doi.org/10.1080/01436590903037416>
- Yang Q.C. et al.* The shocks of armed conflicts to renewable energy finance: Empirical evidence from cross-country data // *Energy Economics*. 2022. Vol. 112. P. 106–109.
- Zartman I.W., Touval S.* International mediation: Conflict resolution and power politics // *Journal of social issues*. 1985. Vol. 41. No. 2. P. 27–45.
- Zartman I.W.* Prenegotiation: phases and functions // *International Journal*. 1989. Vol. 44. No. 2. P. 237–253. <https://doi.org/10.1177/002070208904400202>
- Zartman I.W.* The timing of peace initiatives: Hurting stalemates and ripe moments 1 // *Global Review of Ethnopolitics*. 2001. Vol. 1. No. 1. P. 8–18. DOI: 10.1080/14718800108405087

THE INFLUENCE OF MEDIATOR MILITARY POWER ON ARMED CONFLICTS RESOLUTION

VICTORIA MUSTAFINA

HSE University, Moscow, 101000, Russia

ARTEM MALTSEV

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, 125009, Russia

Abstract

The study of mediation in resolving armed conflicts remains a promising area of research in international relations. However, contemporary IR research provides a limited understanding of the role of the mediator's military power in the cessation of hostilities and the implementation of peace agreements. We have

This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

suggested that asymmetry and parity can characterize an intermediary's superiority in military power (or lack thereof). To assess the relevant characteristics of military power, we propose to use a generalized indicator of military asymmetry created through a simple comparative analysis. Within the framework of the methodology presented in the article, various metrics of the military power of the parties to the conflict and the mediators were compared in pairs with each other according to the criterion of threshold values (quartiles), indicating the presence of asymmetry of military power or its absence (parity of military power). Various thresholds of sufficient skewness, ranging from 20% to 50%, were then also used to aggregate the binary scores into a single score. As a result of the study, using the assessment of a series of regression models, it was possible to establish that the aggregate superiority of the mediating state in military force over the warring parties to the conflict statistically significantly contributes to both the immediate cessation of hostilities and the successful establishment of peace in the long term. Control variables in the form of peace agreement features also influence the peace process's positive outcome. Key among them are increasing the transparency of political decision-making procedures and the involvement of various social groups in power processes at various levels. The results of this study demonstrate the interconnectedness of military force and successful mediation and also indicate the complementarity of military and negotiation components in the context of state-led mediation. Thus, this study proposes to transform the idea of mediation that currently dominates international relations theory.

Keywords:

armed conflict; non-state player; mediator state; military strength; asymmetry; parity; simple comparative analysis; regression analysis

References

- Aduda, L., Bussmann M. (2020). Mediation and the Dynamics of Civilian Victimisation in Intrastate Conflicts in Africa. *Civil wars*. Vol. 22. No. 1. P. 64–86. <https://doi.org/10.1080/13698249.2020.1703078>
- Arreguin-Toft I. (2005). *How the weak win wars: A theory of asymmetric conflict*. Cambridge: Cambridge University Press. 257 p. <https://doi.org/10.1017/CB09780511521645>
- Bartenev V.I. (2014). Vnutripoliticheskie determinanty ispol'zovaniya instrumentov vneshnei pomoshchi: model' dlya sborki [Domestic Political Determinants of Foreign Aid Instruments: A Model Kit.]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 153–166. DOI: 10.17976/jpps/2014.05.11
- Beardsley K. (2009). Intervention without leverage: Explaining the prevalence of weak mediators. *International Interactions*. Vol. 35. No. 3. P. 272–297. <https://doi.org/10.1080/03050620903084547>
- Bekmurzaev B.A. (2021). Mirotvorcheskaya deyatel'nost' Rossii v uregulirovanii vooruzhennykh konfliktov v SNG [Russia's peacekeeping activities in resolving armed conflicts in the CIS]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. No. 4. P. 16–27. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1994-4-16-27>
- Bercovitch J. (ed.). (1996). *Resolving international conflicts: The theory and practice of mediation*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers. P. 63–85.
- Bercovitch J., DeRouen K. (2005). Managing ethnic civil wars: Assessing the determinants of successful mediation. *Civil Wars*. 7 Vol. 7. No. 1. P. 98–116. <https://doi.org/10.1080/13698280500074453>
- Bercovitch J., Diehl P. F., Goertz G. (1997). The management and termination of protracted interstate conflicts: Conceptual and empirical considerations. *Millennium*. Vol. 26. No. 3. P. 751–769. <https://doi.org/10.1177/03058298970260030201>
- Bercovitch J., Jackson R. (2001). Negotiation or mediation? An exploration of factors affecting the choice of conflict management in international conflict. *Negotiation Journal*. Vol. 17. No. 1. P. 59–77. <https://doi.org/10.1111/j.1571-9979.2001.tb00227.x>
- Bercovitch J., Langley J. (1993). The nature of the dispute and the effectiveness of international mediation. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 37. No. 4. P. 670–691. <https://doi.org/10.1177/0022002793037004005>
- Bercovitch J., Rubin J. (eds). (1994). *Mediation in international relations: Multiple approaches to conflict management*. London: Palgrave Macmillan. 283 p. <https://doi.org/10.1057/9780230375864>
- Bol'shakov A.G. (2008). Etnicheskie vooruzhennyye konflikty v postkommunisticheskikh stranakh: osnovnye tendentsii razvitiya i vozmozhnosti uregulirovaniya (regional'nyy aspekt) [Ethnic Confrontations in the Post-communist Countries: the Basic Tendencies of Progress and Possibility of Regulation (Regional Aspect)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Vol. 150. No. 7. P. 109–123.
- Carnevale P.J., Pruitt D.G. (1992). Negotiation and mediation. *Annual review of psychology*. Vol. 43. No. 1. P. 531–582.

- Chodosh H.E. (2003). Local Mediation in Advance of Armed Conflict. *Ohio St. J. on Disp. Resol.* No 1. P. 213–226
- Clifford J.G. (2011). The Diffusion of Military Power: Causes and Consequences for International Politics. *Political Science Quarterly*. Vol. 126. No. 4. P. 713–715.
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. R. (1999). *Herding cats: Multiparty mediation in a complex world*. Washington, DC: US Institute of Peace Press. 768 p.
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. (2001). A crowded stage: Liabilities and benefits of multiparty mediation. *International Studies Perspectives*. Vol. 2. No. 1. P. 51–67. <https://doi.org/10.1111/1528-3577.00037>
- Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P.R. (2004). *Taming intractable conflicts: Mediation in the hardest cases*. Washington, DC: US Institute of Peace Press. 240 p.
- Cunningham D.E., Gleditsch K.S., & Salehyan I. (2013). Non-state actors in civil wars: A new dataset. *Conflict management and peace science*, 30(5), 516–531.
- Druckman D. (2001). Turning points in international negotiation: A comparative analysis. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 45. No. 4. P. 519–544. <https://doi.org/10.1177/0022002701045004006>
- Dundich A.S. (2010). Tadzhikistan: mir bez protsvetaniya [Таджикистан: мир без процветания]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 8. No. 3. P. 143–154.
- Fearon J.D. (1995). Rationalist explanations for war. *International organization*. Vol. 49. No. 3. P. 379–414. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033324>
- Fearon J.D. (2007). Fighting rather than Bargaining. *Annual Meetings of the American Political Science Association*. Vol. 4. P. 1–46.
- Fortna V.P. (2003). Scraps of paper? Agreements and the durability of peace. *International Organization*. Vol. 57. No. 2. P. 337–372. doi:10.1017/S0020818303572046
- Fortna V.P. (2004). Does peacekeeping keep peace? International intervention and the duration of peace after the civil war. *International studies quarterly*. Vol. 48. No. 2. P. 269–292. <https://doi.org/10.1111/j.0020-8833.2004.00301.x>
- Fortna V.P. (2004). *Peace time: Cease-fire agreements and the durability of peace*. Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Gartner S.S. (2011). Signs of trouble: Regional organization mediation and civil war agreement durability. *The Journal of Politics*. Vol. 73. No. 2. P. 380–390. <https://doi.org/10.1017/S0022381611000090>
- Gartner S.S. (2014). Third-party mediation of interstate conflicts: actors, strategies, selection, and bias. *Arbitration Law Review*. Vol. 6. No. 1. P. 269–294.
- Geiss R. (2006). Asymmetric conflict structures. *International Review of the Red Cross*. Vol. 88. No. 864. P. 757–777. <https://doi.org/10.1080/13698249.2013.817854>
- Greig J.M., Diehl P.F. (2005). The peacekeeping–peacemaking dilemma. *International Studies Quarterly*. Vol. 49. No. 4. P. 621–645. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2005.00381.x>
- Greig J.M., Rost N. (2013). Mediation and Peacekeeping in Civil Wars. *Civil Wars*. Vol. 15. No. 2. P. 192–218. <https://doi.org/10.1080/13698249.2013.817854>
- Goryunova A.A. (2022). O povyshenii effektivnosti deyatel'nosti otechestvennogo OPK v period 2010–2020 [To the question of russian defense industry efficiency rise in 2010–2020]. *Vlast'*. Vol. 30. No. 4. P. 137–141. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9139>
- Gross M.L. (2009). Asymmetric war, symmetrical intentions: Killing civilians in modern armed conflict. *Global Crime*. Vol. 10. No. 4. P. 320–336. <https://doi.org/10.1080/17440570903248262>
- Horowitz M.C. (2011). *The Diffusion of Military Power: Causes and Consequences for International Politics*. Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Jenne E.K. (2010). Mediating Conflict from the Inside Out. *International Studies Review*. Vol. 12. No. 4. P. 590–596. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.00963.x>
- Jones D.L. (2000). Mediation, conflict resolution and critical theory. *Review of International Studies*. Vol. 26. No. 4. P. 647–662. doi:10.1017/S0260210500006471
- Kastner P. (2015). Legal normativity in the resolution of internal armed conflict. Cambridge University Press.
- Keels E., Greig J.M. (2019). Reputation and the occurrence and success of mediation in civil wars. *Journal of Peace Research*. Vol. 56. No. 3. P. 410–424. <https://doi.org/10.1177/0022343318811430>
- Knorr K. (2019). The determinants of military power. In: K. Knorr (ed.) *Power, Economics, and Security*. New York; London: Routledge. P. 69–133. <https://doi.org/10.4324/9780429302831>
- Knorr K. (1970). The International Purposes of Military Power. In: J. Garnett (ed.) *Theories of Peace and Security*. London: Palgrave Macmillan. P. 50–63.
- Kreß C. (2010). Some reflections on the international legal framework governing transnational armed conflicts. *Journal of Conflict & Security Law*. Vol. 15. No. 2. P. 245–274. <https://doi.org/10.1093/jcs/krq009>

- Kressel K., Pruitt D.C., Pruitt D.G. (1989). *Mediation research: The process and effectiveness of third-party intervention*. Hoboken, NJ: Jossey-Bass, 1989. 457 p.
- Kukushkin P.V., Polikanov D.V. (1997). *Krizis v Rayone Velikikh Ozer: Ruanda, Burundi, Zair* [Crisis in the Great Lakes Region: Rwanda, Burundi, Zaire]. Moscow: Institut Afriki RAN. 212 p.
- Kurylev K.P., Degterev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V. (2018). Kolichestvennyy analiz fenomena geopoliticheskogo plyuralizma postsovetskogo prostranstva. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. Vol. 13. No. 1. P. 134–156. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-08.
- Lanz D. (2011). Who gets a seat at the table? A framework for understanding the dynamics of inclusion and exclusion in peace negotiations. *International Negotiation*. Vol. 16. No. 2. P. 275–295. <https://doi.org/10.1163/138234011X573048>
- Lee S.M., Greig J.M. (2019). The conditional effectiveness of directive mediation. *International Interactions*. Vol. 45. No. 5. P. 838–864. <https://doi.org/10.1080/03050629.2019.1614923>
- Lisenkov K.A., Polyakova T.V., Sidorov A.S. (1988). Otsenka sootnosheniya sil uchastnikov regional'nogo konflikta (na primere situatsii v CHade) [Assessment of power balance of power between participants in a regional conflict (the case of Chad)]. In: A. A. Torkunov (ed.) *Regional'nye i lokal'nye konflikty: Genezis, uregulirovaniye, prognozirovaniye*. Moscow: MGIMO MID SSSR. P. 42–58.
- Lundgren M., Svensson I. (2020). The surprising decline of international mediation in armed conflicts. *Research & Politics*. Vol. 7. No. 2. <https://doi.org/10.1177/2053168020917243>
- McKibben H.E., Skoll A. (2021). Please Help Us (or Don't): External Interventions and Negotiated Settlements in Civil Conflicts. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 65. No. 2–3. P. 480–505. <https://doi.org/10.1177/0022002720950417>
- McMahon S.F., Miller C. (2012). Simulating the Camp David negotiations: A problem-solving tool in critical pedagogy. *Simulation & Gaming*. Vol. 44. No. 1. P. 134–150. <https://doi.org/10.1177/1046878112456252>
- Menninga E.J. (2020). Complementary mediation: Exploring mediator composition in civil wars. *International Interactions*. Vol. 46. No. 6. P. 893–921. <https://doi.org/10.1080/03050629.2020.1814759>
- Mullenbach M.J. (2005). Deciding to keep peace: An analysis of international influences on the establishment of third-party peacekeeping missions. *International Studies Quarterly*. Vol. 49. No. 3. P. 529–555. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2005.00376.x>
- Palmiano F.J. (2019). We do negotiate with terrorists: Navigating liberal and illiberal norms in peace mediation. *Critical Studies on Terrorism*. Vol. 12. No. 1. P. 19–39. <https://doi.org/10.1080/17539153.2018.1472727>
- Paulus A., Vashakmadze M. (2009). Asymmetrical war and the notion of armed conflict—a tentative conceptualization. *International Review of the Red Cross*. Vol. 91. No. 873. P. 95–125.
- Popova A.S. (2015). Primenenie mediativnykh tekhnologiy pri uregulirovani voennykh konfliktov [Application of the mediation technologies when armed conflict settlement]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. No. 1(15). P. 133–139.
- Popova O.V. (2009). «Izmeritel'nyy instrument» v sravnitel'noy politologii: k voprosu o nereshennykh problemakh [Measuring instrument» in comparative politics: on the issue of unresolved problems]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. Vol. 5. No. 1. P. 271–291.
- Powell R. (2002). Bargaining theory and international conflict. *Annual Review of Political Science*. Vol. 5. No. 1. P. 1–30. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.092601.141138>
- Quandt W.B. (2015). *Camp David: peacemaking and politics*. Washington, DC: Brookings Institution Press. 538 p.
- Reid L. (2017). Finding a peace that lasts: Mediator leverage and the durable resolution of civil wars. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. No. 7. P. 1401–1431. <https://doi.org/10.1177/0022002715611231>
- Reiter D. (2003). Exploring the bargaining model of war. *Perspectives on Politics*. Vol. 1. No. 1. P. 27–43. doi:10.1017/S1537592703000033
- Rost N., Greig J.M. (2011). Taking matters into their own hands: An analysis of the determinants of state-conducted peacekeeping in civil wars. *Journal of Peace Research*. Vol. 48. No. 2. P. 171–184. <https://doi.org/10.1177/0022343310396110>
- Ruhe C. (2015). Anticipating mediated talks: Predicting the timing of mediation with disaggregated conflict dynamics. *Journal of Peace Research*. Vol. 52. No. 2. P. 243–257. <https://doi.org/10.1177/0022343314558101>
- Sahadevan P. (2006). Negotiating peace in ethnic wars. *International Studies*. Vol. 43. No. 3. P. 239–266. <https://doi.org/10.1177/002088170604300301>
- Savun B. (2008). Information, bias, and mediation success. *International studies quarterly*. Vol. 52. No. 1. P. 25–47. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2007.00490.x>

- Savun B. (2008). Mediator types and the effectiveness of information provision strategies in the resolution of international conflict. In: J. Bercovitch, S. S. Gartner (eds) *International Conflict Mediation*. London: Routledge. P. 114–132. <https://doi.org/10.4324/9780203885130>
- Sidorov A.S. (2018). Frantsiya v Sakhele: tekushchie problemy i vozmozhnoe razvitiye voennogo konflikta [France in the Sahel: current problems and possible development of military conflict]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 116–137.
- Simons G. (2021). Russia as a powerful broker in Syria: hard and soft aspects. *KnE Social Sciences*. Vol. 5. No. 2. P. 418–432. <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8385>
- Singer J.D., Bremer S., Stuckey J. (1972). Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820–1965. In: B. Russett (ed.) *Peace, War, and Numbers*. Beverly Hills: Sage. P. 19–48.
- Stepanova E.A. (2010). Asimmetrichnyy konflikt kak silovaya, statusnaya, ideologicheskaya i strukturnaya asimmetriya [Asymmetric conflict as power, status, ideological and structural asymmetry]. *Voennaya mysl'*. No. 5. P. 47–54.
- Stepanova E.A. (2020). Vooruzhennyye konflikty nachala XXI veka: tipologiya i napravleniya transformatsii [Armed conflicts in the early 21st century: typology and directions of transformation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 6. P. 24–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39
- Sullivan P.L., Blanken L.J., Rice I.C. (2020). Arming the peace: Foreign security assistance and human rights conditions in post-conflict countries. *Defence and Peace Economics*. Vol. 31. No. 2. P. 177–200. <https://doi.org/10.1080/10242694.2018.1558388>
- Svensson I. (2007). Bargaining, bias and peace brokers: How rebels commit to peace. *Journal of Peace Research*. Vol. 44. No. 2. P. 177–194. <https://doi.org/10.1177/0022343307075121>
- Svensson I. (2009). Who brings which peace? Neutral versus biased mediation and institutional peace arrangements in civil wars. *Journal of conflict resolution*. Vol. 53. No. 3. P. 446–469. <https://doi.org/10.1177/0022002709332207>
- Trunov F.O. (2018). Osobennosti uchastiya Germanii v uregulirovaniy vooruzhennykh konfliktov v Mali i Somali [Features of Germany's participation in the settlement of armed conflicts in Mali and Somalia]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 160–183.
- Wallensteen P., & Svensson I. (2014). Talking peace: International mediation in armed conflicts. *Journal of peace research*, 51(2), 315–327.
- Walter B. F. (2002). *Committing to peace: The successful settlement of civil wars*. Princeton: Princeton University Press. 150 p.
- Wennmann A. (2009). Getting Armed Groups to the Table: peace processes, the political economy of conflict and the mediated state. *Third World Quarterly*. Vol. 30. No. 6. P. 1123–1138. <https://doi.org/10.1080/01436590903037416>
- Yang Q.C., Zheng M., Wang J.S., & Wang Y.P. (2022). The shocks of armed conflicts to renewable energy finance: Empirical evidence from cross-country data. *Energy Economics*, 112, 106–109.
- Zartman I.W., Touval S. (1985). International mediation: Conflict resolution and power politics. *Journal of social issues*. Vol. 41. No. 2. P. 27–45.
- Zartman I.W. (1989). Prenegotiation: phases and functions. *International Journal*. Vol. 44. No. 2. P. 237–253. <https://doi.org/10.1177/002070208904400202>
- Zartman I.W. (2001). The timing of peace initiatives: Hurting stalemates and ripe moments. *The Global Review of Ethnopolitics*. Vol. 1. No. 1. P. 8–18. DOI: 10.1080/14718800108405087
- Zhukov G.P., Vikulov S.F. (1987). *Voenna-ekonomicheskii analiz i issledovanie operatsiy*. Moscow: Voenizdat. 440 p.
- Zolotaryov V.A., Trunov F.O. (2018). Osobennosti uregulirovaniya vooruzhennykh konfliktov v sovremennom mire [Features of armed conflicts settlement in modern world]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 17–38.

КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

МАКСИМ ХАРКЕВИЧ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Кибернетическая модель управления, предложенная Норбертом Винером, хорошо описана для национального уровня. Она предполагает постоянный мониторинг значимых показателей для обеспечения успешной обратной связи в отношении предпринимаемых управленческих действий и постоянную адаптацию поведения с опорой на собираемую информацию. Несмотря на то что изначально она разрабатывалась для решения технических задач, её положения оказались переносимы на социальную реальность. Тем не менее для анализа транснациональных и глобальных процессов модель практически не использовалась, невзирая на сложившиеся для этого условия. Сама практика глобального управления стала напоминать классические кибернетические задачи, как, например, удержание средней температуры по планете в пределах роста до 1,5°C относительно доиндустриального периода. Фактически речь идёт о создании системы климат-контроля в планетарных масштабах. Решение такой задачи требует не только изменения моделей социального поведения и экономического потребления на индивидуальном уровне, но и учёта механизмов климатической и геологической эволюции планеты. В статье прослеживается генеалогия кибернетической модели управления от её первого описания в работах Н. Винера до современных работ в политических науках, выделяются основные концепты и ограничения данной модели. С помощью Копенгагенской школы изучения безопасности, в частности с помощью концепта «макросекьюритизации», обосновывается выбор изменения климата в качестве показательного случая для оценки применимости кибернетической модели глобального управления. Анализ практики реализации глобального управления в сфере изменения климата соответствует основным характеристикам кибернетической модели и может быть представлена как её практическая реализация. При этом распространение этой модели на другие сферы глобального управления проблематично, так как требует высокого уровня макросекьюритизации регулируемого вопроса при выделении одного-двух относительно легкоизмеримых показателей.

Ключевые слова:

Винер; соотношение сил; изменение климата; Копенгагенская школа; глобальное управление

В политологической литературе кибернетическая модель управления, будучи хорошо описанной для национального уровня [Peters 2012], не является новым явлением. Вместе с тем для транснационального

и глобального измерений она пока не использовалась в аналитических целях, несмотря на, как будет показано далее, все сложившиеся условия. Цель статьи заключается в экстраполяции этой модели и

Исследование выполнено в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.12.2021

Дата принятия к публикации: 13.12.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: kharkevich@mail.ru

обсуждении её достоинств и недостатков как подхода к описанию глобального управления в первую очередь в природо-охранной сфере. В этой сфере рассматриваемая модель реализуется наиболее наглядным образом. В данной работе глобальное управление с опорой прежде всего на М. Цюрна, Д. Авант и М. Финнемор [Zürn 2018; Avant, Finnemore 2010] понимается как взаимодействие государств, бизнеса, гражданского общества, а также производных от них международных организаций и институтов по выработке формальных и неформальных норм и правил, направленных на регулирование транснациональных вопросов и координирование совместных усилий по их решению в иерархическом, сетевом или рыночном форматах.

Методологически рассматриваемая модель основана на кибернетической теории Винера. Её суть заключается в обмене информацией между центром и объектом управления (циклы обратной связи), благодаря чему первый постоянно адаптирует свои управленческие решения к изменениям в последнем для максимально быстрого и эффективного достижения поставленных целей [Winer 2019, 1988]. Ключевую роль здесь играют получение качественной информации в указанных циклах, способность центра быстро адаптироваться к происходящим изменениям объекта, а также корректное определение отслеживаемых индикаторов состояния последнего. Эффективность возрастает, когда центр действует как единое целое, оперативно реагирует на колебания, а набор отслеживаемых показателей стремится к единице. Идеальный пример — термостат: один отслеживаемый индикатор (температура внутри него), единый центр управления и постоянный мониторинг изменений с помощью градусника. Винер разработал кибернетическую модель управления, решая прикладную задачу создания во время

Второй мировой войны самонаводящегося зенитного орудия.

В политическую науку эти инженерные разработки пришли благодаря Карлу Дойчу на волне популярности системной теории, хотя и отличались от неё. Искомым результатом была не стабильность и воспроизводство политической системы, как в случае системной теории Дэвида Истона, а её динамичное изменение в поиске оптимального режима управления. Дойч попытался использовать её для описания государственного регулирования на основе информации, получаемой правительством об объекте [Deutsch 1963]. В теории международных отношений данная модель не нашла широкого применения: были отдельные попытки её использовать для описания принятия внешнеполитических решений [Steinbruner 1974], и подчёркивания динамического характера стабильности в межгосударственных отношениях (в противовес статическому) [Богатуров 2002; Монбриаль 2005]. При этом следует отметить, что идеи К. Дойча, в которых акцент делался на информации и коммуникации, оказали существенное влияние как раз на ТМО, стимулировав развитие конструктивизма [Adler, Barnett 1998].

В исследованиях глобального управления винеровские идеи прямо не обсуждались. Тем не менее один из аспектов кибернетической модели, получивший развитие в политической науке, опосредованно связан с проблематикой глобального управления. Речь идёт о движении за использование индикаторов социального развития в качестве ключевых инструментов повышения эффективности государственной политики [Bauer 1966; Zapf 2000]. Применение различных показателей эффективности социальной политики было также распространено в идеологии «Нового государственного управления» (*new public management*)¹ [Bianchi 2010]. Индикаторы,

¹ Новое государственное управление — бизнес-подход к государственному управлению, нацеленный на повышение эффективности предоставления государственных услуг при снижении их стоимости. Стал использоваться прежде всего в Великобритании в 1980-х годах, затем распространился в западных индустриально развитых странах в 1990-х.

рейтинги, статистика в целом выступают важной составляющей глобального управления [Davis et al. 2012; Malito et al. 2018]. Как итог, кибернетическая модель уже учитывалась косвенным образом в литературе по глобальному управлению. В данной работе между ними проводится прямая связь без промежуточных элементов.

Статья состоит из трёх частей. В первой обсуждается кибернетическая модель Винера, её возможности и ограничения при объяснении государственного управления. Во второй части предлагается методика определения глобальных вызовов, в отношении которых эта модель могла бы быть наиболее целесообразной опцией. Она заключается в определении масштаба и степени признания транснациональных вызовов и угроз на основе концептуального аппарата Копенгагенской школы изучения безопасности. В третьем разделе с помощью этой теоретической конструкции описывается случай международного сотрудничества, направленного на недопущение роста средней атмосферной температуры выше 1,5°C по сравнению с доиндустриальным периодом. Таким образом, демонстрируется прикладное применение кибернетической модели глобального управления.

Самонаводящаяся зенитка Винера — рождение кибернетики

В своей главной книге о кибернетике, опубликованной в 1948 году, Норберт Винер указывал, что эта наука родилась из междисциплинарного исследовательского проекта по одной важной проблеме, порождённой событиями Второй мировой войны. Британии необходимо было обороняться от немецкой авиации, что требовало совершенствования не только радаров, но и зенитных систем. Винер писал, что *«уже до войны стало ясно, что возрастающая скорость самолётов опрокинула классические методы управления огнём и что необходимо встроить в прибор управления огнём все вычислительные устройства, обеспечивающие расчёты для выстрела. Эти вычислительные устройства оказались очень сложными вследствие того обстоятельства, что, в отличие от других*

целей, самолёт имеет скорость, сравнимую со скоростью зенитного снаряда. Поэтому необходимо стрелять не прямо в цель, а в некоторую точку, в которой, согласно расчётам, должны по прошествии некоторого времени встретиться самолёт и снаряд. Следовательно, мы должны найти какой-нибудь метод предсказания будущего положения самолёта» [Wiener 2019: 8].

Винер считал, что для прогноза криволинейной траектории движения летательного аппарата могут быть полезны разрабатываемые им приборы автоматического вычисления дифференциальных уравнений. Размышляя над проблемой прогнозирования маршрута летательного средства, учёный пришёл к выводу, что «исключительно важным фактором в сознательной деятельности служит явление, которое в технике получило название “обратной связи”» [Wiener 2019: 9]. Системы с обратной связью распространены как в живой, так и в неживой природе. «Допустим теперь, что я поднимаю карандаш, — поясняет Винер. — Чтобы это сделать, я должен привести в движение определённые мышцы. Тем не менее никто, за исключением специалистов-анатомов, не знает, какие это мышцы. Даже среди анатомов лишь немногие, да и то вряд ли, сумеют поднять карандаш посредством сознательного акта последовательного сокращения отдельных мышц. Нами осознаётся лишь конечная цель — поднять карандаш... Чтобы действие выполнялось таким способом, на каждом этапе движения в нервную систему должны сознательно или бессознательно подаваться сведения о том, насколько положение нашей руки отличается от положения, при котором мы возьмём карандаш» [Wiener 2019: 9].

Схожесть работы обратной связи в механизмах и в живых организмах побудила исследователя и его коллег обратиться к нейрофизиологам с целью выяснить, как система обратной связи работает в человеческом сознании. В итоге усилиями медиков, математиков, физиков и инженеров в Гарвардской медицинской школе в 1940-х годах было создано новое научное направление, которое объединяло вопро-

сы контроля, управления и передачи информации, — *кибернетика*.

Винер отдельно объяснял мотивы выбора греческого неологизма (κυβερνήτης — «кормчий») *кибернетика* для обозначения этой новой отрасли знания. «Выбирая этот термин, — отмечал математик, — мы тем самым признавали, что первой значительной работой по механизмам с обратной связью была статья о регуляторах, опубликованная Кларком Максвеллом в 1868 г., и что слово “governor”, которым тот обозначал регулятор, происходит от латинского искажения слова “κυβερνήτης”. Мы хотели также отметить, что судовые рулевые машины были действительно одними из самых первых хорошо разработанных устройств с обратной связью» [Wiener 2019: 18].

В предисловии ко второй работе по кибернетике, опубликованной в 1950 году [Wiener 1988], в которой Винер уже непосредственно размышлял о применимости этого направления к описанию и изучению общественных процессов, Э. Кольман вспоминал, что название «кибернетика» было перенято у французского физика Ампера. «Ещё в 1834 году, — замечал Кольман, — пытаюсь дать всеобъемлющую классификацию наук, он назвал так предполагаемую науку об управлении человеческим обществом» [Винер 1958: 5–22].

Кибернетика родилась в связи с технической задачей. В то же время как подход к управлению, основанный на принципе обратной связи, он оказался применим не только для создания саморегулирующихся машин, но и для решения общественных задач в рамках государственного управления.

Основные концепты и ограничения кибернетической модели управления

Чем сложнее устроено общество, тем труднее в нём вырабатывать эффективные управленческие решения. Фриц Шарпф [Scharpf 1988] продемонстрировал это наблюдение на примере федеративных государств и многоуровневой системы Европейского Союза. В случае последнего у ряда игроков есть право вето, поэтому большая

часть принятых решений, как правило, редко отличается от «наименьшего общего знаменателя». Управление, основанное на постоянной обратной связи, повышает качество принимаемых решений и их результаты. Она составляет основу кибернетической модели, из которой вытекают остальные концепты.

В то же время неизбежным явлением оказывается запаздывание между изменением среды и реакцией центра управления. Эти задержки в реагировании системы могут быть следствием её политической неадекватности, недоверия к индикаторам или противоречивой информации, поступающей из разных источников. У запаздывания можно обнаружить и положительные функции, несмотря на преобладание негативных. Оно даёт время для дополнительных консультаций и размышлений, в том числе перед принятием судьбоносных решений, например о вступлении в войну. Учитывая, что количество индикаторов всегда больше единицы, запаздывание является зачастую неизбежной необходимостью выделения дополнительного времени для анализа поступающих данных.

Упреждение — противоположность вышеобозначенному феномену. Представим, что система управления принимает решения на опережение. В этом случае ключевая роль отводится прогнозированию. Некоторые процессы разворачиваются линейно — их довольно легко предвидеть. Для нелинейных процессов уже требуется компьютерное моделирование, которое наталкивается на ограничение, поскольку реальные события пытаются спрогнозировать по электронной модели, а не на основе действительных наблюдений.

Реакция системы управления на изменение среды и объекта управления может быть сильной или слабой. В идеале чувствительность к происходящим переменам должна быть средней. Сверхчувствительная система в сфере национальной безопасности может вызвать гиперреакцию на незначительный инцидент на границе, что в итоге влечёт за собой риск войны. Особенно опасна подобная чувствительность в отношениях между

ядерными державами. С другой стороны, существует и научная литература о феномене недостаточной реакции на внешние угрозы (under-balancing) [Schweller 2008; Gause 2017; Gindarsah, Priamarizki 2021].

Можно выделить следующие ограничения кибернетической модели управления. *Во-первых*, речь идёт о высокой зависимости от качества информации, от правильности выбора индикаторов и от скорости и силы реакции системы на изменения. Хотя полностью надёжной информации и достоверных показателей не существует, со временем качество информации повышается, ведётся постоянная работа с индикаторами в сторону поиска более адекватных. В качестве примера приведём активную дискуссию в международных организациях, в частности в ОЭСР, идеи замены ВВП как основного показателя степени развития государства на уровень благосостояния (well-being) [Durand 2015]. По мнению сторонников такой замены, предлагаемый ими показатель лучше, так как включает в себя большее количество компонентов и он менее разрушительный для окружающей среды по сравнению с ВВП, который был порождён индустриальным периодом экономического развития. При этом с точки зрения кибернетической модели управления обеспечивать рост «well-being» сложнее, чем ВВП. Н. Луман, обсуждая особенности кибернетической модели управления, отмечает, что «если температуру в доме можно поддерживать на постоянном уровне, то это вовсе не означает, что в дом не проникнут воры, что не будет испорчена мебель или ковры или что электрические приборы на кухне будут нормально функционировать... Кибернетика всегда имеет отношение только к специфическим константам, к специфическим различиям... Чтобы суметь предсказать состояние системы в будущем, вам придётся изобрести очень сложную систему многовариантных механизмов управления и даже управления механизмами управления» [Луман 2007: 55]. Благосостояние менее специфический показатель, чем ВВП, так как включает в себя большее количество компонентов, поэтому

поддерживать рост ВВП с помощью кибернетической модели должно быть проще.

Во-вторых, необходимо отметить политические ограничения, связанные, как правило, с несовпадением политической целесообразности с технократической. Система постоянной обратной связи и принимаемые на её основе качественные управленческие решения могут подрывать чьи-то политические интересы. Если этот субъект обладает весом в системе, то он будет в ответ препятствовать работе кибернетической модели.

Кроме того, государственный сектор — это всегда довольно большая и крайне инерционная часть экономики. Инерционность его развития объясняется концепцией ловушки колеи, когда институционально укоренившиеся устаревшие идеи и практики продолжают оказывать регуляторное влияние, снижая общую эффективность государственного управления.

Применение кибернетической модели на уровне выше государственного приведёт к умножению рассмотренных ограничений, поскольку сложность предмета только повысится. Более того, не существует единой системы глобального управления, которая бы реагировала на изменения как единое целое. Имеет смысл рассматривать каждый отдельный международный режим как систему управления. Вместе с тем сложно представить, что все они будут связаны одной целью и действовать скоординированно для её достижения.

Учитывая перечисленные особенности и ограничения, можно сделать вывод, что кибернетическая модель управления довольно требовательна и может быть реализована при выполнении следующих условий: поддерживать необходимо минимальное количество параметров системы (в идеале — один), доминирует преимущественно технократическая логика (вмешательство политической целесообразности в процесс управления ограничено), информация, циркулирующая в системе обратной связи, должна быть высокого качества, а регулятор действовать оперативно и как единое целое.

Глобальное кибернетическое управление в свете макросекьюритизации

Вопрос об общей инклюзивной управленческой задаче на глобальном уровне подразумевает наличие проблемы планетарного масштаба, которая бы объединяла всех в равной степени. Несмотря на обилие международных вызовов, нет ни одного, который одинаково бы сплачивал всех. Тем не менее проблемы можно сравнивать по универсальности и масштабу их социальной значимости — от локальных до близких к глобальным.

Для вопросов, которые требуют оперативного решения, кибернетическая модель управления была бы наиболее уместной, так как при прочих равных именно она помогает с помощью обратной связи получить оптимальный результат в относительно короткий срок. Логично ожидать, что чем более секьюритизированной является проблема, тем с большей вероятностью будет использоваться именно эта модель. Тем не менее, как мы выяснили, её важной особенностью является технократический характер, который далеко не всегда сочетается с политической целесообразностью. При секьюритизации же проблема переводится в разряд вопросов безопасности. В этой ситуации субъекты руководствуются в первую очередь аргументами политической значимости. В то же время в случае угрозы выживания политическая и технократическая целесообразность могут совпасть. Для того чтобы выиграть сражение, призывают наиболее умелого, а не наиболее лояльного генерала. Военное дело исторически было колыбелью меритократии [Fukuuyama 2011]. Следовательно, на практике эти два подхода скорее сочетаются, чем исключают друг друга.

Конструктивизм даёт теоретический инструментарий для аналитического срав-

нения инклюзивности различных угроз безопасности. Барри Бузан и Оле Уэвер [Buzan, Wæver 2009], развивая Копенгагенскую школу секьюритизации, утверждали, что угрозы международной безопасности не существуют изолированно друг от друга. Они формируют констелляции. Между ними строится иерархия с точки зрения широты аудитории и универсальности проблематики. Существуют нишевые угрозы на разных уровнях мировой политики, которые вызывают обеспокоенность у соответствующей группы, но возникают и универсальные по проблеме и охвату вызовы.

Последние формируются и поддерживаются дискурсами макросекьюритизации (новый термин, предложенный Бузаном и Уэвером)². Они иерархически выше и оказывают формирующее влияние в том смысле, что нижестоящие по уровню или универсальности дискурсы выражаются в терминах макросекьюритизации. Например, в Средние века в Европе эту роль играли крестовые походы, в период «холодной войны» — противостояние СССР и США, в начале 2000-х годов — война против терроризма. В 2009 году, когда была опубликована статья по макросекьюритизации, Бузан и Уэвер в качестве наиболее вероятного претендента на всеохватывающий макросекьюритизирующий дискурс и по влиянию на различные международные режимы, и с точки зрения признания со стороны международного общественного мнения, рассматривали изменение климата и глобальное потепление. В 2022 г. Б. Бузан и Роберт Фолкнер рассматривают изменение климата как безальтернативный макросекьюритизирующий дискурс [Falkner, Buzan 2022]³.

С точки зрения кибернетической модели управления интерес представляет про-

² Макросекьюритизация — секьюритизация, при которой референтный объект находится выше среднего уровня (нации, государства) и инкорпорирует в себя, структурируя соответствующим образом, дискурсы секьюритизации, находящиеся уровнем ниже [Buzan, Wæver 2009: 257].

³ Книга вышла в январе 2022 года, поэтому авторы не учитывают в ней резкое обострение конкуренции между великими державами после февраля 2022 г.

блема изменения климата, так как после Парижского соглашения 2015 г.⁴ определяющим успех глобального управления в этой сфере, по сути, стал один индикатор — насколько средняя температура на планете выросла по сравнению с доиндустриальным периодом. Это обстоятельство делает её похожей на классические кибернетические задачи — не допустить отклонения одного из параметров системы от заданного диапазона.

Конкуренция между великими державами аналогичным образом может быть описана с помощью этой модели, если установление силового равновесия между ними считать результатом целенаправленной политики, а не побочным, механическим эффектом стремления к обеспечению своей безопасности. Вместе с тем данный случай наталкивается на принципиальную трудность — проблему измерения силы в международных отношениях [Guzzini 2013: 109–135]. Её часто операционализуют при помощи ресурсов, что противоречит социальной природе политической силы, делающей её обусловленной социальным контекстом. Один и тот же ресурс в разных контекстах будет иметь и разное значение, и разную эффективность. В научной литературе существует описание, как минимум, её четырёх разных типов (принудительная, институциональная, структурная и производительная) [Barnett, Duvall 2004]. Между тем только одну из них (принудительную) с разной степенью успеха пытаются посчитать [Beckley 2018].

Копенгагенская школа изучения безопасности позволила концептуально обобщать рассмотрение изменения климата в качестве общей инклюзивной управленческой задачи на глобальном уровне, пред-

ставив её как актуальный дискурс макросекьюритизации. Относительно конкурирующей с ним проблемы обострения конкуренции великих держав данный дискурс в большей степени соответствует обозначенным в предыдущем разделе условиям реализации кибернетической модели управления. Здесь всего один параметр, и он легкоизмерим — удержание роста температуры в пределах 1,5°C. Таким образом, изменение климата можно рассматривать как решающий кейс кибернетической модели глобального управления, то есть такой, в котором данная модель скорее всего должна быть использована [Gerring 2007: 115–122].

Всеобщая декарбонизация и глобальный климат-контроль

В 1992 г. была подписана Рамочная конвенция по изменению климата (РКИК)⁵. Основной причиной этих изменений признавались антропогенные выбросы парниковых газов. Вокруг данного документа сложился международный режим, выполняющий роль макросекьюритизирующего дискурса. Он не просто описывает климатические изменения как экзистенциальный вызов человечеству, но сформировал предпосылки для провозглашения новой геологической эпохи — Антропоцена [Lewis, Maslin 2013]. В рамках этого дискурса всеобщая ускоренная экономическая декарбонизация⁶ провозглашается единственным средством выживания, а ключевым индикатором успеха служит средняя температура по планете.

Необходимые значения этого показателя были зафиксированы в Парижском соглашении 2015 года (подписано на 21-й климатической конференции) и уточнены в специальном докладе Межправитель-

⁴ Paris Agreement. 2015. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_pari_agreement.pdf (accessed: 15.12.2023).

⁵ Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата. 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 15.12.2023).

⁶ Имеется в виду углеродная нейтральность — объёмы эмиссий углекислого газа не превышают его объёмов, поглощаемых океанами и лесами.

ственной группы экспертов по изменению климата «Глобальное потепление на 1,5°C» в 2018 году⁷. Человечество должно снизить зависимость экономики от углеродов настолько, чтобы средняя температура не превышала 1,5°C по сравнению с доиндустриальным периодом. По расчётам МГЭИК, «в период 2020–2030 годов выбросы необходимо снижать на 7,6 % в год, чтобы температура не превышала 1,5°C, то есть составляла 2,7 процента в год, оставаясь в пределах не более 2°C». Выбросы напрямую зависят от сжигаемого ископаемого топлива, поэтому, «чтобы двигаться по пути к достижению показателя в 1,5°C, миру необходимо в период 2020–2030 годов сокращать добычу и производство ископаемого топлива примерно на 6% ежегодно»⁸.

Заявленные цели являются амбициозными. Они затрагивают все сферы общественных отношений на каждом уровне — от индивидуального до национального и глобального. Оперативно развернуть глобальную экономику в сторону углеродной нейтральности крайне сложно⁹. Инерция неизбежна. Специалисты МГЭИК отмечают, что вместо сокращений добычи и производства ископаемого топлива страны планируют среднегодовое увеличение этого показателя на 2 процента, что к 2030 г. приведёт к более чем двукратному увеличению производства». Прогнозы МГЭИК неутешительны: «мы при всём желании не успеваем в достижении целей Парижского соглашения»¹⁰.

Несмотря на сложности в реализации планов ускоренной декарбонизации для сохранения температуры в пределах 1,5°C, Соглашение 2015 г. и сформировавшийся

вокруг него глобальный аппарат управления¹¹ демонстрируют кибернетическую модель в глобальном измерении во всей её наглядности.

Обратная связь и мониторинг

Соглашение 2015 г. предусматривает систему регулярных национальных и глобальных отчётов о реализации странами своих целей в области сокращения выбросов парниковых газов. Эти отчёты и обзоры служат в качестве инструмента обратной связи, позволяющего оценить эффективность принятых мер и решить, требуются ли коррекции или улучшения. Ключевой структурой обратной связи мониторинга изменения климата выступает МГЭИК.

Адаптация к изменениям

Парижское соглашение основано на принципах адаптивного управления. Определяемые на национальном уровне вклады (ОНУВ) являются его ключевым элементом. ОНУВ выражаются в обязательствах по достижению углеродной нейтральности. При этом страны могут пересматривать свои национальные цели в соответствии с изменяющейся ситуацией и научными данными о климатических изменениях. Важно отметить, что уровень амбициозности государств по вопросу скорости достижения углеродной нейтральности приобрёл функцию статусного маркера в международных отношениях [Жорнист и др. 2022].

Глобальная координация и взаимодействие

Участие в Парижском соглашении 195 стран и ЕС подчёркивает глобальный характер проблемы изменения климата. Документ служит механизмом для координации и взаимодействия между различными

⁷ Allen M. et al. Special Report: Global Warming of 1.5 C. Intergovernmental Panel on Climate Change // IPCC. 2018. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (accessed: 15.12.2023).

⁸ Основные факты и данные об изменении климата // ООН. URL: <https://www.un.org/russian/climatechange/science/key-findings> (дата обращения: 15.12.2023).

⁹ Например, достижение углеродной нейтральности России к 2060 году по оценкам «ВТБ капитал», обойдётся ей в 102,7 трлн руб. См.: Бойко А. Цена нейтральности // Энерговектор. 30.11.2021.

¹⁰ Там же.

¹¹ В данном случае понятие «аппарат» используется в том смысле, который в него вкладывал М. Фуко [Agamben 2009]. Аппарат, по его мнению, не просто техническое устройство, а сложная система социальных институтов, дисциплинарных механизмов и знаковых практик.

ми игроками. В то же время он поощряет участие негосударственных субъектов, включая бизнес, города, регионы и организации гражданского общества. В частности, в статье 6 положительно оценивается добровольное участие негосударственных игроков в реализации мер по борьбе с изменением климата¹². Их вклад рассматривается как решающее значение для повышения общей эффективности усилий по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним. В качестве примера можно привести 96 городов, которые создали сеть «C40 Cities Climate Leadership Group»¹³.

Цикличность и коррекция

Цикличность пересмотра национальных планов и глобальных целей подчёркивает итеративный характер подхода. Если стратегии не достигают желаемых результатов, страны могут быстро внести коррективы в свои планы. Этот процесс итераций и коррекций отражает циклы принятия решений в кибернетическом управлении.

МГЭИК в постоянном режиме отслеживает данные по изменению климата и выпускает плановые оценочные доклады¹⁴. Можно сказать, что она выполняет роль технического регулятора и агрегатора данных, а Конференции сторон конвенции — международного правительства, которое собирается каждый год и инициирует конкретные шаги по достижению положений Рамочной конвенции.

Сложность сохранения средней температуры планеты в заданных пределах трудно переоценить, при этом такая задача хорошо описывается в терминах кибернетической парадигмы. Аналогия с термостатом, который обычно приводится в качестве примера кибернетического механизма, в данном случае вполне уместна. В мире сложилась система, суть которой в чём-то схожа с этим устройством: под-

держивать среднюю температуру на планете в конкретном диапазоне через систему обратной связи между усилиями человечества по декарбонизации и изменением температуры. Таким образом, задача по выживанию человечества сводится к задаче глобального климат-контроля. Она вполне соответствует Антропоцену как новой геологической эпохи, так как человечество берётся регулировать температуру планеты.

* * *

В данной статье кибернетическая модель управления была переведена с национального уровня анализа, где существовала со времён Карла Дойча, на глобальный. Этот перенос стал возможным не только благодаря отсутствию логических и теоретических препятствий для такого масштабирования, но и тому факту, что сама практика глобального управления стала напоминать классические кибернетические задачи, как, например, удержание средней температуры по планете в пределах роста до 1,5°C относительно доиндустриального периода. Речь идёт о создании термостата, но в планетарных масштабах. Решение этой задачи требует не только ускорения энергетического перехода, изменения моделей социального поведения и экономического потребления на индивидуальном уровне, но и учёта механизмов климатической и геологической эволюции планеты. Колоссальный уровень сложности при простоте цели и необходимости её скорейшего достижения делает кибернетическую модель управления оптимальным выбором. Немаловажно, что благодаря современному уровню развития технологий и сложившейся вокруг Парижского договора институциональной инфраструктуре, реализация кибернетической модели в глобальных масштабах становится физически возможной.

¹² Парижское соглашение // РКИК. 2015. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

¹³ C40 cities. URL: <https://www.c40.org/> (accessed: 15.12.2023).

¹⁴ Доклады МГЭИК. URL: <https://www.ipcc.ch/reports/> (дата обращения: 15.12.2023).

Список литературы

- Богатуров А.Д. Динамичная стабильность в международной практике // Очерки теории и политического анализа международных отношений / Под ред. А.Д. Богатурова, Н.А. Косолапова, М.А. Хрусталёва. М.: Московский рабочий, 2002. С. 145–171.
- Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Иностранная литература, 1958. 200 с.
- Жорнист В.М., Несмашный А.Д., Харкевич М.В., Сафранчук И.А. Дифференциация государств по климатической амбициозности: влияние на мировую политику // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 163–182. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-08
- Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с.
- Монбриаль Т. Действие и система мира. М.: РОССПЭН, 2005. 488 с.
- Agamben G. "What is an apparatus?" and other essays. Stanford University Press, 2009. 80 p.
- Adler E., Barnett M. Security communities. Cambridge University Press, 1998. 462 p.
- Avant D.D., Finnemore M., Sell S.K. Who governs the globe? Cambridge University Press, 2010. 439 p.
- Bauer R.A. Social Indicators. Cambridge, MA: MIT Press, 1966. 380 p.
- Barnett M., Duvall R. Power in global governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 375 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491207>
- Beckley M. The Power of Nations: Measuring What Matters // International Security. 2018. Vol. 43. No. 2. P. 7–44. doi: https://doi.org/10.1162/isec_a_00328
- Bianchi C. Improving performance and fostering accountability in the public sector through systems dynamic modelling // Systems Research and Behavioral Science. 2010. Vol. 27. No. 4. P. 361–384. <https://doi.org/10.1002/sres.1038>
- Buzan B., Wæver O. Macrosecuritisation and security constellations: reconsidering scale in securitization theory // Review of international studies. 2009. Vol. 35. No. 2. P. 253–276. doi:10.1017/S0260210509008511
- Davis K.E., Kingsbury B., Merry S.E. Indicators as a technology of global governance // Law & Society Review. 2012. Vol. 46. No. 1. P. 71–104. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5893.2012.00473.x>
- Deutsch K.W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York: Free Press, 1963. 316 p.
- Durand M. The OECD better life initiative: How's life? and the measurement of well-being // Review of Income and Wealth. 2015. Vol. 61. No. 1. P. 4–17. <https://doi.org/10.1111/roiw.12156>
- Fukuyama F. The origins of political order: From prehuman times to the French Revolution. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 608 p.
- Gause F.G. Ideologies, alignments, and underbalancing in the new Middle East Cold War // PS: Political Science & Politics. 2017. Vol. 50. No. 3. P. 672–675.
- Gerring J. Case study research: Principles and practices. Cambridge university press, 2007. 265 p.
- Gindarsah I., Priamarizki A. Explaining Indonesia's Under-balancing: The Case of the Modernisation of the Air Force and the Navy // Journal of Asian Security and International Affairs. 2021. Vol. 8. No. 3. P. 391–412.
- Great powers, climate change, and global environmental responsibilities / ed. by R. Falkner, B. Buzan. Oxford University Press, 2022. 304 p.
- Guzzini S. Power, Realism and Constructivism. London: Routledge, 2013. 360 p. <https://doi.org/10.4324/9780203071748>
- Lewis S.L., Maslin M.A. Defining the Anthropocene // Nature. 2015. Vol. 519. No. 7542. P. 171–180. <https://doi.org/10.1038/nature14258>
- Peters G. Information and governing: Cybernetic models of governance // The Oxford Handbook of Governance / ed. by D. Levi-Faur. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 19–32. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199560530.013.0008>
- Scharpf F.W. The joint decision-trap: Lessons from German federalism and European integration // Public Administration. 1988. Vol. 66. No. 3. P. 239–278. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1988.tb00694.x>
- Schweller R.L. Unanswered threats: Political constraints on the balance of power. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2008. 200 p.
- Steinbruner J.D. The Cybernetic Theory of Decision: New Dimensions of Political Analysis. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1974. 368 p.
- The Palgrave handbook of indicators in global governance / ed. by D. V. Malito, G. Umbach, N. Bhuta. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan Cham, 2018. 535 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-62707-6>
- Wiener N. The Human Use of Human Beings Cybernetics and Society. Hachette Books, 1988. 200 p.
- Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. MIT Press, 2019. 352 p.

Zapf W. Social reporting in the 1970s and in the 1990s // Social Indicators Research. 2000. Vol. 51. P. 1–15. <https://doi.org/10.1023/A:1006997731263>

Zürn M. A theory of global governance: Authority, legitimacy, and contestation. Oxford University Press, 2018. 368 p.

CYBERNETIC MODEL OF GLOBAL GOVERNANCE

MAXIM KHARKEVICH

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The cybernetic model of governance, well-established at the national level, has yet to be applied in transnational and global dimensions for analytical purposes, despite favorable conditions for its implementation. Global governance practices are increasingly resembling classic cybernetic challenges, such as maintaining the planet's average temperature within a 1.5°C increase relative to the pre-industrial era. This task essentially involves the creation of climate control on a planetary scale. Its resolution demands not only an acceleration of the energy transition and changes in social behavior and economic consumption patterns at an individual level but also a consideration of the mechanisms of the planet's climatic and geological evolution. This article traces the genealogy of the cybernetic governance model from its initial description in the works of Norbert Wiener to contemporary studies in political science, identifying key concepts and limitations of this model. Utilizing the Copenhagen School of Security Studies, particularly the concept of "macro-securitization," the article justifies the selection of climate change as a crucial case for the cybernetic model of global governance. The analysis of the practice of implementing global governance in the field of climate change aligns with the main characteristics of the cybernetic model and can be viewed as its practical application. The cybernetic model's primary challenge in a global context lies in its requirement for an overarching, unified approach to complex and diverse global issues. The model's emphasis on measurable indicators poses difficulties in areas where quantifiable metrics are less apparent or where multiple competing interests and values must be balanced. This necessitates a nuanced understanding of the global political and socio-economic landscape and the intricate interplay between various actors and factors influencing global governance. The article suggests that while the cybernetic model offers valuable insights for certain global challenges, particularly in environmental governance, its broader application across diverse global governance domains warrants careful consideration and adaptation to the complex realities of global politics and policy-making.

Keywords:

Wiener; balance of power; climate change; Copenhagen school; global governance

References

- Adler E., Barnett M. (1998). *Security communities*. Cambridge University Press. 462 p.
- Agamben G. (2009). *"What is an apparatus?" and other essays*. Stanford University Press. 80 p.
- Avant D.D., Finnemore M., Sell S.K. (2010). *Who governs the globe?* Cambridge University Press. 439 p.
- Bauer R.A. (1966). *Social Indicators*. Cambridge, MA: MIT Press. 380 p.
- Barnett M., Duvall R. (2004). *Power in global governance*. Cambridge: Cambridge University Press. 375 p. <https://doi.org/10.1017/CB09780511491207>
- Beckley M. (2018). The Power of Nations: Measuring What Matters. *International Security*. Vol. 43. No. 2. P. 7–44. doi: https://doi.org/10.1162/isec_a_00328
- Bianchi C. (2010). Improving performance and fostering accountability in the public sector through systems dynamic modelling. *Systems Research and Behavioral Science*. Vol. 27. No. 4. P. 361–384. <https://doi.org/10.1002/sres.1038>

- Bogaturov A.D. (2002) Dinamicheskaya stabil'nost' v mezhdunarodnoj praktike [Dynamic stability in international practice]. In: Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenij*. Moscow: Moskovskiy rabochiy. P. 145–171.
- Buzan B., Wæver O. (2009). Macrosecuritisation and security constellations: reconsidering scale in securitisation theory. *Review of international studies*. Vol. 35. No. 2. P. 253–276. doi:10.1017/S0260210509008511
- Davis K. E., Kingsbury B., Merry S. E. (2012). Indicators as a technology of global governance. *Law & Society Review*. Vol. 46. No. 1. P. 71–104. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5893.2012.00473.x>
- Deutsch K. W. (1963). *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York: Free Press. 316 p.
- Durand M. (2015). The OECD better life initiative: How's life? and the measurement of well-being. *Review of Income and Wealth*. Vol. 61. No. 1. P. 4–17. <https://doi.org/10.1111/roiw.12156>
- Falkner R., Buzan B. (2022) (ed.). *Great powers, climate change, and global environmental responsibilities*. Oxford University Press, 2022. 304 p.
- Fukuyama F. (2011). *The origins of political order: From prehuman times to the French Revolution*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 608 p.
- Gause F.G. (2017). Ideologies, alignments, and underbalancing in the new Middle East Cold War. *PS: Political Science & Politics*. Vol. 50. No. 3. P. 672–675.
- Gerring J. (2007) *Case study research: Principles and practices*. Cambridge university press. 265 p.
- Gindarsah I., Priamarizki A. (2021) Explaining Indonesia's Under-balancing: The Case of the Modernisation of the Air Force and the Navy. *Journal of Asian Security and International Affairs*. Vol. 8. No. 3. P. 391–412.
- Guzzini S. (2013). *Power, Realism and Constructivism*. London: Routledge. 360 p. <https://doi.org/10.4324/9780203071748>
- Lewis S. L., Maslin M. A. (2015). Defining the anthropocene. *Nature*. Vol. 519. No. 7542. P. 171–180. <https://doi.org/10.1038/nature14258>
- Luhmann N. (2007). *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to system theory]. Moscow: Logos Publishing House. 360 p.
- Malito D.V., Umbach G., Bhuta N. (eds). (2018). *The Palgrave handbook of indicators in global governance*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan Cham. 535 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-62707-6>
- Montbrial Th. (2005). *Dejstvie i systema mira* [Action and system of the world]. Moscow: ROSSPEN. 488 p.
- Peters G. (2012). Information and governing: Cybernetic models of governance. In D. Levi-Faur (ed.). *The Oxford Handbook of Governance*. Oxford: Oxford University Press. P. 19–32. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199560530.013.0008>.
- Scharpf F.W. (1988). The joint decision-trap: Lessons from German federalism and European integration. *Public Administration*. Vol. 66. No. 3. P. 239–278. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1988.tb00694.x>
- Schweller R.L. (2008). *Unanswered threats: Political constraints on the balance of power*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 200 p.
- Steinbruner J.D. (1974). *The Cybernetic Theory of Decision: New Dimensions of Political Analysis*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 368 p.
- Wiener N. (1958). *Kibernetika i obschestvo* [Cybernetics and society]. Moscow: Foreign literature. 200 p.
- Wiener N. (1989). *The Human Use of Human Beings Cybernetics and Society*. Hachette Books. 200 p.
- Wiener N. (2019). *Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine*. MIT Press. 352 p.
- Zapf W. (2000). Social reporting in the 1970s and in the 1990s. *Social Indicators Research*. Vol. 51. P. 1–15. <https://doi.org/10.1023/A:1006997731263>
- Zhornist V., Nesmashnyi A., Kharkevich M., Safranchuk I. (2022). Differentsiatsiya gosudarstv po klimaticheskoy ambitsioznosti: vliyaniye na mirovuyu politiku [State Differentiation by Climate Ambition: Implications for World Politics]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij*. Vol. 17. No. 1. P. 163–182. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-08
- Zürn M. (2018). *A theory of global governance: Authority, legitimacy, and contestation*. Oxford University Press. 368 p.

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ США, ЕС И КНР В ОБЛАСТИ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ НА ФОНЕ МЕЖДЕРЖАВНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

ВЯЧЕСЛАВ СУТЫРИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена сравнительному анализу подходов США, ЕС и КНР к политике содействия международному развитию (СМР) с учётом тенденций, проявившихся в начале 2020-х годов. Выявлены общие и особенные черты в деятельности каждого из субъектов, раскрыты ключевые факторы, определяющие трансформацию подходов в условиях геополитического соперничества. К общим характеристикам относятся стремление к комплексному воздействию, увязке экономических проектов с культурно-гуманитарным влиянием и безопасностью. В действиях западных игроков сохраняется ориентация на переформатирование общественно-политических структур целевых стран. Отчётливо проявляются тенденции секьюритизации, которые в случае Вашингтона демонстрируют признаки «вепонизации» СМР – размывания грани между военной помощью, военно-политическим целеполаганием и традиционным содействием развитию. Политика в сфере СМР испытывает растущее давление краткосрочных приоритетов усиливающегося геополитического соперничества. Китай, в отличие от западных стран, избегает навязывания своей модели развития и секьюритизации СМР. Пекин выдвигает новые глобальные инициативы, стремясь позиционировать их как альтернативу политике Соединённых Штатов в сфере СМР. Место «мягкой силы» в мире междержавного соперничества постепенно занимают более сложные и комбинированные формы внешнеполитического влияния, сочетающие в себе культурно-гуманитарные, дипломатические, геоэкономические и силовые инструменты, важнейшим невоенным ресурсом для которых остаются программы в сфере СМР. Растущее значение приобретают новые пространства соперничества, связанные с индустриально-технологической гонкой, в том числе в области энергетики, климата и цепочек поставок, влияющие на политику СМР. Возрастает роль культурно-гуманитарных инструментов влияния в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий воздействия на человека, расширением числа негосударственных участников международных отношений и ростом активности Китая на арене гуманитарного сотрудничества и борьбы, в рамках которой бросается вызов доминированию Запада в данной сфере.

Ключевые слова:

содействие международному развитию; великодержавное соперничество; помощь развитию; СМР; культурно-гуманитарное влияние; мягкая сила; дипломатия

This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2023

Дата принятия к публикации: 18.12.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: slava.sutyurin@gmail.com

Одна из главных тенденций международных отношений с 2010-х годов — рост великодержавного соперничества на фоне изменения соотношения сил [Шаклеина 2022; Щербунов 2022]. Исследователи справедливо отмечают, что конкретные инструменты борьбы за доминирование и гегемонию, направленные на структурирование международной среды ведущими игроками, нередко остаются за рамками исследований [Истомин, Байков 2020]. Ситуация, сложившаяся к 2023 году, подталкивает мировых субъектов модифицировать подходы к внешнеполитической работе. Она высвечивает изъяны мирового порядка и соответствующие инструменты влияния.

Политика по содействию международному развитию (далее — СМР) выступает неотъемлемым компонентом межгосударственных отношений на протяжении более чем 70 лет [Morgenthau 1962]. Она активно используется ведущими игроками¹, всё глубже вовлекающимися в системное противостояние [Громыко 2022]. В этой сфере ярко проявляются новые техники соперничества и сталкиваются концепции мирового порядка, основанные на различных интересах и ценностях [Виноградов 2021].

Цель настоящей статьи — концептуализировать подходы к СМР в КНР, США и ЕС с учётом тенденций, наиболее полно проявившихся в начале 2020-х годов. Проверке подлежит гипотеза о том, что *СМР представляет собой комплекс инструментов по направлению и программированию развития целевых стран, но далеко не всегда с учётом национальных интересов реципиентов*. При этом СМР служит не только средством поддержки экспорта доноров, но и политического контроля и управления, включающего в себя сдерживание или корректировку развития затрагиваемых получателей помощи. В рамках этой политики, несмотря на возросшее значение военно-

силового компонента в соперничестве мировых субъектов, высока роль культурно-гуманитарного влияния, определяемого автором как комплекс целенаправленных мер воздействия на общество (социальные группы) зарубежной страны для корректировки её политического курса. Зачастую оно реализуется при помощи ресурсов СМР, выступая одним из стратегических элементов внешней политики.

Основным методом исследования выступает сравнительный анализ подходов Вашингтона, Пекина и Брюсселя. Он проводится на трёх уровнях: 1) управленческом — системы управления, концептуальные документы и базовые цели; 2) методологическом — уровень вмешательства во внутренние дела стран-реципиентов, базовые инструменты влияния, ресурсное обеспечение и проблема результативности; 3) трансформационном — реформы системы управления, новейшие изменения подходов и идеологических посылов. Временные рамки работы охватывают два последних десятилетия с акцентом на 2013–2023 годы как период обострения междержавного соперничества. Эмпирическая база включает в себя официальные заявления и документы в сфере стратегического, программного и операционного планирования, бюджетирования, реализации и внутреннего аудита СМР, статистические данные и отчёты международных организаций, в частности ОЭСР, и правительств, экспертные публикации и оценки.

СМР может быть определено как ресурсные потоки, реализующиеся официальными властями на льготных основаниях с декларируемой целью разрешения/ослабления социально-экономических проблем и уязвимостей зарубежных стран². Широкое подтверждение получил тезис о реализации этой политики преимущественно в интересах доноров, зачастую

¹ США, ЕС и КНР.

² Official development assistance (ODA) // OECD. URL: [https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm#:~:text=Official%20development%20assistance%20\(ODA\)%20is,of%20financing%20for%20development%20aid](https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm#:~:text=Official%20development%20assistance%20(ODA)%20is,of%20financing%20for%20development%20aid) (accessed: 20.10.2023).

преобладающих над нуждами реципиентов [Бартенев 2020; Содействие международному развитию 2018]. При этом изучение литературы позволяет выделить три главных пункта, по которым расходятся точки зрения представителей научного сообщества. Прежде всего, продолжается дискуссия о роли государства в развитии, где сталкиваются концепции неолиберализма и неозататизма [Chang 2002; Easterly 2003; Global Political Economy 2020]. Из неё вытекают дебаты между сторонниками планируемого сверху технократического пути развития [Sachs J. 2005] и спонтанно-рыночного, ставящего во главу угла политические права человека [Easterly 2014]. Первые выступают за постепенную трансформацию через сотрудничество с правительствами целевых стран, вторые — дистанцирование в отношении с авторитарными режимами³. Наконец, продолжается парадигмальная дискуссия о том, способствует ли СМР закреплению глобального неравенства и контролю слабых государств сильными или играет позитивную роль как минимум в препятствовании распространению фундаментализма на периферии [Ray 1999; Sodre, Hespagnol 2022].

Эволюция изучаемого феномена прошла через несколько этапов. Доктрина помощи развитию была сформулирована США в начале 1950-х годов как замена колониальных практик, обещающих странам «третьего мира» процветание в обмен на принятие правил модернизации в стратегических интересах Вашингтона [Sachs W. 2005]. Её становление определяла логика «холодной войны», когда материальная помощь рассматривалась как необходимый элемент сдерживания или отбрасывания

коммунизма. Критики слева выдвинули тезис о «развитии недоразвитости», указывая на неспособность капиталистической системы приблизить периферийные территории к уровню стран ядра [Frank 1967].

В 1970-х годах концепция развития как прогресса начала уступать первенство идее обеспечения базовых нужд в связи с пределами роста [Meadows et al. 1972; Stewart 1985]. На фоне кризиса альтернативы в лице СССР в конце 1980-х годов планка ожиданий была вновь снижена в рамках «вашингтонского консенсуса», предписывавшего минимизацию государственного регулирования экономики. Реализация этого подхода в Африке, Латинской Америке и отчасти Восточной Европе оказалась губительной для многих стран. Не удалось выявить устойчивой положительной корреляции между помощью и развитием [Esteve 2018; Singer 1989].

В начале 2000-х годов были предложены так называемый поствашингтонский консенсус и понятие «должного/эффективного управления» (*good governance*) [The Global Third Way 2001]. При сохранении принципов рыночной либерализации целью стало фактически не прямое управление государственным аппаратом в странах-реципиентах через обеспечение прозрачности, строительство институтов, гражданское общество. В последующие два десятилетия ситуация развивалась в логике гибридных моделей, к одной из которых относят и китайский подход к СМР [McNally 2020]. Последний вообрал в себя советский опыт, но сократил идеологический компонент в пользу рыночной прагматики и ограниченной либерализации. Пекин дистанцировался от западного подхода и одновре-

³ Первую позицию иллюстрирует тезис бывшего президента США Уильяма Клинтона (1993–2001): «помощь дешевле, чем война» (*Clinton B. Aid "cheaper than war" // News24. 04.09.2006*). Вторую точку зрения отражает лозунг экономиста Уильяма Истерли: «Не надо помогать автократам, направьте помощь демократам» (*Easterly W. The flaw in Bill Gates' approach to ending global poverty // The Seattle Times. 24.03.2014. URL: <https://www.seattletimes.com/opinion/guest-the-flaw-in-bill-gatesrsquo-approach-to-ending-global-poverty/> (accessed: 05.08.2023)*). Вместе с тем США практически не перечисляли помощь напрямую зарубежным правительствам, используя в качестве операторов американские или международные организации. См.: *Kenny C., Morris S. Biden's Foreign Aid Is Funding the Washington Bubble // Foreign Policy. 06.05.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/06/us-foreign-aid-biden-build-back-better-world-development/> (accessed: 05.08.2023)*.

менно адаптировал западные концепции, не претендуя на универсальную альтернативу западной парадигме СМР⁴.

С 2000-х годов, несмотря на рост общих затрат на СМР, появлялись новые данные о снижении или отсутствии влияния помощи на решение проблем развивающихся стран [Морозкина 2019; Nowak-Lehmann et al. 2013]. Большинство исследователей признавало важность помощи в конкретных сферах, например в медицине. Вместе с тем так и не удалось доказать, что она является драйвером экономического роста⁵. Установлено, что в некоторых случаях западная помощь использовалась реципиентами для репрессий и ущемления прав человека [Darden 2020]. К началу XXI века неравенство в мире достигло исторически беспрецедентных уровней [Пикети 2016; Сакс 2022]. По ряду базовых показателей (например, бедность, недоедание) в конце 2010-х годов наблюдался рост негативных тенденций [Phillips 2020]. На этом фоне констатации о крахе идеологии развития сверху (developmentalism) не вызывают удивления [Power 2019]. В то же время ведущие игроки продолжали тратить на СМР всё больше денег, несмотря на замедление темпов роста расходов в 2010-х годах.

На этом фоне сегодня все больше явственно проступают контуры усиливающегося

соперничества США, ЕС и КНР за первенство в сфере содействия развитию. Эти процессы далее рассматриваются сквозь призму программных и институциональных аспектов, методов влияния и ресурсной базы, а также новейших трансформаций политики трёх игроков.

Концептуальные рамки, цели и институты

Политика Соединённых Штатов в области СМР официально подчинена приоритетам безопасности и закреплена в Стратегии национальной безопасности от 2022 г. как неотъемлемый элемент национальной мощи наряду с дипломатией, разведкой и обороной⁶. Основным оператором средств СМР выступает Агентство США по международному развитию (далее — *USAID*)⁷, которое во взаимодействии с Государственным департаментом координирует зарубежную помощь Вашингтона. В документе, посвящённом принципам сотрудничества *USAID* с Министерством обороны, отмечается «всё более важная роль [СМР] в продвижении приоритетов национальной безопасности наряду с обороной и дипломатией»⁸. Агентство рассматривается как «потенциальный мост между армией и НПО»⁹.

Американская модель СМР представляет собой конгломерат правительственных органов¹⁰ и надтерриториальных структур,

⁴ КНР подчёркивала, что, в отличие от США, не требует от получателей открытия внутреннего рынка и финансовой либерализации. Пекин обвинял Вашингтон в использовании этих требований в своих стратегических интересах. См. подробнее: US Hegemony and Its Perils February 2023 // Report of the Ministry of Foreign Affairs of PRC. 20.02.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202302/t20230220_11027664.html (accessed: 25.05.2023).

⁵ С этим утверждением соглашаются и филантропы, например Билл Гейтс, основатель крупнейшего в мире филантропического фонда. См. подробнее: 2014 Gates Annual Letter // Bill & Melinda Gates Foundation. URL: <https://www.gatesfoundation.org/ideas/annual-letters/annual-letter-2014> (accessed: 15.06.2023).

⁶ National Security Strategy // The White House. 11.10.2022. P. 11. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 01.07.2023).

⁷ Организация признана нежелательной в России.

⁸ USAID Policy on Cooperation with the Department of Defense. P.1. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID%20Policy%20on%20Coop%20with%20DoD%20v6%20FINAL-date.pdf> [дата обращения: 10.05.2023].

⁹ Ibid. P. 5.

¹⁰ В реализации СМР участвуют еще около 20 государственных ведомств США, в том числе Пентагон, Корпорация по финансированию международного развития, Корпорация «Вызовы тысячелетия», министерства энергетики, сельского хозяйства, здравоохранения, армии и флота. Бюджеты СМР утверждает Конгресс.

включающих в себя глобальные рынки и финансовые потоки, корпорации, медиа и филантропические фонды [Сутурин 2022]. На вершине этой непрозрачной иерархии, похожей на сетевое облако влияния, находятся узкие транснациональные элитные группы в виде советов попечителей, включающих чиновников, крупный бизнес и академическое сообщество.

Президентство Дональда Трампа (2017–2021) показало, что эта отрасль лишь отчасти подконтрольна администрации США и способна сопротивляться её политической воле. Попытки 45-го президента реформировать американскую политику в сфере СМР, остановив программы продвижения демократии и на треть сократив финансирование отрасли, потерпели неудачу (табл. 1). При этом основные источники финансирования содействия международному развитию остались государственными.

Институциональный дизайн американской политики испытывает на себе растущее влияние императива геополитического соперничества с КНР. В 2019 г. была учреждена Корпорация по финансированию международного развития Соединённых Штатов с целью «обеспечения стран действенной альтернативой инвестициям авторитарных правительств и стратегических конкурентов США»¹¹. Корпорация изначально нацеливалась на конкуренцию с Китаем [Regilme, Hodzi 2021] за высокотехнологичные рынки в интересах нацио-

нальной безопасности¹². Она стала использоваться среди прочего как инструмент для передела геоэкономических сфер влияния в Восточной Европе в области газовой и атомной энергетики¹³, в том числе в рамках инициативы «Три моря»¹⁴.

USAID и Государственный департамент в 2023 г. утвердили следующие приоритеты СМР: поддержка Украины и других постсоветских стран против России, обновление глобального лидерства США и отношений с партнёрами для противостояния Пекину и Москве, борьба с климатическим кризисом, обеспечение американского лидерства в глобальном здравоохранении и международных организациях, продовольственная безопасность, цифровизация, демократизация для борьбы с авторитаризмом¹⁵.

Параметры политики Европейского Союза¹⁶ в сфере СМР были заданы Глобальной стратегией ЕС, Новым европейским консенсусом по вопросам развития и приоритетами Европейской комиссии. На период 2019–2024 годов речь идёт о плане по декарбонизации экономики ЕС («зелёной сделке»), цифровизации, экономическом развитии (ставка на молодёжь и малый бизнес), укреплении глобальной роли интеграционного объединения, продвижении европейского образа жизни и демократизации¹⁷. В документе постулируется, что «привлекательность ЕС» способствует трансформации других стран. Вместе с тем заявленные результаты уже при-

¹¹ S.2463 – U.S. Congress BUILD Act of 2018 // US Congress. URL: <https://www.congress.gov/bills/115th-congress/senate-bill/2463/text> (accessed: 30.05.2023).

¹² U.S. International Development Finance Corporation Begins Operations. January 2, 2020. URL: <https://www.dfc.gov/media/press-releases/us-international-development-finance-corporation-begins-operations> (дата обращения: 30.05.2023).

¹³ DFC Chief Climate Officer Jake Levine Testimony to House Committee on Foreign Affairs // DFC. 16.06.2017. URL: <https://www.dfc.gov/media/speeches-testimony/dfc-chief-climate-officer-jake-levine-testimony-house-committee-foreign> (accessed: 30.05.2023).

¹⁴ Инициатива «Три моря» предложена Атлантическим советом при НАТО, чтобы теснее связать страны Балтийского, Чёрного и Адриатического морей в вопросах логистики, энергетики и продовольствия. Тем самым старая геополитическая концепция «Междуморья» дополняется Балканами. Подробнее см.: Three Seas Story. URL: <https://3seas.eu/about/threeseasstory> (accessed: 30.05.2023).

¹⁵ U.S. Department of State and U.S. Agency for International Development FY 2023 Budget Request. Fact Sheet // U.S. Department of State. 28.03.2022. URL: <https://www.state.gov/u-s-department-of-state-and-u-s-agency-for-international-development-fy-2023-budget-request/> (accessed: 10.05.2023).

¹⁶ Здесь и далее речь идёт об органах ЕС, а не о государствах-членах.

¹⁷ The European Commission's priorities for 2019-2024 // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024_en (accessed: 14.05.2023).

знаются недостаточными. Для того чтобы «бороться со сверхдержавами», необходима не только «мягкая сила», но и укрепление обороны и безопасности, в том числе за счёт расширения ЕС¹⁸.

Администрирует политику интеграционного объединения в сфере СМР Генеральный директорат международных партнёрств Европейской комиссии, курирующий планирование, реализацию и мониторинг в этой области из средств общеевропейского бюджета, а также Европейская служба внешних связей (ЕСВС), осуществляющая общую координацию. Делегации Европейского Союза, подчинённые ЕСВС, претворяют в жизнь локальные проекты СМР в странах пребывания. Крупные международные проекты курирует Европейская комиссия. Сложность системы возрастает в связи с разделением суверенитета и необходимостью совместной работы, местами переходящей в конкуренцию, между институтами ЕС и государствами-членами, проводящими собственную политику [Бартенев 2020]. Это обстоятельство обуславливает постоянную борьбу наднациональной бюрократии за сохранение и расширение своих полномочий, не исключая настойчивое акцентирование внешних угроз.

После 2014 г. ЕС создал ряд институтов, позиционируемых как средство противодействия российской дезинформации. На практике эта политика означала постепенное перепрограммирование зарубежной культурно-гуманитарной инфраструктуры, направленное на ущемление российских интересов в странах-реципиентах. В 2019 г. были провозглашены геополити-

ческие приоритеты нового состава Европейской комиссии, а комиссар по международным партнёрствам, курирующая СМР, заявила о намерении вносить вклад в «геополитические амбиции» объединения¹⁹.

В отсутствие европейской армии содействие международному развитию стало основным ресурсом внешнеполитического влияния Брюсселя наряду с доступом к рынку ЕС и перспективой членства для ряда соседних стран [Youngs, Zihnioglu 2021]. Цели этого влияния — включение новых территорий в европейский рынок на выгодных для интеграционной группировки условиях, упорядочивание и ограничение миграционных потоков, укрепление международного статуса объединения. Логика СМР заключается в экспорте норм и стандартов ЕС в зарубежные страны в области правового регулирования, производства, культуры, политики и управления, что повышает конкурентоспособность и политическое влияние Брюсселя²⁰.

В отличие от сложившихся американского и европейского подходов к организации СМР, китайская система управления находится в процессе реформирования. Оно связано с перенастройкой целеполагания, задаваемого в программных заявлениях руководства государства и пятилетних планах. Упор переносится с экономического прагматизма предшествующих десятилетий на политические и культурно-гуманитарные задачи. В КНР сформировался конгломерат из нескольких десятков государственных учреждений под общим руководством Государственного совета, включивший в себя профильные мини-

¹⁸ Shared Vision, Common Action: a Stronger Europe: a Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. 60 p. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed: 05.08.2023).

¹⁹ Geopolitical Commission builds on International Partnerships. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/news-and-events/stories/geopolitical-commission-builds-international-partnerships_en (accessed: 14.05.2023).

²⁰ Верховный представитель ЕС Жозеп Боррель в своём выступлении в ноябре 2021 г. красноречиво сформулировал этот принцип: «Социально-экономические структуры, труд, баланс сил в мире изменятся. Мы, западные народы, США и ЕС, управляли миром, потому что мы устанавливали нормы и стандарты, мы властвовали над тем, как работали технологии. ... если мы не сможем больше устанавливать нормы и стандарты, мы не будем править в XXI веке» (J. Borrell's Address at Global Progressive Forum. Official Account of Foundation For European Progressive Studies. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CVNR-ZuXlyM> (accessed: 14.04.2023)).

стерства, механизм межведомственной координации, государственные банки и исследовательские центры. До конца 2010-х годов в системе доминировали экономические ведомства при ведущей роли Министерства коммерции, борющегося за влияние на СМР с МИД [Zhang, Smith 2017]. Содействие международному развитию рассматривалось в основном как льготные связанные кредиты²¹ и проекты «под ключ» в сфере добычи полезных ископаемых и физической инфраструктуры, дающие прибыль как реципиентам, так и донору.

Наращивание «мягкой силы» и экспорта культуры активно обсуждалось в стране более 20 лет. В 2007 г. соответствующую задачу поставил XVII съезд Коммунистической партии Китая (КПК) [Ломанов 2017]. Тем не менее они до 2013–2014 годов не встраивались системно в политику СМР. После прихода к власти Си Цзиньпина внимание к гуманитарным компонентам внешней политики возросло²². Они начали активно внедряться в работу по линии СМР, изменились приоритеты: чаще стало использоваться понятие дискурсивной силы. Речь шла о формировании комплексных культурно-гуманитарных продуктов — от нарративов и образов до технических стандартов²³. Имелась в виду привязка других стран к техноэкономической и социокультурной платформе КНР. Долгосрочной задачей этой деятельности эксперты считают «разрушение гегемонии западного дискурса» [Ломанов

2017]²⁴. Схожие тенденции стали наблюдаться и в работе китайских мозговых центров [Маслов 2021].

На официальном уровне эволюция китайского СМР была осмыслена как путь из трёх этапов: 1) первые зарубежные проекты для «прорыва западной блокады»; 2) крупные производственные и строительные программы для выхода китайского бизнеса на глобальный уровень; 3) превращение содействия международному развитию в важный стратегический инструмент внешней политики Пекина с фокусом на работе с обществом в странах-получателях помощи²⁵.

В 2015 г. по инициативе Председателя КНР Си Цзиньпина были учреждены Фонд содействия сотрудничеству «Юг–Юг» и Центр международных знаний о развитии для изучения новых моделей и методов оказания международной помощи. В 2016 г. на базе Пекинского университета был образован Институт сотрудничества и развития «Юг–Юг» для трансляции китайского опыта и стандартов управления иностранным чиновникам, учёным и экспертам. К 2022 г. обучение в магистратуре и аспирантуре института прошли более 300 чиновников из 67 стран мира²⁶.

Масштабирование китайских программ СМР, расширение спектра задач и запуск инициативы «Пояс и путь» потребовали усиления координации. С этой целью в 2018 г. было основано Китайское агентство по сотрудничеству в сфере международного развития (далее — CIDCA), обе-

²¹ Связанный кредит предполагает обязанность заёмщика не только своевременно выплатить всю сумму и проценты по кредиту, но также выполнить ряд дополнительных условий, например привлечь к реализации проекта подрядчиков со стороны кредитора, приобрести у него материалы и т.д.

²² Отдельные шаги по укреплению человеческого измерения в рамках СМР в Китае начали предприниматься в 1990-х годах с развёртыванием программ краткосрочных стажировок в КНР. См. подробнее: [Sun et al. 2021].

²³ Анализ растущего внимания правительства КНР к влиянию на глобальные технические стандарты, в том числе через СМР и «Пояс и путь», выходит за рамки настоящей статьи. См. подробнее: [Rühlig 2023].

²⁴ Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР // Аналитический доклад ИМИ. М.: МГИМО, 2022. 23 с.

²⁵ China's Foreign Aid and International Development Cooperation in a COVID-19 Pandemic World // China Daily. 20.12.2021. URL: subsites.chinadaily.com.cn/cidca/2022-06/14/c_770501.htm (accessed: 20.05.2023).

²⁶ Luo Zhaohui. Address by CIDCA Chairman at 3rd China and International Development Forum // China Daily. 12.05.2022. URL: http://subsites.chinadaily.com.cn/cidca/2022-12/05/c_836526.htm (accessed: 10.05.2023).

спечившее разработку стратегии, планирование и оценку СМР. Создание нового органа, подведомственного МИД, способствовало более тесной увязке содействия развитию с задачами китайской внешней политики. Учитывая сложный конгломерат китайских ведомств в этой сфере с преобладанием экономического блока, CIDCA стало лишь первым шагом на пути масштабных реформ по повышению координации, эффективность которого ещё предстоит оценить [Wu, Zhang 2021].

Китай выстраивал политику СМР, декларируя принцип невмешательства во внутренние дела государств, идеологически отстраняясь от лейтмотивов неоколониализма и стремясь позиционировать себя как лидера развивающегося мира и глобализации — более сбалансированной и устойчивой по сравнению с американоцентричной моделью [Ye 2022]. В основу китайского подхода легла иная трактовка прав человека: в отличие от западного приоритета гражданских и политических прав, Пекин постулировал приоритет социальных и экономических прав [Ломанов 2022]. При этом политическим условием сотрудничества остаётся принятие принципа одного Китая (то есть непризнание Тайваня).

Уровни координации (слаженности функционирования) институтов СМР, как и идеологические платформы рассматриваемых субъектов, заметно различаются. В США, несмотря на громоздкость системы, она замкнута на внешнеполитическом блоке под руководством Государственного департамента. В ЕС в связи со сложным процессом согласования национальных и наднациональных компетенций быстрая координация усилий затруднена. Китайская система находится в процессе реформирования с целью повышения уровня скоординированности. Новый баланс будет определён по итогам перераспределения полномочий

между экономическим и внешнеполитическим блоками правительства в пользу последнего. Идеологический компонент целеполагания СМР Соединённых Штатов на платформе «противостояния между демократиями и автократиями» служит сплочению их геополитического блока. Он задаёт ориентиры для работы многочисленных государственных органов и НПО, но недостаточно апеллирует к незападному миру. Европейский Союз нацелен на продвижение своих социально-экономических стандартов посредством укрепления геополитического влияния, особенно в соседних странах. Китай обращается к незападному миру, выдвигая идею более сбалансированной и устойчивой версии глобализации.

Методы, ресурсы и проблема оценки результатов

Затраты на СМР с 2000-х годов существенно возросли: в США — более чем в два раза, в ЕС — более чем в три раза, в КНР — более чем в пять раз (табл. 1). Основной скачок пришелся на первое десятилетие XXI века, после кризиса 2008–2009 годов темпы прироста заметно снизились.

Таблица 1
Финансирование программ в сфере СМР
в 2003–2022 годах,
постоянные цены, млрд. долларов США

Год	США	Евросоюз	КНР
2003	16,3	7,1	0,8
2013	31,3	17,5	5,2
2019	33	15,3	6,8
2020	35,4	21	6,2
2021	47,5	20,6	н/д
2022	55	27,6	н/д

Источник: составлено автором на основе официальных данных национальных правительств, ОЭСР и экспертных оценок²⁷.

²⁷ Данные по США и ЕС приведены на основе статистики ОЭСР. См. подробнее: OECD.Stat // Official Development Assistance. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=Table2A#> (accessed: 25.06.2023)). В случае Китая приводятся экспертные расчёты, так как официальная информация публикуется фрагментарно. См.: Kitano N., Miyabayashi Y. Estimating China's Foreign Aid: 2019–2020 Preliminary Figures. Tokyo: JICA Ogata Sadako Research Institute for Peace and Development, 2020. 23 p. В наиболее свежем официальном документе правительства КНР от 2021 года

Соединённые Штаты удерживали первенство по бюджетам на реализацию программ содействия международному развитию среди всех мировых игроков. Их финансово-экономическая модель СМР оставалась тесно связана с политическими целями, включая вмешательство во внутренние дела государств–получателей помощи. Концепция «отбрасывания коммунизма»²⁸ после роспуска СССР превратилась в «продвижение демократии» в мире как средство обеспечения национальной безопасности (гегемонии) страны²⁹. Эта сфера деятельности традиционно рассматривалась руководством США как один из инструментов смены режимов или консолидации проамериканских сил. В структуре *USAID* были созданы подразделения, призванные реагировать на соответствующие «окна возможностей». Например, Офис транзитных инициатив (ОТИ), финансирующий белорусскую оппозицию после протестов 2020 года, «демократические силы» в Молдавии и на Украине после 2014 года³⁰.

Экономическое развитие зарубежных стран даже на декларативном уровне не обозначалось приоритетом американской программы, уступая место национальной безопасности и продвижению ценностей. Ряд исследований показал, что помощь США не приводила к устойчивому экономическому росту и сокращению бедности в целевых странах³¹. Административно-бюджетное управление администрации президента опубликовало в 2004 г. отчёт по результатам оценки реализации программ СМР США за 40 лет. Было установлено, что «помощь [Вашингтона] принесла слабые результаты в сфере экономического развития». При этом 34 страны, получившие поддержку Соединённых Штатов, «стали не сильно ближе к устойчивому экономическому росту, чем были до начала оказания помощи»³². Несмотря на обоснованные сомнения в социально-экономической пользе для целевых стран, политика СМР позволила Вашингтону решать широкий спектр коммерческих и полити-

расходы на международную помощь с 2013 по 2018 г. оценены на уровне 127 млрд юаней (около 20 млрд долларов США), или в среднем около 4 млрд долларов в год. См. подробнее: China's International Development Cooperation in the New Era. Beijing: China's State Council Information Office, 2021. 45 p. Эксперты полагают, что данная статистика включает только трансферты по линии Министерства коммерции и «Эксимбанка», не учитывая другие ведомства страны, а также трансферты международным организациям. См.: *Grimm S. et al.* Transparency of Chinese aid: An analysis of the published information on Chinese external financial flows. London: Centre for Chinese Studies at Stellenbosch University, 2011. 42 p.; *Kitano N.* China's Foreign Aid: Entering a New Stage. URL: https://www.mof.go.jp/pri/research/seminar/fy2018/ws20180613_01b.pdf (accessed: 30.05.2023).

²⁸ USAID History. URL: <https://www.usaid.gov/about-us/usaid-history> (accessed: 30.05.2023).

²⁹ По экспертным оценкам, за период 1985–2009 годов только на прямое финансирование демократизации Вашингтон потратил более 60 млрд долларов. См.: *Carothers T.* Revitalizing Democracy Assistance. The Challenge of USAID. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2009. 60 p. Этот уровень расходов сохраняется и сегодня: на поддержку демократизации в 2024 г. администрация Джозефа Байдена запросила у Конгресса 2,8 млрд долларов. См. подробнее: Statement by Administrator Samantha Power on the President's Fiscal Year 2024 Budget // USAID. URL: <https://www.usaid.gov/news-information/press-releases/mar-09-2023-statement-administrator-samantha-power-presidents-fiscal-year-2024-budget> (accessed: 30.05.2023).

³⁰ USAID Transition Initiatives Account. Annual report to Congress for Fiscal Year 2023. November 2023. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-12/OTI%20FY%202023%20TI%20Report%20to%20Congress.pdf> (accessed: 30.05.2023).

³¹ *Dale H.* State of decay // Washington Times. 19.12.2007. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2007/dec/19/state-of-decay/> (accessed: 05.08.2023).

³² Rethinking foreign assistance. U.S. Office of Management and Budget, 2004. Американским институтом предпринимательства давались более прямые оценки: «Общепризнано, что программы [международной помощи] окончились неудачей. Государства-реципиенты притворялись, что реформировались, доноры притворялись, что наказывали их, а нищета тем временем усугублялась». См. подробнее: Can indicator-based competition make foreign aid work? // American Enterprise Institute. 2007. URL: <https://www.aei.org/events/can-indicator-based-competition-make-foreign-aid-work/> (accessed: 30.05.2023).

ческих задач. К началу 2020 г. 40% американской помощи развитию, выделяемой на двустороннем уровне, было прямо связано с закупкой американской продукции и услуг, что в два раза превышало средний уровень данного показателя для стран ОЭСР³³.

Большая часть программ помощи США реализуется на местах посредниками: НПО, вузами, бизнес-компаниями за счёт контрактов с американским правительством³⁴. Основную часть средств получают организации, находящиеся в юрисдикции Соединённых Штатов, и связанные с ними контрагенты. Представление об этой доле давала цель в Стратегии национальной безопасности от 2022 года — не менее 25% средств *USAID* должны получать местные партнёры³⁵. Свежие подсчёты показывают, что зарубежные правительства получают напрямую менее 5% от общих объёмов СМР США³⁶.

Средства ЕС обычно выделяются несколькими траншами с ежегодной оценкой Брюсселем выполнения взятых страной-получателем обязательств. Основными получателями выступают правительства целевых стран при вспомогательной роли европейских НПО. Как видно из отчётов аудиторов, коррупционные факторы не останавливали помощь, формируя тем самым возможности извлечения ренты местными элитами. В перечень обяза-

тельств, как правило, входило открытие рынка на условиях Брюсселя и политическая переориентация на Европейский Союз (внедрение европейских норм и стандартов, присоединение к санкциям ЕС), что усиливало конкурентоспособность европейского бизнеса. Таким образом, идеальным реципиентом помощи интеграционного объединения выступало не слишком самостоятельное и устойчивое, но предсказуемое правительство, неспособное к серьёзной концентрации ресурсов, что в противном случае создало бы экономических конкурентов и затруднило не прямое внешнее управление со стороны Брюсселя³⁷.

Благодаря культурно-гуманитарным программам Евросоюз расширил возможности привлечения зарубежных кадров, влияния на приоритеты научно-технологического и общественного развития целевых стран. Последнее обеспечивалось за счёт выделения грантов и адвокати́рование³⁸ со стороны НПО, медиа и экспертных сетей, культивируемых ЕС. Подобная политика позволила формировать зависимые от европейского финансирования местные элитные группы и контроллёты, лоббирующие интересы Брюсселя вплоть до участия в протестах [Burlyuk, Shapovalova 2017; Гаман-Голутвина и др. 2014].

Проблемы неэффективности и коррупции в сфере СМР нередко попадали

³³ Statistics on resource flows to developing countries // OECD. Updated on 22.12.2022. URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/statistics-on-resource-flows-to-developing-countries.htm> (accessed: 30.05.2023).

³⁴ *Morgenstern E., Brown N.* Foreign Assistance: An Introduction to U.S. Programs and Policy // Congressional Research Service. 10.01.2022. 38 p. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R40213> (accessed: 15.08.2023).

³⁵ National Security Strategy // The White House. 11.10.2022. P. 46. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 01.07.2023).

³⁶ *Kenny C., Morris S.* Biden's Foreign Aid Is Funding the Washington Bubble // Foreign Policy. 06.05.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/06/us-foreign-aid-biden-build-back-better-world-development/> (accessed: 15.08.2023).

³⁷ Точную оценку этому феномену в его генезисе ещё в конце 1990-х годов дал А.Д. Богатуров, анализируя расширение НАТО и европейских интеграционных структур на Восток, в процессе которого «стали культивироваться слабые и неустойчивые посттоталитарные плюралистические режимы рыночной ориентации» [Богатуров 1999].

³⁸ В настоящей статье данный термин определяется как защита и продвижение общественных интересов (или интересов групп давления, корпораций, иностранных государств и организаций, маскируемых под общественные), в отличие от лоббизма, понимаемого как защита частных интересов.

в фокус общественной дискуссии на Западе, но что считать «эффективным результатом»? Например, Счётная палата ЕС выявила непрозрачность и коррупционные риски при реализации зарубежных программ СМР³⁹. На Украине она констатировала отсутствие системных усилий по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти⁴⁰. Вместе с тем, как отмечают исследователи, отсутствие результатов в области экономической модернизации, коррупция и борьба олигархических групп способствовали большей податливости Киева воле западных стран [Гущин, Левченко 2019]. К подобному выводу пришли и исследователи политики ЕС на Балканах [Bartlett 2021].

Прямое сравнение расходов на СМР Китая с США и ЕС затруднено, так как в КНР, в отличие от стран Запада, не проведена чёткая грань между расходами на содействие развитию, инвестициями и кредитованием [Dreher et al. 2018]. По экспертным оценкам, годовые обязательства Пекина в этой сфере, включая льготные кредиты, составляют около 85 млрд долларов⁴¹. Страны-участницы инициативы «Пояс и путь» получили в 2022 г. 67,8 млрд долларов китайских инвестиций, значительная часть которых гарантирована на государственном уровне⁴². В 2016–2021 годах им было выделено 190 млрд долларов только в качестве экстренных кредитов для предотвращения банкротств⁴³. Традиционно

КНР кредитует правительства, но всё чаще — государственные корпорации, совместные предприятия и частные компании.

Изначально китайская политика СМР носила идеологический характер, но к 1980-м годам произошла экономическая прагматизация, закреплённая в 2000 г. принятием стратегии выхода на глобальные рынки «Идти вовне». Для Китая СМР оставалось в первую очередь инструментом обеспечения стабильных условий для расширения экономического влияния, способствуя экспорту избыточного капитала, расширению доступа к полезным ископаемым и физической инфраструктуре за рубежом. С 2010-х годов выросло внимание к выстраиванию гуманитарных отношений, укреплению дискурсивной силы [Ломанов 2017], участию страны в формировании глобальных стандартов, особенно в сфере новых технологий и телекоммуникаций [Комиссина 2022], что противоречило интересам США и ЕС в области стандартизации.

Продолжаются дискуссии о том, использует ли КНР содействие международному развитию как «долговую ловушку», добиваясь от реципиентов политических уступок⁴⁴ [Калашников 2021]. На Западе Пекин осуждают за расширение контроля над объектами инфраструктуры в Африке и Азии, несоблюдение международных (западных) стандартов, непрозрачность проектов СМР и коррупцию⁴⁵. Тем не менее чрезмерная

³⁹ European Court of Auditors. Transparency of EU funds implemented by NGOs: more effort needed. Special Report. No. 35. Luxembourg, 2018. 47 p.

⁴⁰ European Court of Auditors. Reducing grand corruption in Ukraine: several EU initiatives, but still insufficient results. Special Report, Luxembourg. 2021. 76 p.

⁴¹ Malik A. et al. Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects. Williamsburg: AidData at William & Mary, 2021. 166 p.

⁴² Nedopil C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2022. Shanghai: Green Finance & Development Center, FISF Fudan University, 2023. 28 p. URL: https://greenfdc.org/wp-content/uploads/2023/02/Nedopil-2023_China-Belt-and-Road-Initiative-BRI-Investment-Report-2022.pdf (accessed: 15.08.2023).

⁴³ Horn S. et al. China as an International Lender of Last Resort. AidData Working Paper. 2023. No.124. 40 p.

⁴⁴ Речь идёт о расширении военно-силового присутствия, территориальных уступках, контроле над природными ресурсами и инфраструктурой.

⁴⁵ The Elements of the China Challenge // Office of the Secretary of State, Policy Planning Staff. U.S. Department of State. 2020. 74 p. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/11/20-02832-Elements-of-China-Challenge-508.pdf> (accessed: 18.08.2023).

задолженность нередко — следствие неверных оценок проектов со стороны местных элит и противоречит стремлению Китая обеспечить доходность инвестиций в рамках «Пояса и пути» [Маслов 2020].

Таким образом, методы и способы реализации политики содействия развитию рассматриваемых субъектов существенно различаются в зависимости от доступных ресурсов и стратегической культуры. США нацелены на высокий уровень вмешательства в общественно-политические процессы в целевых странах за счёт механизма частно-государственного партнёрства, взаимодействия с филантропическими фондами и НПО — важнейшими контрагентами в реализации СМР «на земле». Нередко используются группы, действующие в обход сложившихся местных институтов. ЕС, напротив, предпочитает в качестве контрагентов правительства для влияния на нормы и стандарты посредством постепенного реформирования политической и экономической систем реципиента. Китай аналогичным образом работает с правительствами, но, как правило, получателями средств выступают не только государства, но и китайский крупный бизнес, реализующий эти проекты. Действуя не всегда публично, но через официальные межгосударственные каналы, КНР стремится к договорённостям с элитами целевых стран при использовании доступных рычагов влияния — займов и инфраструктурных проектов.

Трансформация подходов

В 2021–2023 годах США, ЕС и КНР приняли ряд программ и запустили глобальные инициативы в сфере СМР, реконфигурирующие систему координат соперничества (табл. 2).

Индустриально-технологическая гонка в сфере зелёной энергетики, микроэлектроники и цифровизации [Sparkling Europe 2023] направлена на обеспечение технологического превосходства и экономического роста Вашингтона и Брюсселя на фоне их стремления к ограничению экспорта технологий в незападные страны и роли последних в цепочках поставок⁴⁶. Вместе с тем сверхамбициозные цели энергетического перехода превышают объёмы поставок ряда редкоземельных минералов, добываемых преимущественно в развивающихся странах. Увеличивается тем самым антропогенная нагрузка на окружающую среду [Hammond, Brady 2022]⁴⁷.

Фактически речь идёт об экспорте углеродных выбросов в незападные страны⁴⁸. Этот политический курс грозит усугублением негативных тенденций в области экологии, неравенства и технологического отставания стран глобального Юга⁴⁹. В этих условиях СМР становится инструментом стимулирования или принуждения зарубежных стран следовать в русле жёстких требований доноров.

Все три рассматриваемых субъекта пытаются укрепить идеологическое обо-

⁴⁶ Советник президента США по национальной безопасности Джейкоб Салливан утверждал: «...после авторитарных контрреволюций 2000-х годов, когда наши конкуренты и противники воспользовались нашим самоуспокоением и открытостью, мы должны провести «третью волну» цифровой революции и добиться, чтобы новые технологии работали на нас, а не против нас, на наши демократии и безопасность». См. подробнее: Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan at the Special Competitive Studies Project Global Emerging Technologies Summit // White House. 16.09.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/09/16/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-at-the-special-competitive-studies-project-global-emerging-technologies-summit/> (accessed: 21.07.2023).

⁴⁷ van Starden C. Green Energy's Dirty Secret: Its Hunger for African Resources // Foreign Policy. 30.06.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/06/30/africa-congo-drc-ev-electric-vehicles-batteries-green-energy-minerals-metals-mining-resources-colonialism-human-rights-development-china/> (accessed: 18.08.2023).

⁴⁸ Usman Z. et al. What Does the European Green Deal Mean for Africa? Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2021. 33 p.

⁴⁹ Ciuriak D. The BRICS as an Alternative Anchor for Global Economic Governance: A Comment // Ciuriak Consulting Inc. Discussion Paper. 10.07.2022. 27 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4492261 (accessed: 18.08.2023).

Таблица 2
Новые пространства соперничества в рамках политики СМР

Пространства	Инициативы		
	США	ЕС	КНР
<i>Возобновляемая энергетика</i>	Новая индустриальная политика (Закон о сокращении инфляции 2022 года), «фактор климата» внедряется в принятие решений о выделении средств СМР ⁵⁰ .	Новая индустриальная политика (Законопроект об индустрии нулевых выбросов 2023) ⁵¹ , стратегия «Глобальный шлюз» (Global Gateway) ⁵² внедряет «фактор климата» как критерий СМР.	Коалиция зелёного развития «Пояса и пути» (2019), отказ строить новые угольные ТЭЦ за рубежом (2021), Инициатива глобального развития (2021) ⁵³ .
<i>Цепочки поставок</i>	Расширение через <i>USAID</i> доступа к минералам в странах-реципиентах и влияние на регулирование добычи и закупок под эгидой борьбы с коррупцией ⁵⁴ .	Законопроект о критических сырьевых материалах (2023), СМР как средство снижения рисков в цепочках поставок ⁵⁵ .	В рамках «Пояса и пути» опережающее расширение доступа к зарубежным месторождениям полезных ископаемых, включая редкоземельные металлы.
<i>Стандартизация</i>	Стратегия национальных стандартов (2023), использование <i>USAID</i> для продвижения своих стандартов в растущие экономики и их кооптации в стандартизацию под контролем США ⁵⁶ .	Стратегия стандартизации (2022) ⁵⁷ , установление мировых стандартов в интересах расширения зелёного и цифрового рынков ЕС.	«Стандарты Китая-2035» (2021), расширение влияния на международные стандарты в передовых отраслях за счёт дискурсивной силы, создания зарубежной инфраструктуры и опережающего роста производства ⁵⁸ .

⁵⁰ National Security Strategy // The White House. 11.10.2022. P. 27–28. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 01.07.2023).

⁵¹ The Net-Zero Industry Act: Accelerating the transition to climate neutrality // European Commission. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/industry/sustainability/net-zero-industry-act_en (accessed: 21.07.2023).

⁵² The Global Gateway // Joint Communication JOIN (2021) 30 final. Brussels. 01.12.2021. 13 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021JC0030> (accessed: 18.08.2023).

⁵³ Progress Report on the Global Development Initiative 2023 // Center for International Knowledge on Development. June 2023. 44 p. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/topics_665678/GDI/wj/202306/P020230620670430885509.pdf (accessed: 18.08.2023).

⁵⁴ Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth. 100-Day Reviews under Executive Order 14017 // The White House. June 2021. P.141. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf> (accessed: 18.05.2023); Powering a Just Energy Transition Green Minerals Challenge // USAID. URL: <https://www.usaid.gov/document/powering-just-energy-transition-green-minerals-challenge> (accessed : 21.07.2023).

⁵⁵ Critical Raw Materials Act // European Commission. Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/sectors/raw-materials/areas-specific-interest/critical-raw-materials/critical-raw-materials-act_en (accessed: 21.07.2023).

⁵⁶ United States Government National Standards Strategy for Critical and Emerging Technology. Washington: The White House. May 2023. 14 p.

⁵⁷ EU Strategy on Standardisation: Setting global standards in support of a resilient, green and digital EU single market // Communication COM (2022) 31 final. Brussels. 02.02.2022. 10 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52022DC0031> (accessed: 18.05.2023).

⁵⁸ Baark E. China's International Technology Standards Strategy and the Digital Silk Road // East Asian Institute, National University of Singapore, 2021. 20 p.

Окончание таблицы 2

Пространства	Инициативы		
	США	ЕС	КНР
Цифровая инфраструктура	Партнёрство за глобальную инфраструктуру и инвестиции (PGII, 2022) ⁵⁹ , создание Корпорации по финансированию международного развития (2019) как альтернативы КНР.	Глобальный подход к науке и инновациям (2021), цифровизация в стратегии Global Gateway (2021) как альтернатива КНР.	Цифровой «Пояс и путь» (2017) как рамочная инициатива по продвижению китайских технологий в сфере телекоммуникаций и ИТ-инфраструктуры.
Идеология	Концепция борьбы демократий против автократий (отказ от старых правил глобализации на основе ВТО), Саммит демократий, борьба с клептократиями ⁶⁰ , зелёная и гендерная повестка.	План ЕС по правам человека и демократизации (2020–2024), геополитизация прав человека, зелёная и гендерная повестка.	Инициатива глобальной цивилизации (2023) ⁶¹ как альтернатива западной модели модернизации и «демократизации», сообщество единой судьбы человечества, «Пояс и путь» как взаимное обучение цивилизаций ⁶² .

Источник: составлено автором.

снование своей политики СМР, используя культурно-гуманитарное влияние для продвижения норм и нарративов, соответствующих меняющимся политико-экономическим приоритетам. Трансформация подходов США к содействию международному развитию включает в себя перестраивание системы для более эффективного противодействия Китаю и России. С приходом к власти администрации Дж. Байдена предпринимались попытки затормозить (или повернуть вспять) утрату престижа американоцентричной модели демократизации [Diamond 2022]⁶³, проводя внешнюю политику в наступательном формате против «автократий» [Шаклеина 2021]. Блоку

СМР в этой работе была отведена ключевая роль, о чём свидетельствовало укрепление статуса *USAID* как инструмента национальной безопасности и включение директора Агентства в состав Совета национальной безопасности при президенте.

В американской политике СМР тренд на секьюритизацию приобрёл структурный характер: помощь вновь стала рассматриваться не только как форма управления развитием других стран, но и борьбы с внешними угрозами. Предыдущие витки секьюритизации в этой области ранее наблюдались в ходе «войны с терроризмом» в начале 2000-х годов и «холодной войны» [Глазунова 2016]. В экспертных кругах озву-

⁵⁹ Savoy C., McKeown S. Future Considerations for the Partnership on Global Infrastructure and Investment // Center for Strategic & International Studies. 29.06.2022. URL: <https://www.csis.org/analysis/future-considerations-partnership-global-infrastructure-and-investment> (accessed: 18/05/2023).

⁶⁰ Dekleptification Guide. Seizing Windows of Opportunity to Dismantle Kleptocracy // USAID. September 2022. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-02/USAID-Dekleptification-Guide.pdf> (accessed: 20.06.2023).

⁶¹ Global Civilization Initiative injects fresh energy into human development // The State Council Information Office. The People's Republic of China. 19.03.2023. URL: http://english.scio.gov.cn/topnews/2023-03/19/content_85177312.htm (accessed: 18.08.2023).

⁶² Forging High-quality Partnership For a New Era of Global Development. Remarks by H.E. Xi Jinping // XIV BRICS Summit. 24.06.2022. URL: http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/dtxw/202206/t20220624_10709767.html (accessed: 21.07.2023).

⁶³ National Security Strategy // The White House. 11.10.2022. P. 11. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 01.07.2023).

чивались предположения, что американская реакция на украинский кризис в 2022 г. повернёт вспять снижение «мягкой силы» и ослабление восприятия Соединённых Штатов как мирового лидера [Kearn 2022]. Примечательно, что дистанцирование незападных стран от антироссийских санкций и украинского вопроса воспринимается американскими экспертами в исключительно антагонистических категориях — как «мятеж России и остального мира против США»⁶⁴.

В бюджетном запросе на 2024 г. администрация Дж. Байдена обозначила достижение «стратегического проигрыша» России на Украине как первую цель СМР. Кроме того, упоминалось укрепление альянсов, противодействие «хищническому финансированию» Китая и строительство «экономических систем, устойчивых к манипуляции КНР», повышение энергетической безопасности Соединённых Штатов, включая цепочки поставок критически важных минералов, «помощь зарубежным странам в выполнении своих обязательств». Всего на политику в сфере СМР было запрошено более 60 млрд долларов⁶⁵. Закрепление содействия развитию как инструмента достижения военно-политических целей, в том числе наступательного характера, и использование последних для её обоснования дают основания предполагать, что процесс секьюритизации, присущий «холодной войне», трансформируется в тренд на милитаризацию, контуры которого начали формироваться ещё до обострения конфликта на Украине.

Военная помощь традиционно рассматривалась в Вашингтоне как часть зарубежной помощи (*foreign assistance*), но курируемая военными ведомствами и обособленная от экономической (невоенной) составляющей. В 2020 г. была принята межведомственная стратегия Государственного департамента, *USAID*, Пентагона и Министерства финансов⁶⁶, закрепляющая практику совместного планирования, реализации и мониторинга программ содействия развитию, что означало размывание границ между военными и невоенными средствами влияния и де-факто милитаризацию СМР. Исследователи также зафиксировали тенденцию к усилению роли американских частных военных компаний на зарубежных территориях, где реализовывались программы помощи [Power 2019]. Укоренившийся в доктринальных документах Соединённых Штатов (не исключая СМР) упор на великодержавное соперничество сам по себе программирует конфронтацию, отрицая возможность устойчивости и тем более оптимальности полицентричного мироустройства.

Ужесточаются политические требования для операторов СМР США. От них ожидают быстрого реформатирования правовой и политической системы в зарубежных странах с нейтральными или нелояльными режимами, утратившими стабильность. По поручению директора *USAID* Саманты Пауэр осенью 2022 г. было подготовлено «Руководство по борьбе с клептократиями»⁶⁷, включившее в себя дорожную карту

⁶⁴ См., например: Hill F. Ukraine in the New World Disorder: The Rest's Rebellion Against the United States // Lennart Meri Lecture 2023. URL: <https://lmc.icds.ee/lennart-meri-lecture-by-fiona-hill/> (accessed: 25.07.2023). Заслуживает внимания и иная оценка событий, встречающаяся среди исследователей левого толка. Транснациональные элитные и экспертные сети, созданные в рамках политики помощи развитию при ведущей роли филантропических фондов, способны предотвратить военную конфронтацию между Пекином и Вашингтоном, обеспечив управляемую кооптацию незападных элит в либеральный миропорядок [Huo, Parmar 2020].

⁶⁵ Congressional Budget Justification: Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. Fiscal year 2024 // USAID. 2023. P. 99–100. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-03/FY%202024%20CBJ%20FINAL_3.9.23_0.pdf (accessed: 23.06.2023).

⁶⁶ United States Strategy to Prevent Conflict and Promote Stability // USAID. P. 17. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-05/USPCPS%202-Pager%207.pdf> (accessed: 30.05.2023).

⁶⁷ Dekleptification Guide. Seizing Windows of Opportunity to Dismantle Kleptocracy // USAID. September 2022. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-02/USAID-Dekleptification-Guide.pdf> (accessed: 20.06.2023).

и идеологическое обоснование использования программ СМР для смены режимов. Анализ документа раскрывает техники политического влияния и контроля через культурно-гуманитарные инфраструктуры, созданные при помощи этой политики. Его составители считают украинский случай после 2014 г. «наиболее чистой моделью развития инклюзивных институтов, создавшей замкнутый круг благоприятных изменений»⁶⁸.

Речь идёт о распространении опыта работы с Украиной на другие страны, в основе которого лежит модель внешнего управления через «гражданское общество». Отмечается, что для ухода от ручного управления кадровой политикой Киева со стороны посла США *USAID* в 2014–2019 годы создало «параллельную систему специализированных независимых агентств, нацеленных на борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти». Это решение позволило «достичь быстрых [кадровых] результатов и избежать обвинений в посягательстве на суверенитет»⁶⁹. Подход фактически состоит в создании монопольного рынка гражданских инициатив как инструмента контроля за местными элитами в интересах Вашингтона через антикоррупционную повестку.

С 2010-х годов в Соединённых Штатах на экспертном уровне активно лоббировалась тотальная политизация СМР по принципу: «развитие во всех сферах — это политический процесс» [Carothers, de Gramont 2013]. Позиция директора *USAID* С. Пауэр свидетельствовала о принятии подхода, согласно которому помощь развитию — это способ «победить антидемократические силы» [Power 2023]. В развитие повестки «Саммита демократий» она в 2022 г. выдвинула концепцию «ярких точек» (bright spots). Имеются в виду страны, в которых появляется «возможность демократических изменений», например, в форме мас-

совых протестов или нестабильных электоральных кампаний, и куда надо оперативно перебрасывать ресурсы по линии СМР. Подобные концепции ещё ранее использовались в западной практике. Новация заключается в стремлении фактически рассматривать все экономические программы помощи как содействие демократизации с акцентом не на институтах (например, профсоюзы), а на создании «неинституциональных коалиций прямого действия» [Power 2023], что зачастую означает неконституционные политические изменения.

В Европейском Союзе наблюдаются схожие тенденции в части политизации СМР, но они дополняются борьбой высшей бюрократии Брюсселя за расширение наднациональных полномочий в сфере внешней политики путём привлечения повышенного внимания к внешним угрозам. Масштабные зарубежные культурно-гуманитарные программы ЕС в сфере науки, образования, гражданского общества всё больше подчиняются императивам стратегической коммуникации в логике секьюритизации [Сутырин 2021].

В 2010-х годах программа СМР интеграционного объединения характеризовалась переходом от идеи прогресса через демократизацию прилегающих стран под руководством Союза к стрессоустойчивости (resilience) [Романова 2017]. Тем не менее реализовать концепцию устойчивого развития в странах, граничащих с ЕС, не удалось в силу неизменности асимметричных подходов, когда соседям ЕС предлагалась необсуждаемая стратегическая формула отношений на условиях Брюсселя [Bossuyt, Davletova 2022], игнорировавшая в том числе их связи с Россией.

В середине 2010-х годов в Европейском Союзе начала побеждать точка зрения, согласно которой СМР должно использоваться в целях обеспечения безопасности [Бартенев 2017], в первую очередь в сфере

⁶⁸ Dekleptification Guide. Seizing Windows of Opportunity to Dismantle Kleptocracy // USAID. September 2022. P. 55. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2023-02/USAID-Dekleptification-Guide.pdf> (accessed: 20.06.2023).

⁶⁹ Ibid. P. 65.

миграции [Хахалкина, Погорельская 2022]. В 2016–2017 годах разгорелась дискуссия о возможности использовать содействие развитию для финансирования военных потребностей целевых стран⁷⁰. Прецеденты такого финансирования ЕС уже возникали ранее в странах Африки [Power 2019]. Характерно, что переломным моментом стало не начало специальной военной операции России на Украине, а завершение нового цикла внешнеполитического планирования ЕС в 2019–2020 годах. В 2021 г. был создан Европейский фонд мира с бюджетом 5 млрд евро до 2027 г. для финансирования военных операций и расходов за рубежом, который впоследствии использовался для военной помощи Киеву⁷¹.

ЕС добивается того, чтобы оказываемая соседним странам поддержка помогала сформировать ему имидж «глобального игрока» и «укрепляла [его] социально-экономическое влияние». Эти цели были включены в бюджетные планы интеграционного объединения на 2021–2027 годы⁷². В Плане действий ЕС по правам человека и демократии, принятом в 2020 году, провозглашалась «геополитическая повестка прав человека» и вытекающий из неё «подход к развитию, основанный на правах человека»⁷³. Тем самым официально закреплялась роль СМР как геополитического, а не только социально-экономического инструмента влияния.

Система финансового планирования ЕС, как и США, адаптируется под быструю переброску средств СМР в те страны, где сложилась чрезвычайная ситуация или возникли возможности быстрого проведения преобразований. Для этих целей был

создан специальный резервный фонд. На 2021–2027 годы было выделено 3,2 млрд евро. Тем самым Европейский Союз дополнил среднесрочный семилетний цикл финансового планирования инструментами быстрого вмешательства.

В содержательную часть планов Европейской комиссии и генеральных директоров на 2021–2027 годы, а также в программы ЕС в сфере образования, науки и культуры был включён пункт о внешней угрозе, в первую очередь российской, но упоминался и Китай [Сутырин 2021]. Такие формулировки фактически означали исчерпание модели СМР как «мягкой силы». На смену ей пришла геополитическая модель на основе логики секьюритизации и конфронтации.

Пекин, в отличие от Вашингтона и Брюсселя, не стремится к секьюритизации содействия международному развитию, но пытается придать своей политике более комплексный характер, усиливая культурно-гуманитарное влияние на общества целевых стран. В 2017–2023 годах в политику СМР внедрялся ряд крупных новаций.

Во-первых, Китай усилил акцент на цивилизационной логике, опровергая американскую линию на культурную унификацию. В 2017 г. Си Цзиньпин заявил о «Поясе и пути» как о «пути, соединяющем цивилизации», призвав создать многоуровневый механизм культурно-гуманитарного взаимодействия в рамках инициативы⁷⁴. В 2023 г. лидер КНР представил Инициативу глобальной цивилизации, направленную на расширение культурно-гуманитарного взаимодействия и межпартийного

⁷⁰ Hautala H. Europe's legal U-turn on militarising development policy // EURactiv. 03.07.2017. URL: <https://www.euractiv.com/section/development-policy/opinion/europes-legal-u-turn-on-militarising-development-policy/> (accessed: 21.04.2023).

⁷¹ The European Peace Facility // EU Strategic Compass. January 2023. 3 p. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/EU-peace-facility_2023.pdf (accessed: 28.04.2023).

⁷² The EU's 2021-2027 long-term budget and NextGeneration EU // Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2021. P.19. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d3e77637-a963-11eb-9585-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 14.04.2022).

⁷³ EU Action Plan on Human Rights and Democracy 2020–2024 // Joint Communication to the European Parliament and the Council. 25.03.2020. URL: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=JOIN\(2020\)5&lang=en](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=JOIN(2020)5&lang=en) (accessed: 14.05.2022).

⁷⁴ Full text of President Xi's speech at opening of Belt and Road forum // Xinhua. 14.05.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (accessed: 01.03.2023).

диалога со странами вне западного блока, а также на содействие их модернизации⁷⁵.

Во-вторых, проводилась работа по систематизации и трансформации СМР в рамках новых глобальных инициатив. Первостепенная роль в этой сфере отводилась «Поясу и пути», но в 2021 г. был запущен ещё один зонтичный проект — Глобальная инициатива развития, курируемая МИД⁷⁶. Китай пытается продвигать её через ООН, таким образом укрепляя легитимность этой инициативы как многосторонней платформы. В целом Пекин за счёт глобальных проектов на уровне дискурса стремится предложить альтернативу Соединённым Штатам, уделяя внимание многосторонности и более насущным, чем климат или Украина, проблемам, которые стоят перед незападным миром. Речь идёт о преодолении нищеты и голода, передаче опыта развития и модернизации при сохранении традиций⁷⁷.

Выступая на Форуме «Китай и международное развитие» в декабре 2022 года, руководитель CIDCA Ло Чжаохуэй, ранее занимавший пост заместителя главы МИД КНР, обозначил следующие приоритеты политики в сфере СМР: сотрудничество в рамках «Пояса и пути»; реализация Глобальной инициативы развития (*GDI*),

включающей обучение 100 тыс. иностранных специалистов в стране; международное сотрудничество в борьбе с пандемией⁷⁸. Запуск *GDI* усилил роль МИД и внешнеполитических приоритетов в управлении СМР. Это наглядно проявилось в 2020 г. при выборе государств-получателей китайской помощи в борьбе с пандемией, который коррелировал с географией участия стран в Глобальной инициативе развития КНР [Telias, Urdinez 2022].

GDI позиционируется как платформа, ставящая в центр внимания человека как объекта политики СМР с упором на достижение целей устойчивого развития, социальную помощь, трансляцию знаний, молодёжь и образование⁷⁹. В то же время «Пояс и путь», несмотря на экономический профиль, также оснащается разветвлённой культурно-гуманитарной инфраструктурой для различных сегментов обществ целевых стран. Тем самым обеспечивается диверсификация каналов влияния и повышается резистентность возможному противодействию со стороны зарубежных государств⁸⁰. Последнее относится к опасениям относительно превращения СМР из инструмента, ориентированного на развивающиеся страны, в средство глобального позиционирования Пекина⁸¹,

⁷⁵ Global Civilization Initiative injects fresh energy into human development // The State Council Information Office. The People's Republic of China. 19.03.2023. URL: https://english.scio.gov.cn/topnews/2023-03/19/content_85177312.htm (accessed: 17.04.2023).

⁷⁶ Wang Yi. Jointly Advancing the Global Development Initiative and Writing a New Chapter for Common Development // Ministry of Foreign Affairs of PRC. 21.09.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202209/t20220922_10769721.html (accessed: 28.06.2023).

⁷⁷ Hoang Thi Ha. Why Is China's Global Development Initiative Well Received in Southeast Asia? // Yusof Ishak Institute. 21.02.2023. 12 p. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2023/01/ISEAS_Perspective_2023_9.pdf (accessed: 17.04.2023).

⁷⁸ Luo Zhaohui. Address by CIDCA Chairman at 3rd China and International Development Forum // China Daily. 12.05.2022. URL: http://subsites.chinadaily.com.cn/cidca/2022-12/05/c_836526.htm (accessed: 10.05.2023).

⁷⁹ Progress Report on the Global Development Initiative 2023 // Center for International Knowledge on Development. Beijing, 2023. 41 p.

⁸⁰ Характерно, что наиболее системная политика противодействия гуманитарным инициативам КНР проводится США — начиная с практически полного вытеснения из страны институтов Конфуция и заканчивая «Китайской инициативой» Минюста США по расследованию сотрудничества американских учёных с Китаем.

⁸¹ В 2022 г. правительственный Центр международных знаний о развитии опубликовал доклад о китайском взгляде на проблемы и вызовы глобального развития, тем самым включившись в борьбу за глобальные нарративы СМР. В докладе, в частности, отмечается риск возникновения «барьера развития» для развивающихся стран в связи с цифровизацией: «данные становятся новым фактором

претендующего на создание параллельной западным институтам (но не исключающей сотрудничество с ними) глобальной инфраструктуры содействия международному развитию [Lei 2022].

Эволюцию подходов Китая можно отследить по документам среднесрочного планирования. В Пятилетнем плане экономического и социального развития КНР на 2016–2020 годы⁸² была поставлена цель увеличить объём международной помощи и улучшить способы её распространения, а именно – «предлагать больше бесплатных консультаций и образовательных возможностей» другим развивающимся странам в таких сферах, как человеческие ресурсы, планирование развития и экономическая политика. Намечено расширение международного сотрудничества в науке и технологиях, образовании, медицине, предотвращении чрезвычайных ситуаций, управлении, защите окружающей среды и борьбе с бедностью. Постепенно и вопросы безопасности, в частности традиционное внимание КНР к миротворческим операциям ООН⁸³ или защита транспортных коридоров, начинают встраиваться в политику СМР. Тенденция к повышению роли безопасности внешне отчасти схожа с процессами в США и ЕС, но Китай обходится без секьюритизации проблем и демонстрирует готовность принимать во внимание интересы других великих держав,

например России в её ближнем зарубежье [Соболева, Кривохиж 2020].

В Пятилетнем плане на 2021–2025 годы в рамках СМР подчёркивалась важность продвижения инициативы «Пояс и путь» и расширения зарубежного культурно-гуманитарного взаимодействия. К направлениям предыдущей пятилетки были добавлены искусство, межпарламентское и межпартийное измерение, а также интенсификация обменов под зонтиком идеологии «взаимного обучения цивилизаций». Провозглашено создание цифрового, «зелёного» и «здорового» шёлкового путей⁸⁴.

Таким образом, наращиваются комплексность и глубина гуманитарных программ наряду с притязаниями Китая на глобальную роль. При этом правительство КНР стремится к более точной фокусировке проектов СМР за рубежом, прежде всего на управленческом и интеллектуальном классах. Руководитель CIDCA отмечает, что КНР стремится работать по принципу «мало, но умно» (переход от техники «крупных мазков» к «оттачиванию деталей»), уделяя больше внимания распространению китайской экспертизы, знаний и опыта в сфере управления, интеллектуальной помощи и культурным программам⁸⁵. Основной принцип – соединение «жёсткой помощи» (строительство инфраструктуры и материальная поддержка) и «мягкой» (работа с людьми и техническая под-

производства, затрагивая безопасность и социальное развитие всех стран», что требует совместного определения правил и стандартов глобального цифрового управления. Подробнее см.: Global Development Report. Beijing: Center for International Knowledge on Development, 2022. P.31.

⁸² The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020). Translated by Central Committee of the Communist Party of China. Chapter 53. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (accessed: 24.04.2023).

⁸³ Китай обеспечивает наибольшее среди постоянных членов Совета Безопасности ООН число миротворцев для операций под эгидой ООН, является одним из крупнейших доноров данной деятельности. См. подробнее: Position Paper on China's Cooperation with the United Nations // Ministry of Foreign Affairs of PRC. 22.10.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/wjzcs/202110/t20211022_9609380.html (accessed: 25.05.2023).

⁸⁴ The 14th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2021–2025). Article XLI Promote high-quality "Belt and Road" development. P.98–104. URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five-Year_Plan_EN.pdf (accessed: 01.03.2023).

⁸⁵ Luo Zhaohui. Address by CIDCA Chairman at 3rd China and International Development Forum // China Daily. 12.05.2022. URL: http://subsites.chinadaily.com.cn/cidca/2022-12/05/c_836526.htm (accessed: 10.05.2023).

держка). Эта деятельность подкрепляет тезисы Си Цзиньпина о продвижении китайских нарративов и формировании сообщества единой судьбы человечества⁸⁶. КНР становится активным игроком на мировом культурно-гуманитарном поле. Вместе с тем выводы о результативности усилий Пекина в продвижении культурных норм пока преждевременны. Страна всё ещё выступает импортёром западных идей, выборочно осваивает западные практики СМР, например в сфере запуска глобальных партнёрств или увязки экономических и культурно-гуманитарных инструментов [Bowen 2021].

Подводя итог, следует отметить, что уровень вмешательства Пекина во внутренние дела стран-получателей помощи ниже, чем у Вашингтона и Брюсселя, которые нацелены на переформатирование общественно-политических структур реципиентов безотносительно приоритетов местных правительств. В этой связи реформы США и ЕС нацелены на повышение гибкости и оперативности переброски средств СМР в дестабилизированные регионы для управления политическими изменениями. В Соединённых Штатах усиливается координация системы содействия международному развитию с силовым блоком. Китай заинтересован в более чёткой увязке СМР с внешнеполитическими целями и предложении миру альтернативной глобализации без культурной унификации, не исключаяющей прагматичной составляющей, в том числе извлечение доходов китайскими корпорациями. США работают с правами меньшинств, апеллируя к угнетённым слоям, но недостаточное внимание экономической прав человека в политике Вашингтона затрудняет вовлечение незападных развивающихся стран.

У ЕС роль идеологии замещают энергетический переход и борьба с Россией. Общие итоги проведённого сравнительного анализа отражены в табл. 3.

Выявленные тенденции указывают на увеличение роли и внимания ведущих игроков к культурно-гуманитарному влиянию в рамках политики СМР. Речь идёт не о технической помощи в социальной и экономической сферах, традиционной для этой деятельности по меньшей мере с принятия «Четвёртого пункта» Г. Трумэна⁸⁷, но о комплексном влиянии на общества и мировоззрение людей с опорой на ресурсы программ содействия развитию. Одной из ключевых задач политики СМР является построение инфраструктуры культурно-гуманитарного воздействия, включающей сети НПО, медиа, нарративы, связи и каналы влияния, ресурсные центры, кадры и компетенции. Их целью не является трансляция знаний и ноу-хау в традиционном для СМР формате, но достижение политических задач через влияние на установки и ценности, общественное мнение, поддержку отдельных общественных сил, элитных групп, протестных акций. Необязательно завоёвывать при помощи СМР друзей или лояльных союзников среди зарубежных стран — можно создать за счёт политики содействия развитию инфраструктуру культурно-гуманитарного влияния и непосредственно воздействовать на общественное мнение, элиты и (или) использовать созданные сети, например, для отвлечения ресурсов целевой страны, замедления прогресса или сбора данных в военно-политических целях.

Некоторые из подобных методов применялись в период «холодной войны» [Krige 2006], но комплексность и масштабы воздействия были меньше по сравнению

⁸⁶ Глава Агентства по сотрудничеству в области международного развития КНР о работе по оказанию помощи зарубежным странам в новую эпоху // Синьхуа Новости. 04.03.2019. URL: https://russian.news.cn/2019-03/04/c_137867876.htm (дата обращения: 05.04.2023).

⁸⁷ Подъём национально-освободительных движений в странах глобального Юга и Востока, широко использовавших коммунистическую платформу для захвата и удержания власти, способствовал выдвижению в США доктрины влияния на социально-экономические реформы в этих странах посредством технической помощи для недопущения коммунистической экспансии. Данная политика была сформулирована в инаугурационной речи президента Г. Трумэна в 1949 г. [Глазунова 2012].

Таблица 3
Организация, инструменты и тенденции развития систем СМР

Критерий	США	ЕС	КНР
<i>Уровень координации системы управления</i>	Выше среднего: <i>USAID</i> в тесной связке с Госдепартаментом при участии Минобороны и Минфина.	Ниже среднего: сложная система координации и соревновательности между национальным и наднациональным уровнями.	Средний: борьба за разделение сфер ответственности между экономическим и внешнеполитическим блоками, но запуск зонтичных инициатив.
<i>Концептуальные документы</i>	Стратегия национальной безопасности.	Глобальная стратегия и приоритеты Еврокомиссии.	Пятилетние планы и программные заявления руководства страны.
<i>Базовые цели</i>	Борьба «демократий против автократий» как инструмент консолидации своего блока и сдерживания растущих держав.	Экспансия стандартов, расширение рынка и «демократизация» с упором на геополитические цели и угрозы.	Лидерство в незападном мире под эгидой «устойчивой» глобализации и взаимного «обучения цивилизаций».
<i>Уровень вмешательства во внутренние дела государств-реципиентов</i>	Высокий: быстрая перестройка политических структур социума в обход официальных институтов через своих агентов в моменты кризисов.	Высокий: медленная перестройка экономической и политической систем через влияние на официальные институты, нормы и общество.	Средний: достижение целей через межгосударственные каналы, вовлечение зарубежных элит без перекройки структур социума.
<i>Уровень государственно-частного партнёрства</i>	Высокий: широкое вовлечение НПО, тесное взаимодействие с филантропическими фондами и бизнесом.	Низкий: сотрудничество и конкуренция с государствами—членами ЕС, привлечение НПО.	Средний: рост вовлечённости зарубежного китайского бизнеса и госкорпораций в странах-реципиентах.
<i>Базовые инструменты влияния</i>	Неинституциональный активизм, протесты, медиакмпании.	Продвижение норм и стандартов.	Крупные инфраструктурные проекты и займы.
<i>Основные получатели помощи</i>	НПО, в меньшей степени многосторонние форматы и государства.	Государства и многосторонние институты, в меньшей степени НПО.	Государства, в меньшей степени зарубежные госкорпорации.
<i>Направление реформ системы управления</i>	Усиление межведомственной координации с силовым блоком и отладка механизмов быстрой концентрации ресурсов.	Повышение оперативности переброски средств в страны, где возникают «окна возможностей» для реформ.	Повышение координации через создание профильного агентства, запуск глобальных зонтичных проектов, гуманитарное влияние.
<i>Идеологические тенденции</i>	Секьюритизация и милитаризация СМР, инструментализация в целях промышленной политики, права меньшинств.	Геополитизация и секьюритизация СМР как инструмента противодействия России и энергоперехода.	Продолжение глобализации без культурной унификации, экономические права человека (сокращение голода, нищеты).

Источник: составлено автором.

с современным периодом взрывного роста числа международных НПО после распада биполярной системы⁸⁸. Приход Китая в сферу культурно-гуманитарного влияния с 2010-х годов создаёт глобальную конкуренцию на этом поле, где более 30 лет доминировал Запад. Вкупе с вовлечением в международные отношения множества социальных сфер и групп на фоне усиления роли новых информационно-коммуникационных технологий с их возможностями глубокого воздействия на мировоззрение человека это создаёт новую ситуацию по сравнению с великодержавным соперничеством в сфере культурно-гуманитарной политики и содействия развитию в период «холодной войны».

* * *

Политика СМР рассмотренных игроков направлена на стимулирование своих экономик за счёт поддержки экспорта, расширения рынков сбыта и доступа к природным ресурсам. Гипотеза об СМР как политике программирования развития зарубежных стран подтверждается частично и с существенными оговорками. В США (подход ЕС тяготеет к американскому при различиях в тактике, управлении и ресурсной базе) программы в этой области включают организацию направляемых изменений во внутренней и внешней политике целевых стран через не прямое влияние посредством культурно-гуманитарных инфраструктур.

Цели долгосрочного программирования внутренних процессов в странах-реципиентах декларируются и реализуются, но встречаются множество препятствий на практике: ужесточение геополитического соперничества сокращает горизонт планирования доноров. Вместе с тем программы помощи представляют точки доступа и средства создания инфраструктур культур-

но-гуманитарного влияния, позволяющих вмешиваться в политический процесс изнутри и менять траекторию развития зарубежных стран, особенно в случаях неустойчивости местного правительства. Эти действия становятся возможными посредством размывания суверенитета государства и принятия зарубежными операторами СМР на себя части государственных функций в стране-реципиенте, в частности, в сфере идеологии, социализации, планирования развития и др. Оценки результативности этой работы противоречивы и зависят от точки зрения наблюдателя. В США распространено мнение, что она является лучшей альтернативой военного вмешательства⁸⁹.

Тем не менее ориентация на программирование развития стран не является всеобщей. Китай использует СМР как один из рычагов для достижения выгодных межгосударственных договорённостей с реципиентами в духе жёсткого прагматизма. При этом Пекин воздерживается от попыток контролировать их внутреннее политическое развитие или политико-культурной унификации по своему чертежу. Учитывая культурные различия, последнее может оказаться сверхзатратной задачей.

Ведущие игроки находятся на развилке. С одной стороны, они сталкиваются с растущим давлением в пользу дальнейшего усиления меркантилизма в программах СМР, их инструментализации для достижения краткосрочных геополитических результатов. С другой — они нуждаются в СМР как рычаге распространения своей идеологии в борьбе за легитимность и включение незападных стран в свои глобальные проекты, что предполагает более долгосрочные цели. Особенно выражено это стремление проявляется в усилиях КНР по созданию противовеса конфрон-

⁸⁸ По данным Союза международных ассоциаций (UIA), число международных НПО в период с 1989 по 2009 г. возросло с 20,6 тыс. до 54,4 тыс. См. подробнее, например: *Schofer E., Longhofer W. The Global Rise of Nongovernmental Organizations // The Nonprofit Sector. Stanford University Press, 2020. P. 603–617.*

⁸⁹ *Gompert D., Binnendijk H. The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War. Santa Monica: RAND Corporation, 2016. 56 p.*

тационной линии США через предложение незападному миру своих подходов и более выгодной и устойчивой версии глобализации.

Соединённые Штаты, в свою очередь, стремятся к цементированию евро-атлантического блока и расшатыванию потенциальных западных коалиций. По мере усиления международного противоборства политика СМР всё больше концентрируется на достижении краткосрочных целей в ущерб стратегическим установкам, что заметно в новых областях великодержавного соперничества, таких как индустриаль-

ная политика, энергетический переход, цепочки поставок и так далее. Эта тенденция препятствует программированию развития стран–реципиентов помощи со стороны доноров — на эту задачу не всегда хватает ресурсов и политической воли. В результате обозначенных процессов концепцию «мягкой силы» вытесняют более сложные и комбинированные формы влияния и принуждения, сочетающие культурно-гуманитарные, политические, геоэкономические и военно-силовые инструменты, важнейшим ресурсом для которых остаются программы СМР.

Список литературы

- Бартенев В.И. Безопасность или развитие? // Современная Европа. 2017. №6 (78). С. 47–57.
- Бартенев В.И. Ближний Восток и Северная Африка в актуальной статистике официальной помощи развитию. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. 54 с.
- Богатуров А.Д. «Синдром поглощения» в мировой политике // Pro et Contra. 1999. №4. С. 28–48.
- Виноградов А. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. 2021. Т. 19. №2. С. 6–20. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.2
- Гаман-Голутвина О.В., Пономарёва Е.Г., Шишелина Л.Н. «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 20–40.
- Глазунова Е.Н. Связка «Безопасность — развитие»: рождение концепта и его эволюция в годы «Холодной войны» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2016. №1. С. 8–38.
- Глазунова Е.Н. У истоков содействия международному развитию: американская программа технической помощи развивающимся странам // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. №2. С. 126–157.
- Громыко Ал.А. Современный мир: разгон противостояния «великих держав» // Европа в кризисном мире / Под ред. Ал.А. Громыко. М.: Весь мир, 2022. С. 11–26. DOI: 10.55604/9785777708953
- Гущин А.В., Левченков А.С. Западный фланг постсоветского пространства и программа «Восточное партнерство»: опыт и перспективы взаимодействия // Современная Европа. 2019. № 7. С. 105–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019105114>
- Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 6. С. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02
- Калашников Д.Б. Китайская помощь развитию: официальные и истинные цели // Мировое и национальное хозяйство. 2021. №57. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (дата обращения: 26.05.2023).
- Комиссина И.Н. Стандартизация в Китае: современные тренды и перспективы развития // Проблемы национальной стратегии. 2022. №1. С. 191–218. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_191
- Ломанов А.В. Права человека в современной идеологии Коммунистической партии Китая // Ориенталистика. 2022. Т. 5. №4. С. 882–897. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897>
- Ломанов А.В. Стратегия культурного влияния Китая в проекте «Один пояс, один путь» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 52–63.
- Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. №4. С. 6–22. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-1>
- Маслов А.А. Проблема «долговых ловушек» в рамках китайской инициативы «Пояс и Путь» // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Новосибирск: НГУ, 2020. С. 6–15.

- Морозкина А. Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. №9. С. 86–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92
- Пикети Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2016. 592 с.
- Романова Т.А. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе // *Современная Европа*. 2017. №4. С. 17–28.
- Сакс Дж. Эпохи глобализации: география, технологии, институты. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 368 с.
- Соболева Е.А., Кривохиж С.В. Лидерство в многополярном мире: политика Китая в Центральной Азии // *Международные процессы*. 2020. Т. 18. №1. С. 119–134. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.7
- Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / Под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Кашнина, Н.В. Тогановой. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 248 с.
- Сутырин В.В. Финансы для либерального порядка: сравнительный анализ международной деятельности политических фондов ФРГ и филантропических фондов США // *Международные процессы*. 2022. Т. 20. №3. С. 55–79. DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.5
- Сутырин В.В. Трансформация публичной дипломатии ЕС: от содержательного кризиса к повестке внешней угрозы // *Современная Европа*. 2021. № 6. С. 17–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620211729>
- Хахалкина Е.В., Погорельская А.М. Содействие развитию или управление миграцией (анализ европейского подхода) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. №2. С. 80–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-80-89>
- Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка: планы США по управлению междержавной конкуренцией // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. №3. С. 6–21. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.3.66.6>
- Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. №4. С. 6–19. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1
- Шаклеина Т.А. Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века? // *Международные процессы*. 2022. Т. 20. №4. С. 6–22. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.2>
- Щербунов В. Концепции «управляемой конкуренции» в военно-политических отношениях США и Китая. Теоретическое осмысление и практическое воплощение // *Международные процессы*. 2022. Т. 20. №4. С. 93–118. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.6>
- Bartlett W. International assistance, donor interests, and state capture in the Western Balkans // *Journal of Contemporary European Studies*. 2021. Vol. 29. No. 2. P. 157–168. <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1794801>
- Bossuyt F., Davletova N. Communal self-governance as an alternative to neoliberal governance: proposing a post-development approach to EU resilience-building in Central Asia // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 41. No. 4. P. 788–807. <https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2058913>
- Bowen Yu. Cognitive Evolution and China's International Development Cooperation // *The Chinese Journal of International Politics*. 2021. Vol. 14. No. 4. P. 481–505. <https://doi.org/10.1093/cjip/poab014>
- Burlyuk O., Shapovalova N. “Veni, vidi, ... vici?” EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine // *East European Politics*. 2017. Vol. 33. No. 1. P. 36–55. <https://doi.org/10.1080/21599165.2017.1280470>
- Carothers T., de Gramont D. Development Aid Confronts Politics: The Almost Revolution. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 360 p.
- Chang H-J. Kicking Away the Ladder. London: Anthem Press, 2002. 187 p.
- Darden T. Aiding and Abetting: U.S. Foreign Assistance and State Violence. Stanford: Stanford University Press, 2020. 198 p.
- Diamond L. Democracy's Arc: From Resurgent to Imperiled // *Journal of Democracy*. 2022. Vol. 33. No. 1. P. 163–179.
- Dreher A., Fuchs A., Parks B., Austin S., Tierney M. Apples and dragon fruits: the determinants of aid and other forms of state financing from China to Africa // *International Studies Quarterly*. 2018. Vol. 62. No. 1. P. 182–194. <https://doi.org/10.1093/isq/sqx052>
- Easterly W. The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor. New York: Basic Books, 2014. 416 p.
- Easterly W. Can Foreign Aid Buy Growth? // *The Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17. No. 3. P. 23–48. DOI: 10.1257/089533003769204344
- Esteve G. What is Development? // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 2018. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.360>

- Frank A.G. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*. New York: Monthly Review Press, 1967. 298 p.
- Global Political Economy / ed. by J. Ravenhill. Oxford: Oxford University Press, 2020. 536 p.
- Hammond D., Brady T. Critical minerals for green energy transition: A United States perspective // *International Journal of Mining, Reclamation and Environment*. 2022. Vol. 36. No. 9. P. 624–641. <https://doi.org/10.1080/17480930.2022.2124788>
- Huo S., Parmar I. 'A new type of great power relationship'? Gramsci, Kautsky and the role of the Ford Foundation's transformational elite knowledge networks in China // *Review of International Political Economy*. 2020. Vol. 27. No. 2. P. 234–257. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1625427>
- Kearns D. The crisis of American soft power // *Journal of Political Power*. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 397–414. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2022.2127277>
- Krige J. *American hegemony and the postwar reconstruction of science in Europe*. Cambridge: MIT Press, 2006. 392 p.
- Lei W. Global Development Initiative: An International Public Goods to Promote Common Development // *China Economist*. 2022. Vol. 17. No. 4. P. 13–25.
- McNally C. Chaotic mélange: neo-liberalism and neo-statism in the age of Sino-capitalism // *Review of International Political Economy*. 2020. Vol. 27. No. 2. P. 281–301. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1683595>
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III William W. *The Limits to Growth; A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books, 1972. 205 p.
- Morgenthau H. A Political Theory of Foreign Aid // *The American Political Science Review*. 1962. Vol. 56. No. 2. P. 301–309.
- Nowak-Lehmann F., Martínez-Zarzoso I., Herzer D., Klasen S., Cardozo A. Does foreign aid promote recipient exports to donor countries? // *Review of World Economics*. 2013. Vol. 149. No. 3. P. 505–535.
- Nye J. *Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China*. Cambridge: Springer, 2023. 217 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-99-0714-4>
- Pellicciari I. Aid in War or Aid to War? Foreign Aid in the 2022 War in Ukraine // *The Review of International Affairs*. 2022. No. 1186. P. 61–78. DOI: 10.18485/iipe_ria.2022.73.1186.3
- Phillips N. The Political Economy of Development // *Global Political Economy* / ed. by J. Ravenhill. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 354–383. <https://doi.org/10.1093/hepl/9780198820642.003.0013>
- Power M. *Geopolitics and Development*. London: Routledge, 2019. 410 p.
- Power S. How Democracy Can Win: The Right Way to Counter Autocracy // *Foreign Affairs*. 2023. Vol. 102. No. 2. P. 22–37.
- Ray K. The Last Refuge of the Noble Savage? A Critical Assessment of Post-Development Theory // *European Journal of Development Research*. 1999. Vol. 11. No. 1. P. 30–55. <https://doi.org/10.1080/09578819908426726>
- Regime S., Hodzi O. Comparing US and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers // *The International Spectator*. 2021. Vol. 56. No. 2. P. 114–131. <https://doi.org/10.1080/03932729.2020.1855904>
- Rühlig T. Chinese Influence through Technical Standardization Power // *Journal of Contemporary China*. 2023. Vol. 32. No. 139. P. 54–72. <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2052439>
- Sachs J. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. New York: Penguin Books, 2005. 396 p.
- Sachs W. On the Archaeology of the Development Idea // *Sustainability*. Critical Concepts in the Social Sciences / ed. by M. Redclift. London: Taylor & Francis, 2005. P. 149–164.
- Shambaugh D. *China Goes Global: The Partial Power*. New York: OUP USA, 2013. 432 p.
- Singer H. The 1980s: A Lost Decade – Development in Reverse? // *Growth and External Debt Management* / ed. by H. Singer, S. Sharma. London: Palgrave Macmillan, 1989. P. 46–56.
- Sodré M., Hespanhol R. Limits of Post-Development in the Critique of Development // *Mercator, Fortaleza*. 2022. Vol. 21. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.4215/rm2022.e21001>
- Sparking Europe's New Industrial Revolution. A policy for net zero, growth and resilience / ed. by S. Tagliapietra, R. Veugelers. Brussels: Bruegel, 2023. 271 p.
- Stewart F. *A Basic Needs Approach to Development* // *Planning to Meet Basic Needs*. London: Palgrave Macmillan, 1985. P. 1–13. https://doi.org/10.1007/978-1-349-17731-8_1
- Sun S., Xu X., Zhao X. China's Foreign Aid Training: Targeting Becoming an Influential Culture Sharer // *Journal of Asian and African Studies*. 2021. Vol. 56. No. 4. P. 851–871. <https://doi.org/10.1177/0021909620946351>
- Telias D., Urdinez F. China's Foreign Aid Political Drivers: Lessons from a Novel Dataset of Mask Diplomacy in Latin America during the COVID-19 Pandemic // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. Vol. 51. No. 1. P. 108–136. <https://doi.org/10.1177/18681026211020763>

- The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power / ed. by W. Sachs. London: Zed Books, 2010. 352 p.
- The Global Third Way Debate / ed. by A. Giddens. Cambridge: Polity, 2001. 431 p.
- Wu Y., Zhang M. China International Development Cooperation Agency: Establishment, Improvement, and Limitations // *Journal of Global and Area Studies*. 2021. Vol. 5. No. 1. P. 63–83. DOI: 10.31720/JGA.5.1.4
- Ye M. The Dragon's gift: an empirical analysis of China's foreign aid in the new century // *International Trade, Politics and Development*. 2022. Vol. 6. No. 2. P. 73–86. <https://doi.org/10.1108/ITPD-06-2022-0010>
- Youngs R., Zihnioglu O. EU Aid Policy in the Middle East and North Africa: Politicization and its Limits // *Journal of Common Market Studies*. 2021. Vol. 59. P. 126–142.
- Zhang D., Smith G. China's foreign aid system: structure, agencies, and identities // *Third World Quarterly*. 2017. Vol. 38. No. 9. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/01436597.2017.1333419>

TRANSFORMATION OF DEVELOPMENT ASSISTANCE UNDER GREAT POWER RIVALRY

A STUDY OF USA, EU, AND PRC POLICIES

VYACHESLAV SUTYRIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The paper deals with official development assistance (ODA) policies of the USA, the EU and China in the comparative context of latest developments. The development approaches of the three actors under investigation demonstrate common features as well as idiosyncrasies in terms of management, resources, and ideological justification. All actors strive towards complex model of influence through ODA including tying together economic projects with sociocultural heft and security. The underlying trends characteristic of the USA, and in significant degree of the EU approaches combine traditional aim of reshaping socio-political institutions of target countries with growing securitization concerns. In the case of the U.S., one can speak of 'militarization' of ODA which means blurring the lines between military aid (and goal-setting) and traditional development assistance. China is on the way of reforming its international development cooperation industry, seeking to transform it into a more complex toolset of influence, better coordinated, and more closely knit to foreign policy and security objectives. In contrast to the Western paradigm, Beijing avoids imposing its model of development and threat perception upon the aid-recipient countries. The analysis concludes that "soft power" concept is being sidelined in the world of great power rivalry by more complex and hybrid formats of foreign influence which combine sociocultural, political, geoeconomic, and military instruments, with development assistance playing a role of one of the primary foreign policy resources. New dimensions of rivalry associated with industrial and technological race in energy, climate, and supply chains are coming to the fore in ODA policies. The role of sociocultural influence toolkit is growing given information and communication technologies progress, proliferation of non-state actors in international relations, and increasing activity of China in the area, which challenges the dominant positions the Western actors have enjoyed for over 30 years.

Keywords:

official development assistance; great power rivalry; development aid; ODA; sociocultural influence; soft power; diplomacy USA; China; European Union

References

- Baranovskiy V.G., Kashnin Yu.D., Toganova N.V. (eds.). (2018). *Sodeystvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshney politiki: zarubezhnyy opyt* [Development assistance as a foreign policy tool: foreign practices]. Moscow: IMEMO RAN. 248 p.
- Bartenev V.I. (2017). Bezopasnost' ili razvitie? [Security or Development?]. *Sovremennaya Evropa*. No. 6. P. 47–57.
- Bartenev V.I. (2020). *Blizhniy Vostok i Severnaya Afrika v aktual'noy statistike ofitsial'noy pomoshchi razvitiyu* [Middle East and Modern Africa: the relevant data on official development assistance]. M.: MGU im. M.V.Lomonosova. 54 p.
- Bartlett W. (2021). International assistance, donor interests, and state capture in the Western Balkans. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 29. No. 2. P. 157–168. <https://doi.org/10.1080/14782804.2020.1794801>
- Bogaturov A.D. (1999). «Sindrom pogloshcheniya» v mirovoy politike [The “absorbing syndrome” in world politics]. *Pro et Contra*. No. 4. P. 28–48.
- Bossuyt F. (2022). Communal self-governance as an alternative to neoliberal governance: proposing a post-development approach to EU resilience-building in Central Asia. *Central Asian Survey*. Vol. 41. No. 4. P. 788–807. <https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2058913>
- Bowen Yu. (2021). Cognitive Evolution and China's International Development Cooperation. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 14. No. 4. P. 481–505. <https://doi.org/10.1093/cjip/poab014>
- Burlyuk O., Shapovalova N. (2017). “Veni, vidi, ... vici?” EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine. *East European Politics*. Vol. 33. No. 1. P. 36–55. <https://doi.org/10.1080/21599165.2017.1280470>
- Carothers T., de Gramont D. (2013). *Development Aid Confronts Politics: The Almost Revolution*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 360 p.
- Chang H. (2002). *Kicking Away the Ladder*. London: Anthem Press. 187 p.
- Darden T. (2020). *Aiding and Abetting: U.S. Foreign Assistance and State Violence*. Stanford: Stanford University Press. 198 p.
- Diamond L. (2022). Democracy's Arc: From Resurgent to Imperiled. *Journal of Democracy*. Vol. 33. No. 1. P. 163–179.
- Dreher A., Fuchs A., Parks B., Austin S., Tierney M. (2018). Apples and dragon fruits: the determinants of aid and other forms of state financing from China to Africa. *International Studies Quarterly*. Vol. 62. No. 1. P. 182–194. <https://doi.org/10.1093/isq/sqx052>
- Easterly W. (2014). *The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor*. New York: Basic Books. 416 p.
- Easterly W. (2003). The Journal of Economic Perspectives. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 17. No. 3. P. 23–48. DOI: 10.1257/089533003769204344
- Esteve G. (2018). What is Development? *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.360>
- Frank A. G. (1967). *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*. New York: Monthly Review Press. 298 p.
- Gaman-Golutvina O.V., Ponomareva E.G., Shishelina L.N. (2014). «Vostochnoe partnerstvo»: bor'ba stsenariyev razvitiya [EU's Eastern Partnership: rival development scenarios]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 20–40.
- Giddens A. (ed.). (2001). *The Global Third Way Debate*. Cambridge: Polity. 431 p.
- Glazunova E. N. (2016). Svyazka «Bezopasnost' – razvitie»: rozhdenie kontsepta i ego evolyutsiya v gody «Kholodnoy voyny» [‘Security-Development Nexus’ Concept: Emergence and Evolution During the Cold War]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 1. P. 8–38.
- Glazunova E.N. (2012). U istokov sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu: amerikanskaya programma tekhnicheskoy pomoshchi razvivayushchimsya stranam [At the Origins of International Development Cooperation: the U.S. Program of Technical Assistance to Underdeveloped Countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 2. P. 126–157.
- Gromyko A.I.A. (2022). Sovremennyy mir: razgon protivostoyaniya «velikh derzhav» [A modern world: the acceleration of great power struggle]. *Evropa v krizisnom mire*. Moscow: «Ves' mir». P. 11–26.
- Gushchin A.V., Levchenkov A. S. (2019). Zapadnyy flang postsovet'skogo prostranstva i programma «Vostochnoe partnerstvo»: opyt i perspektivy vzaimodeystviya [The Western Flank of the Post-Soviet Space and the “Eastern Partnership”: Experience and Prospects of Cooperation]. *Sovremennaya Evropa*. No. 7. P. 105–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019105114>

- Hammond D., Brady T. (2020). Critical minerals for green energy transition: A United States perspective. *International Journal of Mining, Reclamation and Environment*. Vol. 36. No. 9. P. 624–641. <https://doi.org/10.1080/17480930.2022.2124788>
- Huo S., Parmar I. (2020). 'A new type of great power relationship'? Gramsci, Kautsky and the role of the Ford Foundation's transformational elite knowledge networks in China. *Review of International Political Economy*. Vol. 27. No. 2. P. 234–257. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1625427>
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2020). Al'yansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiya instrumentariya voenno-politicheskogo dominirovaniya [Alliances at the service of hegemony: deconstruction of the military domination toolbox]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02
- Kalashnikov D.B. (2021). Kitayskaya pomoshch' razvitiyu: ofitsial'nye i istinnye tseli [Chinese development assistance: official and true goals]. *Mirovye i natsional'noe khozyaystvo*. No. 57. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (accessed: 26.05.2023).
- Kearn D. (2022). The crisis of American soft power. *Journal of Political Power*. Vol. 15. No. 3. P. 397–414. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2022.2127277>
- Khakhalkina E.V., Pogorelskaja A.M. (2022). Sodeystvie razvitiyu ili upravlenie migratsiyey (analiz evropeyskogo podkhoda) [Development policy or migration management? (The EU approach analysis)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 2. P. 80–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-80-89>
- Komissina I.N. (2022). Standartizatsiya v Kitae: sovremennye trendy i perspektivy razvitiya [Standardisation in China: recent trends and development prospects]. *Problemy natsional'noy strategii*. No. 1. P. 191–218. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_191
- Krige J. (2006). *American hegemony and the postwar reconstruction of science in Europe*. Cambridge: MIT Press. 392 p.
- Lei W. (2022). Global Development Initiative: An International Public Goods to Promote Common Development. *China Economist*. Vol. 17. No. 4. P. 13–25.
- Lomanov A.V. (2022). Prava cheloveka v sovremennoy ideologii Kommunisticheskoy partii Kitaya [Human rights in modern ideology of the Communist Party of China]. *Orientalistika*. Vol. 5. No. 4. P. 882–897. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897>
- Lomanov A.V. (2017). Strategiya kul'turnogo vliyaniya Kitaya v proekte «Odin poyas, odin put'» [The Strategy of China's Cultural Influence in the "One Belt One Road" Project]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. Vol. XXII. Moscow: IDV RAN. P. 52–63.
- Maslov A.A. (2020). Problema «dolgovykh lovushek» v ramkakh kitayskoy initsiativy «Poyas i Put'» [The problem of "debt traps" as a part of the Chinese "Belt and Road" Initiative]. *Aktual'nye voprosy izucheniya istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i kultur stran Vostoka*. Novosibirsk: NGU. P. 6–15.
- Maslov A.A. (2021). Transformatsiya analiticheskikh tsentrov kak elementa «myagkoy sily» Kitaya v 2010–2020 gg. [Transformation of analytical centers as an element of Chinese "soft power" in the 2010–2020]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 14. No. 4. P. 6–22. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-4-1>
- McNally C. (2020). Chaotic mélange: neo-liberalism and neo-statism in the age of Sino-capitalism. *Review of International Political Economy*. Vol. 27. No. 2. P. 281–301. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1683595>
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III William W. (1972). *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books. 205 p.
- Morgenthau H. (1962). A Political Theory of Foreign Aid. *The American Political Science Review*. Vol. 56. No. 2. P. 301–309.
- Morozkina A. (2019). Ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu: tendentsii poslednego desyatiletiya [Official development assistance: trends of the recent decade]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 9. P. 86–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92
- Nowak-Lehmann F., Martínez-Zarzoso I., Herzer D., Klasen S., Cardozo A. (2013). Does foreign aid promote recipient exports to donor countries? *Review of World Economics*. Vol. 149. No. 3. P. 505–535.
- Nye J. (2023). *Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China*. Cambridge: Springer. 217 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-99-0714-4>
- Pellicciari I. (2022). Aid in War or Aid to War? Foreign Aid in the 2022 War in Ukraine. *The Review of International Affairs*. No. 1186. P. 61–78. DOI: 10.18485/iipe_ria.2022.73.1186.3
- Phillips N. (2020). The Political Economy of Development. In J. Ravenhill (ed.) *Global Political Economy*. Oxford: Oxford University Press. P. 354–383. <https://doi.org/10.1093/hepl/9780198820642.003.0013>

- Piketi T. (2016). *Kapital v XXI veke* [Capital in the XXI century]. Moscow: Ad Marginem. 592 p.
- Power M. (2019). *Geopolitics and Development*. London: Routledge. 410 p.
- Power S. (2023). How Democracy Can Win: The Right Way to Counter Autocracy. *Foreign Affairs*. Vol. 102. No. 2. P. 22–37.
- Ravenhill J. (ed.). (2020). *Global Political Economy*. Oxford: Oxford University Press. 536 p.
- Ray K. (1999). The Last Refuge of the Noble Savage? A Critical Assessment of Post-Development Theory. *European Journal of Development Research*. Vol. 11. No. 1. P. 30–55. <https://doi.org/10.1080/09578819908426726>
- Regilme S., Hodzi O. (2021). Comparing US and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers. *The International Spectator*. Vol. 56. No. 2. P. 114–131. <https://doi.org/10.1080/03932729.2020.1855904>
- Romanova T.A. (2017). Kategoriya «stressoustoychivost'» v Evropeyskom soyuze [Resilience category in the European Union]. *Sovremennaya Evropa*. No. 4. P. 17–28.
- Rühlig T. (2023). Chinese Influence through Technical Standardization Power. *Journal of Contemporary China*. Vol. 32. No. 139. P. 54–72. <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2052439>
- Sachs J. (2005). *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. New York: Penguin Books. 396 p.
- Sachs W. (2005). On the Archaeology of the Development Idea. In M. Redclift (ed.) *Sustainability. Critical Concepts in the Social Sciences*. London: Taylor & Francis. P. 149–164.
- Sachs W. (ed.). (2010). *The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power*. London: Zed Books. 352 p.
- Saks Dzh. (2022). *Epokhi globalizatsii: geografiya, tekhnologii, instituty* [The Ages of Globalization: Geography, Technology, and Institutions]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 368 p.
- Shambaugh D. (2013). *China Goes Global: The Partial Power*. New York: OUP USA. 432 p.
- Shakleina T.A. (2015). Liderstvo i sovremennyy mirovoy poryadok [Leadership and contemporary world order]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 4. P. 6–19. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1
- Shakleina T.A. (2021). Novyy etap v formirovanii mirovogo poryadka. Plany SShA po upravleniyu mezhdunarodnoy konkurentsiei [New stage in the global order formation us plans on management of great power rivalries]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 3. P. 6–21. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.3.66.6>
- Shakleina T.A. (2022). Perelomnyy moment v mirovom razvitii. Sokhranit li zapad preobladayushchee vliyaniye na formirovaniye mirovogo poryadka XXI veka? [Turning point in global development. Will the West keep its predominant influence on world order in the 21st century?] *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 20. No. 4. P. 6–22. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.2>
- Shcherbunov V. (2022). Kontseptsii «upravlyaemoy konkurentsii» v voenno-politicheskikh otnosheniyakh SShA i Kitaya. Teoreticheskoe osmysleniye i prakticheskoe voploshcheniye [The “managed competition” concept in the US–China security nexus. Theoretical analysis and practical implementation]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 20. No. 4. P. 93–118. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.6>
- Singer H. (1989). The 1980s: A Lost Decade – Development in Reverse? In H. Singer, S. Sharma, (eds.) *Growth and External Debt Management*. London: Palgrave Macmillan. P.46–56.
- Soboleva E.A., Krivokhizh S.V. (2020). Liderstvo v mnogopol'yarnom mire: politika Kitaya v Tsentral'noy Azii [Leadership in the Multipolar World: China's Strategy in Central Asia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 18. No. 1. P. 119–134. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.7
- Sodré M., Hespagnol R. (2022). Limits of Post-Development in the Critique of Development. *Mercator, Fortaleza*. Vol. 21. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.4215/rm2022.e21001>
- Stewart F. (1985). A Basic Needs Approach to Development. In F. Stewart *Planning to Meet Basic Needs*. London: Palgrave Macmillan. P. 1–13. https://doi.org/10.1007/978-1-349-17731-8_1
- Sun S., Xu X., Zhao X. (2021). China's Foreign Aid Training: Targeting Becoming an Influential Culture Sharer. *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 56. No. 4. P. 851–871. <https://doi.org/10.1177/0021909620946351>
- Sutyurin V.V. (2021). Transformatsiya publichnoy diplomatii ES: ot soderzhatel'nogo krizisa k povestke vneshney ugrozy [EU Public Diplomacy Transformation: From the Crisis of Substance to External Threat]. *Sovremennaya Evropa*. No. 6. P. 17–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620211729>
- Sutyurin V.V. (2022). Finansy dlya liberal'nogo poryadka: sravnitel'nyy analiz mezhdunarodnoy deyatel'nosti politicheskikh fondov FRG i filantropicheskikh fondov SShA [International activities of German political foundations and American philanthropic funds. A comparative analysis.]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 20. No. 3. P. 55–79. DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.5
- Tagliapietra S., Veugelers R. (eds.). (2023). *Sparking Europe's New Industrial Revolution. A policy for net zero, growth and resilience*. Brussels: Bruegel. 271 p.

- Telias D., Urdinez F. (2022). China's Foreign Aid Political Drivers: Lessons from a Novel Dataset of Mask Diplomacy in Latin America during the COVID-19 Pandemic. *Journal of Current Chinese Affairs*. Vol. 51. No. 1 P. 108–136. <https://doi.org/10.1177/18681026211020763>
- Vinogradov A. (2021). Kitayskiy proekt dlya bol'shoy Evrazii [China's project for Greater Eurasia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 2. P. 6–20. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.2
- Wu Y., Zhang M. (2021). China International Development Cooperation Agency: Establishment, Improvement, and Limitations. *Journal of Global and Area Studies*. Vol. 5. No. 1. P. 63–83. DOI: 10.31720/JGA.5.1.4
- Ye M. (2022). The Dragon's gift: an empirical analysis of China's foreign aid in the new century. *International Trade, Politics and Development*. Vol. 6. No. 2. P. 73–86. <https://doi.org/10.1108/ITPD-06-2022-0010>
- Youngs R., Zihnioğlu O. (2021). EU Aid Policy in the Middle East and North Africa: Politicization and its Limits. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 59. P.126–142.
- Zhang D., Smith G. (2017). China's foreign aid system: structure, agencies, and identities. *Third World Quarterly*. Vol. 38. No. 9. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/01436597.2017.1333419>

ДОЛГ НЕФИНАНСОВОГО СЕКТОРА КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ В АЗИИ

СТАНИСЛАВ НОЗДРЕВ

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается ситуация в сфере задолженности нефинансового сектора стран Азии, по основным показателям которого она занимает ведущее место среди развивающихся регионов мира. Автор ставит целью доказать возможность усиления неустойчивости в развитии этого сектора при дальнейшем росте задолженности. В работе определяется место этой части света в структуре глобального долга, степень её внешней и внутренней долговой зависимости; проводится сравнительный анализ по регионам и странам; даётся соотношение различных групп долга и оцениваются перспективы его пролонгации. Среди основных видов риска, вызванных образованием долговых обязательств нефинансового сектора, выделяются корпоративный долг и долг домохозяйств. Подчёркивается, что период снижения экономического роста и, соответственно, падения доходов ослабляет устойчивость азиатских компаний к финансовым потрясениям. Выделяется начавшийся приблизительно с 2022 г. постпандемный этап как наиболее сложный для экономики стран Азии, поскольку усиливается уязвимость предприятий, особенно малого и среднего бизнеса, вызванная снижением объёмов поддержки правительственных программ в результате дефицитного финансирования и неспособностью обеспечить гарантии по долгам, значительная часть которых приходится на внешнюю задолженность. Высокие темпы роста задолженности домашних хозяйств как по ипотечным, так и по потребительским кредитам, превышающие темпы роста ВВП, также усиливают неопределённость экономического прогноза. Выход из рецессии, сопровождавшей пандемию коронавируса, значительно затягивается, что создаёт новые, более сложные условия для деятельности государств и компаний. Хотя основные индикаторы указывают на оживление экономической деятельности, оно будет носить неравномерный характер и углублять неравенство по отдельным странам Азии. Рецессия 2019–2022 годов фрагментировала региональную экономику вследствие торговых, инвестиционных и финансовых ограничений и различных подходов в экономической политике, реализуемых каждой страной, что потребует значительных усилий для восстановления, а затем и выхода на новый этап финансовой интеграции региона.

Ключевые слова:

финансовая неустойчивость; дефолт; реструктуризация; облигационные займы; нефинансовые корпорации; корпоративный долг; долг домохозяйств

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2023

Дата принятия к публикации: 07.12.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: svn200505@mail.ru

Одна из долгосрочных тенденций в мировой экономике — повышение в ней роли азиатского региона, о чём свидетельствуют ключевые макроэкономические показатели — доля в мировом ВВП, международной торговле, инвестициях и золотовалютных резервах¹. В первую очередь степень участия Азии² в мирохозяйственных процессах связана с быстрым экономическим развитием КНР и Индии. Помимо них, свой вклад вносят и другие страны — прежде всего Индонезия и Республика Корея. Высокие темпы роста во многом обеспечиваются развитием кредитной составляющей, которая имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Она влияет на увеличение объёма задолженности азиатских стран, которая чаще всего вызвана финансированием обязательств нефинансового сектора, включающего корпоративный сегмент и домашние хозяйства. Как правило, обеспечение новыми ресурсами для развития связано с активным подключением этих экономик к глобализации финансов, а затем и путём развития собственных рынков капитала.

Задолженность частного сектора азиатских стран, состоящая по большей части из долговых обязательств как с точки зрения абсолютной величины, так и нагрузки на компании и домохозяйства, ставит вопрос о финансовой устойчивости их экономик. Появляются признаки усиления долговой уязвимости, которая обостряет финансовую нестабильность региона. Среди них следует назвать отношение текущего размера обязательств к общим потребностям финансирования экономической деятельности, динамику долга, определяющуюся тенденциями и перспективами погашения, его структуру. Последняя выступает катализатором рисков, в том числе связанных с рефинансированием, валютными и процентными операциями.

Среди учёных-экономистов [Rogoff 2016; Huang et al. 2019; Heimberger 2023; Ogawa et al. 2020] продолжается полемика вокруг быстро нарастающей задолженности стран с развивающимся рынком, её влияния на макроэкономические показатели, особенно в кризисные периоды, а также возможных перспектив усиления негативных тенденций для мировой и региональной экономики. Эти вопросы стали предметом изучения настоящего исследования с акцентом на анализе роста долга нефинансового сектора стран Азии. В этой связи даются различные оценки мирового и национального долга, проводится разбор основных его особенностей, рассматриваются связи между масштабами его аккумуляции и финансовыми кризисами.

Существенный вклад в разработку и постановку вопросов регулирования долговых обязательств на отдельных этапах экономической конъюнктуры был сделан такими специалистами из группы Мирового банка, как Кармен Рейнхарт, Винсент Рейнхарт и Кеннет Рогофф [Reinhart et al. 2015: 4]. В опубликованных статьях по этой тематике [Mohsin et al. 2021: 42] при помощи макроэкономических моделей подтверждают ранее приведённые теоретические положения об отрицательном влиянии задолженности на экономический рост азиатских стран. Ряд исследователей считает, что практика устойчивого развития (на примере стран АСЕАН) и достижение целей ООН (комиссия Брундтланда) приводят к снижению стоимости долга, стимулируя дальнейшее привлечение долговых обязательств [Kregel 2020: 288].

Процесс накопления нефинансового долга Азии рассмотрен в работах целого ряда зарубежных исследователей [Bauer et al. 2021; Chen et al. 2022; Paladino and Pradelli 2022], особенно после глобального финансового кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Внимание уделяется циркуля-

¹ World Economic Outlook (imf.org). <https://www.imf.org/en/publications/weo>. International Liquidity — IMF Data <https://data.imf.org/regular.aspx?key=63087882> (accessed: 26.12.2023).

² В статье используются статистические данные МВФ и МБРР, которые относят к Азии субрегионы Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и Южной Азии.

ции капиталов в этом регионе — усилению роли новых источников финансирования в виде выпуска международных и местных облигаций³. В равной степени отмечается отсутствие линейной зависимости между структурой погашения долга и результатами деятельности компаний на развивающихся рынках Юго-Восточной Азии вследствие имеющихся различий в портфеле задолженности [Nguyen L, Nguyen C. 2020: 48–59]. Большой интерес представляют материалы, в которых анализируются методы контроля за нефинансовым долгом в Азиатско-Тихоокеанском регионе и содержатся рекомендации по эффективному управлению рисками. Речь идёт об инициативах в рамках налогово-бюджетной и денежно-кредитной политик⁴.

В работах российских экономистов по данной тематике акцент делается на ключевых теоретических положениях системы глобальных финансов [Платонова 2016: 51–53; Андрианов 2020: 9–36; Худякова 2018: 38–47]. Часть исследований посвящена вопросам, касающимся опыта управления долгом в развитых странах, где рассматриваются различные параметры реструктуризации с их особенностями и закономерностями [Бусыгина 2012: 70–72]. Существенно меньше внимания уделяется международной проблематике задолженности нефинансового сектора. Как правило, рассматриваются общие условия и причины её роста на основе институциональных секторов⁵ глобального долга, анализируются проблемы Китая как главного

дебитора и кредитора, его финансовой устойчивости [Балюк 2020: 61–84] и индикаторы внешней долговой уязвимости [Криничанский 2021: 41–42].

В данной статье при помощи компаративного анализа определяется место стран Азии в глобальном долге нефинансового сектора, степень внешней и внутренней долговой зависимости, соотношение различных групп долга и перспективы его пролонгации. Использовались методы статистического анализа, включая систематизацию и сравнительную оценку статистических показателей, исследование и анализ взаимосвязей экономических явлений, основываясь на цифровой информации международных экономических организаций и национальной статистике стран-должников.

Цель работы — обосновать возможность усиления неустойчивости в развитии нефинансового сектора при дальнейшем росте задолженности азиатских стран⁶. Эта часть экономики, служащая объектом исследования, выступает основой их хозяйственного развития, поэтому происходящее в условиях геоэкономической неопределённости накопление долга продолжает представлять для них реальную опасность. Делается вывод, что, хотя крупная его часть приходится на внутренний долг, наиболее опасным с точки зрения платёжеспособности является зависимость от краткосрочных долларовых обязательств. Автор приходит к заключению, что переход на облигационное финансиро-

³ *Facundo A. et al. Growth of Global Corporate Debt: Main Facts and Policy Challenges // Policy Research Working Papers. World Bank. August 2020. P. 10–12. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34480/> (accessed: 12.01.2023).*

⁴ *Bahri T., Singh A. COVID-19 and the Impact on Debt: Policy Implications (No. 2107). Working Papers // New School for Social Research, Department of Economics, N-Y. 2021. P. 5. URL: <https://ideas.repec.org/p/new/wpaper/2107.html> (accessed: 15.04.2023).*

⁵ К институциональным секторам глобального долга относятся располагающие активами и имеющие обязательства финансовые корпорации, нефинансовые корпорации, государственные организации, домашние хозяйства, некоммерческие организации.

⁶ Задолженность нефинансового сектора показывает непогашенную сумму долга соответствующей части экономики с разбивкой на предприятия государственного и частного нефинансового секторов. Последний включает нефинансовые корпорации и домохозяйства, в том числе нефинансовые коммерческие учреждения, обслуживающие их. См.: Credit to the non-financial sector // BIS. Data portal. URL: Credit to the non-financial sector — overview | BIS Data Portal; https://data.bis.org/topics/TOTAL_CREDIT (accessed: 16.11.2023)).

вание ставит перед финансовым сектором новые серьёзные проблемы.

Корпоративный долг может достичь критической точки, после которой наступают дефолты и реструктуризация задолженности. Была выявлена слабость многих азиатских компаний, особенно малых и средних (МСП), вызванная ослаблением правительственных программ поддержки в результате дефицитного финансирования во время пандемии и неспособностью обеспечить гарантии по долгам, значительная часть которых приходится на внешнюю задолженность. Это наблюдение касается финансовых систем как стран с формирующимися (Китай, Индонезия), так и развитыми рынками (Япония, Республика Корея).

В качестве обобщающего показателя долговой нагрузки берётся отношение долга к ВВП, указывающее способность конкретной страны выполнять свои долговые обязательства. Между тем важно понимать, что чем оно выше, тем меньше, с одной стороны, вероятность погашения страной задолженности и тем выше риск финансового стресса и дефолта – с другой. Рост этого показателя свидетельствует о долговой нагрузке на экономику страны, а достижение им пороговых значений – об усилении риска финансового стресса и дефолта.

Рост долгов нефинансового сектора азиатского региона и его причины

По показателю долговой нагрузки азиатский регион занимает одно из первых мест в глобальной экономике. В соотношении с развитыми странами Запада величина

долга находится на более низком уровне, но однозначно выше при сравнении с другими региональными группами⁷.

Совокупный долг азиатских экономик к ВВП⁸ достиг наиболее высокого значения среди стран с формирующимися рынками и развивающихся стран. В 2022 г. он составлял соответственно 307 и 251% ВВП при общемировом показателе 337%⁹. Такое положение определяется, *во-первых*, большим и растущим объёмом долговых обязательств Азии и, *во-вторых*, её возрастающей ролью в мировой экономике, где её доля приближается к 50%.

В вышеупомянутых странах долги частного сектора росли наиболее быстрыми темпами. К нему статистика относит нефинансовые корпорации, домохозяйства и финансовые институты. В 2022 г. на них приходилось 73,2 трлн долларов, или 34,1% суммы задолженности в мире. В этом плане Азия занимает лидирующее место среди других регионов. По некоторым оценкам, величина долга частного сектора определяется примерно в 59,3 трлн долларов, что соответствует 81% данной группы долга развивающихся стран¹⁰. По своей номинальной величине он превышает кредитные обязательства частного сектора США или зоны евро.

В течение длительного периода быстрый экономический рост азиатских стран во многом основывается на использовании долговых обязательств нефинансового сектора, включая предприятия под контролем государства. В статистике международных экономических организаций не публикуются агрегированные данные по региональной разбивке долга этого сектора:

⁷ A Many-faceted Crisis // Global Debt Monitor. IIF. 22.02.2023. URL <https://www.iif.com/> (accessed: 06.03.2023).

⁸ Внутренняя задолженность пересчитывается по обменному курсу с использованием валютного индекса.

⁹ Global debt climbs to record 303 // National News. 23.02.2022. URL: <https://www.thenationalnews.com/business/2022/02/23/global-debt-climbs-to-record-303tn-in-2021-amid-pandemic-driven-uncertainties/> (accessed: 12.03.2023).

¹⁰ Global Financial Stability Report 2023. <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2023/04/11/global-financial-stability-report-april-2023?cid=bl-com-spring2023flagships-GFSREA2023001#Chapter-2:-Nonbank-Financial-Intermediaries:-Vulnerabilities-amid-Tighter-Financial-Conditions1> (accessed: 10.11.2023).

Таблица 1
Долг нефинансового сектора по регионам мира (в % к ВВП)

Страны	Домашние хозяйства		Нефинансовые корпорации		Справочно: Финансовый сектор	
	2017	2022	2017	2022	2017	2022
В мире	59,4	63,0	91,5	100,1	85,8	80,3
Развитые страны	73,8	73,1	90,5	93,7	108,5	106,1
Япония	54,0	67,6	99,3	116,7	222,9	184,7
Развивающиеся страны	36,4	46,1	93,3	102,3	47,8	37,2
Развивающиеся страны Азии	46,1	58,7	123,7	129,2	48,9	46,4
Восточноевропейские страны	19,5	20,9	53,4	70,5	29,8	14,8
Латинская Америка	22,7	23,8	36,4	41,4	61,4	25,3
Африка и страны Ближнего и Среднего Востока	19,0	19,4	46,2	42,1	39,0	15,9

Источник: составлено автором по данным Global Debt Monitor // IIF. 23.02.2023. URL: https://file-us.clickdimensions.com/iifcom-ai7nn/files/globaldebtmonitor_may2023.pdf?m=5/17/2023%2 (accessed: 06.06.2023).

учитывается показатель долга к ВВП по отдельным странам. Некоторое представление о динамике могут дать суммируемые индикаторы по наиболее крупным дебиторам Азии. Согласно BIS, задолженность данных стран с формирующимися рынками увеличилась за 2000–2020 годы почти в 20 раз – с 3,4 трлн долларов до 60,7 трлн долларов.

При этом высокие среднегодовые темпы роста долга нефинансового сектора, несмотря на определённое снижение, сохранялись: в 2000–2010 годы – 18,6%, в 2010–2022 годы – 11,9%¹¹, что намного превышает аналогичные показатели для других регионов. Ухудшалась общая экономическая ситуация, когда замедлился прирост ВВП, и доходы фирм и домохозяйств не могли увеличиваться в такой же степени, как и ранее, наблюдалось снижение эффективности инвестиций в строительство и производственные мощности. Между тем продолжилось накопление внешнего долга, приведшее к резкому сокращению чистого притока иностранного капитала.

Особенно велика нагрузка со стороны компаний, на которые приходится около половины долговых обязательств, в том числе малых и средних предприятий (МСП) (табл. 1). Частный долг нефинансового сектора как преобладающая его часть сконцентрирован в небольшой группе крупных экономик: КНР (38,43 трлн долларов), Индия (3,03 трлн долларов), Гонконг (1,3 трлн долларов), Таиланд (1,1 трлн долларов). На них приходится около 90% этой части долговой нагрузки развивающихся стран Азии¹². Среди субрегионов наиболее высокий показатель у Восточной Азии.

После глобального финансового кризиса рост корпоративной задолженности, которая составляет основную её часть в Азии, усиливался наиболее быстрыми темпами в Китае, Южной Корее и Сингапуре. По домохозяйствам – в упомянутых странах, а также в Таиланде.

Рост задолженности нефинансового сектора в Азии в 2000-х годах в значительной степени был вызван активной дея-

¹¹ Подсчитано автором по данным World Economic Outlook Database. <https://www.imf.org/en/Publications/WEQ/weo-database/2023/April/select-country-group>.

¹² Подсчитано автором на основе BIS Statistics Explorer // BIS. January 2023. URL: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/f2.2> (accessed: 12.04.2023).

тельностью крупных иностранных банков развитых стран, способствующих серии кредитных бумов в регионе.

Использование Западом конкурентоспособной системы международного кредитования и финансового посредничества в условиях, когда развивающиеся страны остро нуждались в валютных ресурсах, оказало отрицательное воздействие на их способность защищать свои национальные интересы. Иностранные структуры, мегабанки и другие финансовые институты усилили натиск на открывающиеся рынки посредством краткосрочных, волатильных, подверженных риску операций в поисках высокой доходности, что совпало с периодом либерализации капитальных счетов в развивающихся странах и привнесло этим кредитным институтам значительную прибыль [Broner, Ventura 2016: 1–4; Akbar 2017: 570–578]¹³. В конце 1990-х годов разразился азиатский финансовый кризис из-за чрезмерного зарубежного кредитования от мегабанков, конкурирующих друг с другом, и с активным участием теневого банкинга¹⁴.

Впоследствии наиболее заметное увеличение задолженности в регионе отмечалось, *во-первых*, после начала мирового экономического кризиса в 2008 году, когда были приняты крупномасштабные меры стимулирования экономики с целью преодоления его последствий, и, *во-вторых*, как реакция на пандемию COVID-19 в результате накопления обязательств, образовывавшихся в результате финансирования здравоохранения, социальных выплат населению и поддержки предпринимателей.

На фоне вялого восстановления мировой экономики, колебаний валютных курсов и роста цен на сырьевые товары страны

Азии продолжают брать на себя высокозатратные долговые обязательства на международных финансовых рынках в условиях ограниченной страновой ликвидности. Их корпорации прибегают к такой форме задолженности, несмотря на высокие риски, чтобы преодолеть ограничения внутреннего кредита.

Существуют большие различия в объемах и качестве долговых обязательств в этих экономиках. Они определяются макроэкономическими показателями, экономической и институциональной структурой, господствующей формой собственности, степенью развития финансового и банковского рынка, проводимой финансовой и денежно-кредитной политикой, геополитическими и другими факторами.

В исследованиях в этой области [Guscina 2008; Carvajal, Bebczuk 2019] показывается, что неустойчивая макроэкономическая среда, низкое качество институтов и нестабильный политический климат в ряде стран Азии препятствуют созданию развитого долгового рынка. Нестабильность сдвигает структуру долга с долгосрочной задолженности в местной валюте с фиксированной ставкой в сторону краткосрочного долга, индексированного по иностранной валюте, краткосрочным процентным ставкам или инфляции.

Глобальное смягчение денежно-кредитной политики стало предпосылкой отягощения долгового бремени нефинансового сектора¹⁵. Сохранялись низкие базовые процентные ставки, и расширялись операции на рынке с большим количеством финансовых инструментов. Длительный период денежного количественного смягчения сопровождался значительным повышением уровня частного долга. Вместе с тем он спо-

¹³ Lee J., Rosenkranz P. Nonperforming loans in Asia: Determinants and macrofinancial linkages. Emerging market finance: new challenges and opportunities // Emerald Publishing Limited. 2020. No. 574. P. 18–25. URL: <https://www.econbiz.de/Record/nonperforming-loans-in-asia-determinants-and-macrofinancial-linkages-lee-junkyu/10012064738> (accessed: 29.09.2022).

¹⁴ Trade and Development Report // UNCTAD. 2008. P. 190–191. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2008_en.pdf (accessed: 15.03.2023).

¹⁵ Trade and Development Report, 2015 – Making the international financial architecture work for development (unctad.org). URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2015_en.pdf (accessed: 26.12.2023).

собствовал инфляционному росту цен на активы в этих странах, в частности цен на жильё, в связи с чем появилась возможность образования «кредитного пузыря».

Продолжающееся в США повышение процентных ставок в виде цепной реакции значительно осложняет для азиатских стран проблему погашения внутренних и иностранных кредитов. В этих условиях азиатские компании и домохозяйства будут испытывать трудности с привлечением средств для погашения задолженности, что неминуемо скажется на капиталовложениях и ограничении личного потребления.

Между тем подобное развитие событий как перед, так и во время азиатского кризиса 1997 года в краткосрочной перспективе, по-видимому, вряд ли стоит ожидать. После финансового кризиса конца 1990-х годов в рамках денежно-кредитной политики были приняты законы и правила, которые внесли больше дисциплины в процесс заимствования в отношении корпораций, домохозяйств, а также кредиторов, которые предоставляли им средства, чтобы долг нефинансового сектора не становился системно дестабилизирующим. При рассмотрении внешних обязательств-требований к резервам, соответствующим дефициту счёта платёжного баланса и внешнему долгу, погашение которого требуется в течение года (краткосрочная задолженность), страны Азии с формирующимся рынком (Вьетнам, Индия, Таиланд) стали в меньшей степени испытывать нехватку средств в иностранной валюте [Желуденко 2012: 45–49]. У большинства экономик региона платёжный баланс сводился с небольшим дефицитом или даже профицитом, а сумма погашения краткосрочной задолженности не достигает критических размеров. Более того, повышена прозрачность монетарной политики, улучшена

связь с рынком и создана система поставок денежных средств в иностранной валюте в азиатские страны.

После мирового кризиса 2008–2009 годов долг нефинансового сектора стран Азии постоянно рос и по уровню долговой нагрузки на ВВП ещё более оторвался от других регионов. Наибольшая доля финансирования приходится на Восточную Азию, в первую очередь на Китай, который является ключевым игроком на рынке данного сектора долга. Хотя увеличение долгового финансирования в немалой степени сохранило свои инвестиционные функции, оно в среднесрочной перспективе также усилило риск неплатёжеспособности компаний и домашних хозяйств, ставших более подверженными рыночным колебаниям, что особенно заметно после пандемии COVID-19. Большинство экономистов сходятся во мнении, что растущие показатели задолженности и уменьшение доходов нефинансового сектора оказывают негативное воздействие на экономический рост и движутся в направлении потолка долга и снижения инвестиций в производственный потенциал, вызывая кризисные явления в экономике.

Корпоративный долг стран Азии: где грань финансовой устойчивости?

Корпоративный долг нефинансового сектора является наиболее быстрорастущим элементом задолженности всех стран после мирового финансового кризиса, увеличившись за период с 2008 по 2022 г. с 92,2 до 95% ВВП. По данным Института международных финансов США, его рост в первую очередь определялся странами с развивающимися рынками, где он увеличился в этот период в 4,5 раза с 9 трлн долларов до 40,9 трлн долларов, или с 59,9 до 102,3% ВВП¹⁶.

¹⁶ Global Debt Monitor Feb2023_vf.pdf (iif.com). URL: https://www.iif.com/portals/0/Files/content/Global%20Debt%20Monitor_Feb2023_vf.pdf?_cldee=mJf6Tty-oY8hSxTZo9Wf-IIDnJRPZl1dStmcQJ0J3l-Wc1akQ6oHYQpj5iWJnOe9pDqTHrEbFivfygFIC1Ayhg&recipientid=contact-9b5f6c5ee7f0e81180d102bfc0a80172-f4cfc41185da43a9b14c641b0c10f6df&utm_source=ClickDimensions&utm_medium=email&utm_campaign=Press%20Emails&esid=ccddaec5-cbb2-ed11-83fe-002248226dcd (accessed: 26.12.2023).

Корпоративный долг считается одним из способов финансирования инвестиций и, следовательно, обеспечения будущего роста компаний. Его динамика имеет первостепенное значение для макроэкономического здоровья экономики. В то же время он может быть источником финансовой нестабильности, так как при определённых условиях¹⁷ балансы компаний ослабевают и предприятия подвергаются риску.

Нефинансовые корпорации Азии в большей мере полагаются на долговое финансирование по сравнению с другими регионами. По отношению к размерам экономики развивающихся азиатских стран этот показатель является наиболее высоким, составив в 2022 г. 129,2% ВВП (см. табл. 1). Быстроразвивающаяся экономика, представленная в значительной степени компаниями вторичного и третичного секторов, привлекает из внутренних и внешних источников значительные объёмы заёмного капитала в различных формах. Соотношение корпоративной задолженности и ВВП стало значительно превышать показатели развитых стран Запада, достигнув в 2022 г. у Гонконга 277,4%, Китая — 158,2, Сингапура — 131,2, Южной Кореи — 119,6, Японии — 118,0%¹⁸.

Важным показателем деятельности нефинансового сектора выступает номинальная величина задолженности, указывающая на возможности абсорбировать кредиты в рамках экономического роста. Наиболее высока доля в общем корпоративном долге Восточной и Юго-Восточной Азии у таких стран, как Китай (70,6%), Япония (12,7%), Республика Корея (5,2%), Гонконг (КНР) (4,4%).

В период пандемии данный сектор на рынках Азии вошёл с повышенной финан-

совой уязвимостью, поэтому увеличение корпоративного долга превысило среднегодовые показатели: Таиланд — 9,2%, Япония — 7,8, Республика Корея — 6,3, Сингапур — 3,5, Пакистан — 1,7 (табл. 2). Закрывание границ, нарушение производственных цепочек, падение доходов компаний вызвали резкое снижение экономической активности, что привело к нарастанию задолженности. Последняя увеличивает возможность возникновения потока корпоративных дефолтов в региональной экономике. Именно в этот период в международных финансовых институтах становился распространённым тезис, что следует включать корпоративный долг стран Азии с низкими доходами в специальные программы помощи.

По мере нарастания кризисных явлений быстро усиливалась долговая нагрузка азиатских компаний, связанная с рисками платёжеспособности и пролонгации кредитов в их тесной взаимосвязи. Положение усугублялось продолжением ковидной пандемии, что вызвало обострение валютно-финансовых проблем.

Риск неплатёжеспособности предприятий возникает в случае невозможности полностью выполнить свои обязательства в силу нехватки высоколиквидных активов. После глобального финансового кризиса многие фирмы в регионе не только увеличили размеры задолженности, но и заметно нарастили показатели корпоративного леввериджа¹⁹, коэффициента долга к собственному капиталу. Само по себе увеличение кредитного плеча в условиях устойчивого экономического роста и возможности направлять инвестиции в прибыльные сферы деятельности не влечёт за

¹⁷ Финансовая неустойчивость компаний может возникнуть как вследствие неблагоприятной структуры долга (процент, сроки погашения, условия расчётов), так и макроэкономического окружения, степени конкурентоспособности отрасли и общих условий хозяйствования.

¹⁸ Credit to the non-financial sector — data | BIS Data Portal. URL: https://data.bis.org/topics/TOTAL_CREDIT/data/BIS_PDQ_F4_1.1.0 (accessed: 26.12.2024).

¹⁹ Корпоративный левверидж (кредитное плечо) — один из показателей финансовой деятельности компании, который означает соотношение заёмных и собственных средств. С одной стороны, заёмные средства помогают расширять закупки оборудования, вводить новые производства и т.д. С другой — могут снизить прибыльность компании, когда рост доходов существенно отстаёт от роста долга.

Таблица 2
Корпоративный долг стран Азии (в % к ВВП)

Страна	2008	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Темпы роста за 2008— 2019	Темпы роста за 2020— 2021
Гонконг (КНР)	140,68	238,5	272,5	262,4	267,6	292,3	275,4	6,0	1,4
Сингапур	107,3	136,2	137,5	137,4	150,8	171,4	161,5	3,1	3,5
Южная Корея	95,1	94,3	92,5	95,6	101,3	110,3	114,5	0,6	6,3
Япония	104,1	95,6	95,6	97,8	101,2	115,8	117,6	-0,3	7,8
Бангладеш	25,8	33,3	38	37,8	36,5	36,6	н.д.	3,5	0,2*
Индия	70,8	57,5	58,3	48,9	54,5	59,3	54,7	-2,4	0,2
Индонезия	17,3	26,1	24,9	26,1	26	26,4	24,6	3,8	-2,7
КНР	93,9	159,5	156,4	149,1	150,1	160,8	152,8	4,4	0,9
Малайзия	58,4	67,5	66,5	68,5	68,5	73,4	69,5	1,5	0,7
Мьянма	2,8	21,3	24,1	25,8	26	25,8	н.д.	22,5	-0,1*
Пакистан	22,6	16,3	18,2	21,2	23,3	23,7	н.д.	-0,6	1,7*
Таиланд	77,7	77	74,8	75,6	74,4	85,9	88,7	-0,4	9,2
Шри-Ланка	1,5	37,8	41,9	44,3	46,6	н.д.	н.д.	36,0	—
Справочно: развивающиеся страны	58,7	102,4	106,9	97,9	103,4	121,2	111,2	5,3	3,7

* Данные за 2020 год.

Источник: составлено автором по данным Credit to the non-financial sector // BIS. URL: <https://www.bis.org/statistics/totcredit.htm> (accessed: 21.03.2023).

собой риски для развития компаний. Тем не менее при резком ухудшении экономической ситуации снижение прибыли не позволяет обеспечить необходимый уровень доходов, чтобы оплатить долговые обязательства.

Продолжающийся период снижения темпов роста и падения доходов ослабляет устойчивость азиатских корпораций к финансовым потрясениям. В первую очередь страдают компании, ценные бумаги которых имеют более высокую степень риска. Вместе с тем при продолжении пандемии сужается глобальный рынок капитала, сокращается ликвидность и эффективность правительственных мер, что ухудшает рыночные условия деятельности всех секторов и вызывает напряжение бухгалтерских балансов компаний [Azhari 2022: 256—258].

В 2020 г. МБРР провёл стресс-тестирование за 2019—2020 годы, в котором рассматривалась способность фирм противостоять падению доходов и сокращать дебиторскую задолженность во время пандемии COVID-19. Выборка включала 17 000 зарегистрированных на бирже компаний в 73 странах с формирующимся рынком с общими активами 22 трлн долларов и общим долгом 6,05 трлн долларов. В данном исследовании анализировались изменения двух бухгалтерских показателей. Речь шла о коэффициенте покрытия процентов как показателя способности обслуживать долг (ICR) и коэффициента срочной ликвидности как показателя способности погасить краткосрочные обязательства (QR).

Результаты показали, что более 60% долга было связано с финансово уязвимыми

предприятиями по крайней мере по одному из этих индикаторов и что их положение во время пандемии ухудшилось. При дальнейшем падении доходов и росте дебиторской задолженности на 30% доля долга данной группы предприятий возростала до 88%, что особенно характерно для корпораций в Тихоокеанском регионе. Исследуя ICR и QR во втором квартале 2020 года, то есть в разгар пандемии, эксперты обнаружили заметное их снижение, 25-й процентиль упал с 0,35 до 0,06. Таким образом, положение фирм, которые уже сталкивались с трудностями в покрытии своих процентных расходов, ещё более ухудшилось. Более того, ICR показывает, что у компаний, испытавших сокращение доходов на 30%, доля долга, подверженного риску, возросла с 21,5 до 42,3%. При этом наибольшая степень риска приходилась на страны Южной Азии²⁰.

В условиях, когда центральные банки Азии продолжали жёсткую денежно-кредитную политику, финансовое положение отраслей, которые быстро нарастили кредитное плечо при низких процентных ставках, становилось в наибольшей степени уязвимым. Компании с заметной долей заимствованных средств столкнулись с высоким риском дефолта. На середину 2022 г. 17% корпоративного долга Азии принадлежало фирмам с коэффициентом покрытия процентов ниже единицы, а ещё треть — немного выше единицы. В Китае, Индии и Таиланде имелась чрезмерная концентрация корпоративного долга у фирм с процентной нагрузкой ниже единицы, что указывало на подверженность дефолтам. Филиппины, Малайзия, Гонконг (КНР) имели крупную долю компаний с коэффициентом чуть больше единицы, что аналогичным образом демонстрировало их потенциальную неплатёжеспособ-

ность при высоком уровне стоимости заимствований²¹.

В случае накопления большой задолженности и угрозе дефолта огромное значение имеют правовые и институциональные рамки банкротства. В тех странах Азии, где существуют значительные недостатки в юридическом механизме, при долговой уязвимости корпоративного сектора существуют значительные трудности корректно проводить реструктуризацию и списание долгов, что вызывает ликвидацию не только испытывающих нехватку средств, но в целом рентабельных компаний.

Во время кризисов деятельность институтов корпоративной несостоятельности ослабевает из-за прерывания делопроизводства в региональных судах и агентствах по делам о несостоятельности. В обычное время бедственное положение одних компаний смягчается за счёт устойчивых фирм и сохранения рабочих мест в них, а также быстрой ликвидации слабых предприятий для эффективного перераспределения производственных активов. Между тем в период кризиса требуется ряд мер по предотвращению преждевременного принуждения жизнеспособных компаний к банкротству.

Результаты опросов, проведённых в первой половине 2020 года, показывали, что у большого числа МСП Восточной и Юго-Восточной Азии заканчивались финансовые средства и они были близки к состоянию банкротства [Bauer et al. 2021]. Принятые правительствами и монетарными органами меры оказали существенное воздействие на положение многих малых и средних компаний. Несмотря на продолжение пандемии COVID-19, сопутствующий ей карантин, резкое снижение деловой активности и отрицательный экономи-

²⁰ Feyen E. et al. COVID-19 and Corporate Balance Sheet Vulnerabilities: A Simple Stress-Test Approach // World Bank. Policy Research Working Paper 9324. July 2020. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34170/COVID-19-and-EMDE-Corporate-Balance-Sheet-Vulnerabilities-A-Simple-Stress-Test-Approach.pdf?sequence=6> (accessed: 25.06.2023).

²¹ Asia Must Monitor Rising Corporate Debt Amid Higher Interest Rates. Financial sector stability // IMF Blog. 24.05.2023. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/05/24/asia-must-monitor-rising-corporate-debt-amid-higher-interest-rates> (accessed: 08.11.2023).

ческий рост, количество банкротств в 2020 г. и в первой половине 2021 г. сократилось²².

Ситуация с несостоятельностью компаний стала меняться со второй половины 2021 года²³. Начал действовать отсроченный эффект избыточного коэффициента левериджа, когда часть этих банкротств оказалась инициирована. В основном эта ремарка касается стран, где были сделаны временные корректировки законодательства о несостоятельности и оказана значительная финансовая поддержка, таких как Сингапур и Австралия. К тому же рост неплатёжеспособности происходит главным образом из-за вялого характера восстановления экономики и появляющихся в отраслях производства товаров широкого потребления, комплектующих и внутренней торговли предвестников новой рецессии. Согласно опубликованным данным, число банкротств в 2022 г. продолжало увеличиваться в Индии на 64%, Сингапуре — на 42, Тайване — на 10, Японии — на 3%²⁴.

Проблемы корпоративного долга лежат в большей степени в плоскости внутреннего долга, в то время как на внешний долг приходится существенно меньшая доля долговых обязательств. Развивающиеся страны Азии после финансового кризиса 1997 г. стали более осмотрительно подходить к иностранным заимствованиям, учитывая нанесённый ущерб экономике. Вместе с тем внешняя средне- и долгосрочная задолженность частного сектора стран Восточной и Южной Азии за 2008–2020 годы продолжала увеличиваться с 202 млрд долларов до 1014 млрд долларов и с 110 млрд долларов до 294 млрд долларов, а её удельный вес в общей сумме

задолженности с 28,4 до 30,7% и с 32 до 36,1%, соответственно. Кроме того, необходимо учитывать крупную краткосрочную задолженность, которая в статистике объединяет государственный и частный долг — 43 и 16% во внешнем долге этих субрегионов.

Азиатские страны имеют значительный уровень иностранного частного долга либо из-за высокого уровня левериджа финансовых центров (Сингапур, Гонконг/КНР/), либо из-за краткосрочной задолженности компаний [Nguyen L, Nguyen C. 2020: 48–49]. Среди азиатских экономик с формирующимися рынками наиболее высокая доля долга по долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным кредитам приходится соответственно на Индию (47 и 18%), Таиланд (43 и 37%), Китай (29 и 53%), Камбоджу (28 и 22%)²⁵. Данные представлены за 2020 год. Отношение внешнего частного долга к экспортным поступлениям продолжает увеличиваться, что усиливает негативное воздействие на деятельность корпоративного сектора и в целом на макроэкономические показатели.

Рассматривая компании по размерам капитала, можно обнаружить, что основная часть этого долга сосредоточена в основном в крупных государственных компаниях, котирующихся на бирже. В то же время доля МСП становится меньше из-за условий привлечения финансовых средств, причём особенно это наблюдение касается долга в иностранной валюте. Немаловажно и то обстоятельство, что условия предоставления иностранных кредитов значительно жёстче с точки зрения дисциплины погашения и проведения переговоров с кредиторами. Со второй

²² 2021_10_06_Insolvency.pdf (allianz-trade.com). URL: https://www.allianz-trade.com/content/dam/onemarketing/aztrade/allianz-trade_com/en_gl/erd/publications/pdf/2021_10_06_Insolvency.pdf (accessed: 23.5.2023).

²³ A turn in the tide of insolvencies // Atradius. 24.03.2021. URL: <https://atradiuscollections.com/global/> (accessed: 25.12.2022).

²⁴ 2022_10_27_Business-Insolvency_AZT_FINAL.pdf (allianz-trade.com). https://www.allianz-trade.com/content/dam/onemarketing/aztrade/allianz-trade_com/en_gl/media/press-release-import/pdf/en/2022_10_27_Business-Insolvency_AZT_FINAL.pdf (accessed: 26.12.2023).

²⁵ Подсчитано по: QEDS: <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics/qeds/gdds> (accessed: 26.12.2023).

половины 2010-х годов отношение корпоративного долга к объёму производства увеличивалось, что сказалось на индексе финансового стресса²⁶.

Если рассматривать структуру задолженности корпоративного сектора в Азии по источникам поступления средств, то банковские заимствования являются основным каналом привлечения — около 70%. В 2020 г. средняя доля облигационных займов корпораций для трёх стран составляла 22%, в том числе Индии, Южной Кореи — 28%, Японии — 15%²⁷. Вместе с этим происходили изменения в финансовом секторе, где у ряда стран возросло значение небанковской составляющей, причём наиболее заметна эта тенденция в двух финансовых центрах — Гонконге (КНР) и Сингапуре.

В этот период расширение использования облигационных инструментов способствовало увеличению рынков в местной валюте и снижению суверенного риска, что сделало этот регион более привлекательным для инвестиций [Paladino and Pradelli 2022: 48–65]. В Китае, где долговой баланс корпоративного сектора является крупнейшим в мире как с точки зрения суммы, так и отношения к ВВП, в равной степени происходят сдвиги в сторону использования таких методов финансирования, как корпоративные облигации и небанковское кредитование [Ding et al. 2022: 328–329].

Выпуск корпоративных облигаций в Азии в местной валюте после глобального финансового кризиса постепенно увеличивает свой вес в финансировании предприятий, выступая альтернативой банковским кредитам. За период 2008–2021 годов стоимостной объём корпоративных облигаций в регионе увеличился в 10 раз, достигнув 8,4 трлн долларов. На них приходится 37,5% всего облигационного долга стран с формирующимися рынками в регионе [Gubareva et al. 2022: 2076]. В условиях

аккумуляции крупной валютной задолженности развивающиеся страны Азии стали больше внимания уделять данной группе долговых инструментов, которые помогают уменьшить волатильность потоков капитала [Faulkender 2006: 45–50].

Усиление финансовой неустойчивости как МСП, так и крупных компаний в незначительной степени вызвано развитием рынков капитала в Азии и постепенным переходом к новым продуктам и организационным структурам кредиторов. В то время как неработающие банковские кредиты находятся примерно на одном и том же уровне вследствие жёсткой банковской системы по погашению долга, растёт масса облигационных займов и как следствие число дефолтов и предефолтных ситуаций, в первую очередь нелистинговых компаний вследствие несоблюдения формальных договорённостей по различного рода ограничениям между фондами и должником, в целом недостаточно развитой системы регулирования этих операций. МСП нередко не следуют лучшей практике финансового и корпоративного управления, возникает асимметрия информации между инвестором и заёмщиком. В дополнение к этой группе финансовых продуктов возрастает удельный вес задолженности по кредитам нефинансовых организаций (компании по финансированию активов, инвестиционные компании, компании по приобретению недвижимости и др.), предоставляющих средства при низком качестве регулирования и более высокой стоимости займов.

Долг домашних хозяйств стран Азии: тревожные перспективы

Долг домохозяйств — важная составная часть обязательств нефинансового сектора, учитывая его растущее воздействие на экономический рост и стабильность на финансовом рынке.

²⁶ Индекс финансового стресса сводит воедино информацию по ставкам, спредам, ценам на финансовые активы и показывает уровень устойчивости экономических агентов.

²⁷ Corporate Finance in Asia and the COVID-19 Crisis // OECD. 2022. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/87861cf0-en/1/1/index.html?itemId=/content/publication/87861cf0-en&csp=0b49da0e8d9b69bc94db2978da8f8144&itemIGO=oecd&itemContentType=book> (accessed: 12.10.2023).

Таблица 3
Долг домохозяйств по странам Азии (в % к ВВП)

Страна	2015	2016	2018	2019	2020	2021	2022
КНР	38,9	44,2	51,5	55,5	61,8	61,6	61,3
Гонконг (КНР)	67,1	67,6	72,7	81,7	91,7	93,1	96,0
Индия	33,7	33,3	34,9	37	40,3	35,9	36,4
Индонезия	16,8	17	17	17	17,8	17,3	16,2
Япония	59,5	59,8	61,4	62,7	66,7	68,8	66,2
Ю. Корея	83,1	87,3	91,8	95	103,4	105,8	106,0
Малайзия	69,8	69,2	68	68,1	76,4	73,1	66,8
Сингапур	64,7	64,2	59,1	57,8	61,5	58,3	48,6
Таиланд	81,7	79,9	78,8	80,2	90,6	91	87,7

Источник: составлено автором по данным BIS. URL: https://www.bis.org/statistics/about_credit_stats.htm?m=1380 (accessed: 05.06.2023).

Среди показателей, которые в наибольшей степени отражаются на его величине и структуре, следует выделить потребительские расходы населения, индекс цен на жильё и рынок рабочей силы, обладающие стимулирующим эффектом, а также – уровень безработицы, инфляцию и степень перекредитования, оказывающие отрицательное влияние на дальнейший рост задолженности²⁸.

Помимо этого, быстрое увеличение долга обусловлено финансовой либерализацией, особенно движением процентной ставки по кредитованию к минимальным положительным значениям. Финансовое дерегулирование, ослабление множества ограничений в этой области и инновации существенно облегчили доступ домашних хозяйств Азии к кредитам²⁹.

Как отмечается в ряде исследований по данной проблематике [Samad et al. 2020; Yanchan 2020], существует противоречие между выгодами усиления задолженности домохозяйств и экономическим ростом

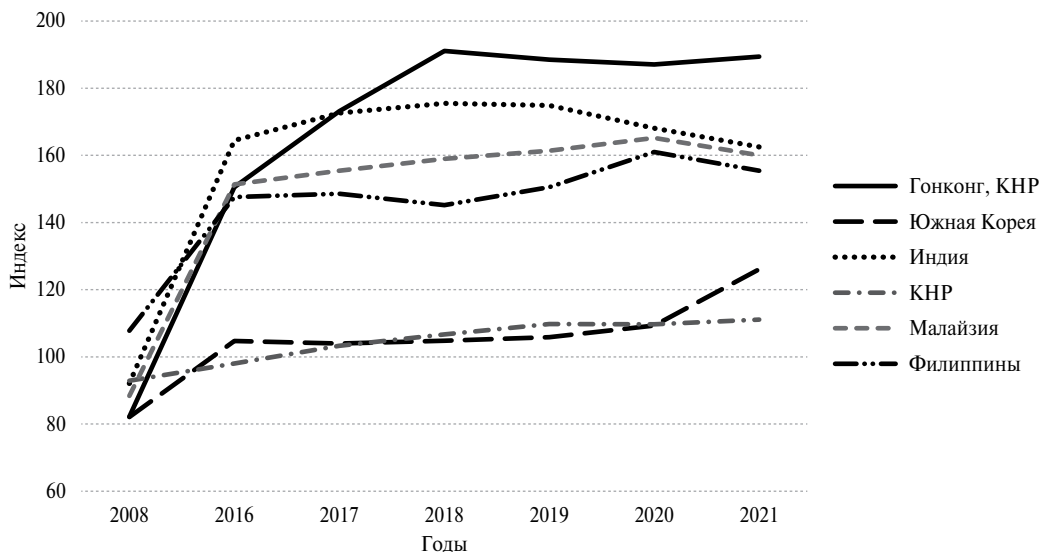
в краткосрочной перспективе, с одной стороны, и последующим снижением макроэкономической и финансовой стабильности в среднесрочном плане – с другой. В течение краткосрочного периода отношение их долга к ВВП обычно связано с увеличением производства, его улучшением и более низкой безработицей. Вместе с тем через 3–5 лет этот результат сводится на нет.

Хотя у стран Азии с формирующимся рынком уровень долга значительно ниже, чем у развитых, накопленная задолженность домохозяйств вызывает большую вероятность возникновения банковских кризисов. Она поглощает всё большую долю доходов населения, в результате чего происходит замедление потребления в связи с выплатами по обязательствам и накоплениями сбережений для будущих расходов по ней. Снижение рисков может быть достигнуто за счёт сочетания надёжных финансовых институтов, разрабатываемых законодательных правил, а также продуманной экономической и финансовой политики.

²⁸ Private sector debt and the global recovery. World Economic Outlook, April 2022, IMF URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022> (imf.org) (accessed: 25.09.2022).

²⁹ Alter A. et al. Understanding the Macro-Financial Effects of Household Debt: A Global Perspective // IMF. 2018. P. 13–20. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/04/06/Understanding-the-Macro-Financial-Effects-of-Household-Debt-A-Global-Perspective-45744> (accessed: 09.01.2023).

Рисунок 1
Индекс стоимости жилья в Азии (2002 год = 100)

Источник: составлено автором по данным BIS. URL: <http://stats.bis.org:8089/statx/srs/table/h2?f=xlsx> (accessed: 23.04.2023).

Долговая нагрузка азиатских домохозяйств находится на высоком уровне и составляла в 2022 г. более 58% ВВП (см. табл. 1). Согласно статистике Института международных финансов (ИФ), в этих странах данный показатель выше всего среди развивающихся стран, что более чем в два раза по сравнению с другими регионами этой группы, приближаясь к развитым странам³⁰. Как следует из табл. 3, существуют большие различия по данным долговой нагрузки между отдельными азиатскими экономиками. С одной стороны, Южная Корея – 106% ВВП, Гонконг (КНР) – 96% ВВП. С другой стороны, Индонезия – 16,23% ВВП, Индия – 36,49% ВВП. У ряда азиатских государств долговая нагрузка превышает показатели корпоративного сектора или приближается к нему (Южная Корея, Индонезия).

Она определяется не только покупкой жилья в кредит, но и тем обстоятельством, что значительная часть приходится на

потребительские кредиты, имеющие краткосрочный характер и поэтому представляющие больший риск потери платежеспособности.

Поскольку в период пандемии сильно возрос их кредитный риск, усилилась финансовая уязвимость многих домохозяйств, что, в свою очередь, послужило причиной снижения экономического роста в Азии.

При оценке долга домохозяйств одним из базисных компонентов выступает стоимость жилья. Данный показатель после мирового финансового кризиса возрастал во всех азиатских странах, хотя и по разным траекториям. В большинстве экономик она росла умеренными темпами (2–4% в номинальном выражении). Тем не менее в Гонконге (КНР), Индии, Малайзии рост был весьма высоким, что было вызвано увеличением численности населения в городских районах, быстрым ростом цен на жильё в спекулятивных целях. После начала пандемии сильный скачок цен отмечался толь-

³⁰ Global Debt Monitor. <https://www.iif.com/Products/Global-Debt-Monitor> (accessed: 26.12.2023).

ко в двух более развитых в экономическом плане странах — Южной Корее и Сингапуре (5–10%), в то время как в других экономиках региона наблюдалось их понижение.

При оценке бремени задолженности домашних хозяйств представляется необходимым учитывать её структуру и роль основных финансовых институтов в формировании долга. При этом основная его часть приходится на ипотечный долг. В развитых азиатских экономиках этот показатель находится на уровне 80%, но в странах с формирующимся рынком он составляет 50–60%, остальная часть приходится на потребительские кредиты. Ипотека и другие виды жилищного кредитования определяют существенную долю активов банков (около 25%)³¹. Следовательно, изменение в ценах на жильё существенно влияет на качество их портфелей и прибыль.

Дальнейшее падение цен на недвижимость может снизить стоимость обеспечения, предоставленного заёмщиками, и негативно повлиять на качество, прибыльность и стабильность банковского портфеля. В результате углубляется рецессия и усиливается вероятность банковского кризиса в азиатских странах. По оценкам автора, 14 системных банковских кризисам в Азии с 1970 по 2011 г. предшествовал цикл «бум—спад» в экономике³².

Последние тенденции в отношении стоимости жилья во многих странах региона вызывают опасения из-за последствий значительного его снижения, которое поддерживается низкими процентными ставками и закредитованностью домохозяйств. В первую очередь это наблюдение затрагивает сферу ипотечного кредитования, которое являлось важным импульсом для расширения потребительского рынка.

При анализе ситуации с задолженностью сектора домашних хозяйств в регионе

в качестве одного из оценочных показателей также используется соотношение долгового бремени домохозяйств (процентная ставка и основная сумма) к располагаемому доходу населения. В Азии и Океании, главным образом Австралии, Южной Корее, КНР с конца 2021 — середины 2022 г. рост этого показателя ускорился и превысил долгосрочное среднее значение после глобального финансового кризиса.

В отличие от развитых стран Запада, имеющих длительную долговую историю домохозяйств, азиатские экономики, за исключением Японии, получили доступ к сравнительно низкопроцентным кредитам для жилья и повседневного потребления с начала 2000-х годов. Имеет смысл выделить прежде всего Китай, где этот показатель растёт весьма быстрыми темпами, а также Южную Корею, Таиланд и Малайзию.

В КНР в результате увеличения заимствований домохозяйств объём кредитования по стоимости вырос с 857 млрд долларов в 2008 г. до 10 756 млрд долларов в 2022 году, то есть более чем в 13 раз. Усиливается основной компонент этой задолженности — ипотечные кредиты. Выплаты по ним за 2015–2018 годы увеличились с 3,5 до 4,5% ВВП. Скорость и масштабы формирования обязательств заставляют всё больше обращать внимание на сектор долга домохозяйств, который связан со значительными рисками³³.

Данная ситуация сложилась в результате создания в китайской экономике совершенно нового рынка недвижимости для кредиторов и заёмщиков в 1990-х годах и роста потребления домашних хозяйств на фоне экономического бума. Затем в 2020-х годах наступил период пандемии, когда по инерции, хотя и более медленно, продолжал развиваться этот рынок. Долг домохозяйств

³¹ Household indebtedness and its implications for financial stability. 2010. The Season Center. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/6281321.pdf> (accessed: 26.12.2023).

³² Systemic Banking Crises Database: An Update // IMF. 01.12.2012. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Systemic-Banking-Crises-Database-An-Update-26015> (accessed: 25.11.2023).

³³ China Household Debt: % of GDP, 2007–2022 | CEIC Data. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/household-debt--of-nominal-gdp> (accessed: 21.10.2022).

этой страны к располагаемому доходу резко вырос с 40% в 2007 г. до 120 % в 2019 году, что сравнимо с показателями США³⁴.

По данным *Financial Times*, за 2021–2023 годы о своей неплатёжеспособности объявило более 27 крупных китайских компаний в сфере строительства³⁵. Среди них крупнейшие девелоперы *China Evergrande* (непогашенные обязательства 300 млрд долларов) и не выплатившая в срок по облигациям *Country Garden* (общая сумма долга составляет 200 млрд долларов)³⁶.

В этой связи можно высказать серьёзные опасения по поводу стабильности рынка недвижимости в дальнейшем, в том числе на фоне чрезмерного заёмного капитала с учётом общего снижения роста потребления. При этом большая часть долга является следствием удорожания части ипотечного кредитования с 2015 года. На момент 2023 г. ипотечный долг составлял почти три четверти расходной доли домохозяйств, где у них значительно выросли первоначальные взносы за недвижимость, приведшие к сокращению рынка доступного жилья для малообеспеченных семей. В целом, несмотря на быстрое увеличение доходов населения Китая, оно отстаёт от роста долга домохозяйств.

Республика Корея в результате бума кредитования и быстрого развития ипотеки с конца 2000-х годов стала занимать ведущее место в странах Азии по отношению долговых обязательств домохозяйств к ВВП (см. табл. 3). Общая задолженность составила 1874,4 млрд долларов в 2022 г. по сравнению с 620 млрд долларов в 2008 году, несмотря на снижение доходов населения, особенно в период пандемии³⁷.

Высокие темпы прироста кредитования домохозяйств в регионе при стагнации потребительских расходов и накопления указывают на сохранение тенденции увеличения задолженности населения, повышения опасности большей напряжённости на кредитном рынке и возрастающего числа дефолтов. Об этих рисках, в частности, свидетельствует ряд банкротств крупных китайских компаний по продаже недвижимости, финансовое положение которых указывает на значительное ухудшение ситуации в этой сфере [Deng 2022: 1].

Хотя влияние последствий пандемии постепенно сходит на нет, экономика стран Азии в силу ранее указанных причин вступает в состояние неопределённости и находится на пороге новой рецессии, что приведёт к дальнейшему падению доходов населения и усилению финансовой неустойчивости региона. Вполне ожидаемо, что, *во-первых*, домохозяйства начнут пролонгировать или прекратят часть платежей по кредитам, что приведёт к серьёзной нагрузке на банковский сектор. *Во-вторых*, они будут брать больше кредитов для финансирования текущих потребностей, накапливая задолженность и создавая напряжённость для экономической системы.

* * *

К началу третьего десятилетия XXI века азиатские страны столкнулись с рядом проблем, связанных с их долговой зависимостью, которые обострились в период пандемии COVID-19. В то время как государственный долг не занимает определяющего места в общей сумме задолженности Азии, накоплены громадные суммы как

³⁴ China's Housing Market: A Tale of Economic Progress and Strife. TCG. March 11, 2021. URL: <https://thechinaguys.com › tws> (accessed: 27.12.2023).

³⁵ How China's property crisis has unfolded, from Evergrande to Country Garden. The Financial Times, October 23, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/a387a533-5995-43a9-b472-ce5691969657> (accessed: 29.12.2023).

³⁶ Why This Company's Financial Crisis Threatens China's Economy The New York Times Aug. 15, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/08/21/business/china-economy-real-estate-crisis.html> (accessed: 04.11.2023).

³⁷ Trading Economics Statistical Bulletin// URL: <https://tradingeconomics.com/south-korea/households-debt-to-gdp#:~:text=Households%20Debt%20to%20GDP%20in,the%20fourth%20quarter%20of%201964> (accessed: 26.10.2022).

внутреннего, так и внешнего долга нефинансового частного сектора. Он намного превышает показатели других развивающихся стран. Ухудшение финансового положения компаний и снижение коэффициента фондоотдачи³⁸ под влиянием растущего долгового бремени становятся ещё одним параметром неустойчивости экономики. Вместе с тем регион столкнулся с неблагоприятной структурой обязательств корпоративного сектора, а также их секторального и фирменного содержания, что приводит к банкротству средних и малых предприятий. Обслуживание ипотечных и потребительских кредитов домашними хозяйствами при стагнации их доходов, растущее число банкротств фирм по продаже недвижимости также обозначили новые проблемные точки в долговой сфере на долгосрочный период.

По оценке автора, на азиатский регион (Восточная Азия, Юго-Восточная Азия и Южная Азия) приходится наиболее высокая доля задолженности нефинансовых корпораций и домохозяйств — выше одной четверти общего показателя. Долговая нагрузка развивающихся стран Азии по отношению к ВВП (188%) является одной из самых высоких в мире, что сопоставимо с Японией (184%) и еврозоной (175%) в 2022 году.

При ожидаемом снижении устойчивого притока финансовых ресурсов к азиатским компаниям в бизнес-среде усиливается важность мониторинга процессов финансирования и надзора над операциями. Ожидается, что введение правил, направленных на продвижение акционерного финансирования, снизит корпоративный леверидж и дифференцирует варианты предоставления денежных средств. Кроме того, для повышения эффективности распределения капитала необходимо в равной степени предоставлять конкурентные преимущества частным компаниям³⁹, имеющим значение для экономики, и улучшить корпоративные схемы банкротства [Engbith

2022: 164]. В отношении жилищной политики стимулирование предложения новых площадей проживания путём пересмотра правил землепользования может быть эффективно для ограничения чрезмерно быстрого роста цен на жильё. Таким образом, по мере увеличения частного долга требуются не только нормативные акты о финансовых институтах, но и широкий спектр инструментов регулирования, включая шаги, связанные с улучшением условий корпоративного финансирования и сделок на рынке недвижимости.

Одновременно с более масштабным использованием странами Азии облигационных ресурсов появляются новые ограничения этого источника. Среди эмитентов всё большее число средних и малых компаний участвует в привлечении облигационного финансирования [Adrian, Colla 2015: 160–164]. Они представляют собой группу, наиболее подверженную риску, что необходимо учитывать в политике управления долгом. Поскольку большинство данных фирм не имеют гарантий государства, они получают, как правило, только краткосрочные и среднесрочные облигационные займы. Положительная сторона этой тенденции заключается в предоставлении основной их части в национальной валюте. Между тем в случае массового дефолта на бюджет ложится большая нагрузка [Ding et al. 2022: 328–341].

Растущий интерес иностранных инвесторов к такого рода финансированию при обратной конверсии создаёт опасность существенной волатильности валютного рынка. При дальнейшем расширении рынков облигаций в местной валюте привлекаются большие массы иностранного капитала. Следовательно, происходит усиление интеграции в мировую финансовую систему, вследствие чего принимающая сторона более уязвима для неустойчивых и неравномерных потоков этих иностранных вложений [Chen et al. 2022: 601–613].

³⁸ Коэффициент фондоотдачи (КФО) — коэффициент, отражающий соотношение между уровнем выручки и величиной основных фондов, задействованных в процессе производства.

³⁹ Например, скрытые гарантии погашения долга для государственных предприятий.

Новым явлением стало повышение процентной ставки ФРС в 2022–2023 годах, что вызвало цепную реакцию на азиатских рынках капитала. Волатильность потока портфельных облигаций при ухудшении общей экономической ситуации приводит к растущему валютному долгу и может создать предпосылки финансового кризиса.

Пандемия COVID-19 и разрушительные действия стран Запада, пытающихся исключить Россию и ряд других стран из международной торговой и финансовой системы, вызывают далекоидущие экономические последствия для Азии, усиливая риски и вызовы, в первую очередь угрозу неплатёжеспособности. Помимо влияния внутреннего порядка, ведущего к увеличе-

нию производственных и бытовых издержек, азиатские страны сталкиваются с замедлением экономического роста из-за ухудшения геоэкономической ситуации, вызванной обострением конкурентной борьбы за рынки сбыта в условиях падения экспортных доходов, разрывом производственных и логистических цепочек, сильными колебаниями валютных курсов и оттоком капиталов. В этом плане развивающимся странам Азии необходимо опираться на региональные и межрегиональные связи, обеспечивающие дальнейшее усиление промышленного потенциала и финансовой интеграции, выдвижение их в новые крупные финансовые центры глобальной экономики.

Список литературы

- Андрианов В. Мировые системные дисбалансы: дисбаланс между объёмом мирового ВВП и размером глобального долга // Общество и экономика. 2020. № 12. С. 9–36.
- Балюк И. Внешний долг Китая: современное состояние и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2020. №3. С. 80–93.
- Бусыгина И.А. Управление государственным долгом: теория, содержание и методы // Экономические науки. 2012. №. 88. С. 70–73.
- Желуденко Е.П. Внешняя задолженность стран БРИКС // Научные исследования экономического факультета. 2012. Т. 4. №1. С. 72–92.
- Криничанский К.В. Мировые тренды долга нефинансового сектора // Финансы и кредит. 2021. Т. 27. №1 С. 41–62.
- Платонова И. Мировая долговая проблема и устойчивое развитие глобальной экономики // Экономика. Налоги. Право. 2016. №2. С. 51–59.
- Худякова Л.С. Реформа глобальных финансов в контексте устойчивого развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 7. С. 38–47.
- Adrian T., Colla P. Which Financial Frictions? Parsing Evidence from the Financial Crisis of 2007–09 // NBER Macroeconomics Annual. 2015. Vol. 27. No. 1. P. 159–214. DOI 10.3386/w18335
- Akbar S. Credit supply constraints and financial policies of listed companies during the 2007–2009 financial crisis // Research in International Business and Finance. 2017. Vol. 42(C). P. 559–576. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2017.07.001>
- Azhari M. Capital Structure of Malaysian Companies: Are They Different During the COVID-19 Pandemic? // The Journal of Asian Finance, Economics and Business. 2022. Vol. 9. No. 4. P. 239–250.
- Bauer A., Craig R., Garrido J., Kang K., Kashiwase K., Kim S., Yan Liu, Rafiq S. Flattening the Insolvency Curve: Promoting Corporate Restructuring in Asia and the Pacific in the Post-C19 Recovery (January 2021). IMF Working Paper No. 2021/016, URL.: <https://ssrn.com/abstract=3799608> (accessed: 12.05.2023).
- Broner F.A., Ventura J. Rethinking the Effects of Financial Globalization // Quarterly Journal of Economics. 2016. Vol. 131. No. 3. P. 1497–1542. <https://doi.org/10.1093/qje/qjw010>
- Chen K., Guo W., Kang Y., Wang J. Does the Deleveraging Policy Increase the Risk of Corporate Debt Default: Evidence from China // Emerging Markets Finance and Trade. 2022. Vol. 58. No. 3. P. 601–613. <https://doi.org/10.1080/1540496X.2020.180936>
- Carvajal A.F., Bebczuk R. Capital markets development: causes, effects, and sequencing. World bank. 2019. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/701021588343376548/pdf/Capital-Markets-Development-Causes-Effects-and-Sequencing.pdf> (accessed 20.12.2023).
- Deng L. The Fall of a Giant: China Evergrande Group's Debt Crisis and the Bursting of China's Real Estate Bubble. CMC. Claremont Senior Theses. 3035. 2022. URL: https://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/3035

- Ding Y., Xiong W., Zhang J. Issuance overpricing of China's corporate debt securities // *Journal of Financial Economics*. 2022. Vol. 144. No. 1. P. 328–346. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.06.010>
- Engbith L.S. South Korea: Corporate Liquidity Support Organization // *Journal of Financial Crises*. 2022. Vol. 4. No. 2. P. 1641–1662.
- Faulkender M. Does the Source of Capital Affect Capital Structure? // *The Review of Financial Studies*. 2006. Vol. 19. No. 1. P. 45–79.
- Gubareva M., Umar Z., Sokolova T., Vinh Vo X. Astonishing insights: emerging market debt spreads throughout the pandemic // *Applied Economics*. 2022. Vol. 54. No. 18. P. 2067–2076. <https://doi.org/10.1080/00036846.2021.1984383>
- Guscina A. Impact of Macroeconomic, Political, and Institutional Factors on the Structure of Government Debt in Emerging Market. IMF library. 2008. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Impact-of-Macroeconomic-Political-and-Institutional-Factors-on-the-Structure-of-Government-22307> (accessed: 25.12.2023).
- Heimberger P. Do higher public debt levels reduce economic growth? // *Journal of Economic Surveys*. 2023. Vol. 37. No. 4. P. 1061–1089.
- Huang C., Oehmke M., Zhong H. A theory of multiperiod debt structure // *The Review of Financial Studies*. 2019. Vol. 32. No. 11. P. 4447–4500.
- Jacobs J., Ogawa K., Sterken E., Tokutsu I. Public debt, economic growth and the real interest rate: A panel VAR Approach to EU and OECD countries // *Applied Economics*. 2020. Vol. 52. No. 12. P. 1377–1394.
- Mohsin M., Ullah H., Iqbal N., Iqbal W., Taghizadeh-Hesary F. How external debt led to economic growth in South Asia: A policy perspective analysis from quantile regression // *Economic Analysis and Policy*. 2021. Vol. 72(C). P. 423–437. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.09.012>
- Nguyen L., Nguyen C. Financial constraints, corporate debt maturity and firm performance: the case of firms in Southeast Asian countries // *Afro-Asian Journal of Finance and Accounting, Interscience Enterprise*. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 48–59.
- Paladino J.P., Pradelli J.J. Debt in Asia: anatomy, evolution, and prospects // *The Sustainability of Asia's Debt: Problems, Policies, and Practices* / ed. by B. Ferrarini, M. M. Giugale, J. J. Pradelli. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. P. 31–65.
- Reinhart C.M., Reinhart V.R., Rogoff K. Dealing with Debt // *Journal of International Economics*. 2015. Vol. 96. No. S1. P. 43–55. DOI:10.2139/ssrn.2577359
- Rogoff K. (2016). Debt supercycle, not secular stagnation // *Progress and confusion: the state of macroeconomic policy* / ed. by O. Blanchard, R. Rajan, K. Rogoff, L.H. Summers. Cambridge: MIT Press. P. 19–28.
- Samad K.A., Daud S.N. M., Dali N.R.S.M. Determinants of household debt in emerging economies: A macro panel analysis // *Cogent Business & Management*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 1–14. DOI: 10.1080/23311975.2020.1831765
- Yunchao C., Yusof S. A., Amin R. M., Arshad M. Household debt and household spending behavior: Evidence from Malaysia // *Jurnal Ekonomi Malaysia*. 2020. Vol. 54. No. 1. P. 111–120.

DEBT OF THE NON-FINANCIAL SECTOR AND ECONOMIC INSTABILITY IN ASIA

STANISLAV NOZDREV

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

The article examines the situation in the area of debt of the non-financial sector in Asia. According to the main indicators, it occupies a leading place among developing economies. The author aims to prove the possibility of increasing instability in the development of the non-financial sector with a further uptick in the debt of Asian countries. The work determines the place of Asia in the global debt of the non-financial

sector, the degree of its external and internal debt dependence, conducts a comparative analysis by region and country, gives the ratio of various groups of debt and evaluates the prospects for its prolongation. Among the main risk groups posed by the formation of non-financial sector debt are corporate and household debts. It is emphasized that the period of declining economic growth and, accordingly, falling incomes weakens the resilience of Asian companies to financial shocks. The post-pandemic stage, which starts around 2022, is highlighted as the most difficult for the economies of Asian countries, as the vulnerability of companies, especially small and medium-sized businesses, increases. Government support programs are weakened as a result of deficit financing and are unable to provide guarantees on debts, a significant part of which is external. High growth rates of household debt for both mortgages and consumer loans in a number of Asian countries, exceeding GDP growth rates, also raise the uncertainty of economic forecasts. The recovery from the recession that accompanied the coronavirus pandemic is significantly delayed, which creates new, more difficult conditions for the activities of states and companies. The 2019–2022 recession fragmented the regional economy due to trade, investment and financial restrictions and different approaches to economic policies implemented by each country, which will require significant efforts to restore the financial integration of the region and usher in a new stage.

Keywords:

financial instability; default; restructuring; bond issues; non-financial corporations; corporate debt; household debt

References

- Adrian T., Colla P., Shin H.S. (2013). "Which Financial Frictions? Parsing Evidence from the Financial Crisis of 2007–09". *NBER Macroeconomics Annual*. Vol. 27. No. 1. P. 159–214. DOI 10.3386/w18335
- Andrianov V. (2020). Mirovye sistemnye disbalansy: disbalans mezhdu ob'emom mirovogo VVP i razmerom global'nogo dolga [Global systemic imbalances: the imbalance between the volume of global GDP and the size of global debt]. *Obshchestvo i ekonomika*. No. 12. P. 9–36.
- Akbar S. (2017). Credit supply constraints and financial policies of listed companies during the 2007–2009 financial crisis. *Research in International Business and Finance*. Vol. 42(C). P. 559–576. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2017.07.001>
- Azhari M. (2022). Capital Structure of Malaysian Companies: Are They Different During the COVID-19 Pandemic? *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. Vol. 9. No. 4. P. 239–250.
- Balyuk I. (2020). Vneshnij dolg Kitaya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [China's external debt: modern status and prospects]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 3. P. 80–93.
- Bauer A., Craig R., Garrido J., Kang K., Kashiwase K., Kim S., Yan Liu, Rafiq S. (2021). Flattening the Insolvency Curve: Promoting Corporate Restructuring in Asia and the Pacific in the Post-C19 Recovery). IMF Working Paper No. 2021/016, URL: <https://ssrn.com/abstract=3799608> (accessed: 12.05.2023).
- Broner F.A., Ventura J. (2016). Rethinking the Effects of Financial Globalization. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 131. No. 3. P. 1497–1542.
- Busygina I.A. (2012). Upravlenie gosudarstvennym dolgom: teoriya, sodержanie i metody [Public debt management: theory, content and methods]. *Ekonomicheskie nauki*. No. 88. P. 70–76.
- Chen K., Guo W., Kang Y., Wang J. (2022). Does the Deleveraging Policy Increase the Risk of Corporate Debt Default: Evidence from China. *Emerging Markets Finance and Trade*. Vol. 58. No. 3. P. 601–613. <https://doi.org/10.1080/1540496X.2020.1809376>
- Carvajal A.F., Bebczuk R. (2019). *Capital markets development: causes, effects, and sequencing*. World Bank. 2019. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/701021588343376548/pdf/Capital-Markets-Development-Causes-Effects-and-Sequencing.pdf>
- Deng L. (2022). The Fall of a Giant: China Evergrande Group's Debt Crisis and the Bursting of China's Real Estate Bubble. *CMC. Claremont Senior Theses*. 3035. URL: https://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/3035
- Ding Y., Xiong W., Zhang J. (2022). Issuance overpricing of China's corporate debt securities. *Journal of Financial Economics*. Vol. 144. No. 1. P. 328–346. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.06.01> (accessed: 21.10.2023).
- Engbith L. (2022). South Korea: Corporate Liquidity Support Organization. *Journal of Financial Crises*. Vol. 4. No. 2. P. 1641–1662.
- Faulkender M. (2006). Does the Source of Capital Affect Capital Structure? *The Review of Financial*

- Studies*. Vol. 19. No. 1. P. 45–79.
- Gubareva M., Umar Z., Sokolova T., Vinh Vo X. (2022). Astonishing insights: emerging market debt spreads throughout the pandemic. *Applied Economics*. Vol. 54. No. 18. P. 2067–2076. <https://doi.org/10.1080/00036846.2021.1984383> (accessed: 12.10.2023).
- Guscina A. (2008). *Impact of Macroeconomic, Political, and Institutional Factors on the Structure of Government Debt in Emerging Market*. IMF library. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Impact-of-Macroeconomic-Political-and-Institutional-Factors-on-the-Structure-of-Government-22307> (accessed: 25.12.2023).
- Heimberger P. (2023). Do higher public debt levels reduce economic growth? *Journal of Economic Surveys*. Vol. 37. No. 4. P. 1061–1089.
- Huang C., Oehmke M., Zhong H. (2019). A theory of multiperiod debt structure. *The Review of Financial Studies*. Vol. 32. No. 11. P. 4447–4500.
- Jacobs J., Ogawa K., Sterken E., Tokutsu I. (2020). Public debt, economic growth and the real interest rate: A panel VAR Approach to EU and OECD countries. *Applied Economics*. Vol. 52. No. 12. P. 1377–1394.
- Khudyakova L.S. (2018). Reforma global'nykh finansov v kontekste ustojchivogo razvitiya [Reform of global finance in the context of sustainable development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 62. No. 7. P. 38–47.
- Krinichansky K.V. (2021). Mirovye trendy dolga nefinansovogo sektora [Global trends in non-financial sector debt]. *Phinansy i Kredit*. Vol. 27. No. 1. P. 41–62.
- Mohsin M., Ullah H., Iqbal N., Iqbal W., Taghizadeh-Hesary F. (2021). How external debt led to economic growth in South Asia: A policy perspective analysis from quantile regression. *Economic Analysis and Policy*. Vol. 72(C). P. 423–437. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.09.012>
- Nguyen L., Nguyen C. (2020). Financial constraints, corporate debt maturity and firm performance: the case of firms in Southeast Asian countries. *Afro-Asian Journal of Finance and Accounting*. Vol. 10. No. 1. P. 48–59.
- Paladino J.P., Pradelli J.J. (2022). Debt in Asia: anatomy, evolution, and prospects. In Ferrarini B., Giugale M.M., Pradelli J.J. (eds) *The Sustainability of Asia's Debt*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 31–65.
- Platonova I. (2016). Mirovaya dolgovaya problema i ustoychivoe razvitie global'noy ekonomiki [World debt problem and sustainable development of the global economy]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. No. 2. P. 51–59.
- Reinhart C.M., Reinhart V.R., Rogoff K. (2015). Dealing with Debt. *Journal of International Economics*. Vol. 96. No. S1. P. 43–55. DOI:10.2139/ssrn.2577359
- Rogoff K. (2016). Debt supercycle, not secular stagnation. In: Blanchard O., Rajan R., Rogoff K., Summers L. H. (eds) *Progress and confusion: the state of macroeconomic policy*. Cambridge: MIT Press. P. 19–28.
- Samad K.A., Daud S.N.M., Dali N.R.S.M. (2020). Determinants of household debt in emerging economies: A macro panel analysis. *Cogent Business & Management*. Vol. 7. No. 1. P. 1–14. DOI: 10.1080/23311975.2020.1831765
- Yunchao C., Yusof S. A., Amin R.M., & Arshad M. (2020). Household debt and household spending behavior: Evidence from malaysia. *Jurnal Ekonomi Malaysia*. Vol. 54. No. 1. P. 111–120.
- Zheludenko E.P. (2012). Vneshnyaya zadolzhennost' stran BRIKS [External debt of countries BRICS]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakulteta*. Vol. 4. No. 1. P. 72–92.

БРИКС В ГЛОБАЛЬНОМ РЕЖИМЕ ИКТ-БЕЗОПАСНОСТИ

ЕЛЕНА ЗИНОВЬЕВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

АЛЕКСАНДР ИГНАТОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

РАНХиГС, Москва, Россия

Резюме

Глобальное управление в сфере ИКТ-безопасности представляет собой режимный комплекс, который включает в себя совокупность институтов и режимов, регулирующих проблематику безопасности цифровых сетей и технологий, противодействия преступному использованию информационных технологий, военно-политическим угрозам в цифровом пространстве и др. Сосуществование и конкуренция различных режимов позволяют отдельным странам и негосударственным игрокам манипулировать выбором удобных институтов и создают угрозу эскалации межгосударственных противоречий. Для того чтобы избежать подобного сценария, Россия выступает за формирование консолидированного режима информационной безопасности на глобальном уровне. При этом важная роль отводится региональным и макрорегиональным площадкам, в том числе БРИКС. Настоящая статья ставит задачей оценить влияние БРИКС на эволюцию режимного комплекса в сфере ИКТ-безопасности и формирование универсального режима в данной области.

Была исследована повестка БРИКС в области ИКТ-безопасности и определены заявленные обязательства. Для оценки потенциала имплементации достигнутых соглашений были проанализированы документы стратегического планирования стран БРИКС на предмет выявления в них приоритетов в сфере ИКТ-безопасности, которые затем были соотнесены с зафиксированными в официальных документах БРИКС обязательствами и обозначенными перспективными направлениями сотрудничества. Приоритетным направлением сотрудничества БРИКС в сфере ИКТ-безопасности является выработка общей внешнеполитической позиции относительно норм и принципов международного режима ИКТ-безопасности и их продвижение на уровне ООН. Важным преимуществом БРИКС на данном направлении является возможность агрегации интересов и позиций развивающихся стран. Однако в настоящее время в условиях нарастающей международной конфликтности формирование универсального режима представляется практически невероятным. В этом контексте взаимодействие на уровне БРИКС фокусируется на более узких проблемных областях. Наибольшим потенциалом институционализации обладает сотрудничество БРИКС в сфере противодействия терроризму и экстремизму в цифровой среде. Вместе с тем заинтересованность стран БРИКС в развитии и институционализации противодействия

Исследование выполнено в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.11.2022

Дата принятия к публикации: 07.11.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: zinovjeva@mail.ru

ИКТ-угрозам неоднородна. Россия, Китай и Индия выступают в роли локомотивов сотрудничества, в то время как Бразилия и ЮАР проявляют в нём меньшую заинтересованность.

Ключевые слова:

БРИКС; информационная безопасность; ИКТ-безопасность; цифровая экономика; глобальное управление

Цифровые технологии, среди которых ключевая роль отводится Интернету, проникли во все сферы жизни общества. Интернет, выступая в качестве инфраструктурной основы растущей цифровой экономики [Бухт, Хикс 2018], одновременно является источником угроз безопасности личности и государства [Крутских 2007; Крутских, Стрельцов 2014; Безкоровайный, Татузов 2014; Згоба и др. 2014; Карпова 2014; Малахин, Малахина 2018, Ромашкина 2020].

Важность борьбы с информационными угрозами была зафиксирована в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и в Доктрине информацион-

ной безопасности Российской Федерации¹. Она также фигурирует в схожих по назначению документах ведущих в отношении развитости цифровой экономики международных игроков². В частности, в странах-партнёрах России по БРИКС: Бразилии, Индии, Китае и ЮАР — были приняты документы, закрепившие важность проблематики ИКТ-безопасности на национальном и глобальном уровнях³.

Значимой темой международной повестки становятся вопросы выработки правил регулирования ИКТ-пространства, обеспечения его безопасного развития. Данной проблематикой занимается ООН⁴, однако в 2020-х годах со стороны США и

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.09.2022); Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 №646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 11.09.2022).

² См., например: The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade 2020. URL: <https://digitalstrategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (дата обращения: 04.08.2022); White House Interim National Security Strategic Guidance March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).

³ См., например: Política Nacional de Segurança da Informação Brasil 2019. URL: <https://www.gov.br/governodigital/pt-br/estrategias-e-politicas-digitais/politica-nacional-de-seguranca-da-informacao> (дата обращения: 11.09.2022); National Digital Communications Policy India 2018. URL: <https://dot.gov.in/sites/default/files/EnglishPolicy-NDCP.pdf> (дата обращения: 11.09.2022); India's National Security Strategy 2019. URL: <https://manifesto.inc.in/pdf/national-security-strategy-gen-hooda.pdf> (accessed: 11.09.2022); The National Cybersecurity Policy Framework South Africa 2019. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201512/39475gon609.pdf (accessed: 11.09.2022); International Strategy of Cooperation on Cyberspace China, 2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjig_663340/jks_665232/kjlc_665236/qtw_665250/201703/t20170301_599869.html#:~:text=The%20strategic%20goal%20of%20China's,peace%2C%20security%20and%20stability%20in (дата обращения: 11.09.2022); Global Initiative on Data Security, China 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202009/t20200908_679637.html (accessed: 18.05.2023).

⁴ См., например: Доклад Группы правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности A/68/98 от 24 июня 2013 г. URL: <https://namib.online/wp-content/uploads/2020/04/Report-of-the-UN-Group-of-Governmental-Experts-on-Developments-in-the-Field-of-Information-of-24-June-2013.pdf> (дата обращения: 11.09.2022); Резолюция ГА ООН 73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» от 5 декабря 2018 г. URL: <https://namib.online/wp-content/uploads/2020/04/Developments-in-the-field-of-information-and-telecommunications-in-the-context-of-international-security-UN-GA-Resolution-A7327-on-5-December-2018.pdf> (дата обращения: 11.09.2022) и др.

союзников был представлен ряд инициатив, ориентированных на формирование альтернативных режимов вне рамок ООН – в их числе Парижский призыв к доверию в киберпространстве⁵, Декларация за будущее Интернета⁶. В сфере противодействия киберпреступности США и их партнёры по НАТО продвигают принятую ещё в 2001 г. Будапештскую конвенцию⁷.

Подобные проекты подрывают инклюзивные переговоры по соответствующим темам под эгидой ООН⁸. На глобальном уровне наметилась конкуренция подходов к выработке норм и правил, лежащих в основе регулирования ИКТ-безопасности. Международное сотрудничество в исследуемой области представляет собой режимный комплекс, включающий в себя множество глобальных, региональных, функциональных и транснациональных режимов, зачастую пересекающихся, а в ряде случаев противоречащих друг другу. В отсутствие единых согласованных на международном уровне правил игры мы наблюдаем попытки со стороны ряда государств переложить ответственность за киберинциденты на соперников⁹, а также активизацию политического и военного использования ИКТ, что негативно сказывается на международной безопасности. Наличие конкурирующих режимов открывает возможность манипулирования выбором удобных институтов, а также затрудняет возможности контроля взятых на себя государствами обязательств.

Трудности, с которыми сталкивается ООН на современном этапе, обуславливают рост авторитета трансрегиональных институтов управления, к числу которых можно отнести «группу двадцати» и БРИКС [Лебедева, Кузнецов 2019]. Возможность выработки решений по такой комплексной проблематике, как обеспечение ИКТ-безопасности на альтернативных площадках, является востребованной темой для исследования. БРИКС имеет положительное портфолио успешно согласованных решений, сформулированных и реализованных вопреки имеющимся разногласиям между участниками (например, совместными усилиями был учреждён Новый банк развития БРИКС) [Кузнецов 2020]. Изначально созданный как объединение быстрорастущих экономик, современный БРИКС занимается широким кругом вопросов, и его повестка продолжает расширяться [Ларионова и др. 2020]. Отечественный исследователь В. Панова отмечала, что БРИКС делает уверенные шаги в интенсификации взаимодействия в сфере безопасности [2015: 121]. В первую очередь БРИКС обеспечивает координацию внешнеполитических позиций государств по вопросам, связанным с обеспечением международной безопасности. При этом инициативы по формированию институтов к настоящему времени менее успешны [Abdenur 2017: 73].

Страны БРИКС заявляют о принципиальном несовпадении позиций со страна-

⁵ Paris Call for Trust and Security in Cyberspace – URL: <https://pariscall.international/en/call> (accessed: 11.09.2022).

⁶ Declaration for the Future of the Internet – URL: <https://www.state.gov/declaration-for-the-future-of-the-internet> (accessed: 18.05.2023).

⁷ The Budapest Convention (ETS No. 185) and its Protocols. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention> (accessed: 18.05.2023).

⁸ Выступление Министра иностранных дел России в Совете Безопасности ООН. 20.04.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1865243/?TSPD_101_R0=08765fb817ab200019f48a794223f3ad630c5f6c18894fc02a2a55893b58e8859b2bc1adf9f1fba4089f16b65814300c5ddcd0cd3f040911f2e005d76f69b49bfa9c1626a778f40566660464437cc8a2f04a9708c92f97451d80ad99e4fcc7c (дата обращения: 17.12.2023).

⁹ Подразумевается политизация процесса атрибуции киберинцидентов и возможность необоснованных и неподтверждённых обвинений. См., например: США обвинили Россию в кибератаках на украинские банки. URL: <https://www.interfax.ru/world/823034> (дата обращения: 29.08.2022); Тайвань обвинил Китай в целенаправленной подготовке вторжения на остров. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/08/09/tayvan-obvinil-kitay-v-celenapravlennoy-podgotovke-vtorzheniya-na-ostrov.html> (дата обращения: 29.08.2022).

ми Запада по ряду вопросов глобального управления, в том числе и в цифровом пространстве. Объединение в данном контексте может рассматриваться как некая лаборатория для апробации внешнеполитических инициатив группы стран, претендующих на лидерство в глобальном нормотворчестве. Настоящая статья призвана ответить на вопрос о том, какую роль может сыграть БРИКС в формировании глобального режима информационной безопасности в рамках ООН.

Структурно работа состоит из трёх разделов. Мы начинаем с определения базового понятия для рассматриваемой темы — *ИКТ-безопасность*. Рассмотрев сложившиеся подходы к определению предметной области международной информационной безопасности, мы выдвигаем скорректированное определение этого концепта, которое точнее отражает различия между *кибербезопасностью* и *информационной безопасностью*. Оно также соответствует подходу стран БРИКС в данной области. После этого представлены теоретико-методологические основания исследования, а именно: *теория международных режимов* и разработанный исследователями Университета Торонто методологический аппарат, применяемый для выделения, мониторинга и экспертной оценки эффективности выполнения обязательств неформальных институтов глобального управления. Далее мы переходим к исследованию приоритетов стран БРИКС в области ИКТ-безопасности. Мы определяем приоритеты стран-участниц объединения в изучаемой области, сопоставляем их и приходим к выводам относительно их совместимости. Затем мы анализируем многосторонние решения БРИКС. Применяя методологию выделения политически обязательных решений и результаты последующего мониторинга и оценки исполнения коллективных обязательств БРИКС, а также сопоставляя их с выводами второго раздела исследования,

мы приходим к заключению о реальных перспективах выработки многосторонних решений в области ИКТ-безопасности в рамках БРИКС и о характере влияния «пятёрки» на формирование глобального режима информационной безопасности.

Понятия «международная информационная безопасность», «кибербезопасность» и «ИКТ-безопасность»

Для исследования роли БРИКС в формировании и эволюции режима ИКТ-безопасности необходимо определиться с терминами, то есть обозначить подход к предмету регулирования исследуемого международного режима. При этом вопросы терминологии в рассматриваемой области — предмет острых международных дискуссий [Зиновьева, Мишишина 2022].

В Основах государственной политики в области международной информационной безопасности Российской Федерации от 2021 г.¹⁰ даётся следующее определение: «Международная информационная безопасность представляет собой такое состояние глобального информационного пространства, при котором на основе общепризнанных норм и принципов международного права и на условиях равноправного партнёрства обеспечивается поддержание международного мира, безопасности и стабильности». Россия исходит из широкой трактовки угроз международной информационной безопасности, куда входят вопросы защиты сетей, систем и данных (информационно-техническая безопасность) и более широкий спектр вопросов контроля контента информационных сетей (политико-идеологическая безопасность). Большинство российских авторов придерживаются схожего подхода к определению угроз и содержания понятия «международная информационная безопасность» [Бойко 2019; Кругских 2022; Зиновьева 2022; Ромашкина 2022].

¹⁰ Указ Президента РФ от 12.04.2021 г. № 213. Основы государственной политики в области международной информационной безопасности. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/> (дата обращения: 17.12.2023).

Между тем обнаруживается ряд трудностей, связанных с разграничением понятий *информационной безопасности* и *кибербезопасности*¹¹ — в отдельных отечественных исследованиях они¹² полностью смешиваются и употребляются произвольно, без уточнения методологических различий [Карцхия 2014; Малюк, Полянская 2016; Хабриева, Руйпин 2017; Ромашкина 2020]. Среди российских специалистов только формируется консенсус относительно соотношения предметных областей двух понятий — *кибербезопасность* рассматривается как смысловое подпространство *информационной безопасности* [Кадулин, Клочкова 2017: 7–8]. Большая часть авторов трактует *информационную безопасность* как более широкое понятие по сравнению с кибербезопасностью в полном соответствии с официальной позицией.

Зарубежные исследователи разграничивают рассматриваемые понятия. При этом предметная область *кибербезопасности* в зарубежных работах представляется более широкой по сравнению с *информационной безопасностью*. Работа [von Solms, Niekerk 2013] указывает на общий родовой корень понятий — *безопасность* чего-либо, уточняя, что *кибербезопасность* охватывает более широкий перечень угроз, уязвимостей и активов, являющихся предметом действий по обеспечению безопасности. *Информация* выступает в качестве ключевого охраняемого актива, что подразумевает схожий перечень угроз и уязвимостей, которые в той или иной степени воздействуют на конфиденциальность, целостность и доступность информации. В то же время *кибербезопасность* может затрагивать вопросы охраны личности от целенаправленного вредного воздействия (кибербуллинг), физические активы в распоряжении лица, которые могут пострадать вследствие нарушения *информационной безопасности* (например, выход из строя умной бытовой

техники), *критической инфраструктуры* от действий террористов или условного противника [von Solms, Niekerk 2013: 3–4]. Вместе с тем за рамками внимания западных исследователей остаются вопросы безопасности общества и государства в цифровую эпоху, которые формируют важный пласт российской академической литературы на данном направлении.

Международные переговоры по созданию механизма регулирования отношений в ИКТ-среде были предприняты в рамках шести Групп правительственных экспертов ООН по МИБ (далее — ГПЭ) и двух созывов Рабочей группы открытого состава по МИБ ООН (далее — РГОС). Эти наиболее авторитетные площадки согласования многосторонних решений в рассматриваемой области пока не в полной мере оправдали возложенные на них в рамках мандата обязательства — на уровне ООН не было подписано глобального юридически обязательного документа по вопросам обеспечения информационной безопасности, хотя и был сформирован перечень правил ответственного поведения государств в формате «мягкого права». На уровне РГОС и ГПЭ используется компромиссный термин «*безопасность в сфере использования ИКТ и самих ИКТ*» или же более краткая версия, используемая в настоящей работе «*ИКТ-безопасность*». Данная терминология в целом схожа с официальной позицией России и исходит из широкой трактовки угроз безопасности, которые включают как политико-идеологические, так и информационно-технические аспекты. При этом с точки зрения предметных областей безопасности в неё включены вопросы противодействия военному-политическим угрозам (выработка правил ответственного поведения государств в ИКТ-среде), противодействие преступным угрозам, терроризму и экстремизму в цифровом пространстве. В силу того что в российской академиче-

¹¹ В частности, на это указывает [Массель et al. 2016] при рассмотрении вопросов энергетической безопасности России.

¹² Здесь также следует упомянуть пересечение понятий «информационное оружие» / «кибероружие», «информационное воздействие» / «кибервоздействие» и др.

ской литературе и в официальной позиции значительный акцент сделан на проблемах обеспечения суверенитета в ИКТ-среде и управления цифровым пространством в целом, в проблемное поле ИКТ-безопасности зачастую включаются также вопросы управления Интернетом на международном уровне [Зиновьева 2021; Крутских 2022]. В настоящей работе используется данный термин как компромиссный между различными подходами.

Несмотря на важность рассматриваемой проблематики, мы имеем сравнительно небольшую выборку работ, посвящённых вопросу о выработке решений в области ИКТ-безопасности на площадке БРИКС. Имеющиеся работы зачастую не разделяют понятия *кибербезопасность* и *информационная безопасность*, в результате чего повестка БРИКС в интересующей области представляется излишне обширной. Например, в сферу кибербезопасности, помимо противодействия вирусной угрозе и шпионажу с применением ИКТ [Хабриева, Руйпин 2017: 132], отнесены проблемы культурного взаимодействия между странами-членами объединения и информационного сопровождения государственной политики в международном измерении [Михалевич 2017]. Целесообразнее в сферу ИКТ-безопасности включать только вопросы, напрямую связанные с обеспечением безопасности от угроз в соответствующей области, сохраняя, однако, данную область широкой и включая в неё и вопросы технической безопасности, и вопросы контроля контента, и обеспечения цифрового суверенитета, а также проблематику интернационализации управления Интернетом и противодействия преступному использованию ИКТ.

Таким образом, мы обнаружили ряд проблем, связанных с принятием решений по вопросам ИКТ-безопасности, сразу на нескольких уровнях — от определения предметной области до взаимодействия на уровне многосторонних институтов глобального управления. Ответ на ключевой вопрос исследования — какую роль играет БРИКС в рамках формирования междуна-

родного режима ИКТ-безопасности и каковы перспективы дальнейшей работы объединения в рассматриваемой области — непосредственно связан с определением предметной области ИКТ-безопасности.

Глобальное управление ИКТ-безопасностью как режимный комплекс

Настоящая работа опирается на теорию международных режимов. Ключевым понятием является *международный режим* как таковой. Наиболее распространённое определение было сформулировано С. Краснером: «Международный режим — это набор явных или неявных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, в отношении которых сходятся ожидания тех или иных игроков» [Krasner 1983: 1].

Следует отметить ряд важных моментов. *Во-первых*, участники режимов, к числу которых относятся в первую очередь государства, могут договариваться в условиях международной анархии, и их взаимодействие необязательно должно иметь характер «игры с нулевой суммой». *Во-вторых*, сложившийся и функционирующий международный режим не является статичным явлением. Динамическому изменению могут быть подвержены как интересы сторон, так и состав участников и их восприятие проблемы. *В-третьих*, несмотря на выраженную приоритизацию роли государства в формировании и поддержании международного режима, негосударственные игроки принимаются во внимание.

Р. Кохейн отмечал, что в мировой политике имеется постоянное поле возможностей для формирования международного режима, который может устанавливать ответственность за те или иные противоправные действия, содействовать распространению более достоверной и полной информации или снижать сопутствующие издержки международного взаимодействия [Keohane 1982: 338].

В этом контексте формирование универсального международного режима может быть рассмотрено как важное условие стабильного развития ИКТ. Россия на

официальном уровне выступает в поддержку формирования международного режима информационной безопасности в рамках ООН, который включал бы в себя не только вопросы обеспечения ответственного поведения государств в глобальной ИКТ-среде, но и проблематику международного управления Интернетом и противодействие преступному использованию ИКТ¹³.

В условиях роста числа международных организаций и институтов исследователи пишут о формировании не только самостоятельных режимов, но и режимных комплексов. Описывая актуальные тенденции в области регулирования *киберпространства*, Дж. Най определял данное понятие как совокупность множества международных режимов [Nye 2014]. Важным следствием из работы Най является включение в список игроков *глобальных групп* «группы семи / восьми» и «группы двадцати». Следовательно, БРИКС как аналогичный институт также может рассматриваться как полноценный участник процесса формирования международных режимов¹⁴. В научной литературе понятие «режимный комплекс» становится весьма распространённым [Drezner 2013]. Режимный комплекс предполагает наличие множества различных режимов, которые пересекаются, дополняют друг друга, а в отдельных случаях конкурируют между собой. Подобная ситуация снижает эффективность глобального управления в силу конкуренции между различными институтами, возможности манипуляции выбором удобных институтов со стороны отдельных игроков, а также сложностей контроля исполнения обязательств, принятых в рамках отдельных режимов [Drezner 2013].

Именно эту тенденцию мы наблюдаем в сфере ИКТ-безопасности, где наметилась конкуренция нормативных подходов и институтов. Режимный комплекс ИКТ-

безопасности включает в себя ряд предметных областей, в число которых входят выработка норм ответственного поведения государств в ИКТ-среде, противодействие преступному использованию ИКТ и интернационализация управления Интернетом, а также защита прав человека в цифровой среде. При этом международное сотрудничество в данной области представляет собой совокупность связанных и пересекающихся режимов, которые находятся в состоянии динамического развития [Зиновьева 2019].

В условиях фрагментации Интернета [Fick, Miscik 2022] усиливается конкуренция между различными подходами к управлению Интернетом. В результате наметилось формирование конкурирующих режимов в рамках единого режимного комплекса. Режимы разнятся по составу участников (например, в Парижском призыве акцент делался на участии бизнеса и негосударственных игроков, в то время как БРИКС и ШОС ориентированы в большей степени на межгосударственное сотрудничество), по охвату предметных областей (так, например, в рамках Крайстчерского призыва обсуждались исключительно вопросы противодействия цифровому терроризму и экстремизму, на уровне Международного союза электросвязи – технические аспекты безопасности, в рамках ООН, ШОС, БРИКС рассматривался широкий круг вопросов в сфере ИКТ-безопасности).

Вместе с тем наиболее серьёзные противоречия касаются норм и принципов, лежащих в основе режимов ИКТ-безопасности. США продвигают принцип свободы передачи информации, в том числе поверх государственных границ. Россия, Китай и партнёры разделяют видение режима ИКТ-безопасности, основанного на принципе уважения государственного суверенитета, то есть переносят принципы Вестфальского

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 12.04.2021 №213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/RR5NtCWkKZPTuc5TrdHURpA4vpN5UTwM.pdf> (дата обращения: 11.09.2022).

¹⁴ В силу того что статья была написана в 2014 году, а БРИКС начал активную работу на данном направлении с 2015 года, Дж. Най не упоминает данную организацию в своём анализе.

миропорядка в цифровую сферу. США стремятся сформировать односторонний имперский порядок в цифровой среде, размывая принцип суверенитета. Формирование многополярности сопровождается нарастающей международной конфликтностью, поэтому конкуренция между различными площадками глобального управления в ИКТ-среде, в том числе БРИКС, обостряется.

Таким образом, к середине 2020-х годов произошло складывание режимного комплекса в области ИКТ-безопасности. Сложившаяся ситуация открывает возможность манипулирования выбором удобных институтов в рамках режимного комплекса, что может подрывать международную стабильность в ИКТ-среде. Россия выступает за формирование универсального режима в данной области под эгидой ООН, при этом важная роль в достижении данной цели отводится региональным и макрорегиональным площадкам, в их числе БРИКС.

Методология анализа приоритетов БРИКС в сфере ИКТ-безопасности

Для анализа особенностей повестки БРИКС в области ИКТ-безопасности будет использован исследовательский аппарат, разработанный специалистами Университета Торонто и применяемый для выделения, мониторинга и экспертной оценки эффективности выполнения обязательств неформальных институтов глобального управления — «группы семи/восьми», «группы двадцати» и БРИКС. Данный подход заслужил широкое признание и применяется в течение многих лет [Лесаж 2014; Ванг 2022; Kirton, Wang 2022].

Он позволяет установить и обосновать причинно-следственные связи между декларируемыми членами институтов гло-

бального управления приоритетами и согласуемыми коммюнике, декларациями, иными типами документов. Авторы методологии поставили задачей оценить, насколько заявления лидеров по итогам саммитов заслуживают доверия и следует ли вообще уделять внимание документам (коммюнике и декларациям), которые принимаются по итогам встреч на высшем уровне.

Ключевым понятием в данном контексте выступает «обязательство», под которым понимается *обособленное, конкретизированное, политически обязывающее и выраженное публично заявление о намерениях*. Каждое обязательство обладает свойствами дискретности (указания на коллективную цель и / или инструмент выполнения поставленной цели), *конкретности* (в качестве цели не принимается достижение неких абстрактных результатов, например укрепление международного мира и согласие), *политической обязательности* (имеется выражение коллективного намерения, например «мы обязуемся ...»), *ориентированностью на будущее* (реализация поставленной цели произойдёт в период после принятия документа, содержащего обязательство) и *коллективности* (акторами-исполнителями принятого решения являются сами страны-участницы института; встречающиеся в тексте обращения к международным организациям и площадкам не считаются обязательствами). Пример обязательства даёт намерение стран-участниц БРИКС развивать многостороннее сотрудничество для расширения всеобщего доступа к средствам цифровой связи, принятое на саммите в Уфе в 2015 году¹⁵.

Исследование обязательств в области ИКТ-безопасности БРИКС и их имплементации опирается на три группы источ-

¹⁵ «Мы обязуемся сосредоточить наши усилия на расширении всеобщего доступа ко всем средствам цифровой связи и на повышении информированности людей в этой области» (Коммюнике министров связи стран БРИКС по итогам встречи «Расширение сотрудничества в сфере телекоммуникаций и информационно-коммуникационных технологий». URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/Communique_BRICS ICT_ministers.pdf (дата обращения: 11.09.2022). Более подробно процесс мониторинга, особенности отбора фактов, процедура верификации и вынесение итоговой оценки описаны в специальном руководстве. См.: [Global Governance Program 2020].

ников. Первая группа представлена документами стратегического характера стран БРИКС, которые были изучены на предмет выделения приоритетов, касающихся отдельных аспектов обеспечения ИКТ-безопасности. Вторая группа источников включает документы, согласованные на уровне лидеров БРИКС в ходе ежегодных саммитов, начиная со встречи в Уфе в 2015 г. до саммита в Нью-Дели в сентябре 2021 г. включительно¹⁶. Третья группа источников – это резолюции и иные официальные документы ООН, отражающие актуальные тенденции международного сотрудничества в исследуемой области на глобальном уровне, которая позволила вписать инициативы БРИКС в глобальный контекст, сопоставить его с актуальными тенденциями глобального режима ИКТ-безопасности.

В качестве начальной точки исследования был выбран 2015 год. Хотя вопросы информационной безопасности включались в повестку и итоговые документы БРИКС и до этого (впервые они были упомянуты в Плане действий по итогам саммита БРИКС в Дурбане в 2013 году), именно 2015 г. был выбран в качестве отправной точки исследования. Как отмечает исследователь из Бразилии Л. Белли, «Уфимская декларация БРИКС 2015 г. может рассматриваться как документ, который стал началом кристаллизации консенсуса БРИКС по вопросу о необходимости выработки общей политики в области цифровых технологий и кибербезопасности» [Belli 2021].

Таким образом, в рамках проведенного исследования при помощи методологии анализа имплементации обязательств Университета Торонто были изучены документы БРИКС начиная с 2015 года, что

позволило оценить взаимозависимость между декларируемыми приоритетами сотрудничества и реально принимаемыми решениями, координацией политик стран БРИКС в рамках ООН и потенциал институционализации сотрудничества в исследуемой области.

Проблематика ИКТ-безопасности в решениях БРИКС

Среди стран БРИКС нет консенсуса относительно содержательного наполнения понятия *ИКТ-безопасность*. Россия, Китай и Индия относят к данной области не только техническую сторону обеспечения безопасности информации, но и её содержание, в то время как Бразилия¹⁷ и ЮАР¹⁸ делают акцент на технических аспектах безопасности, не исключая и политической составляющей угрозы. Компромиссным выступает признание значимости противодействия угрозам в области использования ИКТ в экстремистских и террористических целях на уровне контента и на широком спектре технических угроз в исследуемой области.

Проблематика обеспечения ИКТ-безопасности была введена в повестку БРИКС практически одновременно с обособлением более обширной повестки содействия развитию цифровой экономики от вопросов научно-технического сотрудничества. Проблемы развития ИКТ в странах-участницах объединения оформились в виде самостоятельной сферы к 2015 году. Выделение ИКТ-безопасности в самостоятельную область международного сотрудничества было закреплено в ходе российского председательства, когда по инициативе принимающей стороны в Москве состоялась первая встреча министров

¹⁶ Ограничение временного периода исследования повестки БРИКС 2015 г. обусловлено фактическим обособлением повестки развития информационных и коммуникационных технологий, куда в широком смысле входят вопросы обеспечения кибербезопасности, от повестки научно-технического развития в рамках БРИКС, см.: [Ларионова и др. 2020].

¹⁷ Política Nacional de Segurança da Informação, The Government of Brazil, 2019. URL: <https://www.gov.br/governodigital/pt-br/estrategias-e-politicas-digitais/politica-nacional-de-seguranca-da-informacao> (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁸ The National Cybersecurity Policy Framework. South African Republic, 2015. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201512/39475gon609.pdf (accessed: 14.12.2023).

связи стран-партнёров. Стороны согласовали совместное коммюнике «Расширение сотрудничества в сфере телекоммуникаций и информационно-коммуникационных технологий»¹⁹. Основные итоги министерской встречи были включены в итоговую декларацию Уфимского саммита БРИКС²⁰.

В 2015 г. в Уфе лидеры стран БРИКС приняли 12 обязательств по вопросам цифрового развития, из которых четыре решения касаются вопросов обеспечения ИКТ-безопасности. В частности, лидеры объединения выделили в числе приоритетных направлений цифрового сотрудничества: а) *взаимодействие и сотрудничество в области реагирования в случае чрезвычайных ситуаций, связанных с вопросами информационной безопасности*; б) *проведение совместных исследований в области новых технологий и услуг, связанных с информационной безопасностью*; в) *содействие обеспечению мирного, безопасного, открытого, основанного на доверии и сотрудничестве характера цифрового и интернет-пространства*; а также: г) *продвижение использования инновационного телекоммуникационного оборудования, разработку и внедрение новых стандартов и технологий связи в целях развития информационного/цифрового общества и противостояния киберугрозам*²¹.

Инициативы российского председательства 2015 г. в сфере ИКТ-безопасности встретили поддержку среди стран-партнёров по объединению. В частности, данные начинания поддержал Китай. Например, в 2017 г. в Сямэне, КНР, лидеры пяти стран заявили о поддержке вы-

работки признанных на международном уровне и приемлемых для всех заинтересованных сторон правил в области безопасности инфраструктуры ИКТ, защиты данных и Интернета, а также обязались совместно строить надёжную и безопасную сеть²². В 2017 г. была принята Дорожная карта БРИКС, которая постулирует необходимость коллективного согласования норм и принципов, которые должны лечь в основу глобального режима ИКТ-безопасности²³.

В годы председательства Индии в БРИКС в 2016 и 2021 годах, ЮАР в 2018 г. и Бразилии в 2019 г. решения в области развития ИКТ также принимались, но на них делался меньший акцент по сравнению с годами, когда повестку обсуждений формировали Россия и КНР. В 2020 году, согласно установленному порядку ротации, председательство в объединении в очередной раз перешло к России. В число приоритетов она включила *продолжение диалога по вопросам обеспечения международной информационной безопасности и противодействия информационной преступности* (наряду с *развитием сотрудничества стран БРИКС в противодействии терроризму и экстремизму*). Особенностью российского председательства 2020 г. в контексте развития повестки БРИКС по вопросам информационной безопасности стало фактическое совмещение двух треков, то есть перевод обширной повестки ИКТ-безопасности в более узкую область противодействия терроризму и экстремизму. При этом был сохранён упор на координацию внешней политики в исследуемой области на уровне ООН — выра-

¹⁹ Коммюнике министров связи стран БРИКС по итогам встречи «Расширение сотрудничества в сфере телекоммуникаций и информационно-коммуникационных технологий». 2015 г. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/Communique_BRICS_ICT_ministers.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

²⁰ VII саммит БРИКС. Уфимская декларация 9 июля 2015 года. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciiir/Project/BRICS_new_downloadings/Ufa_Declaration.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

²¹ Там же.

²² Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС 4 сентября 2017 г. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/2017/Siamenskaia_deklaratsiia_rukovoditelei_stran_BRIKS_ff.pdf (дата обращения: 11.09.2022).

²³ Там же.

ботку всеобъемлющего соглашения по международной информационной безопасности и принятие конвенции о противодействии преступному использованию ИКТ.

По итогам саммита БРИКС в Москве была принята Антитеррористическая стратегия объединения, куда были включены согласованные коллективные решения в области безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ, в частности: а) *противодействовать распространению экстремистских идей, ведущих к терроризму, а также использованию террористами Интернета и социальных сетей в целях вербовки, радикализации и подстрекательства, а также для предоставления террористам материально-финансовой поддержки*; а также б) *укреплять взаимодействие в борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий в террористических и иных преступных целях*²⁴.

Проведенный анализ решений БРИКС в области ИКТ-безопасности позволяет сделать несколько важных выводов. *Во-первых*, ведущая роль в определении направлений развития повестки объединения в целом²⁵ и в области международной информационной безопасности в частности принадлежит России и Китаю, на периоды председательства которых приходится наибольшее количество принимаемых решений по рассматриваемому вопросу и наиболее субстантивные из них. При этом Москва делает больший акцент на политической составляющей проблематики, в то время как Пекин — на экономической и

вопросах развития сетевой инфраструктуры и безопасности данных.

Во-вторых, исходя из результатов анализа содержания согласованных коллективных решений мы приходим к выводу о постепенном сужении широкой повестки обеспечения ИКТ-безопасности и её переводу во взаимоприемлемую для членов БРИКС плоскость противодействия экстремизму и терроризму как институционально оформленного взаимодействия²⁶. На уровне координации внешнеполитических инициатив страны поддерживают формирование международного режима в области информационной безопасности под эгидой ООН.

В-третьих, нельзя не отметить меньшую активность других членов БРИКС, помимо России и Китая, в сфере международной информационной безопасности. Так, председательство Бразилии в БРИКС в 2019 году, Индии в 2016 и 2021 годах и ЮАР в 2018 году не отметились значимыми решениями в рассматриваемой области и сконцентрировались на выражении общей поддержки предлагаемой партнёрами повестки²⁷.

Принятые обязательства и направления международного сотрудничества могут быть классифицированы согласно модифицированной методологии Университета Торонто, рассмотренной ранее, на предмет соответствия базовым предъявляемым критериям (табл. 1).

Для анализа эффективности имплементации достигнутых соглашений представляется важным провести анализ приорите-

²⁴ Антитеррористическая стратегия БРИКС 2020. URL: [https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2020/BRICS%20COUNTER-TERRORISM%20STRATEGY%20\(rus\).pdf](https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2020/BRICS%20COUNTER-TERRORISM%20STRATEGY%20(rus).pdf) (дата обращения: 11.09.2022).

²⁵ См. более подробно анализ повестки БРИКС в области управления Интернетом в: [Игнатов 2022].

²⁶ См., например: Антитеррористическая стратегия БРИКС 2020. URL: [https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2020/BRICS%20COUNTER-TERRORISM%20STRATEGY%20\(rus\).pdf](https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2020/BRICS%20COUNTER-TERRORISM%20STRATEGY%20(rus).pdf) (дата обращения: 11.09.2022).

²⁷ Например, в 2021 г. в принятой на саммите в Нью-Дели, Индия, декларации страны БРИКС согласились «укрепить потенциал как самих государств, так и международных организаций для более эффективного реагирования на новые и возникающие, традиционные и нетрадиционные вызовы, в том числе связанные с «киберпространством», а также приветствовали «успешное завершение работы Межправительственной группы по киберпреступности». См.: [БРИКС 2021].

Таблица 1

Решения и направления сотрудничества БРИКС в области международной информационной безопасности

Направления сотрудничества	Конкретность	Политическая обязательность	Оrientированность на будущее	Коллективность
Поддержка выработки норм и правил ответственного поведения государств в ИКТ-среде (в рамках РГОС)	+	+	+	-
Поддержка выработки Конвенции по противодействию преступному использованию ИКТ на уровне ООН	+	+	+	-
Наличие двусторонних договоренностей по МИБ	+	+	+	+
Принятие конвенции БРИКС по МИБ	+	+	+	+
Противодействие терроризму и экстремизму в ИКТ-среде	+	+	+	+

Источник: составлено авторами.

тов и подходов стран БРИКС в сфере ИКТ-безопасности, а также принимаемых ими решений в данной области на международном уровне.

Приоритеты стран–участниц БРИКС в области ИКТ-безопасности

Бразилия

Бразилия заняла 66-е место по уровню развития ИКТ согласно индексу МСЭ 2017 г.²⁸ Это одна из наиболее развитых стран Латинской Америки, и, по экспертным оценкам, Бразилия является одной из наиболее перспективных стран в области развития цифровых технологий²⁹. Такое положение обуславливает её заинтересованность в сотрудничестве по вопросам информационной безопасности в БРИКС. При этом для Бразилии основным приори-

тетом являются вопросы наращивания потенциала и получения помощи в развитии ИКТ-сектора, в том числе в сфере прорывных технологий [Перминов 2019: 1520]. Кроме того, страна сталкивается со значительным ущербом от ИКТ-преступности³⁰, что повышает заинтересованность в международном сотрудничестве именно на этом направлении.

Базовая национальная Стратегия обеспечения кибербезопасности Бразилии была принята в 2020 г. Стратегия объединила ключевые положения нескольких документов, определявших национальные приоритеты в области кибербезопасности – актуальные на тот момент Стратегию национальной безопасности (обновлённую в 2012 году)³¹ и Национальную политику в области информационной безопасности 2019 года³², а также Стратегию цифровой

²⁸ Measuring the Information Society Report 2017. Volume 1. International Telecommunication Union. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volume1.pdf (accessed: 18.12.2023).

²⁹ См., например: Digital trends in the Americas region 2021. International Telecommunications Union. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-DIG_TRENDS_AMS.01-2021-PDF-E.pdf (accessed: 15.12.2023).

³⁰ Там же.

³¹ National strategy of defense. The government Brazil, 2008 (updated 2012). URL: https://www.files.ethz.ch/isn/154868/Brazil_English2008.pdf (accessed: 18.12.2023).

³² Política Nacional de Segurança da Informação The Government of Brazil, 2019. URL: <https://www.gov.br/governodigital/pt-br/estrategias-e-politicas-digitais/politica-nacional-de-seguranca-da-informacao> (дата обращения: 11.09.2022).

трансформации Бразилии от 2018 года³³ [Hurel, Lobato 2021]. Среди первоочередных задач бразильское руководство выделило адаптацию национального законодательства к меняющимся условиям, в частности разработку новой классификации киберпреступлений и требований к обеспечению кибербезопасности в условиях удалённой работы, а также разработку проекта нового закона о кибербезопасности. Кроме того, были запланированы создание централизованной системы управления киберугрозами, разработка общенациональных требований к обеспечению кибербезопасности на уровне отдельных пользователей / устройств ввода информации для государственных организаций, внедрение соответствующих требований в системы управления цепочками поставок и государственных закупок и др.

Среди итогов саммита БРИКС в Бразилии в 2019 г. следует выделить инициативу Бразилии о разработке двусторонних соглашений между странами БРИКС по указанной тематике. При этом в документе выражается поддержка инициатив РГОС и ГПЭ, запущенных в 2019 году, а также подчёркивается важность работы ООН в области противодействия преступному использованию ИКТ³⁴.

В международном измерении Бразилия выдвигает на передний план развитие сотрудничества в Латинской Америке наряду с другими характерными для документов такого уровня направлениями, такими как участие в многосторонних дискуссиях и заключение соответствующих международных соглашений. Поставленная на национальном уровне цель создания централизованной системы управления кибер-

угрозами открыто соотносится с моделями, принятыми в ряде зарубежных стран, в частности в Великобритании, где создан специальный Национальный центр кибербезопасности, координирующий усилия различных ведомств, а также частного бизнеса в данной области³⁵.

На практике деятельность Бразилии в отношении международных переговоров по обеспечению кибербезопасности направлена «вне БРИКС» и не во всём согласуется с российской позицией. В 2018 г. во время голосования по проекту резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», предложенной Россией для преодоления застоя в переговорах по линии ГПЭ и предполагавшей создание РГОС, Бразилия воздержалась от голосования. Она мотивировала свою позицию тем, что в дублировании работы ГПЭ нет необходимости [Стадник, Цветкова 2021: 75]. Для Бразилии характерно стремление оставаться равноудалённой от различных участников переговорного процесса, эксперты также называют её кибердипломатию «колеблющейся» [Hurel 2022]. При этом смена курса Бразилии и её поддержка Будапештской конвенции отчасти были связаны с приходом к власти политика правой ориентации Ж. Болсонару.

Представители Бразилии принимали участие в переговорах как в ГПЭ, так и в обоих созывах РГОС. Несмотря на то что официально Бразилия не поддержала Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве на федеральном уровне, представленный Францией в ноябре 2018 года³⁶, о поддержке инициа-

³³ Brazilian Digital Transformation Strategy. 2018. URL: <https://www.gov.br/mcti/pt-br/centrais-de-conteudo/comunicados-mcti/estrategia-digital-brasileira/digitalstrategy.pdf> (accessed: 11.12.2023).

³⁴ Декларация Бразилиа по итогам XI саммита государств-участников БРИКС. 2019. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/2019/11th_BRICS_Summit_rus.pdf (дата обращения: 18.05.2023).

³⁵ Hurel L.M. Cybersecurity in Brazil: an analysis if the national strategy. Ingrape institutr strategic paper 51. April 2021. URL: https://igarape.org.br/wp-content/uploads/2021/04/SP-54_Cybersecurity-in-Brazil.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

³⁶ Paris Call for Trust and Security in Cyberspace – URL: <https://pariscall.international/en/call> (accessed: 11.09.2022).

тивы заявили штат Сан-Паулу и не менее десятка бразильских частных компаний и организаций гражданского общества. Что касается инициатив Программы действий по продвижению ответственного поведения государств в киберпространстве, предложенной изначально Францией и Египтом в 2020 году³⁷, а затем получившей развитие в 2022 году³⁸ и ориентированной на замену РГОС институциональным механизмом Программы действий, Бразилия к ней не присоединилась.

Бразилия поддерживает работу над Конвенцией ООН по противодействию преступному использованию ИКТ, однако она также присоединилась и к Будапештской конвенции Совета Европы, которую Россия, Китай и ЮАР рассматривают как вступающую в противоречие с принципом соблюдения государственного суверенитета. Таким образом, ИКТ-безопасность нельзя отнести к числу основных внешнеполитических приоритетов государства, что объясняет меньшую по сравнению с другими участниками БРИКС заинтересованность в развитии и институциональном углублении взаимодействия в данной области и несколько переменчивую внешнеполитическую линию. Бразилия более всего заинтересована в противо-

действии ИКТ-преступности на международном уровне.

Россия

Россия является государством с развитой цифровой экономикой. Согласно индексу ИКТ развития МСЭ от 2017 года, Россия занимала 45-е место и характеризовалась высоким уровнем проникновения сетей связи³⁹. К 2023 г. Россия сохранила высокий цифровой потенциал, несмотря на санкционное давление со стороны Запада. Во внешней политике Россия делает акцент на обеспечении международной информационной безопасности⁴⁰ и укреплении цифрового суверенитета. Россия сталкивается со значительным числом атак в киберпространстве, что обуславливает внимание к данной проблематике⁴¹. Россия является лидером в продвижении темы информационной безопасности в рамках ООН и БРИКС [Бойко 2021; Крутских 2022].

Российская позиция по вопросам ИКТ-безопасности представлена в широком перечне документов стратегического характера, среди которых Стратегия национальной безопасности⁴², Доктрина информационной безопасности⁴³, Концепция внешней политики⁴⁴, Основы государственной

³⁷ Programme of Action (PoA) for advancing responsible state behaviour in cyberspace. 2020. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2020/10/joint-contribution-poa-future-of-cyber-discussions-at-un-10-08-2020.pdf> (accessed: 15.12.2023).

³⁸ Programme of action to advance responsible State behaviour in the use of information and communications technologies in the context of international security. A/C.1/77/L.73. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3991743?ln=ru> (accessed: 15.12.2023).

³⁹ Measuring the Information Society Report 2017. Volume 1. International Telecommunication Union. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volume1.pdf (accessed: 18.12.2023).

⁴⁰ Указ Президента России №229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpiZePcMAyCLXOGGAgmVHQDloFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 18.05.2023).

⁴¹ Интервью заместителя Секретаря Совета Безопасности России О. Храмова. 2022. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3217/> (дата обращения: 19.12.2023).

⁴² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.09.2022).

⁴³ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 №646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 11.09.2022).

⁴⁴ Указ Президента России №229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpiZePcMAyCLXOGGAgmVHQDloFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 18.05.2023).

политики в области международной информационной безопасности⁴⁵ а также Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы⁴⁶.

В международном измерении в качестве ключевой задачи рассматривается формирование системы международной информационной безопасности в интересах эффективного противодействия попыткам использования ИКТ в военных и иных целях, противоречащих международному праву, прежде всего путем создания соответствующих международно-правовых механизмов. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации ставит во главу угла установление международно-правового режима обеспечения безопасности в сфере использования ИКТ. Концепция внешней политики указывает на то, что возможности информационно-коммуникационных технологий всё чаще используются для решения внешнеполитических задач, в том числе в военно-политическом измерении⁴⁷. Наконец, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы содержит несколько важных моментов, касающихся деятельности России в области ИКТ-безопасности на международной арене. Данная Стратегия акцентируется на создании международных механизмов обе-

спечения доверия в сети Интернет⁴⁸. Таким образом, проблематика ИКТ-безопасности является важнейшим направлением внешней политики России, долгосрочной целью является формирование международно-правового режима в данной области.

Среди стран БРИКС Россия является наиболее последовательным и активным сторонником выработки универсальной регуляторной рамки в области ИКТ-безопасности. Именно Москва в 1998 г. инициировала обсуждение данной проблематики в ООН⁴⁹, а в период стагнации переговоров в формате ГПЭ предложила инициативу по созыву РГОС. Проработка вопроса о содержании резолюции по вопросам кибербезопасности велась усилиями России не только в ООН, но и в ШОС, что способствовало достижению международного консенсуса относительно учреждения дополнительного переговорного формата⁵⁰.

В Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС, утвержденной Президентом Российской Федерации в феврале 2013 года⁵¹, в числе основных целей России в области сотрудничества со странами–участниками БРИКС по вопросам международной безопасности заявлены сотрудничество в интересах обеспечения международной информационной безопасности, использование возможно-

⁴⁵ Указ Президента Российской Федерации от 12.04.2021 №213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/RR5NtCWkZPTuc5TrdHURpA4vpN5UTwM.pdf> (дата обращения: 11.09.2022).

⁴⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 11.09.2022).

⁴⁷ Указ Президента России №229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDloFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 18.05.2023).

⁴⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 11.09.2022).

⁴⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/53/70 от 4 декабря 1998 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». URL: <https://digitallibrary.un.org/record/265311?ln=ru> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵⁰ РФ вместе со странами ШОС представит проект резолюции ГА ООН по кибербезопасности. URL: <https://tass.ru/politika/4811804> (дата обращения: 11.09.2022).

⁵¹ Концепция участия Российской Федерации в БРИКС. Утв. Президентом России в 2013 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).

стей БРИКС для продвижения инициатив в этом направлении в рамках различных международных форумов и организаций, прежде всего ООН, и укрепление в формате БРИКС сотрудничества в области противодействия использованию ИКТ в военно-политических, террористических и криминальных целях, а также в целях, противоречащих обеспечению международного мира, стабильности и безопасности. Таким образом, Россия придает важное значение развитию и углублению сотрудничества на уровне БРИКС по вопросам международной информационной безопасности.

В конце 2021 г. Россия и США совместно выдвинули проект резолюции по вопросам кибербезопасности, которая была одобрена Генеральной Ассамблеей без голосования⁵². Резолюция закрепила возможность выработки дополнительных обязательных правил поведения государств в киберпространстве с поправкой «при необходимости». Руководствуясь соображениями о необходимости создания широких форматов регулирования отношений в киберпространстве против узких «коалиций желающих», к формированию которых может привести упомянутая ранее инициатива Франции, Россия не вошла в число сторонников Парижского призыва [Чихачев 2022], но несколько крупных отечественных ИТ-компаний заявили о его поддержке.

В 2022 г. в ходе 77-й сессии ГА ООН Россия вынесла на обсуждение проект резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»⁵³, ориентированной на продолжение работы РГОС ООН после 2023 года; среди стран-членов

БРИКС только Китай выступил в роли ко-спонсора документа⁵⁴.

Россия является лидером международного сотрудничества на уровне БРИКС по вопросам международной информационной безопасности, при этом в данную область Россия включает широкий круг вопросов — противодействие военно-политическим угрозам, ИКТ-преступности и экстремизму в сети, защиту цифрового суверенитета от внешнего вмешательства, а также вопросы управления Интернетом. В долгосрочной перспективе Россия ориентирует международное сообщество и БРИКС на заключение юридически обязательных соглашений в сфере ИКТ-безопасности на глобальном и региональном уровнях.

Индия

Несмотря на то что Индия — один из крупнейших в мире поставщиков информационно-коммуникационных услуг, степень разработанности системы приоритетов и планов действий в области ИКТ-безопасности остается достаточно низкой. Это объясняется тем, что до недавнего времени индийское руководство не придавало значения рискам противостояния в цифровом пространстве [Куприянов 2019]. Фактически, полноценное развитие системы противостояния возникающим угрозам началось только в 2018 году, в результате чего к настоящему моменту для анализа мы можем отобрать только два документа — актуальную версию Стратегии национальной безопасности Индии и Национальную политику в области цифровых коммуникаций.

Стратегия национальной безопасности Индии⁵⁵ содержит небольшой перечень

⁵² Генассамблея ООН приняла резолюцию России и США по киберсфере. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13127057?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 11.09.2022).

⁵³ Генассамблея ООН приняла несколько российских резолюций по безопасности и разоружению. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16533015> (дата обращения: 18.05.2023).

⁵⁴ Манхэттенские проекты. Как Россия и западные страны продвигают в ООН конкурирующие резолюции по кибербезопасности. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5651792> (дата обращения: 18.05.2023).

⁵⁵ India's National Security Strategy. The Government of India, 2019. URL: https://manifesto.inc.in/pdf/national_security_strategy_gen_hooda.pdf (accessed: 11.09.2022).

угроз и предполагаемых направлений действий в контексте ИКТ-безопасности. Среди угроз авторы Стратегии выделяют киберпреступность, возможность применения кибероружия против элементов критической инфраструктуры страны, использование социальных медиа для воздействия на население с целью «разобщения людей, распространения пропаганды и ослабления веры в правительство»⁵⁶. Незащищенность персональных данных рассматривается как предпосылка к распространению персонифицированной недостоверной информации. В связи с этим в числе ключевых задач заявляется реализация требований о локализации пользовательских данных наряду с более детализированным перечнем шагов по противодействию использованию кибервооружений, в частности создание единого центра принятия решений (киберкомандования) и наращивание потенциала в деле выявления источника кибератак, которые следует рассматривать как недружественные акты и нарушение государственного суверенитета.

Приоритет защиты государственного «цифрового суверенитета» подчеркивается в Национальной политике в области цифровых коммуникаций⁵⁷, в которой сделан акцент на экономическом потенциале ИКТ. Данное направление включает в себя, в первую очередь, принятие шагов для защиты пользовательских данных от несанкционированного доступа, поддержку местных поставщиков услуг и продукции, повышение эффективности органов, осуществляющих надзор в сфере лицензирования коммуникационной продукции, продвижение национальных интересов в контексте формулирования международ-

ных отраслевых стандартов. Таким образом, на данном направлении политика Индии представляется схожей с позицией КНР по вопросам безопасности данных, а акцент на цифровом суверенитете сближает позицию Индии с позицией России.

Индия поддерживает включение вопросов ИКТ-безопасности в повестку ООН и БРИКС. Показательно, что в 2021 г. саммит БРИКС в Индии с подачи председательствующей стороны был озаглавлен как «Партнёрство БРИКС во имя глобальной стабильности, безопасности и процветания». При этом упор Индия сделала на вопросы антитеррористического сотрудничества. В документе также отмечается значимость сотрудничества в области ИКТ-безопасности и утверждается, что необходима «разработка межправительственного соглашения БРИКС о сотрудничестве в области обеспечения безопасности в сфере использования ИКТ и двусторонних соглашений между государствами объединения»⁵⁸. Отдельный акцент сделан на центральной роли ООН на данном направлении и поддержке работы в области разработки в рамках ООН всеобъемлющей конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях⁵⁹. При этом Индия поддерживает также и форматы сотрудничества, предлагаемые странами Запада, в том числе ГПЭ последнего созыва. Индия официально не присоединилась к числу стран, поддержавших Парижский призыв⁶⁰, но более 50 индийских частных компаний и организаций гражданского общества выразили свою поддержку данному своду необязательных принципов. Это наибольший показатель среди стран БРИКС. Индия наряду с Китаем

⁵⁶ Оригинальный текст: «to sow discord amongst people, spread propaganda and weaken faith in the government» (India's National Security Strategy. The Government of India, 2019. URL: https://manifesto.inc.in/pdf/national_security_strategy_gen_hooda.pdf (accessed: 11.09.2022)).

⁵⁷ National Digital Communications Policy. The Government of India 2018. URL: <https://dot.gov.in/sites/default/files/EnglishPolicy-NDCP.pdf> (accessed: 11.09.2022).

⁵⁸ Нью-Делийская декларация XIII саммита БРИКС от 2021 г. URL: <https://www.ranepa.ru/ciir/briks/predsdatelstva/briks-indiyskoe-predsdatelstvo-2021-g/New%20Delhi%20Declaration%202021%20RUS.pdf> (дата обращения: 11.09.2022).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Paris call for trust and security in cyberspace. 2018. URL: <https://pariscall.international/en/> (accessed: 15.12.2023).

не вошла в число спонсоров российско-американской резолюции 2021 г. При этом Индия не поддержала и предложенную Францией в 2020 г. Программу действий в области ответственного поведения в ИКТ-среде⁶¹, а также и Декларацию за будущее Интернета 2022 года, предложенную США⁶². Тем не менее в 2022 г. Индия проголосовала в поддержку предложенной Францией резолюции 77-й ГА ООН «Программа действий по поощрению ответственного поведения государств при использовании информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности»⁶³, которая предлагает создать Программу действий как альтернативу предложенной Россией РГОС [Зиновьева 2023].

Индия рассматривает ИКТ как важнейший двигатель экономического роста и развития, поэтому заинтересована в сотрудничестве в сфере ИКТ-безопасности, в том числе формировании международно-правового режима под эгидой ООН, основанного на принципах уважения цифрового суверенитета, а также заключения формальной договоренности по ИКТ-безопасности в рамках БРИКС. Важным приоритетом также является противодействие преступному использованию ИКТ и цифровому терроризму. Несмотря на то что Индия вынуждена учитывать позицию стран Запада, продвигающих альтернативное видение режима кибербезопасности, по многим параметрам ее приоритеты в сфере ИКТ-безопасности близки к пози-

ции России и КНР, что повышает ее заинтересованность в институционализации взаимодействия и способствует активному участию в сотрудничестве на уровне БРИКС в сфере ИКТ-безопасности.

Kumai

Китай известен как один из лидеров в области регулирования киберпространства, притом китайский подход можно охарактеризовать как один из самых жёстких с точки зрения обеспечения цифрового суверенитета. Китай наряду с США является лидером в развитии прорывных цифровых технологий⁶⁴, в том числе больших данных, интернета вещей и машинного обучения. Китай реализует инициативу «Один пояс — один путь», которая включает компонент «Цифрового шёлкового пути», ориентированный на построение цифровой инфраструктуры в развивающихся странах⁶⁵. Таким образом, для Китая приоритетны экономические аспекты цифрового развития, однако для их реализации необходимо обеспечить высокий уровень безопасности.

Формирование нормативной базы политики Китая в рассматриваемой области берёт начало в момент учреждения Национальной координационной группы по кибербезопасности и информационной безопасности, итогом работы которой стала первая версия специализированной национальной стратегии [Ромашкина, Задремайлова 2020: 124]. Действующая версия Стратегии была принята в 2016 году⁶⁶. В рамках

⁶¹ Program of Action for advancing responsible states behaviour in cyberspace. 2020. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2020/10/joint-contribution-poa-future-of-cyber-discussions-at-un-10-08-2020.pdf> (accessed: 15.12.2023).

⁶² Declaration for the future of Internet. White House, 2022. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/04/Declaration-for-the-Future-for-the-Internet_Launch-Event-Signing-Version_FINAL.pdf

⁶³ Programme of action to advance responsible State behaviour in the use of information and communications technologies in the context of international security. A/C.1/77/L.73 2022. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3991743?ln=ru> (accessed: 15.12.2023).

⁶⁴ UNCTAD Digital Economy Report. 2021. URL: <https://unctad.org/publication/digital-economy-report-2021> (accessed: 15.12.2023).

⁶⁵ Action plan on the belt and road initiative. People Republic of China, 2015. URL: https://english.www.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (accessed: 15.12.2023).

⁶⁶ Неофициальный перевод с китайского на английский язык представлен здесь: National Cyberspace Security Strategy. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/12/27/national-cyberspace-security-strategy/> (дата обращения: 11.09.2022).

упомянутой Стратегии киберугрозы рассматриваются в числе основных препятствий экономическому росту, политической и экономической безопасности; среди возможных последствий применения возможностей ИКТ для противоправных и враждебных действий упоминаются нарушение работы критической инфраструктуры, в частности транспортной и энергетической инфраструктуры, распространение недостоверной информации, гражданские беспорядки, свержение действующих политических режимов. В качестве меры противодействия реализуется политика контроля онлайн-активности в интересах пресечения противоправной деятельности, в особенности призывов к гражданскому неповиновению и сепаратизму, закрепление социалистических ценностей как неотъемлемого элемента онлайн-культуры, развития кадрового резерва и национальной технологической базы. Правовую базу заявленных действий формируют Закон о противодействии терроризму (2015)⁶⁷, Закон о кибербезопасности (2016)⁶⁸ и Постановление о защите безопасности критической информационной инфраструктуры (2021)⁶⁹.

В июне 2021 г. Пекин принял новый Закон о безопасности данных, который определяет более строгие требования к обработке важных данных, основных данных о состоянии и конфиденциальных данных и распространяет на всю автоматизиро-

ванную обработку данных требование соблюдать Многоуровневую схему защиты, предусмотренную Законом о кибербезопасности, расширяет обязательства по локализации данных на вышеупомянутые важные данные⁷⁰.

Приоритеты внешней политики Китая в области ИКТ-безопасности более подробно раскрываются в Стратегии международного сотрудничества в киберпространстве, принятой в 2017 году⁷¹. Стратегия закрепляет принцип отказа от стремления к гегемонии на пространстве Интернета, недопущение вмешательства во внутренние дела при помощи возможностей ИКТ и приоритетность реализации государственного суверенитета в информационном пространстве [Ромашкина, Задремайлова 2021: 130]. Авторы Стратегии выступают за создание системы регулирования отношений в киберпространстве на основе согласованных правил и норм, выработанных на базе равного участия и недискриминации.

В 2020 г. Китай представил Глобальную инициативу в области безопасности данных⁷², в которой постулируется значимость суверенитета в цифровом пространстве и центральная роль ООН в области управления данными и обеспечении международной информационной безопасности.

В то же время Китай не выступил в качестве ко-спонсора российско-американской резолюции 2021 года, но не поддержал и прозападные инициативы в данной

⁶⁷ Counterterrorism Law of the People's Republic of China (Order No. 36 of the President of the PRC). URL: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&_isn=103954&p_country=CHN&p_count=1189 (accessed: 11.09.2022).

⁶⁸ Неофициальный перевод с китайского на английский язык представлен здесь: China Cybersecurity Law. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/04/China-Cybersecurity-Law.pdf> (accessed: 11.09.2022).

⁶⁹ Gong J., Yue C. China Released Regulation on Critical Information Infrastructure. Bird & Bird. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twobirds.com/en/insights/2021/china/china-released-regulation-on-critical-information-infrastructure> (accessed: 04.08.2022).

⁷⁰ Data Security Law of China. 2021. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-data-security-law-of-the-peoples-republic-of-china/> (accessed: 15.12.2023).

⁷¹ International Strategy of Cooperation on Cyberspace. China, 2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjlb_663304/zzjg_663340/jks_665232/kjlc_665236/qtw_665250/201703/t20170301_599869.html#:~:text=The%20strategic%20goal%20of%20China's,peace%20C%20security%20and%20stability%20in (accessed: 11.09.2022).

⁷² Global Initiative on Data Security. The Government of China, 2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202009/t20200908_679637.html (accessed: 18.05.2023).

области. Например Китай, как и другие страны БРИКС, официально не поддержал Парижский призыв на государственном уровне. Среди представителей частного сектора и организаций гражданского общества только одна компания заявила о поддержке данной инициативы. Что касается инициатив США и стран Запада с сильным политическим компонентом, таких как Декларация о будущем Интернета⁷³ и Программа действий в области поощрения ответственного поведения государств в киберпространстве⁷⁴, Китай выступил однозначно против.

В ходе саммита БРИКС в Пекине в 2022 г. акцент был сделан на вопросах обеспечения информационной безопасности. В частности, в Пекинской декларации подчеркивалась «необходимость развития практического сотрудничества в рамках БРИКС посредством осуществления “дорожной карты” в обеспечении безопасности в сфере использования ИКТ и в рамках деятельности Рабочей группы БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ»⁷⁵. В документе отмечается также прогресс, достигнутый в рамках Специального комитета ООН по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях⁷⁶.

Таким образом, позиции России и Китая относительно основных параметров международного сотрудничества в сфере ИКТ-безопасности характеризуются наибольшей близостью — обе страны выступают за формирование международного режима в данной области, основанного на вестфальских принципах уважения суверенитета, противопоставляя его продвигаемым США и их союзниками инициативам.

Важными акцентами в позиции Китая является также противодействие ИКТ-преступности и ИКТ-терроризму и защита данных, которые рассматриваются как важнейший ресурс технологического и экономического развития.

ЮАР

Несмотря на то что Южно-Африканская Республика входит в число лидеров цифрового развития Африканского региона [Панцеров 2018: 14], вопрос обеспечения кибербезопасности с учетом всего многообразия существующих угроз разработан в официальных документах и стратегиях ЮАР сравнительно неглубоко. Рамочная программа по обеспечению кибербезопасности ЮАР была принята в 2015 году. При этом к тому моменту ЮАР уже вошла в мировой антирейтинг по числу случаев онлайн-мошенничества и других криминальных инцидентов⁷⁷. В числе основных угроз кибербезопасности авторы Рамочной программы указали необходимость импорта важного для обеспечения надлежащего уровня защиты оборудования и технологий, слабость кадровой базы на фоне увеличения количества киберинцидентов последних лет. Было предложено наладить эффективную координацию действий государственных органов и учредить специализированный координирующий орган. Основные координирующие функции были возложены на Хаб кибербезопасности (Cybersecurity Hub), ответственный также за выработку документов стратегического характера.

Достаточно длительное время занял процесс адаптации национального законодательства ЮАР к реалиям распространяющейся киберпреступности. Первый

⁷³ Declaration for the Future of the Internet. White House, 2022. URL: <https://www.state.gov/declaration-for-the-future-of-the-internet> (accessed: 18.05.2023).

⁷⁴ General Assembly official records, 77th session : 46th plenary meeting, Wednesday, 7 December 2022, New York. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4009684?ln=en> (accessed: 18.05.2023).

⁷⁵ Пекинская декларация XIV саммита БРИКС от 23 июня 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 15.12.2023).

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ The National Cybersecurity Policy Framework. South African Republic, 2015. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201512/39475gon609.pdf (дата обращения: 11.09.2022).

проект Закона о киберпреступлениях был представлен в августе 2015 года; процесс доработки занял около полутора лет, в результате чего на рассмотрение парламента он был направлен только в начале 2017 года. Принятие закона в его исходной форме активно поддерживалось сторонниками экс-президента Джейкоба Зумы, но встретило сильное сопротивление оппозиции – согласно распространенной оценке, в своей исходной редакции Закон «не проводит различий между шпионажем и работой журналистов» и может послужить в качестве инструмента давления на медиа на фоне участвовавших скандалов с участием представителей администрации Зумы⁷⁸. Уже после отставки Зумы и выдвижения обвинений в коррупции⁷⁹ Закон дважды прошел общественное обсуждение в 2018 и 2019 годах; в конце 2020 г. его поддержали обе палаты парламента ЮАР. Президент Рамапоса подписал Закон в мае 2021 г. с условием вступления в силу с 1 декабря 2021 года⁸⁰. До принятия Закона о киберпреступлениях компетентные органы ЮАР руководствовались положениями Уголовно-процессуального кодекса, что вкупе с отсутствием четких определений затрудняло расследование преступлений, совершенных в киберпространстве⁸¹.

Руководство ЮАР последовательно занимает скептическую позицию в отношении международных соглашений, касающихся ИКТ-безопасности, несмотря на заявленный в рамках Рамочной програм-

мы приоритет развития международного сотрудничества. В этом контексте показателен пример Конвенции Африканского союза (АС) по вопросам кибербезопасности и защиты данных⁸² [Ogji 2018], в отношении которой ЮАР заняла позицию «афроскептика», отказавшись от её ратификации.

Как и другие партнеры по БРИКС, ЮАР не вошла в число стран, поддержавших Парижский призыв, а общее количество поддержавших Призыв южноафриканских частных компаний и организаций гражданского общества не превышает двадцати. При этом ЮАР поддержала проект российско-американской резолюции 2021 года, но не присоединилась к Программе действий по продвижению правил ответственного поведения государств в киберпространстве. В 2022 г. в ходе 77-й сессии ГА ООН ЮАР выступила в поддержку российского проекта резолюции по международной информационной безопасности. Вместе с тем ЮАР присоединилась к Будапештской конвенции Совета Европы от 2001 года, что не препятствует её участию в переговорном процессе ООН по выработке Конвенции по противодействию преступному использованию ИКТ и поддержке данной инициативы на уровне БРИКС. В рамках второй Йоханнесбургской декларации БРИКС отмечалась приверженность продолжению работы «по выработке Конвенции по противодействию ИКТ-преступности в ООН, а также формирования нормативно-правовых рамок БРИКС по

⁷⁸ Raymond Joseph: South Africa's Cybercrimes and Cybersecurity Bill is deeply flawed. URL: <https://www.indexoncensorship.org/2016/01/raymond-joseph-south-africa-cybercrimes-and-cybersecurity-bill/> (accessed: 11.09.2022).

⁷⁹ Zuma in the dock: South Africa's ex-president faces corruption charges. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/06/south-africa-jacob-zuma-court-corruption-charges> (accessed: 11.09.2022).

⁸⁰ South Africa's newly enacted sections of the Cybercrimes Act 19 of 2020 and what you need to know to be compliant. URL: <https://www.dentons.com/en/insights/articles/2021/december/6/newly-enacted-sections-of-the-cybercrimes-act-19-of-2020-and-what-you-need-to-know-to-be-compliant> (accessed: 11.09.2022).

⁸¹ South Africa lays down the law on cybercrime. URL: <https://issafrica.org/iss-today/south-africa-lays-down-the-law-on-cybercrime> (accessed: 11.09.2022).

⁸² African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection. 2014. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/29560-treaty-0048_-_african_union_convention_on_cyber_security_and_personal_data_protection_e.pdf (accessed: 11.09.2022).

вопросам обеспечения безопасности в сфере использования ИКТ»⁸³.

Таким образом, ЮАР демонстрирует меньшую по сравнению с другими членами БРИКС заинтересованность в развитии взаимодействия в данной области, однако поддерживает инициативы БРИКС на данном направлении на площадке ООН, а также подписание межправительственного соглашения в БРИКС.

Анализ стратегий и других важных в контексте национальной политики в области ИКТ-безопасности стран БРИКС документов позволяет сделать следующие выводы. *Во-первых*, внутри объединения степень проработанности данной категории вопросов находится на разных уровнях – Россия и Китай в настоящий момент обладают наиболее конкретизированной системой приоритетов и задач в области кибербезопасности и, следовательно, дальше остальных партнёров ушли в отношении законодательного подкрепления обсуждаемых действий на национальном и международном уровнях. Именно Москва и Пекин наиболее активно из числа участников БРИКС участвуют в международной дискуссии по исследуемому вопросу, а внутри дуэта инициатива чаще всего исходит от России. Тройка Бразилия–Индия–ЮАР заметно отстаёт в данном отношении, что в целом коррелирует с оценочным уровнем цифровой развитости государств БРИКС [Игнатов 2020]. *Во-вторых*, характер выдвигаемых приоритетов в области кибербезопасности различается между партнёрами по объединению. Россия, Китай и Индия склонны прямо или косвенно включать в сферу международной информационной безопасности работу с информацией, распространяемой посредством сетей цифровой связи, что значительно расширяет сферу предполагаемых угроз. Подход Бразилии и ЮАР носит более прикладной характер и предполагает работу, в первую очередь, с традиционными вызовами кибербезо-

пасности (в частности, с потенциалом использования ИКТ как средства осуществления киберпреступлений). Разбивка на тройку Россия–Китай–Индия и двойку Бразилия–ЮАР в целом соответствует рассмотренной в [Игнатов 2022] концепции *слабого* (ограниченное вмешательство государства в обеспечение кибербезопасности, инициатива на стороне частных компаний) и *сильного цифрового суверенитета* (вопросы кибербезопасности поднимаются до уровня проблемы национальной безопасности и подкрепляются соответствующими действиями). Несмотря на то что в академической литературе данные страны относятся к «ястребам суверенитета» [Панова 2015], в действительности трактовка на полнения цифрового суверенитета со стороны государств несколько различается. Акцент на значимости цифрового суверенитета обуславливает незначительное внимание к координации деятельности негосударственных игроков БРИКС в рамках режима ИКТ-безопасности, так как приоритетом является межгосударственная координация.

В рамках представленной работы было решено несколько исследовательских задач. Авторы предложили уточнённое определение понятия *ИКТ-безопасность*, которое затем было использовано при исследовании национальных приоритетов стран-членов БРИКС и решений, принятых в рамках объединения по интересующему вопросу.

Анализ документов стратегического планирования пяти стран показал, что все они привержены нормам уважения государственного суверенитета в ИКТ-среде и видят её как основу международного режима в данной области. Проведённый анализ позволил разделить страны БРИКС на две группы. В первую группу были включены Россия, Китай и Индия, которые деклари-

⁸³ Вторая Йоханнесбургская декларация стран БРИКС. 24 августа 2023 года. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhJRQx05ufVB2uzMf01kWs.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).

ругуют и реализуют подход к обеспечению ИКТ-безопасности, ориентированный на включение в её предметную область вопросов регулирования содержания контента глобального Интернета и её технической безопасности (данный подход отражает используемая терминология — международная информационная безопасность [Зиновьева, Мишишина 2022]), а также уделяющий значительное внимание проблематике информационной безопасности. Ко второй группе были отнесены Бразилия и ЮАР, позиция которых фокусируется на наращивании потенциала и преодолении цифрового разрыва. В меньшей степени они ориентированы на регулирование цифрового контента. Все государства поддерживают необходимость международного сотрудничества в области противодействия преступному использованию ИКТ в рамках специального комитета ГА ООН на основании уважения принципа государственного суверенитета. При этом Индия проявляет большую активность в области развития сотрудничества БРИКС в сфере ИКТ-безопасности по сравнению с Бразилией и ЮАР. Во всех странах-участницах БРИКС можно отметить растущее внимание к вопросам обеспечения безопасности данных.

Россия и Китай определяют направление многосторонней дискуссии внутри БРИКС по исследуемому вопросу. На глобальном уровне в рамках ООН именно Россия продвигает проблематику международной информационной безопасности, в то время как Китай в большей степени ориентирован на вопросы развития цифровых технологий и поддержку проекта цифрового «Пояса и пути». Наибольшее соответствие позиции лидеров демонстрирует Индия, которая также склонна включать в проблематику кибербезопасности аспект регулирования оборота информации в цифровой среде и, что немаловажно, контроль над её содержанием. Бразилия и ЮАР не заявляют подобные задачи в числе приоритетных, они в большей степени ориентированы на проблему преодоления цифрового разрыва и наращивание потенциала в сфере цифровых технологий. Кроме того,

Россия и Китай существенно опережают партнёров в отношении постановки стратегических ориентиров и адаптации национального законодательства к меняющейся международной конъюнктуре.

БРИКС вносит существенный вклад в процесс формирования международного режима обеспечения кибербезопасности в части формулирования основных норм и принципов сотрудничества, которые поддерживают все страны в рамках ООН. Общность подходов государств БРИКС к формированию системы международной информационной безопасности особенно наглядно подтвердилась в ходе принятия 73-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН российских проектов резолюций «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», а также «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях». Таким образом, наибольшую эффективность взаимодействие в рамках БРИКС демонстрирует в области координации внешнеполитических курсов и поддержки инициатив на уровне ООН.

Ниже в табличной форме представлены результаты голосования и участия стран БРИКС в формировании международного режима ИКТ-безопасности (табл. 2). Данные в таблице демонстрируют высокую степень координации внешних политик государств в рамках ООН по вопросам формирования глобального режима ИКТ-безопасности. Вместе с тем в условиях нарастающей международной конфликтности принятие международных договоров в рамках ООН в настоящее время представляется маловероятным. В этом контексте представляется уместным сужение повестки БРИКС в исследуемой области.

Сужение повестки БРИКС в области ИКТ-безопасности до взаимоприемлемых тем для обсуждения, например до противодействия экстремизму и терроризму в сети во всех их проявлениях, будет способствовать углублению институционального сотрудничества в рамках объединения. Общим приоритетом также является про-

Таблица 2
**Результаты голосования по основным проектам и участие стран БРИКС
 в формировании международного режима ИКТ-безопасности**

	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Поддержка выработки всеобъемлющего договора по МИБ (в рамках инициированной Россией РГОС)	+	+	+	+	+
Поддержка выработки Конвенции по противодействию преступному использованию ИКТ	+	+	+	+	+
Наличие двусторонних договорённостей с Россией по МИБ	+	+	+	+	+
Поддержка резолюции России 2022 г. ГА ООН (о продлении мандата РГОС после 2025 года)	+	+	+	+	+
Поддержка резолюции Франции 2022 года (РоА)	+	–	+	–	+
Поддержка Парижского призыва, Декларации о будущем Интернета	–	–	–	–	–
Участие в Будапештской конвенции 2001 г.	+	–	–	–	+

Источник: составлено авторами.

тивоедействие ИКТ-преступности, однако сотрудничество на данном направлении весьма успешно реализуется на площадке ООН, поэтому углубление взаимодействия в БРИКС представляется нецелесообразным, поскольку может отвлечь ресурсы и внимание от ооновского процесса. Сохранение Россией и Китаем своих позиций относительно вопросов обеспечения ИКТ-безопасности, требующих обсуждения и принятия многосторонних решений в рамках БРИКС, позволит в будущем разрешить ряд вопросов прикладного характера, например наладить более широкий обмен информацией относительно противодействия распространению экстремистских материалов.

В рамках предстоящих председательств, в частности российского председательства БРИКС в 2024 году, целесообразным представляется направить переговоры в русло более детальной проработки вопросов, связанных с обеспечением международной информационной безопасности. Приоритетными могут стать вопросы о принципах сотрудничества и мерах доверия при определении источников ИКТ-угроз, о функционировании механизмов обеспечения доверия и верификации действий в ИКТ-пространстве. Важным пунктом также является определение согласованной позиции по

инициативе А. Гуттериша – принятие ООН Глобального цифрового договора, в рамках которого также предполагается перехват повестки инициированной Россией РГОС ООН. Следование данному подходу может облегчить дальнейшее продвижение согласованной позиции БРИКС в рамках более крупных площадок, в частности ООН.

В настоящий момент достаточно сложно со всей определённостью говорить о перспективах сближения позиций с новыми членами БРИКС по вопросам ИКТ-безопасности. Некоторые из них, например Аргентина и Саудовская Аравия, имеют опыт участия в многосторонних инициативах «Группы двадцати» вместе со странами–членами БРИКС, в то время как Египет, Иран, Эфиопия и ОАЭ не обладают подобными компетенциями. В то же время можно предположить, что Иран, в последние годы активно наращивающий собственный киберпотенциал [Хегатуров 2019], может выступить в поддержку подхода России и Китая, основанного на максимизации цифрового суверенитета государства. Перспективы дальнейшего сближения расширенного БРИКС по вопросам обеспечения ИКТ-безопасности будут во многом зависеть от эффективности согласования позиций в ходе предстоящего председательства России в БРИКС в 2024 году.

Список литературы

- Аппеев А.С. Терминология безопасности: кибербезопасность, информационная безопасность // Вопросы кибербезопасности. 2014. №5 (8). С. 39–42.
- Бойко С.М. Проблематика международной информационной безопасности на площадках ШОС и БРИКС // Международная жизнь. 2019. № 1. С. 1–22.
- Бойко С.М. Международная информационная безопасность: новые вызовы и угрозы // Международная жизнь. 2021. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://interaffairs.ru/author/material/2738> (дата обращения: 18.05.2023).
- Безкоровайный М.М., Татузов А.Л. Кибербезопасность — подходы к определению понятия // Вопросы кибербезопасности. 2014. №1 (2). С. 22–27.
- Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. №2. С. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
- Ванг А.С. Модель лидерства Китая в БРИКС // Вестник международных организаций. 2022. Т.17. № 2. С. 50–85. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-03
- Згоба А.И., Маркелов Д.В., Смирнов П.И. Кибербезопасность: угрозы, вызовы, решения // Вопросы кибербезопасности. 2014. №5 (8). С. 30–38.
- Зиновьева Е.С. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности: субъекты и тенденции эволюции: Дисс. ... д-ра полит. наук. МГИМО МИД России. М., 2019. 362 с.
- Зиновьева Е.С. Международная информационная безопасность в двусторонних отношениях России и США [Электронный ресурс]. Российский совет по международным делам. 2023. — Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnaya-informatsionnaya-bezopasnost-v-dvustoronnikh-otnosheniyakh-rossii-i-ssha/?sphrase_id=98721820 (дата обращения: 18.05.2023).
- Зиновьева Е.С., Мишишина Е.Е. Формирование универсальной терминологии в сфере МИБ: политические аспекты. Российский совет по международным делам. 2022. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/formirovanie-universalnoy-terminologii-v-sfere-mib-politicheskie-aspekty/> (дата обращения: 16.05.2023).
- Игнатов А.А. Цифровая экономика в БРИКС: Перспективы международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. №1. С. 31–62. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-02
- Игнатов А.А. Управление Интернетом в повестке БРИКС // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2. С. 86–109.
- Карпова Д.Н. Киберпреступность: глобальная проблема и её решение // Власть. 2014. №8. С. 46–50.
- Карцхия А.А. Кибербезопасность и интеллектуальная собственность. Ч. 1 // Вопросы кибербезопасности. 2014. №1 (2). С. 61–66.
- Кадулин В.Е., Ключкова Е.Н. Соотношение понятий «информационная безопасность» и «кибербезопасность» в современном правовом поле // Вопросы кибербезопасности. 2017. №2 (20). С. 7–10.
- Киберпространство БРИКС: правовое измерение / Под ред. Т.Я. Хабриева, Д. Руйпин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. 336 с.
- Кузнецов Д.А. Сетевая текстура мировой политики: трансрегионализм БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №11. С. 124–131.
- Куприянов А.В. Индия в эпоху кибервойн. Российский совет по международным делам. 2019. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-epokhu-kibervoyu/> (дата обращения: 04.08.2022).
- Крутских А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // Международные процессы. 2007. Т. 5. №1(13). С. 28–37.
- Крутских А.В. Международная информационная безопасность: в поисках консолидированных подходов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. №2. С. 342–351.
- Крутских А.В., Стрельцов А.А. Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2014. № 11. С. 20–34.
- Ларионова М.В., Игнатов А.А., Попова И.М., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Десять лет БРИКС: что дальше? М.: Дело; РАНХиГС, 2020. 73 с.
- Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Трансрегионализм — новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. 2019. №5. С. 71–84.

- Лесаж Д.* Текущая программа действий «Группы двадцати» в сфере налогообложения: исполнение обязательств, отчётность и легитимность // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. №4. С. 40–54.
- Малюк А.А., Полянская О.Ю.* Зарубежный опыт формирования в обществе культуры информационной безопасности // Безопасность информационных технологий. 2016. Т. 23. №4. С. 25–37.
- Массель Л.В., Воропай Н.И., Сендеров С.М., Массель А.Г.* Киберопасность как одна из стратегических угроз энергетической безопасности России // Вопросы кибербезопасности. 2016. №4 (17). С. 1–10.
- Михалевич Е.А.* Российско-китайское взаимодействие по обеспечению безопасности в киберпространстве в рамках БРИКС // Свободная мысль. 2017. №6 (1684). С. 155–160.
- Панова В.В.* Проблемы безопасности и перспективы саммита БРИКС в Уфе // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 2. С. 119–139.
- Перминов В.А.* Сектор информационно-коммуникационных технологий Бразилии: история, современное положение и тенденции развития // Экономические отношения. 2019. Т. 9. №3. С. 1519–1532.
- Ромашкина Н.П.* Проблема международной информационной безопасности в ООН // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №12. С. 25–32.
- Ромашкина Н.П., Задремайлова В.Г.* Эволюция политики КНР в области информационной безопасности // Путь к миру и безопасности. 2020. №1 (58) С. 122–138. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-122-138
- Стадник И.Т., Цветкова Н.А.* Место и роль стран Латинской Америки в системе международной и региональной кибербезопасности // Латинская Америка. 2021. №4. С. 69–84.
- Хегатуров А.* Кибермощь Ирана. Российский совет по международным делам. 2019. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/activity/digest/longreads/kibermoshch-irana/> (дата обращения: 19.12.2023).
- Чихачёв А.Ю.* Российско-французские отношения при президенте Эммануэле Макроне: достижения и противоречия // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2022. Т. 15. С. 86–104.
- Abdenur A.* Can BRICS Cooperate in International Security? // Вестник международных организаций. 2017. Т.12. № 3. С. 73–95.
- CyberBRICS: Cybersecurity Regulations in the BRICS Countries* / ed. by L. Belli. Springer Nature, 2021. 280 p.
- Fick N., Miscik J.* Confronting Reality in Cyberspace: Foreign Policy for a Fragmented Internet. Council on Foreign Relations. 2022. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cfr.org/task-force-report/confronting-reality-in-cyberspace> (дата обращения: 16.05.2023).
- Global Governance Program. Compliance Coding Manual for International Institutional Commitments.* 2020. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.g7.utoronto.ca/compliance/Compliance_Coding_Manual_2020.pdf (дата обращения: 11.09.2022).
- Hurel L.M., Lobato L.C.* Cyber security in Brazil: keeping silos or building bridges? // Routledge Companion to Global Cyber-security Strategy / ed. by S. N. Romaniuk, M. Manjikian. London: Routledge, 2020. 656 p.
- Krasner S.* Regimes and the limits of realism: Regimes as autonomous variables // International Organization. 1982. Vol. 36. No. 2. P. 497–510.
- Kirton J., Wang, A.X.* China's Complex Leadership in G20 and Global Governance: From Hangzhou 2016 to Kunming 2021 // Chinese Political Science Review. 2022. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41111-022-00213-9>
- Nye J.S.* The Regime Complex for Managing Global Cyber Activities. Global Commission on Internet Governance. 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cigionline.org/sites/default/files/gcig_paper_no1.pdf (дата обращения: 11.09.2022).
- Orji U.J.* The African Union Convention on Cybersecurity: A Regional Response Towards Cyber Stability? // Masaryk University Journal of Law and Technology. 2018. Vol. 12. No. 2. P. 91–130. DOI: <https://doi.org/10.5817/MUJLT2018-2-1>

THE ROLE OF BRICS IN THE INTERNATIONAL ICT SECURITY REGIME

ELENA ZINOVIEVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

ALEXANDER IGNATOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, 119571, Russia

Abstract

The ubiquitous implementation of information and communication technologies (ICTs) is giving rise to cross-border security threats that require joint international responses. Fragmentation and growing conflict in the global information space complicates international cooperation within the UN to form a comprehensive global information security regime. Western countries actively support the formation of a cyber security regime based on Western values and promoted as a general initiative of the international community without taking into account the position of developing countries. An alternative approach focused on securing digital sovereignty is being promoted by many non-Western negotiating platforms, among which the BRICS occupies an important place. This article aims to assess the potential of BRICS influence in the framework of the international ICT security regime and the main directions of the BRICS activities in this area. In this paper, the BRICS agenda in the field of ICT security is studied on the basis of official documents of the annual summits and the main commitment made by the BRICS. The discourse analysis of the strategic planning documents of the BRICS countries allows to identify their priorities in the area under consideration, and to assess the potential for the implementation of the achieved obligations at the BRICS level. All the BRICS countries focus on ensuring sovereignty in the field of ICT. However, Russia, India and China consider digital development and ICT security as the most important direction of state policy and international cooperation; at the same time, they are more advanced in the field of digital technologies compared to other countries of the five and, as a result, are more vulnerable. In turn, Brazil and South Africa do not consider this area as a priority, placing more emphasis on ICT development and being more interested in access to technology and bridging the digital divide. However, all five countries are interested in solving the problem of extremism and terrorism in the digital sphere, which is also a promising area for the BRICS multilateral cooperation. A study of the voting of the BRICS countries in the UN and an analysis of their participation in alternative initiatives in the field of forming a cyber security regime promoted by Western countries showed the high efficiency of BRICS as a negotiating platform - the main contribution is made by developing a common position on the norms and principles of the international information security regime and their support at the UN level. Thus, BRICS can make a constructive contribution to the formation of the norms and principles of the international ICT security regime based on the principles of respect for state sovereignty, internationalization of the Internet governance, and counteraction to the criminal use of ICTs. An important advantage of BRICS in this area is the possibility of aggregating the interests and positions of developing countries.

Keywords:

BRICS; discourse analysis; ICT security; digital economy; global governance

References

- Alpeev A.S. (2014). Terminologiya bezopasnosti: kiberbezopasnost', informacionnaja bezopasnost' [Terminology of Security: Cybersecurity, Information Security]. *Voprosy kiberbezopasnosti*. No. 5 (8). P. 39–42.

- Abdenur, A. (2017). Can BRICS Cooperate in International Security? *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij*. Vol. 12. No. 3. P. 73–95.
- Bezkorovajnyj M.M., Tatuzov A.L. (2014). Kiberbezopasnost' — podhody k opredeleniju ponjatija [Cybersecurity: Approaches to the Definition]. *Voprosy kiberbezopasnosti*. No. 1 (2). P. 22–27.
- Belli L. (ed.) (2021). *CyberBRICS: Cybersecurity Regulations in the BRICS Countries*. Cham: Springer Nature. 280 p.
- Bojko S.M. (2019). Problematika mezhdunarodnoj informatsionnoj bezopasnosti na ploshhadkakh ShOS i BRIKS [Problems of International Information Security at the SCO and BRICS Platforms] *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No.1. P. 1–22.
- Bojko S.M. (2022). *Mezhdunarodnaja informatsionnaja bezopasnost': novye vyzovy i ugrozy* [International Information Security: New Challenges and Threats]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2738> (accessed: 18.05.2023).
- Bukht R., Hiks R. (2018). Opredelenie, konceptsiya i izmerenie tsifrovoy jekonomiki [Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij*. Vol. 13. No.2. P. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
- Chikhachev A.Yu. (2022). Rossijsko-francuzskie otnoshenija pri prezidente Jemmanjujele Makrone: dostizhenija i protivorechija [Russia-France Relations During E. Macrons's Term: Achievements and Challenges]. *Vestnik SPbGU. Mezhdunarodnye otnoshenija*. Vol. 15. P. 86–104.
- Fick N., Miscik J. (2022). *Confronting Reality in Cyberspace: Foreign Policy for a Fragmented Internet*. URL: <https://www.cfr.org/task-force-report/confronting-reality-in-cyberspace> (accessed: 16.05.2023).
- Global Governance Program (2020). *Compliance Coding Manual for International Institutional Commitments*. URL: http://www.g7.utoronto.ca/compliance/Compliance_Coding_Manual_2020.pdf (accessed: 11.09.2022).
- Hurel L.M., Lobato L. C. (2020). Cyber security in Brazil: keeping silos or building bridges? In: Romaniuk S.N., Manjikian M. (eds.) *Routledge Companion to Global Cyber-security Strategy*. London, Routledge. 656 p.
- Ignatov A.A. (2020). Tsifrovaya jekonomika v BRIKS: Perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva [The Digital Economy of BRICS: Prospects for Multilateral Cooperation]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij*. Vol. 15. No.1. P. 31–62. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-02
- Ignatov A.A. (2022). Upravlenie Internetom v povestke BRIKS [The BRICS Agenda on the Internet Governance]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij*. Vol. 17. No 2. P. 86–109. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-04
- Kadulin V.E., Klochkova E.N. (2017). Sootnoshenie ponjatij "informacionnaya bezopasnost'" i "kiberbezopasnost'" v sovremennom pravovom pole [Correlation of Terms "Information Security" and "Cybersecurity" in Modern International Law]. *Voprosy kiberbezopasnosti*. No. 2 (20). P. 7–10.
- Karchija A.A. (2014). Kiberbezopasnost' i intellektual'naja sobstvennost'. Chast' 1 [Cybersecurity and Intellectual Property. Part 1]. *Voprosy kiberbezopasnosti*. No.1 (2). P. 61–66.
- Karpova D.N. (2014). Kiberprestupnost': global'naja problema i ee reshenie [Cybersecurity: Global Problem and Solution]. *Vlast'*. No. 8. P. 46–50.
- KHabrieva T.Ya, Rujpin D. (Eds.) (2017). *Kiberprostranstvo BRIKS: pravovoe izmerenie* [BRICS Cyberdomain: Legislative Framework]. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. 336 p.
- KHegaturov A. (2019). *Kibermoshh' Irana* [Iran's Cyberpower]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/digest/longreads/kibermoshch-irana/> (accessed: 19.12.2023).
- Kirton J., Wang A.X. (2022). China's Complex Leadership in G20 and Global Governance: From Hangzhou 2016 to Kunming 2021. *Chinese Political Science Review*. P. 331–380. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41111-022-00213-9>
- Krasner S. (1982). Regimes and the limits of realism: Regimes as autonomous variables. *International Organization*. Vol. 36 (2). P. 497–510.
- Krutsikh A.V. (2007). K politiko-pravovym osnovanijam global'noj informacionnoj bezopasnosti [On Political and Normative Foundations of Global Information Security]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 5. No. 1(13). P. 28–37.
- Krutsikh A.V. (2022). Mezhdunarodnaja informacionnaja bezopasnost': v poiskah konsolidirovannyh podhodov [International Information Security: In Search for Consolidated Approaches]. *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*. Vol. 22. No. 2. P. 342–351.
- Krutsikh A.V., Streltsov A.A. (2014). Mezhdunarodnoe pravo i problema obespechenija mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti [International Law and Issue of International Information Security Provision]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. No. 11. P. 20–34.

- Kupriyanov A.V. (2019). Indija v jepokhu kibervojn [India in Times of Cyberwars]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-epokhu-kibervojn/> (accessed: 04.08.2022).
- Kuznetsov D.A. (2020). Setevaja tekstura mirovoj politiki: transregionalizm BRIKS [Network Texture of World Politics: Transregionalism of BRICS]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 11. P. 124–131.
- Larionova M.V., Ignatov A.A., Popova I.M., Saharov A.G., Shelepov A.V. (2020). *Desjat' let BRIKS: chto dalshe?* [BRICS at Ten: The Way Forward]. M.: Delo, RANHiGS. 73 p.
- Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. (2019). Transregionalizm – novyj fenomen mirovoj politiki // Polis [Transregional Integration as a New Phenomenon of World Politics: Nature and Prospects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 71–84. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06
- Lesazh, D. (2014). Tekushhaja programma dejstvij «Gruppy dvadcati» v sfere nalogooblozhenija: ispolnenie objazatel'stv, otchetnost' i legitimnost' [The Current G20 Taxation Agenda: Compliance, Accountability and Legitimacy]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizatsij*. Vol. 9. No. 4. P. 40–54.
- Massel' L.V., Voropaj N.I., Senderov S.M., Massel' A.G. (2016). Kiberopasnost' kak odna iz strategicheskikh ugroz jenergeticheskoj bezopasnosti Rossii [Cybersecurity as One of Strategic Threats to Russia's Energy Security]. *Voprosy kiberbezopasnosti*. No. 4 (17). P. 1–10.
- Malyuk A.A., Polyanskaya O.Ju. (2016). Zarubezhnyj opyt formirovaniya v obshestve kul'tury informacionnoj bezopasnosti [Fostering Information Security Culture: International Experience]. *Bezopasnost' informacionnyh tehnologij*. Vol. 23. No. 4. P. 25–37.
- Mikhalevich E.A. (2017). Rossijsko-kitajskoe vzaimodejstvie po obespecheniju bezopasnosti v kiberprostranstve v ramkah BRIKS [Russia-China Cooperation in Cybersecurity Provision within BRICS]. *Svobodnaja mysl'*. No. 6 (1684). P. 155–160.
- Panova V.V. (2015). Problemy bezopasnosti i perspektivy sammita BRIKS v Ufe [The BRICS Security Agenda and Prospects for the BRICS Ufa Summit]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. Vol. 10. No. 2. P. 119–139.
- Perminov V.A. (2019). Sektor informacionno-kommunikacionnyh tehnologij Braziii: istorija, sovremennoe polozhenie i tendencii razvitiya [Information and Communication Technologies Sector in Brazil: History, Current State of Affairs, and Development Prospects]. *Jekonomicheskie otnosheniya*. Vol. 9. No. 3. P. 1519–1532.
- Romashkina N.P. (2020). Problema mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti v OON [International Information Security Issue at the UN]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No.12. P. 25–32.
- Romashkina N.P., Zadremajlova V.G. (2020). Jevoljutsija politiki KNR v oblasti informacionnoj bezopasnosti [China's Information Security Policy Evolution]. *Put' k miru i bezopasnosti*. No.1 (58). P. 122–138. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-122-138
- Stadnik I.T., Tsvetkova N.A. (2021). Mesto i rol' stran Latinskoj Ameriki v sisteme mezhdunarodnoj i regional'noj kiberbezopasnosti [Latin American Countries Position Within Regional and Global Cybersecurity Systems]. *Latinskaya Amerika*. No. 4. P. 69–84.
- Nye J.S. (2014). *The Regime Complex for Managing Global Cyber Activities*. URL: https://www.cigionline.org/sites/default/files/gcig_paper_no1.pdf (accessed: 11.09.2022).
- Orji U. J. (2018). The African Union Convention on Cybersecurity: A Regional Response Towards Cyber Stability? *Masaryk University Journal of Law and Technology*. Vol. 12. No. 2. P. 91–130. DOI: <https://doi.org/10.5817/MUJLT2018-2-1>
- Vang A.S. (2022). Model' liderstva Kitaja v BRIKS [China's Leadership in BRICS Governance]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizatsij*. Vol.17. No. 2. P. 50–85. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-03
- Zgoba A.I., Markelov D.V., Smirnov P.I. (2014). Kiberbezopasnost': ugrozy, vyzovy, reshenija [Cybersecurity: Threats, Challenges, Solutions]. *Voprosy kiberbezopasnosti*. No.5 (8). P. 30–38.
- Zinovieva E.S. (2019). *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo po obespecheniju informacionnoj bezopasnosti: subjekty i tendencii jevoljutsii*. [International Cooperation on Information Security Provision: Subjects and Evolution Tendencies] Diss. Na soiskanie uch.step. doktora nauk. M.: MGIMO. 362 p.
- Zinovieva E.S. (2023). *Mezhdunarodnaja informatsionnaja bezopasnost' v dvustoronnih otnosheniyakh Rossii i SShA* [International Information Security in Russia-USA Bilateral Relations]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnaja-informatsionnaja-bezopasnost-v-dvustoronnih-otnosheniyakh-rossii-i-ssha/?sphrase_id=98721820 (accessed: 18.05.2023).
- Zinovieva E.S., Mishishina E.E. (2022). *Formirovanie universal'noj terminologii v sfere MIB: politicheskie aspekty* [Formation of Universal Methodology in the Sphere of International Information Security: Political Aspects]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/formirovanie-universalnoy-terminologii-v-sfere-mib-politicheskie-aspekty/> (accessed: 16.05.2023).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДА МАЛЫХ ОТКРЫТЫХ ЭКОНОМИК К РАСШИРЕНИЯМ ЕВРОСОЮЗА

ОПЫТ НИДЕРЛАНДОВ

ЕГОР СЕРГЕЕВ

ИРИНА КИСЕЛЁВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматриваются особенности трансформации подхода малых открытых экономик к процессу расширения Европейского Союза. Этот вопрос представляет значительный научный интерес в контексте дискуссий середины 2020-х годов о потенциальном включении новых государств в состав ЕС и внутренних разногласиях в интеграционном объединении по данному поводу. В качестве объекта исследования выбраны Нидерланды как модельное государство, сыгравшее одну из ключевых ролей в развитии интеграционных процессов в Европе. Цель исследования – выявить логику эволюции подхода Нидерландов к разным волнам расширения ЕС. Для достижения этой цели на основе синтеза аналитических категорий малого государства и малой открытой экономики детально рассматриваются факторы, повлиявшие на позицию данных типов игроков в отношении каждого из расширений ЕС. Отдельное внимание уделено особенностям восточного расширения, обострившего хронические дисбалансы объединения и заложившего основу его структурных кризисов. В рамках исследования сделан вывод о когерентности подхода Нидерландов к процессу расширения ЕС. Малые открытые экономики поддерживают включение более развитых государств в состав объединения, что отвечает интересам торговых наций и способствует реализации стратегии коалиционности в европейской политике. При этом они занимают жёсткую позицию в отношении расширения на страны с неустойчивыми экономиками и нестабильными политическими институтами. Для голландского подхода к данному процессу характерны три модели: первая применима к развитым государствам Европы (Нидерланды поддерживали расширения до 1995 года), вторая – к странам, добившимся определённой устойчивости экономики (Гаага выразила опасения в отношении включения в ЕС большого количества государств ЦВЕ с переходной экономикой), третья – к потенциальным кандидатам на вступление (Нидерланды отрицают возможность включения ряда Балканских государств и Украины в состав ЕС в ближайшей перспективе). Таким образом, структурные кризисы в Европе, обострившиеся в результате восточного расширения, определили ужесточение позиции малых открытых экономик в отношении включения новых государств в состав ЕС.

Ключевые слова:

Нидерланды; Европейский Союз; восточные расширения ЕС; Центральная и Восточная Европа; малая открытая экономика

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-930 от 16.11.2020).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2023

Дата принятия к публикации: 22.12.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: sergeev-ea@yandex.ru

В начале 2020-х годов Европейский Союз столкнулся с кризисными событиями глобального порядка (энергетический кризис, рецессия в экономике, кризис солидарности и др.), но, как и в предыдущие циклы, экзогенные кризисы наслонились на внутренние институциональные и межстрановые дисбалансы. Один из таких хронических дисбалансов — разный вес и различный уровень конкурентоспособности государств—членов объединения. Восточное расширение после 2004 г. внесло вклад в углубление этого дисбаланса и поставило вопрос о том, было ли это расширение *“too much too soon”*¹ [Verheugen 2013]. В контексте активизировавшихся разговоров о возможном расширении Европейского Союза на новые государства [Lang, Bugar 2022], отразившихся даже в официальных заявлениях чиновников ЕС высшего уровня², научный интерес представляет изучение эволюции взглядов на необходимость расширения в отдельно взятых государствах—членах объединения. Изучение этой проблематики будет способствовать лучшему пониманию внешнеполитического процесса этих стран, а также прогнозированию возможной внутриполитической реакции на гипотетические перспективы дальнейшего расширения Союза.

Изучение подхода малых стран к процессу расширения ЕС представляет высокую значимость, поскольку после завершения «холодной войны» возникли объективные условия, позволившие подобным небольшим игрокам активизировать свою политику [Bauwens, Clesse, Knudsen 1996]. Тренд на регионализацию в первое пост-биполярное десятилетие позволил малым и средним державам укрепить свои позиции во взаимодействии с более крупными игроками [Байков 2012], сократить разрыв в уровне социально-экономического развития и внести свой вклад в урегулирование ряда конфликтов в различных регио-

нах мира [Байков 2017]. При этом малым и средним государствам часто приходится выступать в роли игроков, амортизирующих систему международных отношений, придающих ей гибкость в условиях интенсификации региональных процессов и усиления противоречий между региональными и великими державами [Кавешников 2008].

В качестве объекта для исследования выбраны Нидерланды как модельное государство. Значимость страны обусловлена тем, что, будучи малым государством [Kruizinga 2016], Нидерланды играли активную роль в развитии европейской интеграции, зачастую определяя вектор её движения [Maes, Verdun 2005], а также исторически выступали в роли посредника между великими державами [Voorhoeve 1979] в европейской системе международных отношений. При этом, будучи малой страной с точки зрения объективных физико-географических характеристик, по параметрам влияния, экономических ресурсов и потенциала «мягкой силы» Нидерланды соответствуют категории влиятельного и развитого малого государства [Voorhoeve 1979].

В рамках расширений ЕС после 1995 г. все присоединявшиеся государства, за исключением Польши, традиционно рассматривались в качестве малых держав [Thorhallsson, Wivel 2006] и малых открытых экономик. Развитие интеграционного проекта в Европе и появление новых конфигураций государств—членов привнесли дополнительные противоречия в отношения между большими и малыми державами, что было в значительной степени обусловлено растущим стремлением первых упрочить своё влияние в европейской политике [Gegout 2002] на фоне увеличения количества небольших государств в составе ЕС. Основная цель данного исследования — концептуализировать особенности трансформации подхода малых

¹ Имеется в виду, что ЕС предпринял слишком масштабное (по числу стран) и преждевременное расширение.

² Боррель призвал подготовить ЕС к вступлению в него 10 стран // РБК. 31.08.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/08/2023/64f0b8f79a79470bea828c16>

открытых экономик к включению новых членов в состав Европейского Союза на примере Нидерландов.

«Малая держава» и «малая открытая экономика»: концептуализация

Настоящее исследование предполагает сопряжение двух абстрактных аналитических категорий — малой державы и малой открытой экономики³. Первая традиционно рассматривается в рамках международных отношений и смежных научных областей, вторая представляет собой объект экономического анализа. При этом необходимость совмещения двух исследовательских понятий обусловлена комплексным и усложняющимся характером развивающихся в Европейском Союзе процессов [Schout, Kassim 2018].

В научном дискурсе выделяется множество разнородных подходов к определению малой державы, которые условно могут быть разделены на две группы: количественные и качественные. В основе первых лежат объективные социально-экономические показатели: низкая численность населения (ряд исследователей относит к малым государствам страны с населением менее 10–15 млн человек [Armstrong, Read 2000; Vital 1971]) и вооружённых сил, небольшая территория, незначительные размеры национальной экономики и др. В основе качественных критериев лежат оценки значимости роли страны в мировой политике и её возможностей влияния на глобальный миропорядок [Thorhallsson, Steinsson 2017]. В частности, нидерландский историк А. Ванденбосх отмечает, что одним из основополагающих критериев малых держав является их неспособность на равных условиях вести военные действия с великими державами [Vandenbosch 1964].

С точки зрения представителей структурного реализма, в частности К. Уолтца, активность малых держав в мировой поли-

тике сводится к выбору одной из двух стратегий: балансирования (между несколькими крупными игроками) или примыкания (к политике крупных агрессивных государств) [Waltz 1979]. Представители либерального направления утверждают, что с точки зрения функционального подхода в отдельных аспектах международной политики малые державы способны играть значимую роль [Новикова 2022]. Несмотря на существование различных трактовок роли малых стран в мировой политике, все они преимущественно исходят из детерминированности статуса рассматриваемых держав характеристиками международной среды [Elman 1995]. В то же время ряд важных внутриполитических и экономических аспектов, влияющих на формирование внешнеполитического курса страны, остаются вне фокуса исследований.

Под малыми открытыми экономиками традиционно подразумеваются хозяйственные субъекты, обладающие крайне незначительными ресурсами влияния на конъюнктуру мирового рынка, в которых процентная ставка определяется мировой ставкой процента [Fleming 1962]. В данном случае ставка рассматривается как экзогенная переменная и не может быть в полной мере использована в качестве инструмента макроэкономического регулирования [Mundell 1963]. В рамках настоящей статьи Нидерланды выступают модельным государством, представляя собой пример малой открытой экономики [Schettkat 1999; Комиссарова, Сергеев 2021], поскольку для страны, как и для других аналогичных хозяйственных субъектов, характерна высокая степень открытости экономики и активное участие в мировой торговле [Van der Heiden et al. 2021], ограниченность возможностей создания эффекта масштаба, значительная концентрация внутреннего производства, а также отраслевой и географической структуры экспорта [Snorrason 2012].

³ Понятия «малая держава» традиционно относится к области политических наук, «малая открытая экономика» — экономических. Малое государство и малая страна — абстрактные категории, в настоящей работе используемые в качестве равнозначных (термины употребляются синонимично), при этом на них экстраполируется синтез особенностей малой державы и малой открытой экономики.

Для анализа внешней политики малых держав авторы предлагают применить подход, синтезирующий традиционные методологические принципы с концепцией малой открытой экономики. Для последних характерна явно выраженная специализация в наиболее конкурентоспособных отраслях [Кавешников 2008; Романова 2014], которую они стараются поступательно развивать. Представляется, что во внешней политике малые державы также действуют селективно, на основе чётко выстроенной иерархии ценностей, приоритета экономических интересов над идеологическими, имиджевыми и политическими целями, что в совокупности обеспечивает общую когерентность внешнеполитического процесса.

В Европейском Союзе большинство государств-членов представляют собой малые открытые экономики. Следовательно, в контексте европейской политики представляет высокую значимость концептуализация поведенческих стратегий подобных игроков в процессе формирования определённых направлений деятельности ЕС. В европейской политике малых открытых экономик представляется возможным выделить несколько ключевых констант.

Во-первых, политический курс подобных игроков в ЕС отличается *высокой степенью избирательности*: ввиду ограниченности ресурсов малые страны, в отличие от более крупных, не способны принимать активное участие в выработке повестки дня на всех интеграционных треках [Thorhallsson, Wivel 2006]. В сфере внешней политики и политики безопасности отмечается относительно низкая активность малых держав, которые часто не включаются в *ad hoc* коалиции в процессе реализации конкретных мер [Duke 2001], в то время как на экономическом треке интеграции данные игроки традиционно выступают в роли локомотивов. Например, государства Бенилюкс относились к числу архитекторов валютного союза [Maes, Verdun 2005]. Ряд стран Северной Европы и других малых держав оказались в авангарде в области перехода к «зелёной экономике» [Liefferink, Andersen 1998]. Под избирательностью также можно

понимать *гибкость* позиции малых открытых экономик в отдельных вопросах, обусловленную необходимостью балансирования для защиты национальных интересов [Schout 2018].

Во-вторых, константой внешней политики малых открытых экономик в ЕС преимущественно выступает *приоритет экономических целей интеграции*. Практически все устремления малых держав относительно продвижения концепции «Единой Европы» были подчинены цели укрепления экономики [Schout, Kassim 2018]. Переход на единую валюту способствовал значительной интенсификации торговли между государствами-членами. При этом наиболее значительные показатели наблюдались во взаимной торговле географически близко расположенных экономик, в частности Британии, стран Северной Европы и Бенилюкс [De Jong 2011]. Высокая степень зависимости малых открытых экономик от участия в европейской интеграции проявляется не только в их экспортной и импортной ориентации на соседей, но и в активном участии во внутрирегиональных цепочках добавленной стоимости [Signa et al. 2022].

В-третьих, ввиду ограниченности объективных возможностей создания эффекта масштаба малые открытые экономики воспринимают участие в ЕС как *инструмент достижения мультипликационного эффекта* как в экономической, так и в политической сфере. Присоединение к единому европейскому рынку, участие в международных производственных процессах, сокращение издержек – факторы, способствующие расширению потенциала достижения эффекта масштаба в экономике [Henriksen et al. 2001]. Укрепление влияния в политической сфере посредством мультипликационного эффекта достигается преимущественно за счёт возможности объединения с другими малыми странами, действий в качестве посредника в процессе выработки общеевропейских решений [Bjurulf 2001], возможности продвижения собственной повестки посредством председательства в институтах ЕС [Edwards, Wiessala 2001; Кавешников 2008].

В-четвертых, вследствие этих особенностей политика малых открытых экономик в ЕС носит преимущественно *коалиционный характер*, что предполагает формирование *ad hoc* альянсов с различными государствами для продвижения конкретных предложений по широкому кругу вопросов [Dekker et al. 2019] (табл. 1). Стремление к расширению своего влияния за счёт формирования коалиций традиционно рассматривается в теории международных отношений в качестве одной из поведенческих стратегий, основанных на принципе секьюритизации. В институциональных реалиях ЕС подобный подход может трактоваться как намерение малых открытых экономик расширить своё влияние в условиях упрочения позиций стран-грандов [Mouritzen, Wivel 2005]. В случае Нидерландов объектом воздействия, как правило, выступает Германия, при этом блоки и стратегия формируются достаточно гибко и ситуативно, но при этом могут иметь и довольно устойчивый характер [Verdun 2022].

В-пятых, институционализм, один из ключевых принципов неолиберальной школы в международных отношениях, также представляет собой константу, характерную для поведенческих стратегий малых открытых экономик в ЕС, что подразумевает возможность получения преимуществ перед крупными странами в процессе принятия решений (для малых открытых экономик более выгодны механизмы голосования простым большинством и единогласия, поскольку данные принципы фактически предполагают равную значимость всех членов ЕС и не учитывают численность населения стран) [Westlake, Galloway 2004]; опору на Европейскую комиссию и другие институты с целью защиты национальных интересов [Thorhallsson 2000]; упрочение своего влияния посредством председательства в Совете ЕС и Европейском совете [Bengtsson et al. 2004].

В-шестых, среди констант, определяющих внешнеполитическую стратегию рассматриваемых игроков, также можно выделить *лояльность*. При этом в отдельные

периоды развития Европейского Союза отмечалась различная степень выраженности данного признака. Если в эпоху «золотого века» европейской интеграции (конец 1950-х — начало 1970-х) прослеживалась строгая приверженность малых открытых экономик всем общеевропейским инициативам, то после институционального оформления ЕС и постепенного расширения числа членов сообщества в большей степени выразилось стремление данных игроков к прагматизму [Van Keulen 2006], а также балансированию и вариативности подходов в процессе выработки решений.

Малые открытые экономики в процессе формирования позиции по ключевым вопросам европейской политики следуют давно апробированной тактике, основанной на использовании различных комбинаций описанных констант (табл. 5). Вариативность наборов указанных констант в конкретных ситуациях определяется преимущественно экстернальными (не связанными непосредственно со страной) факторами, в частности особенностями и динамикой развития ЕС. В качестве дополнительной особенности подходов страны к расширениям можно отметить низкую степень эластичности формируемых вариаций констант в свете изменения внешнеэкономической конъюнктуры.

Рассмотренные константы формируют контуры стратегии малых открытых экономик в ЕС, которую можно условно именовать «прагматически конструктивной» [Schout 2018], что *de facto* означает разумное в понимании малой страны продвижение интеграции без экстремальных скачков в её углублении. Представляется, что подобную логику можно экстраполировать и на подход малых открытых экономик к расширению ЕС.

Ретроспектива расширений Европейских сообществ и ЕС

Во второй половине XX века во внешней политике Нидерландов сложились три ключевые константы: 1) приверженность трансатлантической линии в вопросах обороны и безопасности; 2) упор на развитие

наднациональных институтов в процессе европейской интеграции; 3) приоритет экономической интеграции над политической [Van Keulen 2006]. Центральное место процессов европейской интеграции во внешней политике страны обуславливает важность изучения её подхода к расширению Европейских сообществ, отразившегося как на иерархии приоритетов интеграции, так и на вопросах, связанных с процедурами голосования и принятия решений.

На протяжении послевоенных десятилетий Нидерланды являлись ключевым лоббистом расширения Европейских сообществ. В 1960-х — начале 1970-х годов в противовес позиции президента Франции Шарля де Голля, дважды блокировавшего британскую заявку на вступление в объединение, они поддерживали идею присоединения Британии к европейской интеграции. Данная позиция была обусловлена рядом обстоятельств.

В первую очередь, голландцам был близок британский подход к интеграции как к «большому рынку» [Schout, Kassim 2018]. Если ФРГ выдвинула проект федерализации, а Франция активно поддерживала путь межправительственного сотрудничества, то интересам Лондона соответствовала интенсификация исключительно экономического взаимодействия без усиления наднационального регулирования. В отдельных аспектах интеграции Нидерландам были близки и немецкий и французский подходы, но ускорение процесса формирования единого рынка в Европе оставалось приоритетом для малой открытой экономики [Schout, Kassim 2018]. К 1960-м — 1970-м годам между голландскими и британскими ТНК были установлены прочные связи [Государства... 2009: 456], что также способствовало формированию внутрорегиональных цепочек добавленной стоимости и обеспечивало расширение торгово-экономического взаимодействия между странами Европы.

Во-вторых, включение Британии, одного из крупнейших государств региона, в интеграционный процесс должно было обеспечить появление нового полюса в европейской политике и обеспечить защиту интере-

сов малых держав перед усилением влияния грандов (ФРГ и Франции). Присоединение Британии, Дании и Ирландии к европейской интеграции обеспечивало имплементацию коалиционного подхода во внешней политике малых открытых экономик: данное расширение позволило упрочить позиции Нидерландов в продвижении отдельных инициатив (см. табл. 1).

Расширения 1981 и 1986 годов были сопряжены со сложностями. Ряд членов Европейских сообществ проводили политику, направленную на оттягивание вступления Греции, Испании и Португалии. В частности, подобная линия была характерна для Франции и Нидерландов. Данная позиция обуславливалась двумя причинами. *Во-первых*, нестабильностью южно-европейской социально-экономической модели и молодых демократий. *Во-вторых*, европейские страны опасались конкуренции собственной продукции ряда отраслей с более дешёвыми товарами из Греции, Испании и Португалии [Emmert, Petrovic 2014: 70]. В то же время на позитивное отношение Нидерландов к южным расширениям повлияли торговые интересы королевства и стремление к ускорению формирования единого рынка в Европе [Schout 2018].

Более радушно европейские страны, в том числе и Нидерланды, встретили расширение ЕС 1995 года, в результате которого Австрия, Финляндия и Швеция стали членами Европейского Союза. Расширение 1995 г. стало самым лёгким в истории европейской интеграции — как для новичков, так и для руководящих органов ЕС [Буторина 2020: 340]. Поддержка Нидерландов была обусловлена тем, что к середине 1990-х годов в государствах-кандидатах сформировались сильные и достаточно стабильные социально-экономические модели, во многом схожие с голландской [Буторина 2020]. В результате их присоединение обеспечивало расширение единого европейского рынка без необходимости достижения конвергенции уровня развития национальных хозяйств.

Кроме того, государства Северной Европы выступали одними из важнейших тор-

Таблица 1

Коалиционный характер политики Нидерландов и других малых открытых экономик

Название	Характеристика	Состав
Функциональный тип коалиций		
Группа чистых доноров общего бюджета ЕС	Значительное превышение отчисляемых в ЕС средств над получаемыми из европейских фондов	Нидерланды, Германия, Швеция, Люксембург, Австрия, Великобритания
Скупая европейская четверка (Frugal Four)	Сторонники жёсткой фискальной дисциплины и проведения структурных экономических реформ	Нидерланды, Австрия, Финляндия, Дания (+ поддержка со стороны Германии)
Копенгагенская группа	Сторонники либерализации европейского рынка	Нидерланды, Финляндия, Швеция, Дания, Эстония, Литва, Чехия, Великобритания, Ирландия
Группа Северных стран	Формирование коалиции по широкому кругу вопросов	Нидерланды, Великобритания, Швеция, Дания, Финляндия, Германия и Эстония
Коалиция торговых наций	Приоритет развития единого рынка и интенсификации внутрирегиональной торговли	Нидерланды, Швеция, Великобритания, Финляндия, Дания, Германия, Чехия и Эстония
Коалиция продвижения сотрудничества в целях развития	Сторонники активизации содействия международному развитию	Нидерланды, Дания, Финляндия, Швеция, Великобритания
Группа сторонников реформ в законодательной сфере	Сторонники усовершенствования европейской нормативно-правовой базы	Великобритания, Швеция, Дания, Польша, Чехия, Словакия, Эстония, Латвия, Литва
Группа сторонников развития с/х политики	Группа стран с общим видением развития общей с/х политики	Нидерланды, Дания, Германия, Эстония, Швеция
«Богатая семёрка» (Affluent Seven)	Группа стран, обладающих значительным влиянием на формирование экономической повестки в ЕС. Страны с показателями ВНД на д.н. значительно выше средних по ЕС	Нидерланды, Австрия, Бельгия, Швеция, Дания, Финляндия, Люксембург
Коалиция по вопросам климатической политики	Группа стран с общим видением развития климатической политики ЕС	Испания, Португалия, Словения, Дания, Финляндия, Швеция, Нидерланды, Люксембург
Пространственно-темпоральный тип коалиций		
Союз Бенилюкс	Историческая, географическая и социально-экономическая близость трёх стран (начало формирования – межвоенный период)	Бельгия, Нидерланды, Люксембург
Группа государств–основателей Европейских сообществ	Группа стран–основателей Европейских сообществ (начало формирования – послевоенный период)	Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург
Новая Ганзейская лига	Более широкий формат скупой европейской четвёрки с Нидерландами в качестве одного из лидеров (начало формирования – после Брекзита)	Нидерланды, Дания, Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Ирландия

Источник: составлено авторами на основе [Dekker et al. 2019].

говых партнёров Нидерландов, что также соответствовало интересам малой открытой экономики [De Jong 2011] (табл. 2). Наконец, присоединение Австрии, Финляндии и Швеции к ЕС предоставило нидерландскому правительству возможности для формирования коалиций с данными государствами по широкому кругу вопросов, что способствовало мультипликации веса малой державы в составе интеграционного объединения [Van Keulen 2006] (см. табл. 1).

Таким образом, Нидерланды поддерживали первые волны расширения европейской интеграции, в результате которых к Европейским сообществам присоединились высокоразвитые экономики с современной для своего времени структурой хозяйства. При этом данный процесс дал импульс для дальнейшего качественного развития интеграции и не создал дополнительных сложностей по включению новых членов в состав сообществ.

Особенности восприятия восточного расширения в Нидерландах

Большинство европейских государств поддерживали расширение ЕС на Восток в середине 2000-х годов. Германия выступила в роли главного лоббиста данного процесса. Между тем Францию настораживало возможное усиление ФРГ в связи с тесными историческими и экономическими связями этой страны с регионом Центральной и Восточной Европы [Обичкина 2004]. Отношение Нидерландов, как и других малых открытых экономик, оказалось довольно противоречивым: официально королевство поддержало включение стран ЦВЕ в состав ЕС, но на общественном уровне этот шаг сталкивался с критикой [Rrustemi, Jovetic 2019]. Подобная дихотомия была обусловлена переплетением факторов.

С одной стороны, самое масштабное в истории расширение ЕС и, следовательно, рост единого рынка отвечали интересам малой открытой экономики (проявление принципа приоритета экономических интересов). По данным Центрального бюро статистики, объёмы торговли Нидер-

ландов со странами, вступившими в ЕС в 2004 и 2007 годах, резко возросли после их присоединения к сообществу (табл. 2): как импорт, так и экспорт товаров более чем удвоились в период 2004–2010 гг. Ключевыми торговыми партнёрами королевства в регионе стали Польша, Венгрия и Чехия [König et al. 2011].

Нидерланды также воспринимали новые государства—члены ЕС как потенциальных партнёров в рамках коалиций по отдельным узким вопросам (см. табл. 1), что расширяло поле для манёвра малой открытой экономики в условиях усложнения и диверсификации политики ЕС. Кроме того, Нидерланды поддерживали процесс параллельного включения государств ЦВЕ в состав ЕС и НАТО [Государства... 2009], что стало проявлением принципа избирательности-гибкости в европейской политике. Такой подход обеспечивал возможность более активного участия малых стран в развитии трека ОВПБ, а также укрепления безопасности ЕС.

С другой стороны, переходный характер экономик стран ЦВЕ и не до конца завершённый процесс конвергенции показателей их социально-экономического развития привели к обострению дисбалансов в рамках сообщества и создали сложности для формирования консолидированной позиции по ряду вопросов европейской интеграции [Van Keulen 2006]. Более того, последующие статистические данные показывали, что разрыв между «старыми» и «новыми» странами по базовым социально-экономическим показателям продолжал сохраняться (табл. 3), хотя и наблюдалось сокращение разрыва.

Одной из наиболее серьёзных проблем стал кризис на рынке труда в странах Западной Европы, связанный с притоком более дешёвой рабочей силы из государств ЦВЕ. По данным Центрального бюро статистики, в 2003 г. в Нидерландах проживало около 70 тыс. лиц—выходцев из новых государств-членов, а в 2010 г. их число возросло до 142 тысяч. При этом 56% из них родились на территории Польши [König et al. 2011: 6–7]. Только в течение первого года после

Таблица 2
Объемы экспорта Нидерландов в европейские государства, в млрд евро

	1950	1960	1970	1980	1990	1996	2000	2005	2010	2015	2021
Бельгия*	0,33	0,99	2,7	10	15,9	21,2	27,3	32,9	41,3	43,9	62,7
Франция	0,11	0,4	1,9	7	12,1	16,5	24,5	25,7	32,5	33,1	47,4
Германия	0,5	1,6	6,3	20	30	43,8	59,7	67	90,3	98,5	135,6
Италия	0,32	0,2	1	3,8	7,2	8,5	13,7	16,1	18,6	17,4	25,5
Люксембург*	0,33	0,99	2,7	10	15,9	21,2	0,7	1,1	1,4	1	1,6
Великобритания	0,4	0,8	1,4	5,3	11,1	14,4	25,1	25,9	29,7	36,5	38,1
Ирландия	—	—	—	—	—	1	1,8	2,8	2,8	3,4	6,59
Дания	—	—	—	—	—	2,6	3,5	4,3	4,7	5,7	7,9
Греция	—	—	—	—	—	1,3	2,1	2,3	2,5	2	3,06
Испания	—	—	—	—	—	4,2	7,6	10,9	12,6	12,2	18,5
Португалия	—	—	—	—	—	1,1	1,9	2	2,9	2,4	3,89
Швеция	—	—	—	—	—	3,4	5,3	5,8	6,6	7,8	12
Финляндия	—	—	—	—	—	1,3	2,3	3,2	3,9	4,3	5,26
Австрия	—	—	—	—	—	2,3	3,5	3,8	4,9	4,9	7,3
Кипр	—	—	—	—	—	—	—	0,2	0,39	0,33	0,7
Мальта	—	—	—	—	—	—	—	0,11	0,25	0,31	0,48
Польша	—	—	—	—	—	1,2	2,5	4	7,4	10	18,5
Чехия	—	—	—	—	—	0,6	1	3,4	5,3	6,7	8,36
Венгрия	—	—	—	—	—	0,4	1,2	2,4	2,3	3	6,37
Словакия	—	—	—	—	—	—	—	0,5	1,2	1,4	1,8
Латвия	—	—	—	—	—	—	—	0,24	0,3	0,46	0,9
Литва	—	—	—	—	—	—	—	0,38	0,57	0,74	1,6
Эстония	—	—	—	—	—	—	—	0,31	0,33	0,72	0,88
Словения	—	—	—	—	—	—	—	0,46	0,61	0,67	1,14
Болгария	—	—	—	—	—	—	—	—	0,48	0,9	1,67
Румыния	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5	2	3,28
Хорватия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,5	1
Всего с ЕС	—	—	—	—	—	121,8	179	216,2	275,7	302,5	—

* до 2000 г. данные для Бельгии и Люксембурга представлены суммарно.

Источник: составлено авторами на основе данных Centraal Bureau voor de Statistiek. URL: <https://opendata.cbs.nl/statline/#/CBS/en/dataset/84407ENG/table?ts=1705268985678> (дата обращения: 20.12.2023).

Таблица 3
ВВП (ППС) на душу населения, в % от среднего по ЕС-27

	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021
Новые страны-члены	62	65	70	70	71	72	74	77	79	80
Старые страны-члены	128	130	128	126	125	125	126	125	125	126
Нидерланды	138	140	143	137	135	133	129	129	130	130

Источник: составлено авторами по данным Евростата. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/PRC_PPP_IND_custom_6521562/default/table

Рисунок 1
Баланс вклада Нидерландов в общий бюджет ЕС в 2000–2020 годах, в млрд евро

Источник: составлено авторами по данным EU spending and revenue – Data 2000–2020. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/long-term-eu-budget/2014-2020/spending-and-revenue_en (accessed: 12.07.2023).

расширения поддержка этого процесса в нидерландском обществе упала на 15 п.п., а бытовательское представление о «дешёвой рабочей силе» стало одним из факторов, повлиявшим на негативный результат референдума по Европейской конституции в 2005 году [Dekker et al. 2007: 15–30].

Высокая дифференциация экономик государств–членов ЕС определила различия в иерархии их приоритетов, что, в свою очередь, обусловило сложности в процессе принятия решений (как по линии «старые»–«новые» участники объединения, так и по линии доноры–реципиенты его бюджета) и формирования малыми странами *ad hoc* коалиций. Например, в процессе выработки общих решений позиция Нидерландов часто расходилась с точкой зрения Польши и Чехии, что вынуждало страну выступать с критикой в отношении государств ЦВЕ и настаивать на необходимости следования этими государствами–членами праву ЕС⁴.

В результате восточных расширений также резко увеличилось количество реципиентов общего бюджета ЕС, что привело к усилению финансового бремени для Нидерландов и других малых открытых экономик (рис. 1). Общие цели экономической политики подобных игроков стали стимулом формирования в ЕС коалиции «скупых» стран, состоящей из 4 малых открытых экономик (Нидерланды, Финляндия, Швеция, Дания), отстаивающих неприемлемость ослабления фискальных норм в рамках объединения [Sørensen 2020] (см. табл. 1).

В результате столь масштабных расширений была пересмотрена система распределения голосов и процедура голосования в ряде европейских институтов. Данные изменения привели к снижению веса Нидерландов и других малых государств в составе ЕС [Hosli, Machover 2004], несмотря на то что с учётом совокупности голосов малых стран их значимость как группы возросла. В новых реалиях Нидерланды

⁴ Nederlandse regering en Kamer stellen zich hard op in rechtsstaatzuize // europa-nu.nl. 02.12.2020. [Electronic resource]. URL: https://www.europa-nu.nl/id/vle8r71412yt/nieuws/nederlandse_regering_en_kamer_stellen?ctx=vhsjd8w6pdvc&start_tab0=320&tab=0 (accessed: 02.07.2023).

Таблица 4
Численность населения Нидерландов и число голосов страны в Совете ЕС

1958–1972		1973–1980		1981–1985		1986–1994		1995–2003 (ЕС-15)		2004 (ЕС-25)	
население	голоса	население	голоса	население	голоса	население	голоса	население	голоса	население	голоса
11,5 млн	2	13,4 млн	5	14,5 млн	5	14,5 млн	5	15,2 млн	5	17 млн	13
6,7%	11,8%	5,2%	8,6%	5,3%	7,9%	4,5%	6,6%	4,1%	5,7%	3,3%	3,8%

Источник: составлено авторами на основе данных Centre virtuel de la connaissance sur l'Europe (CVCE). URL: https://www.cvce.eu/en/obj/evolution_of_qualified_majority_voting_in_the_council-en-091ecbcb-7f7d-4772-ac95-9c51b041a7ff.html (дата обращения: 20.12.2023).

выступали не одним из «отцов-основателей» интеграционного объединения, а лишь малой державой в составе ЕС-25 (с 2007 года – ЕС-27) [Steinmetz, Wivel 2016] (табл. 4). Это способствовало укреплению евроскептических настроений в голландском обществе и подогревало дискуссию о новом месте малых открытых экономик в европейской политике. Ослабление влияния подобных игроков обусловило ограничение возможностей для реализации принципа институционализма (опоры на европейские институты). Теперь европейские чиновники были вынуждены считаться с интересами большего числа стран, а частота председательства государств в Совете ЕС значительно упала [Bengtsson et al. 2004], что сужало возможности влияния малых открытых экономик на формирование повестки в ЕС.

Подход Нидерландов и ряда других европейских держав к включению стран ЦВЕ в состав ЕС не был идентичным по отношению ко всем государствам-кандидатам. Более радушно было встречено присоединение стран Балтии, что было обусловлено их бурным экономическим ростом в начале 2000-х годов (темпы прироста в этих государствах достигали 10–11%

в годовом исчислении), укреплением безопасности на границе с Россией и упрочением позиций ЕС в многополярном мире [Rrustemi, Jovetic 2019]. Кроме того, отмечался значительный успех государств Балтийского региона в обеспечении конвергенции показателей их социально-экономического и политического развития.

Присоединение Болгарии и Румынии в 2007 г. стало более сложным процессом, в значительной степени обусловленным вялыми темпами выполнения Копенгагенских критериев, что было связано со слабым развитием институтов, первоначально низкими показателями социально-экономического развития и кризисом элит, стремящихся к получению прибыли и тормозящих трансформацию [Noutcheva, Bechev 2008]. Нидерландская общественность выражала опасения в отношении потенциального включения этих стран в Шенгенскую зону, отсутствия верховенства права в государствах, возможного неконтролируемого въезда низкоквалифицированной рабочей силы из Болгарии и Румынии, вероятного массового приобретения румынского гражданства молдаванами⁵.

Кроме того, Румыния являлась второй по численности населения страной региона

⁵ Kalse E. "CDA-fractie tegen toetreding Roemenië en Bulgarije tot EU". NRC.nl. 2006. URL: <https://www.nrc.nl/nieuws/2006/01/21/cda-fractie-tegen-toetreding-roemenie-en-bulgarije-11072580-a799556> (accessed: 11.09.2023); Marini A. "The Netherlands Is Afraid of Low-Qualified Bulgarians" // Euinside.eu. 2014. URL: <http://www.euinside.eu/en/news/netherlands-seeking-a-solution-to-bulgarian-romanian-migration> (accessed: 15.12.2023).

ЦВЕ после Польши⁶, что обусловило превосходство страны по числу голосов в европейских институтах по сравнению со многими малыми открытыми экономиками. Низкие показатели социально-экономического развития Румынии и Болгарии⁷ способствовали усилению противоречий между донорами и реципиентами бюджета ЕС. Данные факторы также обусловили дихотомию в формировании позиции малых открытых экономик ко второму восточному расширению. Тем не менее согласие Нидерландов на данный шаг стало отражением реализации константы лояльности (стремление малой страны упрочить авторитет в ЕС и попытки избежать затягивания и усложнения процесса) и приоритета расширения экономического взаимодействия.

В вопросе присоединения к ЕС стран ЦВЕ с переходными экономиками позиция Нидерландов стала более строгой и избирательной. В данном контексте ключевым фактором, обеспечившим поддержку данного процесса со стороны малых открытых экономик, стали возможности расширения общего рынка и укрепление авторитета интеграционного объединения.

Включение государств Балканского полуострова в состав ЕС

После двух волн восточных расширений лидером на пути присоединения к Европейскому Союзу среди государств Балканского полуострова выступала Хорватия, получившая статус кандидата ещё

в 2004 году. К 2013 г. ей удалось выполнить необходимые критерии для вступления в ЕС. Первенство Хорватии среди государств субрегиона в процессе присоединения к ЕС обусловлено рядом обстоятельств. *Во-первых*, ей удалось быстрее и успешнее своих соседей пройти процесс конвергенции и достижения Копенгагенских критериев [Morari 2012]. *Во-вторых*, Хорватия являлась наиболее экономически устойчивым государством субрегиона, при этом выполняя роль связующего элемента между ЕС и другими странами Балканского полуострова. *В-третьих*, присоединение Хорватии к ЕС способствовало укреплению безопасности на южном фланге сообщества.

Следующими претендентами на вступление в состав ЕС стали Черногория, Сербия, Северная Македония, Албания, Босния и Герцеговина, Косово. Нидерланды в течение долгого времени оттягивали открытие переговоров о вступлении в интеграционное объединение Сербии. Они увязывали начало с урегулированием вопросов об ответственности виновных в преступлениях этнического характера времен распада Югославии⁸. При этом наиболее сложной проблемой для Нидерландов оставалась трагедия в Сребренице⁹. Также в течение длительного времени они выступали против начала переговоров о вступлении в ЕС Албании¹⁰. М. Рютте в 2019 г. утверждал: «Нидерланды не против расширения, Албания не готова к началу переговоров»¹¹. Приоритетное внимание голландский пре-

⁶ Население стран ЕС на 2007 г. (в млн чел.) в порядке убывания: Германия — 82,3; Франция — 63,6; Великобритания — 61,1; Италия — 58,2; Испания — 44,8; Польша — 38,1; Румыния — 21,1.

⁷ В 2007 г. показатели ВВП на душу населения в Румынии (€6190) и Болгарии (€4800) были самыми низкими по ЕС (в среднем — €26 230). И в настоящее время (данные за 2022 год) показатели Румынии (€10 080) и Болгарии (€7680) по-прежнему остаются самыми низкими в ЕС (средний показатель — €28 950).

⁸ Mladic arrest no guarantee of fast EU entry for Serbia // reuters.com. 27.05.2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-serbia-eu-idUKTRE74Q2LI20110527/> (accessed: 03.03.2022).

⁹ Трагедия в Сребренице (июль 1995 г.) — эпизод войны в Боснии, в ходе которого солдатами армии Республики Сербской (под командованием Ратко Младича) были убиты около 8000 боснийских мусульман. Суд Нидерландов возложил частичную ответственность за трагедию на нидерландских миротворцев, защищавших анклав Сребреницу, но не сумевших предотвратить насилие.

¹⁰ Zweers W. 'Strict — but Fair?': Dutch Approach to EU Enlargement. Balkaninsight.com. 2019. URL: <https://balkaninsight.com/2019/10/25/strict-but-fair-dutch-approach-to-eu-enlargement/> (accessed: 11.09.2023).

мьер уделял недостаточному уровню верховенства права в этой стране. В вопросах расширения сообщества Нидерланды действовали в соответствии с требованиями политики присоединения, оценивая каждую страну по её собственным достоинствам и внимательно наблюдая за выполнением установленных критериев [Zweers, Van Loon 2020].

В июле 2022 г. ЕС начал переговоры о вступлении с Албанией и Северной Македонией. Нидерланды не заблокировали данное решение, хотя в 2018 г. премьер-министр М. Рютте заявлял, что подобный шаг «ослабит весь Союз»¹². В 2019 г. они вместе с Францией и Данией выступили против начала переговоров с этими балканскими государствами. Изменение в голландской позиции определялось не внезапным и резким прогрессом Албании и Северной Македонии в достижении установленных критериев, а в первую очередь стремлением к укреплению авторитета и влияния Европейского Союза в условиях нарастания международной конфликтности. Трансформация нидерландского подхода также связана с личными амбициями и стремлениями М. Рютте к укреплению своего влияния в Европе (с учётом налаженного нидерландскими политиками социального лифта между национальными и наднациональными институтами), а также необходимостью упрочения безопасности в государствах Западных Балкан¹³.

Подход малых открытых экономик, в том числе Нидерландов, к включению стран Западных Балкан в ЕС остаётся *strict but fair* («жесткий, но справедливый»)

[Zweers 2023]. В данном вопросе проявилась константа избирательности-гибкости: для малых стран характерна пристальная оценка соответствия уровня развития стран-кандидатов требованиям, установленным ЕС. В случае реального и существенного прогресса в достижении целей малые открытые экономики готовы поддерживать вступление государств региона в ЕС, поскольку это не создаст угроз для функционирования европейской экономики [Zweers, Van Loon 2020]. Также принцип *strict but fair* стал проявлением константы лояльности. Несмотря на то что в отдельные периоды «балканского расширения» позиция Нидерландов не соответствовала решениям Европейской комиссии, окончательный вердикт страны в 2022 г. был во многом обусловлен стремлением поддержать авторитет ЕС и в целом соответствовал внешнеполитическому курсу объединения, направленному на укрепление влияния на континенте.

Украинский и турецкий вопросы в контексте расширения ЕС

В 2014 г. было подписано соглашение об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом, но ратификация документа затянулась, в том числе и в силу голландской позиции. В 2016 г. в Нидерландах был организован «Консультативный и корректирующий» референдум об утверждении Соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной [Осколков, Сергеев 2017], по итогам которого 61,49% респондентов проголосовали против ратификации (при явке в 32,28%)¹⁴.

¹¹ Rutte: We are not against EU enlargement, Albania is not ready to open negotiations. // europeanwesternbalkans.com. 10.12.2019. [Electronic resource]. URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2019/12/10/rutte-we-are-not-against-eu-enlargement-albania-is-not-ready-to-open-negotiations/> (accessed: 03.03.2022).

¹² De Telegraaf: 'Albanië en Noord-Macedonië welkom in EU'. // europa-nu.nl. 09.06.2022. [Electronic resource]. URL: https://www.europa-nu.nl/id/vltm68pjzyc/nieuws/de_telegraaf_albanie_en_noord_macedonie?ctx=vh9iemje6jx6&tab=0 (accessed: 02.09.2022).

¹³ Leeson S.S. Netherlands now backs EU bids of Albania, North Macedonia. // Euractive.com. 2022 URL: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/netherlands-now-backs-eu-bids-of-albania-north-macedonia/ (accessed: 11.09.2023).

¹⁴ Uitslag referendum Associatieovereenkomst met Oekraïne. // Kiesraad.nl. [Electronic resource]. URL: <https://www.kiesraad.nl/actueel/nieuws/2016/04/12/uitslag-referendum-associatieovereenkomst-met-oekraïne> (accessed: 03.03.2022).

Противники Соглашения об ассоциации и включения Украины в состав ЕС заявляли, что бывшая советская республика слишком нестабильна в политическом отношении, поскольку в стране ведётся гражданская война, власть не контролирует отдельные территории, а значительную часть политической элиты составляют коррумпированные олигархи¹⁵. Серьёзные опасения у населения вызывало экономическое состояние Украины¹⁶. Соглашение об ассоциации обеспечивало постепенную отмену визовых ограничений, что могло бы привести к всплеску миграционных потоков из Украины в страны Западной Европы. Кроме того, длительный судебный процесс и отсутствие конкретных результатов в процессе расследования катастрофы Боинга МН17 также укрепляли скепсис в отношении европейского будущего Украины.

Летом 2022 г. Украине был предоставлен статус страны-кандидата в члены ЕС, а в декабре 2023 г. Брюссель официально начал переговоры о вступлении Киева и Кишинёва в состав объединения. Данные решения носили исключительно демонстративный характер и были призваны символизировать сплочённость Европы в условиях обострения конфликтности в регионе. Несмотря на то что исполняющий обязанности премьер-министра Нидерландов Марк Рютте приветствовал открытие переговоров с Украиной и Молдавией, назвав это решение «приятной новостью»¹⁷, незадолго до его принятия он неоднократно

но подчёркивал, что «слишком поспешные расширения неразумны»¹⁸. Новый статус двух стран представлял собой формальность без каких-либо гарантий, поскольку страны не достигли соответствия критериям членства в ЕС.

Позиция Нидерландов в отношении включения в состав ЕС Турции также остаётся *strict but fair*. Хотя Гаага способствовала прогрессу в сближении Анкары и Брюсселя, реальный прогресс отсутствовал, поскольку Турция не соответствовала критериям в области развития демократических свобод и правового государства, проблема Северного Кипра оставалась неурегулированной, а в голландском обществе сохранялись опасения в отношении возможного распространения в Европе радикального исламизма¹⁹. Для Нидерландов проблема интеграции иммигрантов-мусульман, большинство из которых являются выходцами из Турции и Марокко, оставалась одной из наиболее острых с 2004 года, ознаменовавшего собой всплеск радикального исламизма [Berger 2023]. К середине 2020-х, однако, острота этой проблемы несколько смягчилась сокращением числа преступлений, совершённых выходцами из других стран (при этом наиболее часто они сами становились жертвами преступлений)²⁰.

Несмотря на общий строгий подход к потенциальным дальнейшим расширениям ЕС, Нидерланды на двусторонней основе оказывали помощь странам, претендую-

¹⁵ Associatie-overeenkomst EU-Oekraïne // europa-nu.nl. 30.07.2018. [Electronic resource]. URL: https://www.europa-nu.nl/id/vjeveyp2hkjv/associatie_overeenkomst_eu_oekraïne (accessed: 03.03.2022).

¹⁶ По данным МВФ, в 2021 г. страна обладала самым низким ВВП (ППС) на душу населения в Европе (14,3 тыс. долл. в текущих ценах).

¹⁷ Rutte: doorbraak op EU-top geweldig voor Oekraïne én Nederland // leidschdagblad.nl. 14.12.2023. [Electronic resource]. URL: https://www.leidschdagblad.nl/cnt/dmf20231214_70745341?utm_source=google&utm_medium=organic (accessed: 15.12.2023).

¹⁸ Rutte: 'Snelle uitbreiding EU onverstandig' // nos.nl. 05.12.2023. [Electronic resource]. URL: <https://nos.nl/artikel/2492965-rutte-snelle-uitbreiding-eu-onverstandig> (accessed: 15.12.2023).

¹⁹ The Dutch debate on Turkish accession. Beyond Enlargement Fatigue? European Stability Initiative. 2006. URL: https://www.esiweb.org/sites/default/files/reports/pdf/Beyond%20enlargement%20fatigue%20-%20Part%201%20-%2024%20April%202006_web.pdf (accessed: 15.12.2023).

²⁰ Hoe verschillen veiligheid en criminaliteit naar herkomst? [Electronic resource]. URL: <https://www.cbs.nl/nl-nl/dossier/dossier-asiel-migratie-en-integratie/hoe-verschillen-veiligheid-en-criminaliteit-naar-herkomst-> (accessed: 15.12.2023).

щим на присоединение к интеграционному объединению (участникам Восточного партнёрства, государствам Западных Балкан и Турции). В 2020–2024 годах в рамках программы «Матра»²¹ (Нидерландский фонд регионального партнёрства) ежегодно выделял 11,822 млн евро²² в целях содействия борьбе с коррупцией, укреплению демократии и верховенства права. В реализации данной программы Нидерланды демонстрировали приверженность принципу лояльности и стремились поддерживать имидж страны, активно участвующей в процессах содействия развитию.

Подход Нидерландов и других малых открытых экономик к потенциальным новым расширениям ЕС также оставался крайне прагматичным. В данном контексте ключевую роль играла константа избирательности-гибкости: королевство выступало против стремительного расширения сообщества без достижения необходимых критериев конвергенции. При этом в процессе оценки кандидатов важную роль играл приоритет экономических интересов: потенциальное участие новых стран рассматривалось в контексте выгод в рамках единого внутреннего рынка. На фоне обострения конфликтности в Европе прослеживалось возрастание значения лояльности: малые державы выражали готовность уступить позиции институтам ЕС и следовать в русле общеевропейской политики с целью демонстрации единства сообщества и укрепления его авторитета. В случае Нидерландов данный принцип проявился в смягчении подхода к украинскому вопросу.

Три модели нидерландского подхода к расширению ЕС

Проследив трансформацию позиции Нидерландов по вопросу расширения ЕС, можно констатировать, что их подход к дан-

ному процессу характеризовался последовательной сменой трёх моделей (табл. 5). Первая применима к странам Западной Европы, к числу которых относятся наиболее развитые государства, где сформированы схожие с нидерландской социально-экономические модели, большинство из которых также являются малыми открытыми экономиками. Вторая модель характеризуется упрочением прагматизма со стороны рассматриваемых игроков в процессе расширения ЕС и применима к странам, достигшим относительной экономической устойчивости. Третья модель связана с серьёзным скепсисом в отношении расширения и рисками для малой державы и всего ЕС, она применяется к потенциальным кандидатам в члены сообщества.

В ЕС подготовлена Белая книга, в которой изложены пять возможных сценариев дальнейшего развития объединения до 2025 года, однако вне зависимости от того, будет реализован один из них или нет, страны с малыми открытыми экономиками, в том числе Нидерланды, вероятно, продолжат следовать традиционным для себя парадигмам во внешней политике.

Для подхода Нидерландов и других малых открытых экономик к расширению ЕС характерны три модели. (1) В рамках первой (лояльной) в вопросе присоединения развитых государств Западной Европы, многие из которых также представляли собой модели малых открытых экономик, Нидерланды являлись одним из ключевых лоббистов расширения, что отвечало интересам торговой нации и соответствовало целям формирования, а в последующем и развития единого рынка. Некоторые опасения вызывало лишь потенциальное снижение влияния малого государства на

²¹ NFRP/Matra: Grants for strengthening democracy and the rule of law in Europe. // government.nl. [Electronic resource]. URL: <https://www.government.nl/topics/european-grants/dutch-fund-for-regional-partnerships-nfrp/nfrp-matra-grants-for-strengthening-democracy-and-the-rule-of-law-in-europe> (accessed: 15.12.2023).

²² Rijksbegroting 2022. V Buitenlandse Zaken. Artikel 2: Veiligheid en stabiliteit. Available at: <https://www.rijksfinancien.nl/memorie-van-toelichting/2022/OWB/V/onderdeel/1079063> (accessed: 15.12.2023).

Таблица 5
Три модели нидерландского подхода к расширению ЕС

Модель	Расширения	Аргументы за расширение	Аргументы против расширения	Проявление констант
Первая модель («Лояльность»)	1973 г. (Британия, Ирландия, Дания)	Расширение экономического сотрудничества, интенсификация торговли, укрепление связей между ТНК, создание противовеса странам-грандам	—	(2) Приоритет экономическим целям; (3) Мультипликативный эффект; (4) Коалиционность.
	1981 г. (Греция), 1986 г. (Испания, Португалия)	Расширение экономического сотрудничества, интенсификация торговли, укрепление демократических режимов	Конкуренция с более дешёвой продукцией стран Южной Европы, нестабильность молодых демократий	(2) Приоритет экономическим целям.
	1995 г. (Финляндия, Швеция, Австрия)	Расширение экономического сотрудничества, интенсификация торговли, формирование коалиций по широкому кругу вопросов, создание противовеса усиливавшимся крупным державам	Ослабление позиций малой державы в Европе, снижение влияния в европейских институтах	(2) Приоритет экономическим целям; (3) Мультипликативный эффект; (4) Коалиционность.
Вторая модель («Прагматичность»)	2004 г. (Кипр, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия и Словения)	Расширение экономического сотрудничества, интенсификация торговли и инвестиционных связей, включение бывших социалистических государств в Единую Европу, укрепление безопасности и авторитета ЕС, особые успехи Балтийских государств в процессе трансформации	Снижение влияния малой державы в европейских институтах, экономические дисбалансы в ЕС → истоки кризисов, неконтролируемая миграция, сложности в достижении консенсуса при выработке общих решений	(1) Избирательность; (2) Приоритет экономическим целям. Ослабление константы: (5) Институционализм.
	2007 г. (Румыния, Болгария)	Расширение экономического сотрудничества, интенсификация торговли и инвестиционных связей, включение бывших социалистических государств в Единую Европу, укрепление безопасности и авторитета ЕС	Вышеназванные + вялые темпы выполнения Копенгагенских критериев, слабое развитие институтов, «кризис элит», неконтролируемая миграция, сложности международного взаимодействия	(1) Избирательность; (2) Приоритет экономическим целям; (6) Лояльность. Ослабление константы: (5) Институционализм.
	2013 г. (Хорватия)	Вышеназванные + особые успехи Хорватии в процессе трансформации, укрепление безопасности на Балканах, расширение ЕС на страны бывшей Югославии	Конкуренция с более дешёвой продукцией, неконтролируемая миграция, экономические дисбалансы и др.	(1) Избирательность; (2) Приоритет экономическим целям; (6) Лояльность.

Окончание таблицы 5

Модель	Расширения	Аргументы за расширение	Аргументы против расширения	Проявление констант
Третья модель («Жёсткость и справедливость» – «strict but fair»)	Государства Западных Балкан	Вышеназванные + обеспечение безопасности на Балканах, расширение ЕС на страны бывшей Югославии, укрепление авторитета и влияния ЕС в условиях трансформации миропорядка	Вышеназванные + неурегулированность вопроса, связанного с военными преступлениями времен распада Югославии + низкий уровень социально-экономического, политического и демократического развития и др.	(1) Избирательность; (2) Приоритет экономическим целям; (5) Институционализм; (6) Лояльность
	Украина, Молдавия	Вышеназванные + продвижение европейской границы на восток, урегулирование Украинского кризиса, обеспечение безопасности в Европе, укрепление авторитета и влияния ЕС в условиях трансформации миропорядка	Вышеназванные + неурегулированность Украинского кризиса, вероятность обострения отношений с Россией, отсутствие результатов в расследовании катастрофы МН17 и др.	(1) Избирательность; (2) Приоритет экономическим целям; (6) Лояльность.
	Турция	Расширение экономического сотрудничества, интенсификация торговли и инвестиционных связей, выход ЕС к Ближнему Востоку	Вышеназванные + низкий уровень демократического развития в стране, отсутствие верховенства права и важных свобод у граждан, неурегулированность вопроса «Северного Кипра», угроза распространения радикального исламизма в Европе и др.	(1) Избирательность; (2) Приоритет экономическим целям; (6) Лояльность.

Источник: составлено авторами.

европейскую политику. В данной модели нашли отражение такие внешнеполитические принципы, как приоритет экономических интересов, достижение мультипликативного эффекта и коалиционность.

(2) Расширения ЕС на восток (прагматичная модель), в результате которых в состав сообщества вошли страны, добившиеся экономической устойчивости, было встречено с опасением. Традиционно доминирующие экономические интересы Нидерландов столкнулись с новыми структурными рисками: снижением влияния малых держав в ЕС, ростом неконтролируемой миграции, возникновением дисбалансов

в европейской экономике, усилением финансового бремени, сложностями в формировании консолидированной позиции и др. В данном случае особое значение имели принципы приоритета экономических интересов, избирательности (гибкости) и лояльности.

(3) В рамках дискуссии о потенциальном включении в состав ЕС Украины, Молдавии и государств Западных Балкан («жесткая, но справедливая» модель) превалируют аргументы против расширения: недостаточный уровень социально-экономического, политического и демократического развития, кризис элит, неурегулированность

конфликтных вопросов и др. В данном случае подход малых открытых экономик остаётся крайне прагматичным: страны ориентированы на дальнейшую интенсификацию взаимодействия с новыми государствами, но без существенных и преждевременных скачков в развитии интеграции. Как показывает пример Нидерландов, в вопросах расширения ЕС ведущими переменными политики малых открытых экономик становятся приоритет экономических интересов, избирательность и лояльность, которые образуют реперные точки, все же остальные константы применяются ситуативно. Существенным фактором в приоритизации именно данных констант является давление со стороны ЕС в условиях ограниченности ресурсов малых стран и пространства для манёвра в процессе выработки решений в рамках сообщества.

Можно выделить три ключевые группы факторов, влияющих на позицию малой

открытой экономики в отношении расширения ЕС: (1) непосредственные успехи кандидата в процессе выполнения установленных критериев и проведения преобразований; (2) эндогенные факторы социально-экономического или политического характера, связанные с особенностями развития малой открытой экономики или ЕС в целом; (3) особенности внешнеполитической конъюнктуры, влияющие на позицию интеграционного объединения.

Политический курс малых открытых экономик в отношении расширения ЕС характеризуется когерентностью и прагматичностью. Подобные игроки поддерживают включение развитых государств, при этом критикуя претендентов, способных создать новые сложности для сообщества. Восточное расширение, предопределившее генезис структурных кризисных явлений в ЕС, способствовало ужесточению подхода к данному процессу.

Список литературы

- Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
- Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (4). С. 38–53.
- Буторина О.В. Экономическая история евро. М.: Весь Мир: ИЕ РАН, 2020. 576 с.
- Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В.Я. Швейцера. М.: Весь Мир, 2009. 544 с.
- Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3 (18). С. 84–92.
- Комиссарова Ж.Н., Сергеев Е.А. Финансовая система стран Бенилюкс: общее и особенное // Мировое и национальное хозяйство. 2021. № 1 (54). 13 с.
- Новикова И.Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 3. С. 219–242.
- Обичкина Е.О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире: Монография / Е. О. Обичкина; МГИМО(У) МИД России. М.: МГИМО, 2004. 487 с.
- Осколков П.В., Сергеев Е.А. Нидерландская партийная система: между системой опор и европейской интеграцией // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т 10. №6. С. 155–168.
- Романова Л.А. Малые страны Европы: особенности конкурентоспособности // Научно-аналитический журнал «Обозреватель». 2014. №7 (294). С. 61–69.
- Armstrong H. W., Read R. Comparing the economic performance of dependent territories and sovereign microstates. // Economic Development and Cultural Change. 2000. Vol. 48. No. 2. P. 285–306.
- Bauwens W., Clesse A., Knudsen O. (ed) Small States and the Security Challenge in the New Europe. London: Brassey's, 1996. 247 p.
- Bengtsson R., Elgström O. and Tallberg J. 'Silencer or Amplifier? The European Union Presidency and the Nordic Countries' // Scandinavian Political Studies. 2004. Vol. 27. No. 3. P. 311–334.
- Berger M. The Year 2004: Historiographical Issues Concerning Islam in The Netherlands // Journal of Muslims in Europe. 2023. Vol. 12. No. 3. P. 303–324.
- Bjurulf B. How Did Sweden Manage the European Union? Bonn: Center for European Integration Studies. 2001. 35 p.
- De Jong J. De euro en de onderlinge handel in Europa. // De Nederlandse economie 2011. Centraal Bureau voor de Statistiek. 2011. P. 268–289.

- Dekker B. et al. 'Weinig empathisch, wel effectief': Percepties van Nederlandse belangenbehartiging in de Europese Unie. Clingendael. 2019. P. 39. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2019-04/Clingendael_Rapport%20_Percepties_van_Nederlandse_belangenbehartiging_in_de_EU.pdf (accessed: 12.07.2023).
- Dekker P. et al. Divers Europa. De Europese Unie in de publieke opinie & Verscheidenheid in cultuur, economie en beleid // Europese Verkenning. Bijlage bij de Staat van de Europese Unie. Centraal Planbureau. 2007. URL: <https://www.cpb.nl/sites/default/files/publicaties/download/bijz63.pdf> (accessed: 12.07.2023).
- Duke S.W. 'Small States and European Security' // Small States and Alliances / ed. by E. Reiter, H. Gärtner. Heidelberg: Physica-Verlag. 2001. P. 39–50.
- Edwards G., Wiessala G. Conscientious Resolve: the Portuguese Presidency of 2000 // Journal of Common Market Studies. 2001. Vol. 39. No. 1. P. 43–46.
- Elman M.F. The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard // British Journal of Political Science. 1995. Vol. 25. No. 2. P. 171–217.
- Emmert F., Petrovic S. The Past, Present and the Future of EU Enlargement // Fordham International Law Journal. 2014. Vol. 37. No. 5. P. 1349–1419.
- Fleming M. Domestic financial policies under fixed and floating exchange rates // IMF Staff Papers: journal. 1962. No. 9. P. 369–379.
- Gegout C. 'The Quint: Acknowledging the Existence of a Big Four—US Directoire at the Heart of the European Union's Foreign Policy Decision-Making Process' // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. No. 2. P. 331–344.
- Henriksen E., Steen F., Ulltveit-Moe K.H. Economies of Scale in European Manufacturing Revisited. CEPR Discussion paper No. 2896. 2001. 29 p.
- Hosli M., Machover M. 'The Nice Treaty and Voting Rules in the Council: a Reply to Moberg (2002)' // Journal of Common Market Studies. 2004. Vol. 42. No. 3. P. 497–521.
- König T., Geijtenbeek L., Graham J., Muller J. Uitbreiding van de Europese Unie 2004 en 2007. Cijfers over Nederland // Den Haag/Heerlen: Centraal Bureau voor de Statistiek. 2011. 46 p.
- Kruizinga S. A Small State? The Size of the Netherlands as a Focal Point in Foreign Policy Debates, 1900–1940. // Diplomacy & Statecraft. 2016. 27(3). P. 420–436.
- Lang K.-O., Buras P. Partnership for Enlargement: A New Way to Integrate Ukraine and the EU's Eastern Neighbourhood // ECFR Policy Briefs, 2022. URL: <https://ecfr.eu/wp-content/uploads/2022/06/Partnership-for-Enlargement-A-new-way-to-integrate-Ukraine-and-the-EUs-eastern-neighbourhood.pdf> (accessed: 11.09.2023).
- Liefferink D., Andersen M.S. 'Strategies of the "Green" Member States in EU Environmental Policy-Making' // Journal of European Public Policy. 1998. Vol. 5. No. 2. P. 254–270.
- Maes I., Verdun A. Small States and the Creation of EMU: Belgium and the Netherlands, Pace-Setters and Gate-Keepers // Journal of Common Market Studies. 2005. Vol. 43. No. 2. P. 327–348.
- Morari C. Western Balkan Countries On The Road Of European Integration: Results And Tendencies // CES Working Papers, Centre for European Studies, Alexandru Ioan Cuza University, 2012. Vol. 4(3a). P. 574–583.
- Mouritzen H., Wivel A. The Geopolitics of Euro-Atlantic Integration London: Routledge, 2005. 269 p.
- Mundell R. Capital mobility and stabilization policy under fixed and flexible exchange rates. // Canadian Journal of Economic and Political Science. 1963. Vol. 29. No. 4. P. 475–485.
- Noutcheva G., Bechev D. "The Successful Laggards: Bulgaria and Romania's Accession to the EU" // East European Politics and Societies. 2008. Vol. 22. No. 1. P. 114–144.
- Rrustemi A., Jovetic M. Policy Brief: The role of the Netherlands in EU Enlargement Processes: a Potential Staller to the EU's External Stability. The Hague Centre for Strategic Studies, 2019. 6 p.
- Schettkat R. Small economy Macroeconomics. The Economic Success of Ireland, Denmark, Austria and the Netherlands Compared // Intereconomics. 1999. No. 4. P. 159–170.
- Schout A. Deepening EU integration and the Netherlands' EU narrative. Clingendael. 2018. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2018-03/Paper_Deepening_EU_integration.pdf (accessed: 12.07.2023).
- Schout A., Kassim H. From European narrative to managing European expectations. Clingendael. 2018. URL: <https://www.clingendael.org/pub/2018/clingendael-state-of-the-union-2018/8-european-narratives-and-expectations/> (accessed: 12.07.2023).
- Signa S., Gunella V., Quaglietti L. Global value chains: measurement, trends and drivers. ECB Occasional Papers. 2022. No. 289. P. 11. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op289~95a0e7d24f.en.pdf> (accessed: 12.07.2023).
- Snorrason S. Asymmetric Economic Integration: Size Characteristics of Economies, Trade Costs and Welfare. Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. 36 p.

- Sørensen C.* How the frugal four could grow in number and influence. European Council on Foreign Relations. 07.09.2020. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_how_the_frugal_four_could_grow_in_number_and_influence/ (accessed: 12.07.2023).
- Steinmetz R., Wivel A.* Small states in Europe: challenges and opportunities. London: Routledge, 2016. 248 p.
- Thorhallsson B.* The Role of Small States in the European Union. Aldershot, England: Ashgate, 2000. 264 p.
- Thorhallsson B., Steinsson S.* Small State Foreign Policy // The Oxford Encyclopedia of Foreign Policy Analysis / ed. by C. G. Thies. Oxford University Press. 2017. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.484> (accessed: 20.09.2023).
- Thorhallsson B., Wivel A.* Small States in the European Union: What Do We Know and What Would We Like to Know? // Cambridge Review of International Affairs. 2006. Vol. 19. No. 4. P. 651–668.
- Van der Heiden M.* et al. Changing international landscape and the Dutch economy: trends, drivers and consequences. De Nederlandsche Bank, 2021. 87 p.
- Van Keulen M.* Going Europe or Going Dutch. How the Dutch Government shapes European Union Policy. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006. 264 p.
- Vandenbosch A.* The Small States in International Politics and Organization // The Journal of Politics. 1964. Vol. 26. № 2. P. 293–312.
- Verdun A.* The Greatest of the Small? The Netherlands, the New Hanseatic League and the Frugal Four // German Politics. 2022. Vol. 31. No. 2. P. 302–322.
- Verheugen G.* 'Enlargement Since 2000: Too Much Too Soon?' In: The Crisis of EU Enlargement. IDEAS Special Reports. 2013. URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/reports/LSE-IDEAS-Crisis-of-EU-Enlargement.pdf> (accessed: 15.12.2023).
- Vital D.* The Survival of Small States. Studies in Small/Great Power Conflict. Oxford, UK: Oxford University Press. 1971. 136 p.
- Voorhoeve J.J.C.* Peace, profits and principles: a study of Dutch foreign policy. The Hague, 1979. 378 p.
- Waltz K.* Theory of International Politics. Mass.: Addison-Wesley, 1979. 251 p.
- Westlake M., Galloway D.* The Council of the European Union. London: John Harper, 2004. 456 p.
- Zweers W.* Dutch Parliament Demands Geopolitical Alignment in EU Enlargement // Clingendael. 2023. Available at: <https://www.clingendael.org/publication/dutch-parliament-demands-geopolitical-alignment-eu-enlargement> (accessed: 12.07.2023).
- Zweers W., Van Loon I.* The Netherlands as a champion of EU enlargement? The Hague: Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2020. 10 p.

EU EASTERN ENLARGEMENT

A VIEW FROM A SMALL OPEN ECONOMY'S PERSPECTIVE

EGOR SERGEEV
IRINA KISELEVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article deals with the transformation of the small open economies' approach to the enlargement of the European Union. This issue is of particular scientific interest amid the ongoing discussions about the potential inclusion of new states in the EU and disagreements of the current EU members on this issue. The Netherlands was chosen as an object for the research, as it is a model state that played one of the pivotal roles in the development of integration in Europe. The purpose of the research is to identify the directions in which the Dutch approach to EU enlargements evolved. To achieve this goal, the factors that influenced small states' approach to each of the EU enlargements are examined in detail using a combination of the concepts of a small state and a small open economy. Also, special attention is paid to

the peculiarities of the eastern enlargement, which exacerbated the chronic imbalances in the union and laid the foundation for its structural crises. The research concluded that the Dutch approach to the EU enlargement is coherent: the small state supports the inclusion of more “developed” states in the union, which meets the interests of a trading nation, but takes a tough stance regarding accession of countries with unstable economies and fragile political institutions. The Dutch approach to this process consists of “three models”: the first is applicable to the developed countries (the Netherlands supported the EU enlargements until 1995), the second to countries that have achieved a certain stability of the economy (the Hague expressed concern about the inclusion of a large number of CEE countries with economies in transition), the third to potential candidates for accession (the Netherlands rejects the possibility of including a number of Balkan states and Ukraine in the EU in the near future). Thus, the structural crises in Europe, exacerbated by the eastern enlargement, led to a certain hardening of the small open economies’ stance on the inclusion of new states in the EU.

Keywords:

Netherlands; European Union; Eastern Enlargement; Central and Eastern Europe; small open economy

References

- Armstrong H.W., Read R. (2000). Comparing the economic performance of dependent territories and sovereign microstates. *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 48. No. 2. pp. 285–306.
- Bauwens W., Clesse A., Knudsen O. (eds) (1996). *Small States and the Security Challenge in the New Europe*. London: Brassey's. 247 p.
- Baykov A.A. (2012) *Sravnitel'naya integraciya. Praktika i modeli integracii v zarubezhnoj Evrope i Tihookeanskoj Azii* [Comparative Integration: Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific]. Moscow: Aspekt Press. 256 p.
- Baykov A.A. (2017) Ekonomicheskaya integraciya kak miropoliticheskoe yavlenie. Ocherk teorii i metodologii sravnitel'noj ocenki. [Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory And Methodology of Comparison]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. № 10 (4). P. 38–53.
- Bengtsson R., Elgström O. and Tallberg J. (2004). 'Silencer or Amplifier? The European Union Presidency and the Nordic Countries', *Scandinavian Political Studies*. Vol. 27. No. 3. P. 311–334.
- Berger M. (2023). The Year 2004: Historiographical Issues Concerning Islam in The Netherlands. *Journal of Muslims in Europe*. Vol. 12. No. 3. P. 303–324.
- Bjurulf B. (2001). *How Did Sweden Manage the European Union?* Bonn: Center for European Integration Studies. 35 p.
- Butorina O.V. (2020). *Ekonomicheskaya istoriya evro* [Economic History of Euro]. Moscow: Ves' Mir, IE RAN. 576 p.
- De Jong, J. (2011). *De euro en de onderlinge handel in Europa. De Nederlandse economie 2011*. Centraal Bureau voor de Statistiek. P. 268–289.
- Dekker B. et al. (2019). 'Weinig empathisch, wel effectief': Percepties van Nederlandse belangenbehartiging in de Europese Unie. *Clingendael*. P. 39. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2019-04/Clingendael_Rapport%20_Percepties_van_Nederlandse_belangenbehartiging_in_de_EU.pdf (accessed: 12.07.2023).
- Dekker P. et al. (2007). Divers Europa. De Europese Unie in de publieke opinie & Verscheidenheid in cultuur, economie en beleid. Europese Verkenning. Bijlage bij de Staat van de Europese Unie. *Centraal Planbureau*. URL: <https://www.cpb.nl/sites/default/files/publicaties/download/bijz63.pdf> (accessed: 12.07.2023).
- Duke S.W. (2001). Small States and European Security. In: Reiter E., Gärtner H. (eds) *Small States and Alliances*. Heidelberg: Physica-Verlag. P. 39–50.
- Edwards G., Wiessala G. (2001). 'Conscientious Resolve: the Portuguese Presidency of 2000'. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 39. No. 1. P. 43–46.
- Elman M.F. (1995). The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard. *British Journal of Political Science*. Vol. 25. No. 2. P. 171–217.
- Emmert F., Petrovic S. (2014) The Past, Present and the Future of EU Enlargement. *Fordham International Law Journal*. Vol. 37. No. 5. P. 1349–1419.
- Fleming M. (1962). Domestic financial policies under fixed and floating exchange rates. *IMF Staff Papers: journal*. No. 9. P. 369–379.
- Gegout C. (2002). The Quint: Acknowledging the Existence of a Big Four–US Directoire at the Heart of the European Union's Foreign Policy Decision-Making Process. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. No. 2. P. 331–344.

- Henriksen E., Steen F., Ulltveit-Moe K.H. (2001). *Economies of Scale in European Manufacturing Revisited*. CEPR Discussion paper No. 2896. 29 p.
- Hosli M., Machover M. (2004). The Nice Treaty and Voting Rules in the Council: a Reply to Moberg (2002). *Journal of Common Market Studies*. Vol. 42. No. 3. P. 497–521.
- Kaveshnikov N.Yu. (2008). Malye i vrednye? [Small And Harmful?] *Mezhdunarodnye processy*. 2008. Vol. 6. No. 3 (18). P. 84–92.
- Komissarova Zh.N., Sergeev E. A. (2021). Finansovaya sistema stran Benilyuks: obshhee i osobennoe [The Financial System of the Benelux Countries: General and Specific]. *Mirovye i natsional'noe khozyajstvo*. No. 1 (54). 13 p.
- König T., Geijtenbeek L., Graham J., Muller L. (2011). Uitbreiding van de Europese Unie 2004 en 2007. Cijfers over Nederland. *Den Haag/Heerlen: Centraal Bureau voor de Statistiek*. 46 p.
- Kruizinga S. (2016). A Small State? The Size of the Netherlands as a Focal Point in Foreign Policy Debates, 1900–1940. *Diplomacy & Statecraft*. Vol. 27. No. 3. P. 420–436.
- Lang K.-O., Buras P. (2022). *Partnership for Enlargement: A New Way to Integrate Ukraine and the EU's Eastern Neighbourhood*. ECFR Policy Briefs. URL: <https://ecfr.eu/wp-content/uploads/2022/06/Partnership-for-Enlargement-A-new-way-to-integrate-Ukraine-and-the-EU's-eastern-neighbourhood.pdf> (accessed: 11.09.2023).
- Liefferink D., Andersen M.S. (1998). Strategies of the “Green” Member States in EU Environmental Policy-Making. *Journal of European Public Policy*. Vol. 5. No. 2. P. 254–270.
- Maes I., Verdun A. (2005). Small States and the Creation of EMU: Belgium and the Netherlands, Pace-Setters and Gate-Keepers. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 43. No. 2. P. 327–348.
- Morari C. (2012). Western Balkan Countries On The Road Of European Integration: Results And Tendencies. *CES Working Papers, Centre for European Studies, Alexandru Ioan Cuza University*. Vol. 4(3a). P. 574–583.
- Mouritzen H., Wivel A. (2005). *The Geopolitics of Euro-Atlantic Integration*. London: Routledge. 269 p.
- Mundell R. (1963). Capital mobility and stabilization policy under fixed and flexible exchange rates. *Canadian Journal of Economic and Political Science: journal*. Vol. 29. No. 4. P. 475–485.
- Noutcheva G., Bechev D. (2008). The Successful Laggards: Bulgaria and Romania's Accession to the EU. *East European Politics and Societies*. Vol. 22. No. 1. P. 114–144.
- Novikova I.N. (2022). Malye strany v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: nekotorye teoreticheskie aspekty [Small States in International Relations: Some Theoretical Aspects]. *Vestnik SPbGU. Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 3 (15). P. 219–242.
- Obichkina E.O. (2004). *Frantsiya v poiskakh vneshnepoliticheskikh orientirov v postbipolyarnom mire* [France In Search Of Foreign Policy Guidelines In the Post-Bipolar World]. MGIMOMID Rossii. Moscow: MGIMO. 487 p.
- Oskolkov P.V., Sergeev E.A. (2017). Niderlandskaya partijnaya sistema: mezhdru sistemoy opor i evropejskoj integratsiej [The Dutch Party System: Between the Pillarization and European integration]. *Kontury global'nykh transformatsij*. No. 6 (10). P. 155–168.
- Romanova L.A. (2014). Malye strany Evropy: osobennosti konkurentosposobnosti [Small European States: Features of Competitiveness]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obzrevatel*. No. 7 (294). P. 61–69.
- Rustemi A., Jovetic M. (2019). *Policy Brief: The role of the Netherlands in EU Enlargement Processes: A Potential Staller to the EU's External Stability*. The Hague Centre for Strategic Studies. 6 p.
- Schettkat R. (1999). Small economy Macroeconomics. The Economic Success of Ireland, Denmark, Austria and the Netherlands Compared. *Intereconomics*. No. 4. P. 159–170.
- Schout A. (2018). *Deepening EU integration and the Netherlands' EU narrative*. Clingendael. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2018-03/Paper_Deepening_EU_integration.pdf (accessed: 12.07.2023).
- Schout A., Kassim H. (2018). *From European narrative to managing European expectations*. Clingendael. URL: <https://www.clingendael.org/pub/2018/clingendael-state-of-the-union-2018/8-european-narratives-and-expectations/> (accessed: 12.07.2023).
- Shvejcer V.Ya. (ed.) (2009). *Gosudarstva Al'pijskogo regiona i strany Benilyuks v menyayushheysya Evrope* [The States of the Alpine Region and the Benelux Countries In a Changing Europe]. Moscow: Ves' mir. 544 p.
- Signa S., Gunella V., Quaglietti L. (2022). *Global value chains: measurement, trends and drivers*. ECB Occasional Papers. No. 289. P. 11. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op289~95a0e7d24f.en.pdf> (accessed: 12.07.2023).
- Snorrason S. (2012). *Asymmetric Economic Integration: Size Characteristics of Economies, Trade Costs and Welfare*. Heidelberg: Springer-Verlag. 36 p.

- Sørensen C. (2020). *How the frugal four could grow in number and influence*. European Council on Foreign Relations. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_how_the_frugal_four_could_grow_in_number_and_influence/ (accessed: 12.07.2023).
- Steinmetz R., Wivel A. (eds.). (2016). *Small states in Europe: challenges and opportunities*. London: Routledge. 248 p.
- Thorhallsson B. (2000). *The Role of Small States in the European Union*. Aldershot, England: Ashgate. 264 p.
- Thorhallsson B., Steinsson S. (2017). Small State Foreign Policy. In: Thies C.G. (eds.) *The Oxford Encyclopedia of Foreign Policy Analysis*. Oxford: Oxford University Press. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.484> (accessed: 20.09.2023).
- Thorhallsson B., Wivel A. (2006). Small States in the European Union: What Do We Know and What Would We Like to Know? *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 19. No. 4. P. 651–668.
- Van der Heiden M. et al. (2021). *Changing international landscape and the Dutch economy: trends, drivers and consequences*. De Nederlandsche Bank. 87 p.
- Van Keulen M. (2006). *Going Europe or Going Dutch. How the Dutch Government shapes European Union Policy*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 264 p.
- Vandenbosch A. (1964). The Small States in International Politics and Organization. *The Journal of Politics*. Vol. 26. No. 2. P. 293–312.
- Verdun A. (2022). The Greatest of the Small? The Netherlands, the New Hanseatic League and the Frugal Four. *German Politics*. Vol. 31. No. 2. P. 302–322.
- Verheugen G. (2013). Enlargement Since 2000: Too Much Too Soon? In: *The Crisis of EU Enlargement* (IDEAS Special Reports). URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/reports/LSE-IDEAS-Crisis-of-EU-Enlargement.pdf> (accessed: 15.12.2023).
- Vital D. (1971). *The Survival of Small States. Studies in Small/Great Power Conflict*. Oxford, UK: Oxford University Press. 136 p.
- Voorhoeve J.J.C. (1979). *Peace, profits and principles: a study of Dutch foreign policy*. The Hague. 378 p.
- Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. Mass.: Addison-Wesley. 251 p.
- Westlake M., Galloway D. (2004). *The Council of the European Union*, 3rd edn. London: John Harper. 456 p.
- Zweers W. (2023). *Dutch Parliament Demands Geopolitical Alignment in EU Enlargement*. Clingendael. URL: <https://www.clingendael.org/publication/dutch-parliament-demands-geopolitical-alignment-eu-enlargement> (accessed: 12.07.2023).
- Zweers W., Van Loon I. (2020). *The Netherlands as a champion of EU enlargement?* The Hague: Netherlands Institute of International Relations Clingendael. 10 p.

IN SEARCH OF ANTAGONISTIC OTHER

TROUBLING THREATS AND NON-INTERVENTION

NIKITA NEKLYUDOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

This research underscores the complexities of constructing hegemonic narratives in the face of geopolitical dynamics surrounding military crises. Departing from conventional analyses focused on securitization theory, strategic narratives, or David Campbell's framework of identity construction in response to external perils, this study draws upon the concept of hegemonic practices as elucidated by Ernest Laclau and Chantal Mouffe. Through an exploration of how political actors employ discursive strategies to construct hegemony, the research centers on the Western political elites' efforts to establish political hegemony to rationalize military intervention in the Middle East. Utilizing the notion of the antagonistic Other, which posits two mutually constitutive Others where one is perceived as the source of violence against the other, representing civilians, this paper examines the political discourse surrounding two concurrent events in the Middle East: the conflicts in Syria and Libya. The analysis reveals that while the Western political class constructed a political hegemony around Libya by portraying Muammar Gaddafi and the victimized civilians as opposing Others, a similar narrative failed to materialize for Syria: Western powers encountered expected challenges in articulating a clear antagonistic Other, on account of the position of Russia and other countries representing non-Western political culture. Throughout the period of 2011–2014, Bashar al-Assad, despite his role as the Syrian president, was not consistently portrayed as the source of antagonism towards civilians.

Keywords:

hegemony; antagonism; discourse; Other; Libya; Syria

Referring to the West's hostility against Libya, Alex Bellamy argued [Bellamy 2011; Bellamy and Williams 2011] that the military operation represented a novel occurrence of

swift military intervention against a state's sovereignty. This event differed in significant respects: despite previous UN assertions regarding the necessity of safeguarding popula-

This paper is the result of years of revising the original text, finalized in the summer of 2020. The author extends gratitude to Ivan Fomin, Nikolai Silaev, Ted Hopf, Viacheslav Morozov, William Wohlforth, Andrei Sushentsov, Igor Istomin, Andrey Baykov, and many others for their invaluable feedback and the time they generously dedicated, even when I might have been a bit too insistent. Additionally, sincere thanks are offered to the anonymous reviewers from the Journal of International Relations and Development, International Theory, Millennium: Journal of International Studies, European Journal of International Relations, International Politics, and International Trends, whose comments significantly shaped this work over the years.

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 20-78-10159).

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2022

Дата принятия к публикации: 18.12.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

tions in Somalia¹, Rwanda², or Sudan³, the subsequent peacekeeping missions were not as impactful and were not carried out against the will of the ruling government. Various scholars have examined the factors contributing to the absence of intervention or delays in other contexts. For instance, the reluctance to engage in military intervention following the Libya campaign is evident in the case of Syria. The repercussions of such interventions were perceived as potentially more detrimental than the pre-intervention circumstances, a viewpoint reinforced by the firm political stance adopted by Russia and China, amplified by the outcomes of the Libyan operation. Furthermore, the United States' reluctance to undertake further military ventures played a significant role in the decision to refrain from intervention⁴.

While there exist various materialist explanations for circumstances that preclude military intervention (none of which will be debated in this paper), the focus of this article is on the political task of formulating a convincing case for intervention, as well as analyzing what makes such a case poorly constructed. The latter was depicted in Lee Seymour's paper as "b*****ting": creating a disconnect between the strong language leaders use during the crisis and the failure of these threats to achieve the desired diplomatic / military outcomes [Seymour 2014].

This article focuses on the political debates surrounding international violence and endeavors to mobilize political support for intervening in ongoing crises. Specifically, it examines Western communicative efforts aimed at con-

solidating power by unifying diverse interests under a shared political agenda of military aggression. By communicative efforts, we refer to the creation of a discursive hegemony designed to legitimize a military interference. The hegemonic practices of Western elites that justified intervention in Libya (2011) and Syria (2013)⁵ include creating a figure of antagonistic Other⁶: the Other (A) (Oppressor) and the Other-(B) (Oppressed) that go along in an antagonistic pair⁷. This article concludes that in February-March 2011 in Libya, Western political leaders effectively portrayed the crisis as necessitating a military response. Nonetheless, research on the Syrian crisis reveals that despite Western attempts to depict Al-Assad as a menacing figure, the space for the Other (A) in the Western political discourse remained void.

This paper is structured as follows: First, it provides a review of existing strategies for articulating hegemony, introducing the concept of the antagonistic 'Other' in political discourse. The second part of the paper offers a comprehensive description of the research design. Subsequently, the third section delves into the examination of the discourse surrounding the Libyan civil conflict and the Syrian crisis. This study incorporates an analysis of NATO leadership speeches and transcripts from United Nations Security Council meetings spanning from 2011 to 2014. To accomplish this, it utilizes both quantitative and discourse analysis methodologies, particularly employing Voyant Tools, a web instrument that is frequently [Black 2016] employed in such studies.

¹ S/PV.5083 // The United Nations Documents. 2004. URL: <https://undocs.org/en/S/PV.5083> (accessed: 28.12.2023).

² S/PV.3392 // The United Nations Documents. 1994. URL: <https://undocs.org/en/S/PV.3392> (accessed: 28.12.2023).

³ S/PV.4978 // The United Nations Documents. 2004. URL: <https://undocs.org/en/S/PV.4978> (accessed: 28.12.2023).

⁴ To see more on these arguments and their rebuttal: [Bellamy 2014; McHugh 2021; Nuruzzaman 2013; Thakur 2013].

⁵ A caveat. This paper does not attempt to construct alternative explanation for the failure of military intervention. In the case of Sudan [Seymour 2014], Rwanda [Piiparinen 2006] or Syria [McHugh 2021] the underlying reasons of these failures were different.

⁶ For insight into distinction between agonism and antagonism in Mouffe's writings see: [Tambakaki 2014].

⁷ The cases of the Libyan and Syrian conflicts have been selected primarily because the events in the two countries unfolded simultaneously, both were the source of a comparable number of victims within the period 2011–2014, but in one case there was no intervention. This allows me to conduct a comparative discourse analysis.

Introducing Antagonistic Other

Hegemony around the Other

This paper builds upon the discursive form of hegemony, omitting the classical “materialist” interpretations of this concept due to space constraints [Snidal 1985; Hopf 2013]. Laclau and Mouffe’s poststructuralist understanding of hegemony emphasizes the discursive nature of the social world, structured by articulatory practices that shape meanings and identities. Through this framework, the ruling political class constructs all aspects of reality, granting them discursive significance. Essentially, this approach challenges the division between discursive and non-discursive domains of society, leading poststructuralists to consider overemphasizing the materialist or ideational aspects of reality as a flawed epistemology.

Hegemony is built on drawing borders between the “inside”, where the Self articulates and maintains social order, and the “outside”, where the Other exists. In fact, hegemony functions as a historical underpinning of sovereignty [Morozov 2021], world order⁸, culture [Ostermann 2016], or political power [Holland and Fermor 2020]. Ernesto Laclau and Chantal Mouffe propose that hegemony cannot exist without establishing antagonistic relations with the referent point, which shapes the hegemonic order [Laclau and Mouffe 1985]. The emergence of antagonism leads to the formation of an identity with defined boundaries [Edkins 1999]. According to Laclau and Mouffe, a peasant is defined in relation to a landowner. When the landowner evicts the peasant, the peasant loses the attributes that differentiate them from the landowner and therefore ceases to be a peasant [Laclau and Mouffe 1985: 125]. Any negation expressed in the antagonistic logic cannot be brought to its logical conclusion – since the discourse is made up of conflicting and diverse elements, therefore, it can never be whole and complete: “there is no single underlying principle fixing – and hence constituting – the whole field of differences”⁹.

The literature on hegemony extensively emphasizes the complex nature of its ontological categories, often employing various analytical approaches. For example, Ty Solomon investigates the portrayal of Iraq’s policies as a security threat by the U.S. following the 9/11 attacks. This depiction involved equating the U.S. (“us”, “civilization”, “good”) with Iraq, which was characterized as “evil”. The term “evil” served as a central point in discussions related to “terrorism” and the “war”, and it was closely linked with terms such as “barbarism”, “terror”, “savagery”, and “murder” in official discourse [Solomon 2009: 277].

Eva Herschinger’s concept of equivalent hypostasis illustrates how terrorism and drugs are discursively connected to global adversaries. This connection creates an antagonistic boundary where drugs and drug trafficking are presented as threats to civilization, leading to a perceived need for a comprehensive battle against these perceived evils, referred to as “humanity’s war on drugs”, in order to ensure survival [Herschinger 2012: 80].

Chris Methmann examines discursive hegemony through the concept of empty signifiers. He views abstract terms like environmental protection or sustainable development as empty signifiers that evolve in meaning over time. This evolution helps to explain why fundamental aspects of the world economy, such as growth and free trade, persist without challenge despite conflicting with goals of environmental protection in the pursuit of climate protection [Methmann 2010: 369].

Thomassen explores Laclau’s idea of hegemonic articulation using the concept of heterogeneity. Heterogeneity introduces a dynamic between Self and Other that goes beyond their antagonism, remaining an essential aspect defining their antagonistic identities. Thomassen illustrates this with the example of the *lumpenproletariat*, emphasizing its role in revealing the limitations of how the proletariat and bourgeoisie relate to each other¹⁰.

⁸ Its either construction [Wojcowski 2018] or contestation [Aydin-Düzgit 2023].

⁹ Ibid: 111.

¹⁰ Ibid.

Hegemony around the Other-Other

Hegemony as a political tool, wielded by elites in power struggles, exhibits adaptability, as demonstrated in the literature review earlier. It takes on various forms such as equivalent relations, antagonism, and heterogeneity. This paper, conversely, employs a poststructuralist lens to analyze the case of military hostility, examining how hegemony is articulated in relation to the Other, delineating discursive boundaries of antagonism.

Here, antagonism becomes evident in the relationship between two components that make up the Other: the Oppressor Other (A) and the Oppressed Other (B). These facets of the Other still maintain an equivalence, being connected by their geographical location and political circumstances. Typically, the conceptual “dictator” governs the country and/or pursues the political goal of suppressing and/or assaulting the population. Meanwhile, the population either resides in the territory, flees from it, or suffers due to the dictator’s actions. The dictator is often held accountable for war crimes and/or for turning the domestic political situation into a humanitarian crisis. However, while this equivalence is upheld, these elements share a deeper interdependence: they mutually constitute each other and function as inseparable components of the Other, against which the Self constructs and consequently solidifies a hegemonic relationship.

One might question the appropriateness of introducing an additional discursive mechanism, such as antagonism between two facets of the Other, given that the Self already establishes an antagonistic boundary. However, my argument posits that the Other is susceptible to becoming an unstable entity, potentially escaping the hegemonic control exerted by the Self.

The clarity surrounding the attribution of atrocities, whether they are ascribed to a well-defined perpetrator or presented as targeting specific civilian groups, can become uncertain. In response, military intervention serves as the quintessential means of projecting political

authority. As noted by M. Finnemore, while the legitimate justifications for military interventions have evolved over centuries, the fundamental essence of exercising political authority over another government (rather than territory) has remained unchanged [Finnemore 2004: 10–11]. By employing the term “hegemony”, we depart from the premise that political authority must, at least temporarily, revolve around stable discursive features of the crisis, along with a consistent conception of the military target.

When the Other remains unformulated, the political class risks losing legitimate control over the holistic and stable discourse. This discursive permeability leads to attempts to establish parallel hegemonic orders around the same crisis, bypassing the existing political authority and neglecting the essential elements of a political discourse around international violence. It is the antagonism within the discursive figure of the Other, using the argument of Laclau and Mouffe [Laclau and Mouffe 1985: 124–27] that works as a “countervailing force” thereby establishing the relations between (A) and (B) that rationalize military hostility. Creating an antagonistic Other through discursive hegemony is a challenging political endeavor. In the following section, the paper explores several cases where the Western diplomats failed to establish a comprehensive discourse that legitimizes military hostility. For instance, in the face of widespread human rights abuses, domestic and intergovernmental debates may emerge, weighing democratic, peaceful change against social engineering facilitated through military measures [Hildebrandt 2013]. Similarly, when a genocide occurs in a distant country, crafting an interventionist discourse may prove challenging, as it might not directly relate to national security concerns [Maxey 2020].

International Threats and Non-Intervention

In this section, we delve deeper into cases that highlight the risks associated with the cases of failed attempts to construct hegemonic discourse¹¹. We exemplify this concern with

¹¹ An excellent piece challenging my argument though is Maria Leek and Viacheslav Morozov’s study on the European Union’s response to the events in Libya, where it is argued that the EU articulated an equivalence relationship between Libyans and Europeans. From their perspective, the delineation was

instances of crises in Rwanda and Sudan, where despite the presence of violence, military intervention was not pursued. In these case studies, we draw upon the research conducted by Lee Seymour [Seymour 2014] and Tendai Chari [Chari 2010], who examined the intricacies of constructing political discourses in both conflicts. We complement their findings by evaluating these articulations using transcripts of Security Council meetings from 1994 and 2004 (the year of escalating violence in Darfur).

Lee Seymour identifies several factors that hindered the U.S. mobilization to address the violence in Darfur. Specifically, U.S. attempts to label the situation as genocide [Seymour 2014, 580–85] were delayed and poorly executed, lacking the necessary persuasion to rally supporters around a common interpretation of events [Black and Williams 2009: 199; Hamilton 2011: 39]. Upon closer examination of the discussions within the UN Security Council, it becomes evident that U.S. diplomats failed to garner political support for their campaign, thereby struggling to construct an antagonistic Other around the unfolding genocide. U.S. diplomats asserted that the actions of the Sudanese government and its Janjaweed proxies had resulted in 30,000 deaths in Darfur since February 2003, causing over 1 million individuals to flee their homes, with approximately 200,000 crossing the border into Chad. They stated that the Sudanese Government “has done the unthinkable. It has fostered an armed attack on its own civilian population. It has created a humanitarian disaster”.

However, these statements faced challenges from representatives who did not frame the Sudanese government as (A), thereby struggling to establish an alternative articulation.

In the same discussion, the representative of the United Kingdom expressed a desire for collaboration and cooperation with the Government of Sudan on behalf of the “international community”. Additionally, the representative of Germany emphasized that the Government of Sudan “bears responsibility for ensuring the security” of the 1.5 million people at risk in Darfur and for facilitating the unhindered delivery of humanitarian aid. Other member states of the UN Security Council welcomed the Sudanese government’s implementation of the peace agreement and Security Council Resolution 1556 (2004).

The example of the Rwandan genocide suggests that in the context of competing hegemonic articulations, the Other (A) may not exist at all. In his study of media content related to the Rwandan genocide, Tendai Chari demonstrates that the international community has been influenced by Eurocentric stereotypes regarding Rwanda and Africa in general. These stereotypes include tribalism and age-old confrontations between the Tutsi and Hutu tribes, which led to offhand violence. However, the killings were actually planned and coordinated [Thompson 2007: 192].

An examination of discussions within the UN Security Council from January to December 1994 reveals that the figure of the antagonistic Other never received a comprehensive articulation in the political discourse of diplomats. Isolated attempts to construct the Other (A) remained disjointed. The ongoing “carnage and slaughter”¹² against “thousands of hopeless civilians”¹³ lacked a clearly defined perpetrator. Throughout the year, two attempts were made in the Security Council to identify such a source: Rwanda’s Foreign Minister Jérôme Bicomumpaka (himself subsequently accused

drawn between the Self and the Oppressor (A), hence, a clear-cut articulation of Libyans antagonizing the Oppressor in the article was not explicitly specified. Instead, the focus was on the debate regarding the EU’s self-repositioning vis-à-vis the unfolding crises. Morozov and Leek analyze the intra-EU discourse on the European “global” outlook, linking the Union discursively to those involved in the civil uprising, suggesting that “the streets of Cairo and Alexandria bring to mind Prague and Bucharest in 1989”. Consequently, the attack against Libyans was portrayed as equivalent to an attack against Europe and its values. The EU itself was depicted as the Oppressed (B). See further: [Leek and Morozov 2018].

¹² S/PV.3368 // The United Nations Documents. 1994. URL: <https://undocs.org/en/S/PV.3368> (accessed: 28.12.2023).

¹³ Ibid.

of complicity in genocide) attempted to blame the Rwandan Patriotic Front, but received no response from other Security Council members. Additionally, starting with Resolution RV.3400, most participants in the meetings raised concerns about the unacceptability of hate propaganda by Radio Colline Mille. However, it was not specified who was affected by this propaganda or *who* committed crimes against the Tutsi tribes.

Research Design

This paper's major focus is studying debates within NATO and the UN Security Council, exploring the competition among various hegemonic practices in advocating for a military intervention. Starting in 2011, Western political class centered his attention on the antagonistic Other, framing it as the "Gaddafi murderous regime" that had "brutalized" civilians "who had never thrown a single stone" and who were seeking freedom and democracy. This clear-cut portrayal of the bad guy oppressing the good ones became the persuasive narrative that facilitated intervention.

In contrast to the Libyan case, the discourse among Western diplomats regarding the Syrian crisis encountered opposing persuasive discursive practices, despite some efforts to depict Assad as an odious Other (A). This paper argues that the decision for non-intervention resulted from conflicting hegemonic struggles surrounding the appropriate international response to the unfolding crisis. Diplomatic representatives, notably from Russia and China, and also including Brazil, India, and South Africa, did not attribute Assad as the source of violence against the population, fundamentally disrupting the antagonism within the discursive Other and, therefore, challenging Western hegemonic practices. Importantly, this verbal strategy was not connected discursively to the "Libyan precedent", i.e., the disappointment with the aftermath of the Libyan operation [Bellamy 2014]. As a result, (A) and (B) were not engaged in antagonism as constituents of the Other. Violence in the Syrian crisis remained depersonalized, meaning that the notional (A) was not causing the suffering of (B). At various points between 2012 and

2014, Assad was depicted as Syria's legitimate leader with whom negotiations were deemed possible (although very difficult).

For this paper, a substantial corpus of texts encompassing statements made by NATO officials and texts from UN Security Council meetings between 2011 and 2014 was examined. For the «Libyan» discourse, a total of 490,588 words were processed, while for the «Syrian» discourse, a larger corpus of texts, including statements by NATO officials and texts from UN Security Council meetings from the same time period, totalling 1,123,000 words, was analyzed. The approach involved working with multiple texts to establish formalized categories around (A) and (B) by examining images within various narratives.

To develop these categories, we analyzed the discourses related to Syria and Libya, resulting in a glossary of keywords shaping the discourse on threats. These identified expressions served as the categories for further analysis in a larger sample of texts for each year. In defining antagonistic images, we simultaneously searched for synonymous words and determined their frequency. Recurring categories highlighted the predominance of specific images in the text, typically consisting of approximately 20 representative collocations per corpus. We used *Voyant Tools*, a web-based instrument commonly employed in social sciences for text analysis.

Libya: Antagonistic Other and Discursive Hegemony

The Libyan conflict stands out as a unique case in the history of military interventions. Never before had the UN Security Council officially adopted resolutions allowing other states, against the official position of the Libyan government, to launch a military operation aimed at protecting the population from the actions of the dictator [Luck 2011; Dunne and Gifkins 2011; Bellamy and Williams 2011]. During the entire UN discussion on this matter, countries such as the United States, France, Germany, Colombia, Lebanon, and Rwanda invoked the R2P (Responsibility to Protect) principle, while other states, including Russia and China, voiced concerns over the

actions of the Libyan government [Tang Abomo 2019].

In February 2011, the situation in Libya escalated swiftly, resulting in a civil conflict. Between February 17 and 23, law enforcement authorities intervened to disperse rallies in various Libyan cities, including Tobruk, Bayda, Al Qubba, and Derna. During this period, several hundred protesters lost their lives¹⁴. Muammar Gaddafi, the then leader, made statements indicating his determination to address the unrest, expressing his intention to mobilize large numbers to restore order in the country¹⁵. It is challenging to pinpoint the exact moment when the hegemonic practices of Western political class began to focus on constructing the antagonistic Other. The texts under consideration consistently discredit the Libyan leader as a political actor endowed with agency in Libya's unfolding chaos¹⁶.

Between January and February, the overwhelming majority of texts rapidly shifted to portray Gaddafi as the antagonistic category (A) within the Other, labeling him as a “dictator” or a “brutal/murderous dictator”. In the total corpus of UN and NATO texts, the term “dictator*” (including variations like “dictato-

rial” and “dictatorship”) was mentioned 35 times. For example, one statement asserted, “If we are careful not to act too late, the Security Council will have the distinction of having ensured that in Libya law prevails over force, democracy over dictatorship, and freedom over oppression”¹⁷.

Western diplomats articulated discursive hegemony along two crucial lines. First, they portrayed Gaddafi's actions as intentionally aimed at exterminating the country's population. Phrases such as “colonel Gaddafi's forces are continuing to target the civilian population as we speak”¹⁸ and “Taking every measure possible to prevent Gaddafi's brutal and systematic attacks on his own people”¹⁹ were widely used to this end. NATO's actions were framed as intended solely “to stop the brutal campaign of violence by the Libyan regime against its own people”²⁰. While this interpretation of Gaddafi's actions frequently referenced various documents, including the 2005 World Summit, no direct charges of genocide against Muammar Gaddafi were found²¹.

Second, the discourse emphasized that Gaddafi did not respond to calls to cease his aggressive actions and had lost every legitimate

¹⁴ Libya: Security Forces Kill 84 Over Three Days // Human Rights Watch. 2011. URL: <https://www.hrw.org/news/2011/02/18/libya-security-forces-kill-84-over-three-days> (accessed: 28.12.2023).

¹⁵ Libya and War Powers // The US State Department. 2011. URL: [https://2009-2017.state.gov/s/ releases/remarks/167250.htm](https://2009-2017.state.gov/s//releases/remarks/167250.htm) (accessed: 28.12.2023).

¹⁶ With two noticeable exceptions. First, in early 2011, the NATO leadership stated, reiterating rather literally the “Sudanese” rhetoric: “The Libyan authorities have a responsibility to protect the population; they should fulfil the legitimate demands of the Libyan people; and allow a peaceful transition to democracy”. Cm.: Joint Press Briefing on Events Concerning Libya // NATO. 2011. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_72290.htm (accessed: 28.12.2023). Also, the same discourse occurred in the UN: “But the ultimate decision lies in the Gadhafi regime and their acceptance that democracy must take place, that it is not acceptable to use their military to harm their population and population centres”. Cm.: S/PV.6498 // The United Nations Documents. 2011. URL: <https://undocs.org/S/PV.6498> (accessed: 28.12.2023).

¹⁷ S/PV.6498 // The United Nations Documents. 2011. URL: <https://undocs.org/S/PV.6498> (accessed: 28.12.2023).

¹⁸ Joint Press Briefing on Events Concerning Libya // NATO. 2011. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_72290.htm (accessed: 28.12.2023).

¹⁹ Opening Remarks by NATO Secretary General // NATO. 2011. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_72418.htm (accessed: 28.12.2023).

²⁰ Briefing to the Security Council on the Situation in Libya // The United Nations. 2011. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2011-03-24/briefing-security-council-situation-libya> (accessed: 28.12.2023).

²¹ In the UN, “genocid*” was mentioned four times, exclusively within the above-described discourse on a legal regime that must protect people from genocide. The texts in the NATO archive contain 15 mentions of the “genocid*” category related exclusively to the genocide policy of the Serbian authorities against Kosovo.

right to govern the country. The international community was described as “outraged to see that in Libya, the Gaddafi regime continues to defy worldwide condemnation, with systematic attacks against its own people and a brutal disregard for fundamental rights”²². There were repeated statements asserting that Gaddafi should resign or leave his office, as “his regime has lost all legitimacy and can no longer be an interlocutor for us”. The corpus included 26 instances of word combinations, including phrases like “losses”, “lost all the”, “gamble with”, and “legitimacy”, in connection to Muammar Gaddafi.

The analysis of the corpus of texts reveals a clearly articulated second antagonistic category within the figure of the Other, denoted as (B), which represents Libyan civilians subjected to violence by the dictator. Western statements express sympathy for these civilians, noting that they suffered under “one of the world’s most brutal dictatorships”. The Libyan people are depicted as aspiring to democracy, with statements like, “Libyans are asking for democracy; they are asking for progress”²³. The verb “suffer*” appears 14 times in conjunction with “Libyan people”, “Libyans”, “Peoples of Libya”, as well as with terms related to Gaddafi’s regime such as “Libyan forces”, “pro-Qadhafi”, and “Qadhafi”. Similarly, the verb “kill*” is mentioned 15 times in connection with categories describing Gaddafi’s regime, including “Libyan forces”, “pro-Qadhafi”, and “Qadhafi”.

The discourse of Western diplomats portrays (A) and (B) as clearly antagonistic cate-

gories. On one hand, the image of (B) achieves its objectives exclusively through peaceful means, as they “did not throw a single stone”²⁴, while (A) is portrayed as having publicly “promised no mercy or pity”²⁵. On the other hand, (B) is depicted as striving solely for democracy, whereas (A) represents not just a dictatorship but also a broader group of “dictatorships” willing to suppress civil society in the Middle East, especially at a time when the “wind of change” was sweeping through the region²⁶. Western statements assert that “the people of the Middle East can now see clearly which nations have chosen to ignore their calls for democracy and instead prop up desperate, cruel dictators”²⁷. This framing reinforces the antagonism between (A) and (B).

At the same time, it is evident that the Self (NATO and Western diplomats) is distancing itself from (B), the Libyan civilians subjected to violence by the dictator. For instance, NATO significantly limits the scope of its objectives concerning (B). Throughout 2011, NATO’s discourse primarily repeated standard normative statements like, “What we need to ensure a long-term sustainable solution is a political process that responds to the legitimate demands of the Libyan people”²⁸ and “Any solution to the crisis must respond to the legitimate demands of the Libyan people for political reforms”²⁹. However, NATO did not set the objective of actively promoting democracy in Libya. An analysis of NATO’s articulation of its post-war role in Libya showed a shift from initial expectations of a “transition to democ-

²² Strengthening European Security // NATO. 2011. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_71564.htm (accessed: 28.12.2023).

²³ S/PV.6498 // The United Nations Documents. 2011. URL: <https://undocs.org/S/PV.6498> (accessed: 28.12.2023).

²⁴ Ibid.

²⁵ S/PV.6498 // The United Nations Documents. 2011. URL: <https://undocs.org/S/PV.6498> (accessed: 28.12.2023).

²⁶ Press Briefing by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen // NATO. n.d. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_71257.htm?selectedLocale=fr (accessed: 28.12.2023).

²⁷ S/PV.6627 // The United Nations Documents. 2011. URL: <https://undocs.org/S/PV.6627> (accessed: 28.12.2023).

²⁸ Can be found at: NATO Nations Commit to Ending Gadhafi Rule // VoA. 2011. URL: <https://www.voanews.com/a/nato-nations-commit-to-ending-gadhafi-rule-119852514/138003.html> (accessed: 28.12.2023).

²⁹ NATO in Libya // DW. 2011. URL: <https://www.dw.com/en/france-and-britain-say-nato-not-fulfilling-its-role-in-libya/a-14980521> (accessed: 28.12.2023).

racy” to a focus on “post-conflict stabilization”, where NATO’s role was minimized, with statements like, “When it comes to the post-conflict phase, I think it’s primarily a responsibility for the United Nations, helped by international organizations, to assist the new authorities in Libya”³⁰.

Additionally, NATO distanced itself from any associative relationship with (B) by narrowing its set of direct functions primarily to reinforce its self-identification as an effective mechanism for collective self-defence. For instance, NATO highlighted its effectiveness in “Operation Unified Protector” and emphasized its role in demonstrating resolve and resilience³¹.

As a result, the Self (NATO and Western diplomats) securitized the Other (the crisis in Libya), with the clear categorization of (A) and (B) as antagonistic categories within the Other indicating the international community’s discursive securitization of the unfolding crisis.

Syria: the unformulated Other

In contrast to the Libyan case, there was no military intervention violating Syria’s territorial sovereignty, despite the Syrian conflict resulting in significantly higher civilian casualties. An analysis of the Syrian discourse formulated by Western diplomats, primarily from the US and the UK throughout 2014, shows certain similarities with the Libyan one. In particular, there were attempts to depict the Assad regime in Syria as an odious Other (A). However, if we study the Syrian discourse from the beginning of the conflict, it becomes evident that discursive hegemony lacked a foundation in previous years. The portrayal of Assad as “odious” in 2014 was the result of years of fostering associative connections between the Syrian Presi-

dent and the international community. Within the context of the Security Council and NATO’s political discourse, Assad was initially portrayed as a legitimate leader responsible for his people’s security. This was evident in discussions within the UN Security Council, highlighting the absence of a distinct Other (A). In 2014, Western diplomats faced strong counter-hegemonic discourses, making it challenging to unambiguously define the antagonistic Other (A) responsible for significant oppressions, similar to the Libyan conflict.

In 2011–2013, the NATO corpus did not formulate Assad’s image as the antagonist category to (B). Instead of attempting to establish clear antagonistic relations between the Self and (A), Assad (remarkably, as well as in the “Sudanese discourse” of the international community) was portrayed as Syria’s president, who was called upon by the whole international community to help stabilize the country and comply with the legitimate demands of the Syrian people for political reorganization. The “Assad” category was mentioned 13 times, with the “President” category being mentioned six times out of those 13 as “President Assad”. Most frequently, NATO’s demands contained words like “address/accommodate” “legitimate aspirations/demands of Syrian people”³². Ten of the 19 cases of such terms being used in demands for reforms in Syria were directly addressed to the Syrian government, Damascus, or al-Assad. Nine contained abstract statements of fact, such as “I do believe that the only way forward in Syria is to [...] accommodate the legitimate aspirations of the Syrian people”³³. The NATO discourse also rather unequivocally stated the military alliance’s objectives, with 15 mentions of “intervene”,

³⁰ NATO 2020 – Shared Leadership for a Shared Future // NATO. 2012. URL: http://www-test.hq.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_85443.htm?selectedLocale=en (accessed: 28.12.2023).

³¹ Opening Remarks by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the North Atlantic Council Meeting in Foreign Ministers Session // NATO. 2011. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_81847.htm (accessed: 28.12.2023).

³² Doorstep Statement by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen // NATO. 2013. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_99866.htm (accessed: 28.12.2023).

³³ Press Conference by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen Following the First Meeting of Ministers of Defence // NATO. 2012. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_90575.htm (accessed: 28.12.2023).

13 of which were formulated in the context of having “no intention to intervene militarily”³⁴.

Furthermore, the associative link between the Self and Bashar al-Assad emerges due to the absence of distinct indications from both the Western and non-Western political communities to delegitimize al-Assad. For example, there were 18 mentions of the word “leave” in 2011–2013, while the word “power” was mentioned only once in the collocation “leave power” in reference to Muammar Gaddafi. The word “legitimacy” was mentioned five times, while the “lost” category came up once, in conjunction with the Turkish fighter being downed by the Syrian Air Defense Force. In UN documents from 2011, Bashar al-Assad was also represented as a Syrian political actor to whom demands for Syria’s political reform were addressed: “President Al-Assad’s Government needs to respond to the legitimate demands of the Syrian people with immediate and genuine reform, not brutal repression”³⁵, while violence in Syria remained impersonal, even though the Syrian government was certainly recognized as being responsible for its escalation (“We equally regret that the Syrian government has repeatedly failed to heed the many calls urging an end to the violence and the undertaking of a genuine, credible, and inclusive political process”³⁶.)

As indicated above, those debating the Syrian crisis at the Security Council were not able to clearly define the antagonistic Other (A) in relation to Other (B). For instance, in 2011, Russian diplomats stated that the humanitarian tragedy was not caused by the central

government: “Armed groups supported by smuggling and other illegal activities are providing supplies, taking over land, and killing and perpetrating atrocities against people who comply with the law-enforcement authorities”³⁷. This discursive counterhegemonic practice was successfully employed by Russian and Indian representatives in 2012³⁸. While not explicitly articulating (A), Russian diplomats resorted to similar discursive practices to those used by their European counterparts in 2014 regarding (B): “We convey our condolences to Mufti Ahmad Hassoon, who is well known in the East for his active efforts to lay the foundations for tolerance and international dialogue, in connection with the death of his 22-year-old son in a terrorist attack on Sunday”³⁹. There were descriptions of the suffering of Syrian civilians, with the hardships of war, extremist groups, etc., identified as the causes of their suffering: “The 2 million citizens of Aleppo, who suffer from terror imposed by extremist terrorist groups...”⁴⁰, “Since June, the crisis has intensified. The depth of suffering of the Syrian people is truly dreadful and worsening daily”⁴¹. However, in their counter-hegemonic discourse, non-Western diplomats in the Security Council vehemently divested al-Assad of his status as the antagonist of (B). There were 174 mentions of “suffer*” and not a single association with the actions of Bashar al-Assad. There were 228 mentions of “kill*” and only two associations with the “Assad” category as an actor (“Bashar Al-Assad [...] continues to kill his own people”⁴²), one association with the actions of the Free Syrian Army (“wit-

³⁴ NATO – Delivering Security in the 21st Century // NATO. 2012. URL: https://www.nato.int/cps/ru/nato/hq/opinions_88886.htm?selectedLocale=uk (accessed: 28.12.2023).

³⁵ S/PV.6524 // The United Nations Documents. 2011. URL: <https://undocs.org/S/PV.6524> (accessed: 28.12.2023).

³⁶ S/PV.6627 // The United Nations Documents. 2011. URL: <https://undocs.org/S/PV.6627> (accessed: 28.12.2023).

³⁷ Ibid.

³⁸ S/PV.6711 // The United Nations Documents. 2012. URL: <https://undocs.org/S/PV.6711> (accessed: 28.12.2023); S/PV.6810 // The United Nations Documents. 2012. URL: <https://undocs.org/S/PV.6810> (accessed: 28.12.2023).

³⁹ Ibid.

⁴⁰ S/PV.7000 // The United Nations Documents. 2013. URL: <http://surl.li/kkyr> (accessed: 28.12.2023).

⁴¹ S/PV.6917 // The United Nations Documents. 2013. URL: <https://undocs.org/S/PV.6917> (accessed: 28.12.2023).

⁴² Ibid.

nessed the kidnapping of a young girl by elements of the Free Syrian Army"⁴³), and 24 instances of an abstract association with the "Syria" category as a setting (for example, "In Syria, more than 100,000 people have been killed since the fighting began")⁴⁴.

Within the confines of the UN Security Council in 2012, discursive articulations also faced challenges in forming an antagonistic Other. As in the NATO discourse, Bashar al-Assad was presented as an actor in Syria's political affairs, although these connotations most frequently remained negative⁴⁵; there are 108 mentions of "Assad", 33 of which are connected with the "President" category ("We called on President Al-Assad to embark on a process of credible political reform")⁴⁶. The Syrian president's legitimacy is undeniably disputed; nevertheless, as has been pointed out before, these attempts are few compared to the "Libyan" discourse: since 2011–2014, the UN Security Council's discourse includes 63 mentions of the "legitimacy" category, while the association with the "lost" category as applied to Bashar al-Assad appears three times.

In 2014, the crisis escalated, leading to intensified Western diplomats' attempts to articulate discursive hegemony around the antagonistic Other. For instance, the severe humanitarian situation in Syria was exclusively attributed to the actions of the Syrian regime: "Today, as long as the Assad regime stays in Syria, the bloodshed, the tears-shed, and the massacre will continue"⁴⁷. However, even within the Western discourse, these were isolated incidents. For example, the NATO dis-

course represents Bashar al-Assad as the reason behind domestic political instability, which is described rather vaguely, "And today the Assad regime is the reason for this instability in Syria and in the region". In 2014, the NATO discourse featured only five mentions of the "Assad" word, three of them emphasized the connection of the governing regime with instability in Syria, and only one of these three directly mentioned mass killings, "And the Assad regime has killed more than 200,000 people. We're talking about mass killings. They have killed 200,000 people with different methods, with chemical weapons, with air bombardments, and with barrel bombs". It is important to note that all three categories were mentioned by Turkey's Minister of Foreign Affairs, not either British or American⁴⁸.

In 2014, within the UN Security Council, Western diplomats attempted to explicitly radicalize discourse more than in NATO's discussions. Indeed, an analysis of verbatim records of the UN 2014 sessions demonstrates a notably clearer categorization of Other (A), "Since then, Al-Assad has waged a brutal war against his own people. He is responsible for the biggest humanitarian crisis in the world and some of the worst human rights abuses in the world"⁴⁹. Bashar al-Assad emerges as a brutal dictator ("Syrian people who continue to suffer under Al-Assad's brutal regime")⁵⁰, a politician who intentionally blocks attempts to improve the humanitarian situation in Syria ("The Al-Assad regime has seized every opportunity to make it more, and not less, difficult to provide such crucial assistance to civilians in

⁴³ S/PV.6949 // The United Nations Documents. 2013. URL: <http://surl.li/kkyz> (accessed: 28.12.2023).

⁴⁴ S/PV.7019 // The United Nations Documents. 2013. URL: <https://undocs.org/S/PV.7019> (accessed: 28.12.2023).

⁴⁵ "It is a political crisis caused by the cruelty and callousness of the Al-Assad regime". Cm.: S/PV.6826 // The United Nations Documents. 2012. URL: <http://surl.li/kkze> (accessed: 28.12.2023).

⁴⁶ S/PV.6810 // The United Nations Documents. 2012. URL: <https://undocs.org/S/PV.6810> (accessed: 28.12.2023).

⁴⁷ Joint Press Point with the Minister of Foreign Affairs of Turkey, Mevlüt Çavuşoğlu and NATO Secretary General Jens Stoltenberg – Secretary General's Opening Remarks // NATO. 2014. URL: https://www.nato.int/cps/fr/natohq/opinions_113776.htm (accessed: 28.12.2023).

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ S/PV.7116 // The United Nations Documents. 2014. URL: <https://undocs.org/S/PV.7116> (accessed: 28.12.2023).

⁵⁰ S/PV.7180 // The United Nations Documents. 2014. URL: <https://undocs.org/S/PV.7180> (accessed: 28.12.2023).

dire need”)⁵¹, and a war criminal whose regime systematically kills the civilian population (“the victims of Al-Assad’s industrial killing machine”)⁵².

However, these instances were met with counter-hegemonic discourse. The “suffer*” category is featured 117 times, and only one is related to Bashar al-Assad in the above-given quote (see reference 94). Out of 1,049 mentions of “civilian*”, not a single one is related to al-Assad. Frequently, the UN “Syrian” discourse simply draws an abstract link between the suffering of the civilian population and the devastation of the military conflict, “The lack of consensus on Syria and the resulting inaction have been disastrous, and civilians have paid the price”⁵³. Violence that brutalizes Syrian citizens is principally depersonalized, “In Syria, civilians have been subjected to brutal violence for almost three years, and there appears to be no end in sight”⁵⁴. The sole example illustrating a vivid depiction of (B) interacting with al-Assad as (A) is a story the UN representative Samantha Power told at a UN Security Council meeting about the civil activist and victim of a chemical attack Qusai Zakarya, who had been invited to attend the UN Security Council meeting in person on May 22, 2014⁵⁵. The US representative elaborated on the chemical attack itself, the impact of the poisonous gas on Zakarya, and referred to him as a victim of al-Assad’s actions. This instance, however, is an exception from the overall structure of the 2014 Syrian discourse.

The discourse surrounding the Syrian crisis underscores the intricate process of constructing discursive hegemony in response to perceived threats. Within this context, the delineation between the figures of “dictator” and the “brutalized civilian” is not inherently polar-

ized but rather emerges as fluid signifiers with varied interpretations across different contexts. The portrayal of “Al-Assad” as a central political figure responsible for the sustained deterioration of the humanitarian situation prompts calls for political reform and the assertion of democratic principles.

Conclusion

Nations endowed with the capacity to sway the conduct of others, particularly amidst the tapestry of political discord, frequently find themselves ensconced within a perplexing position reminiscent of the archetypal protagonist in Maxim Gorky’s novel, who remains uncertain about whether a boy drowned while skating: “Yeah – but was there a boy, or maybe there wasn’t a boy?” The paper reveals the uneasy relationship between actual threats and the ability to articulate them as such. Drawing on existing approaches to threat construction, it proposes to examine the international community’s hegemonic practices around large-scale international violence through the concept of antagonistic Other. It introduces two figures of the Other, constituting each other so that the Other (A) is the source of violence against the Other (B). Examining the discourses of the international community through the concept of antagonistic Other shows that often the researcher is confronted with the void (A).

This is demonstrated by the Libyan and Syrian crises. The Libyan and Syrian crises reveal varying outcomes in the articulation of political hegemony. In Libya, Western diplomats, seeking to justify military intervention that ultimately worsened the humanitarian situation, were focused on the antagonistic relationship between (A) and (B). Gaddafi was depicted as a “dictator”, and his “militarized machine

⁵¹ S/PV.7216 // The United Nations Documents. 2014. URL: <https://undocs.org/S/PV.7216> (accessed: 28.12.2023).

⁵² S/PV.7180 // The United Nations Documents. 2014. URL: <https://undocs.org/S/PV.7180> (accessed: 28.12.2023).

⁵³ S/PV.7109 // The United Nations Documents. 2014. URL: <https://undocs.org/S/PV.7109> (accessed: 28.12.2023).

⁵⁴ Security Council Briefing on Protection of Civilians // The United Nations Documents. 2014. URL: <https://www.unocha.org/sites/unocha/files/dms/Documents/USG> (accessed: 28.12.2023).

⁵⁵ S/PV.7180 // The United Nations Documents. 2014. URL: <https://undocs.org/S/PV.7180> (accessed: 28.12.2023).

that wipes out opposing civilians". The civilians, in this narrative, "have embraced the winds of democratization and are fighting the regime through exclusively peaceful means". The Syrian crisis, by contrast, presents a complex narrative that includes negative aspects of humanitarian crisis with the absence of (A). Assad, unlike Gaddafi, is portrayed as a legitimate actor for negotiation. As the conflict escalates, the conflicting picture of what is happen-

ing becomes more articulated: for American and British diplomats, Assad's image draws closer to the semantics of Gaddafi's, while for Russia, Brazil, and South Africa, Assad remains consistent with how he was perceived in 2011–2012: as the president of the country with whom it is necessary to negotiate. Consequently, the victim of the conflict, (B), whose image is shared by all participants in the discussion, continues to suffer from rather depersonalized violence.

References

- Allan B.B., Vucetic S., Hopf T. (2018). The Distribution of Identity and the Future of International Order: China's Hegemonic Prospects. *International Organization*. Vol. 72. No. 4. P. 839–869.
- Aydın-Düzgüt S. (2023). Authoritarian middle powers and the liberal order: Turkey's contestation of the EU. *International Affairs*. Vol. 99. No. 6. P. 2319–2337.
- Balzacq T. (2005). The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context. *European Journal of International Relations*. Vol. 11. No. 2. P. 171–201.
- Bellamy A.J. (2011). Libya and the Responsibility to Protect: The Exception and the Norm. *Ethics & International Affairs*. Vol. 25. No. 3. P. 263–269.
- Bellamy A.J. (2014). From Tripoli to Damascus? Lesson Learning and the Implementation of the Responsibility to Protect. *International Politics*. Vol. 51. No. 1. P. 23–44.
- Bellamy A.J., Williams P.D. (2011). The New Politics of Protection? Côte d'Ivoire, Libya and the Responsibility to Protect. *International Affairs*. Vol. 87. No. 4. P. 825–850.
- Black D.R., Williams P.D. (2009). *The International Politics of Mass Atrocities: The Case of Darfur*. New York: Routledge.
- Black M.L. (2016). The World Wide Web as Complex Data Set: Expanding the Digital Humanities into the Twentieth Century and Beyond through Internet Research. *International Journal of Humanities and Arts Computing*. Vol. 10. No. 1. P. 95–109.
- Chari T. (2010). Representation or Misrepresentation? The New York Times's Framing of the 1994 Rwanda Genocide. *African Identities*. Vol. 8. No. 4. P. 333–349.
- Dunne T., Giffins J. (2011). Libya and the State of Intervention. *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 65. No. 5. P. 515–529.
- Edkins J. (1999). *Poststructuralism and International Relations: Bringing the Political Back In*. Boulder and London: Lynne Rienner.
- Hamilton R. (2011). *Fighting for Darfur: Public Action and the Struggle to Stop Genocide*. London: Palgrave Macmillan Ltd.
- Herschinger E. (2012). 'Hell Is the Other': Conceptualising Hegemony and Identity through Discourse Theory. *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 41. No. 1. P. 65–90.
- Hildebrandt T. et al. (2013). The Domestic Politics of Humanitarian Intervention: Public Opinion, Partisanship, and Ideology. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 9. P. 243–266.
- Holland J., Fermor B. (2021). The discursive hegemony of Trump's Jacksonian populism: Race, class, and gender in constructions and contestations of US national identity. *Politics*. Vol. 41. No. 1. P. 64–79.
- Hopf T. (2013). Common-Sense Constructivism and Hegemony in World Politics. *International Organization*. Vol. 67. No. 2. P. 317–354.
- Hopf T., Allan B.B. (2016). *Making Identity Count: Building a National Identity Database*. New York: Oxford Scholarship Online.
- Krivokhizh S., Soboleva E. (2023). Strategic Narratives in China's Bid for Discursive Hegemony. *International Organisations Research Journal*. Vol. 18. No. 2. P. 178–192.
- Laclau E. (1999). The Politics of Rhetoric. In *Material Events: Paul De Man and the Afterlife of Theory*, edited by T. Cohen, H. Miller, B. Cohen. Minneapolis: University of Minnesota. P. 229–253.
- Laclau E., Mouffe C. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
- Leek M., Morozov V. (2018). Identity beyond Othering: Crisis and the Politics of Decision in the EU's Involvement in Libya. *International Theory*. Vol. 10. No. 1. P. 122–152.
- Luck E.C. (2011). The Responsibility to Protect: The First Decade. *Global Responsibility to Protect*. Vol. 3. No. 4. P. 387–399.

- Maxey S. (2020). The Power of Humanitarian Narratives: A Domestic Coalition Theory of Justifications for Military Action. *Political Research Quarterl.* Vol. 73. No. 3. P. 680–695.
- McHugh K.A. (2021). *No More Iraqs: Analysing Use of Force Decisions during the Obama Administration.* Global Change, Peace and Security. P. 1–21.
- Methmann C.P. (2010). Climate Protection' as Empty Signifier: A Discourse Theoretical Perspective on Climate Mainstreaming in World Politics. *Millennium: Journal of International Studie.* Vol. 39. No. 2. P. 345–372.
- Morozov V. (2018). Global (Post)Structural Conditions. In *Routledge Handbook of Russian Foreign Policy.* Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge. P. 22–42.
- Morozov V. (2021). Uneven worlds of hegemony: Towards a discursive ontology of societal multiplicity. *International Relations.* Vol. 36. P. 83–103.
- Morris J. (2013). Libya and Syria: R2P and the Spectre of the Swinging Pendulum. *International Affairs.* Vol. 89. No. 5. P. 1265–1283.
- Nuruzzaman M. (2013). The 'Responsibility to Protect' Doctrine: Revived in Libya, Buried in Syria. *Insight Turkey.* Vol. 15. No. 2. P. 57–67.
- Ostermann F. (2016). The discursive construction of intervention: selves, democratic legacies, and Responsibility to Protect in French discourse on Libya. *European Security.* Vol. 25. No. 1. P. 72–91.
- Seymour L.J.M. (2014). Let's Bullshit! Arguing, Bargaining and Disassembling over Darfur. *European Journal of International Relations.* Vol. 20. No. 3. P. 571–595.
- Snidal D. (1985). The Limits of Hegemonic Stability Theory. *International Organization.* Vol. 39. No. 4. P. 579–614.
- Solomon T. (2009). Social Logics and Normalisation in the War on Terror. *Millennium: Journal of International Studies.* Vol. 38. No. 2. P. 269–294.
- Tambakaki P. (2014). The Tasks of Agonism and Agonism to the Task: Introducing 'Chantal Mouffe: Agonism and the Politics of Passion'. *Parallax.* Vol. 20. No. 2. P. 1–13.
- Tang Abomo P. (2019). The Responsibility to Protect: The History of a Growing Norm. In *R2P and the US Intervention in Libya.* Cham: Springer International Publishing. P. 7–38.
- Thakur R. (2013). R2P after Libya and Syria: Engaging Emerging Powers. *The Washington Quarterly.* Vol. 36. No. 2. P. 61–76.
- Thomassen L. (2019). Discourse and Heterogeneity. In *Discourse, Culture and Organization.* Cham: Springer International Publishing. P. 43–61.
- Thompson A., ed. (2007). *The Media and the Rwanda Genocide.* London: Pluto Press.
- Wojczewski T. (2018). Global power shifts and world order: the contestation of 'western' discursive hegemony. *Cambridge Review of International Affairs.* Vol. 31 No. 1. P. 33–52.

В ПОИСКАХ РАЗДЕЛЁННОГО ДРУГОГО

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ УГРОЗ И НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫЕ КРИЗИСЫ

НИКИТА НЕКЛЮДОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Исследование посвящено проблематике артикуляции международных угроз и вмешательства в международные кризисы. Оставляя за скобками традиционные подходы к исследованию конструирования угроз, как-то: секьюритизация, стратегические нарративы или конструирование идентичности по Дэвиду Кемпбеллу, автор обращается к теории дискурсивной гегемонии Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф. В постструктуралистском прочтении концепта «гегемония» Лакло и Муфф анализируют, как политические классы формулируют дискурс, легитимирующий

политическую власть. В центре внимания данного исследования — артикуляционные практики западного истеблишмента (политического и дипломатического) с целью сформировать гегемонию и тем самым оправдать военно-политическое вмешательство в сирийский и ливийский конфликты. Развивая имеющиеся подходы к интерпретации дискурсивной гегемонии, автор вводит понятие «разделённый Другой». В интерпретации автора «разделённый Другой» выступает формой дискурсивной гегемонии политического субъекта с целью легитимации военного вмешательства. «Разделённый Другой» представляет собой сцену насилия, в которой Другой-Диктатор осуществляет насилие над Другим-Гражданином. Объект исследования — дискуссии политиков и дипломатов в стенах Совета Безопасности ООН и пресс-центра НАТО на фоне развивающихся конфликтов в Сирии и Ливии. Исследование показывает, что накануне вмешательства НАТО в Ливийскую гражданскую войну (2011) западные дипломаты успешно артикулировали «разделённого Другого», тогда как в ходе обширных дискуссий в стенах Совета Безопасности ООН западным дипломатам не удалось артикулировать гегемонию.

Ключевые слова:

гегемония; антагонизм; Другой; Сирия; Ливия

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» *ВЫЗОВ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ?*

ДМИТРИЙ НОВИКОВ

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия

КИРИЛЛ ГОРЕНКИН

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Резюме

Выдвинутый в 2015 г. проект Большого Евразийского партнёрства стал одной из ключевых российских инициатив по построению широкого, охватывающего значительную часть континента, регионализма. Начало специальной военной операции на Украине и углубление российско-западной конфронтации породили значительные структурные изменения в мировой и региональной системах. Серьёзные коррективы они вносят и во внешнюю политику России, её объективные возможности и субъективное восприятие её инициатив. Цель настоящего исследования — определение перспектив концепции Большой Евразии в свете меняющихся международных реалий 2015–2022 годов. В его рамках был проведён обзор условий, в которых евразийский регионализм развивался в рассматриваемый период; прослежено развитие концепции Большой Евразии в российском официальном и экспертном дискурсе, показано, как происходило идейное наполнение выдвинутой инициативы, то, как кристаллизовалась изначально широко трактуемая концепция; рассмотрены достижения в реализации концепции, среди которых наиболее выделяется дискурсивная экспансия на различных международных площадках (среди них не только продвигаемый Россией ЕАЭС, но и саммиты ШОС, и Россия–АСЕАН); рассмотрены наиболее острые проблемы, с которыми концепция столкнулась в связи с усилением конфронтации с западными странами, а также произошедшую в этих условиях эволюцию концепции Большой Евразии и подхода внешнеполитического руководства Российской Федерации к её продвижению. Для выполнения целей данного исследования авторы опирались на анализ высказываний публичных лиц России и других государств на международных мероприятиях и в публицистике, аналитических статей в научных журналах и прессе, официальных документов международных организаций. Основной вывод исследования состоит в констатации неоднозначности положения, в котором оказалась концепция Большой Евразии в условиях усиливающейся геополитической конфронтации и относительно скромных результатов её реализации в прошедшие годы. Вместе с тем авторы полагают, что к настоящему моменту ключевым достижением концепции Большой Евразии стала её дискурсивная экспансия и её международное признание на разных уровнях. Это может служить хорошей политической основой для её дальнейшего воплощения в условиях наблюдаемых структурных изменений.

Ключевые слова:

внешняя политика России; евразийский регионализм; Большая Евразия; международная безопасность; международное сообщество; ШОС; геостратегия

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.07.2023

Дата принятия к публикации: 15.12.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: dp.novikov@hse.ru

Выдвинутая в 2015 г. инициатива по построению Всеобъемлющего евразийского партнёрства¹ – Большой Евразии – стала одним из наиболее амбициозных внешнеполитических проектов России в 2010-х годах. Она подразумевает формирование политической и экономической общности в широком географическом пространстве крупнейшего континента мира. Создание такого пространства, по задумке Президента России, должно способствовать как укреплению мира и безопасности, так и интенсификации экономического сотрудничества между входящими в него государствами².

Начало в 2022 г. специальной военной операции на Украине и резкое обострение российско-западной конфронтации вызвали дискуссию о дальнейшем развитии партнёрства России и её ближайших соседей. В этих условиях не может не возникать вопрос и о перспективах наиболее масштабной инициативы по созданию Большой Евразии. Тем более что за ней стоит амбициозная цель – возглавить процесс развития евразийского регионализма, направив его в выгодную для России сторону.

Реализация этой цели и до начала СВО была сопряжена с немалыми трудностями. В ряду многочисленных инициатив российский проект Большой Евразии оказался далеко не единственной формулой евразийского регионализма. Свои концепции имеют практически все ключевые игроки континента: Россия, Китай, Япония, Республика Корея, Индия, страны Центральной Азии и АСЕАН, а также ЕС [Пути и пояса Евразии 2019]. Таким образом, с 2010-х годов в Евразии формируется своя «миска лапши» – подобно тому, как часто описывается аналогичная множественность

институтов и инициатив в Юго-Восточной Азии, состоящая не только и даже не столько из институтов и интеграционных форматов, сколько из идей, концепций и проектов. Её возникновение отражает растущую взаимозависимость между различными частями континента и попытки осмысления данного явления на экспертном и политическом уровнях. Данные обстоятельства позволяют трактовать развитие евразийского регионализма как объективный процесс, который не может просто сойти на нет под влиянием важных структурных перемен.

При этом российская инициатива обладала определённой спецификой. Инициативы других стран, которые можно отнести к корзине евразийского регионализма, концентрировались на создании объединяющей логики в целях развития физической инфраструктуры, налаживания логистики, укрепления торгово-экономического сотрудничества. Примеры тому дают и китайская инициатива «Один пояс, один путь», и индийские проекты *Go West* и *Go East*, Евразийская инициатива Республики Корея, и даже транспортно-логистические инициативы Европейского Союза. Все они ориентируются или ориентировались на укрепление политического влияния через большую экономическую вовлеченность и одновременно на продвижение своих экономических интересов через их обрамление в благоприятную политическую повестку. Ключевым вкладом таких инициатив в развитие евразийского регионализма следует признать создание и развитие его материальной базы в виде большей транспортно-логистической и экономической связанности различных регионов континента.

¹ В российских официальных документах встречаются разные варианты названия инициативы: Всеобъемлющее и Большое Евразийское партнёрство, причем в разных документах эти инициативы имеют разную конфигурацию заглавных букв. Это связано с динамикой развития инициативы и её политического определения. В данной статье понятия Всеобъемлющего и Большого Евразийского партнёрства рассматриваются как взаимозаменяемые и в целях единообразия пишутся с начальной заглавной буквы.

² Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 24.07.2023).

Российская Большая Евразия³ изначально была сосредоточена скорее на формировании идейно-политической и институциональной рамки для региональных процессов вкпе с попытками увязать большой евразийский регионализм с интеграционными проектами Москвы на постсоветском пространстве. По сути, инициаторы и теоретики формирования Большой Евразии выдвинули предложение о создании евразийского сообщества, которое в чём-то должно было напоминать евроатлантическое сообщество, но строиться на иных правилах и логике [Lukin, Novikov 2021]. По аналогии с евроатлантикой, идейно Большая Евразия должна в первую очередь способствовать преодолению и упорядочиванию региональной анархии и гармонизации подходов государств Евразии вокруг ключевых для них задач развития и безопасности. В терминах английской школы [Bull 1995] речь идёт о формировании в Евразии международного общества или, во всяком случае, его каркаса.

Углубление конфронтации с Западом и её переход в форму военного противостояния поставили под вопрос способность России выступать в качестве движителя и опоры построения такого пространства соразвития и безопасности. Односторонние экономические рестрикции, введённые западными странами против России, создают объективные трудности на пути продолжения экономического сотрудничества со странами мегарегиона, в том числе — странами-партнёрами по евразийской интеграции⁴. Возможность построения предлагаемого Москвой евразийского сообщества тем самым стала вызывать сомнения, а российские действия в этом контексте оценивались некоторыми экс-

пертами негативно с точки зрения реализации данной цели⁵.

Вместе с тем механизм формирования Большой Евразии до конца не ясен ни с теоретической, ни с практической точек зрения. Те структурные изменения, к которым привело углубление российско-западной конфронтации, могут оказаться в гораздо большей степени комплементарны задачам формирования евразийского международного сообщества и развития евразийского регионализма, чем может показаться на первый взгляд. Структурной основой для развития евразийского регионализма могут стать два фактора: необходимость растворить в регионализме растущее китайское влияние и внешний структурный нажим со стороны США⁶. Под влиянием схожих факторов, в условиях «холодной войны», формировалось и евроатлантическое сообщество. Перед западными странами тогда стояла задача амортизировать американское преобладание и консолидироваться перед лицом советской угрозы.

Международно-политическая среда середины 2020-х годов в некотором смысле повторяет эту историческую аналогию. Во всяком случае, она сочетает весьма стрессовые и структурно совпадающие с предполагаемой моделью условия: конфронтация с США и Западом практически достигла уровня конфликтности времён активной фазы Корейской войны, а необходимость амортизации и структурирования роли Китая для России, как и для ряда других его соседей, лишь возросла. Усилия российской дипломатии в обозримой перспективе будут, по-видимому, выстраиваться вокруг этих двух проблем. Ниже приводятся некоторые соображения отно-

³ Об особенностях евразийского регионализма и его взаимодействии с глобализмом см.: [Diesen 2018].

⁴ Рекеда С. Евразийская интеграция: целеполагание в условиях геополитического шторма. Клуб «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-integratsiya-tselepolaganie-v-usloviya/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵ Быстрицкий А., Энтина Е. Фактчекинг: теряет ли Россия влияние в Центральной Азии? Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/expertise/news/801847598.html> (дата обращения: 16.02.2024).

⁶ Там же.

сительно того, в какой мере эти задачи реализуемы в русле логики развития евразийского регионализма и продвижения концепции Большой Евразии.

Между геополитикой и экономикой: какую Евразию предлагала Россия?

Какую модель евразийского регионализма Россия предлагала строить в первую пятилетку реализации⁷ инициативы Большого Евразийского партнёрства (2016–2021)? Этот вопрос нетривиален, так как на сегодняшний день так и не опубликован программный документ, который бы чётко отражал целеполагание и конкретные пути воплощения проекта в жизнь. Вопрос остаётся предметом дискуссии, в основе которой лежит изначально не детализованный характер предлагаемых Москвой инициатив. Продвигая концепцию Большой Евразии, российские представители, как правило, формулировали её конечные цели и дорожную карту реализации в достаточно общем виде для того, чтобы повысить привлекательность данной инициативы для внешних партнёров⁸.

Например, озвучивая данную инициативу на площадке Санкт-Петербургского экономического форума в 2016 году, Президент России В.В. Путин предложил «создание более широкого интеграционного контура» «с участием ЕАЭС, а также

стран, с которыми уже сложились тесные отношения... и партнёров по СНГ, и других заинтересованных государств и объединений». Само по себе создание «широкого интеграционного контура» могло означать большой диапазон возможных моделей, что открыло путь для расширительной трактовки целей, задач и формата Большого Евразийского партнёрства. Последующее оформление концепции в российском официальном дискурсе не привело к её уточнению и формулированию чёткой модели или дорожной карты по реализации российской версии евразийского регионализма. Такое положение отчасти определялось самой природой Большого Евразийского партнёрства как зонтичной инициативы, открывающей возможности для интеграции различных проектов и концепций других государств, купирования конфликтов во избежание конкуренции регионализмов [Новиков 2018].

В этих условиях уточнение содержательной стороны Большой Евразии в немалой степени ушло на экспертно-академический уровень. Период с середины 2010-х до начала 2020-х годов характеризовался интенсивной дискуссией о природе и задачах евразийского регионализма под российской эгидой с целью конкретизировать его основные параметры [Kuzmina 2017;

⁷ Стоит отметить, что формированию концепции БЕП предшествовало постепенное увеличение для Российской Федерации значимости восточного направления развития. В частности, в 2008–2009 годах начала распространяться идея «поворота на Восток» (см.: Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiyskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/> (дата обращения: 11.11.2023)), в 2013 г. Президент России Владимир Путин заявлял о значительном приоритете развития Дальнего Востока РФ (см.: Путин: подъем Сибири и Дальнего Востока – приоритет РФ на весь XXI век. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20131212/983649040.html> (дата обращения: 11.11.2023)). В том же году КНР заявила о важном для будущей концепции мегаинициативе «Один пояс, один путь» (см.: Киреева 2019). Также триггером для формирования концепции БЕП стало нарастание в 2014 г. санкционного давления западных стран на Российскую Федерацию в связи с кризисом на Украине, вынуждавшее Москву искать новые пространства взаимодействия.

⁸ Хотя концепция Большой Евразии не имеет ничего общего с классической идеологией евразийства начала XX века, сама идея существования Евразии как единого пространства и его важность была сформирована именно тогда. См., например: [Вернадский 2005; Гумилёв 2007; 2009].

⁹ См. также: *Бордачёв Т.* Большая Евразия: что ещё не сделано? // Клуб «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-chto-eshe-ne-sdelano/> (дата обращения: 24.07.2023); Большая Евразия: пока больше вызовов // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshaya-evraziya-bolshe-vyzovov/> (дата обращения: 24.07.2023).

Кефели и др. 2020]⁹. С самого начала в этом поиске начал зарождаться дуализм между привлекательной для всех государств континента повесткой развития и экономического сотрудничества, — с одной стороны, и повесткой безопасности, всё более тесно связываемой с конфронтационной геополитической динамикой, — с другой. Последняя во многом стала триггером запуска евразийской инициативы: именно после обострения конфликта с Западом в 2014 г. российский поворот на Восток начал обретать евразийские черты [Караганов 2017]. В этой связи некоторые исследователи начали рассматривать Большую Евразию как процесс прежде всего геополитической и геоэкономической консолидации, а не просто инструмент наращивания экономических связей [Diesen 2019].

Тем не менее и в официальном, и в экспертном дискурсе Большая Евразия позиционировалась в большей степени как формат открытого экономического регионализма. В частности, в программном выступлении 2016 г. один из главных академических апологетов Большой Евразии, С.А. Караганов, определял её как «общее поле экономического, логистического, информационного сотрудничества, мира и безопасности от Шанхая до Лиссабона и от Дели до Мурманска» и «создающаяся геоэкономическая общность, обусловленная тенденцией «Азия для Азии», поворотом Китая на Запад, его сопряжением с ЕАЭС, поворотом России на Восток»¹⁰. При этом специалист подчёркивал, что Большая Евразия должна оставаться инклюзивной и не строиться на антизападной или антиамериканской основе: «проект не должен быть нацелен на изо-

ляцию крупнейшего мирового игрока — США. Выбор за самой Америкой»¹¹. Другими словами, само по себе развитие евразийского регионализма в его российской формуле мыслилось как следствие естественного экономического возвышения Азии и превращения её в более самостоятельный, а не производный от Запада экономический центр с таким же естественным вовлечением западных стран в эти процессы.

Такое неконфронтационное видение в целом соответствовало внешнеэкономическим потребностям России после первой санкционной волны 2014 года, а также логике дальнейшего развития ЕАЭС и евразийской интеграции. Поясняя свою инициативу на Санкт-Петербургском экономическом форуме, российский лидер отмечал, что «начать можно было бы с упрощения и унификации регулирования в области отраслевого сотрудничества и инвестиций, а также нетарифных мер технического, фитосанитарного регулирования, таможенного администрирования, защиты прав интеллектуальной собственности, в дальнейшем постепенно двигаться к снижению, а затем и отмене тарифных ограничений»¹². Занимавший в 2016 г. пост первого вице-премьера российского правительства И.В. Шувалов пояснял, что «мы будем строить Евразийское экономическое партнёрство — оно должно быть открытым, базироваться на принципах ВТО и не носить закрытый характер»¹³.

В этой конфигурации предлагаемый Россией евразийский регионализм должен был решить две ключевые геоэкономические задачи. *Во-первых*, создать предпосылки для трансформации сотрудничества

¹⁰ Политолог Караганов: Поворот России к рынкам Азии уже состоялся // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/10/24/politolog-karaganov-povorot-rossii-k-rynkam-azii-uzhe-sostoalsia.html> (дата обращения: 24.07.2023).

¹¹ Там же.

¹² Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 24.07.2023).

¹³ Шувалов: Большое Евразийское партнёрство не будет противопоставлением ТРП // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160905/1476106027.html> (дата обращения: 24.07.2023).

с ЕС и включения взаимодействия по линии Россия—ЕС, ЕС—ЕАЭС в общую логику развития евразийского регионализма. Во-вторых, стать внешним обрамлением ЕАЭС и дать дополнительный стимул развитию этого объединения.

В первой ипостаси Большая Евразия мыслилась как продолжение различных инициатив в русле логики Большой Европы. «Если раньше этот формат звучал как “Европа от Владивостока до Лиссабона”, то теперь он включает и Вьетнам, и Сингапур, и новый формат взаимодействия с Индонезией, это и Иран, Пакистан, Индия, Китай. Скорее всего, эта работа будет разноскоростной, разноуровневой интеграцией. Главное — договориться не по тарифам — хотя для многих стран это вопрос номер один, а договориться о том, чтобы торговая среда была безбарьерная», — пояснял ключевую геоэкономическую задачу Большой Евразии И.Г. Шувалов¹⁴.

В некотором роде предполагалось заменить отношения ЕС—Россия даже не форматом ЕС—ЕАЭС, что подразумевалось, например, в рамках озвученной в 2015 г. Берлином интерпретации идеи «интеграции интеграций»¹⁵, а форматом ЕС—Евразия, в котором ЕС больше не мог бы играть ведущей роли. В предлагаемой модели Европейский Союз рассматривался как партнёр и одновременно одна из составных частей формирующегося евразийского сообщества и составляющих его экономических процессов. Само же Большое Евразийское партнёрство, в видении российских представителей, фактически принимало форму исполтинского общеинтегрального формата «интеграции интеграций». В схожем ключе мыслил и заняв-

ший в октябре 2019 г. должность министра ЕЭК по интеграции и макроэкономике бывший советник Президента России академик С.В. Глазьев, несмотря на то что он выступал представителем совершенно иных, отличных от И.Г. Шувалова, экономических взглядов. Учёный рассматривал Большое Евразийское партнёрство как стратегию развития евразийской интеграции, указывая, что оно «предположительно должно строиться путём гармонизации национальных стратегий развития посредством усиления связности хозяйственных комплексов участвующих в нём стран» [Глазьев 2019].

В своей второй ипостаси Большая Евразия рассматривалась как инструмент продвижения норм и стандартов ЕАЭС вовне, выстраивания внешнего интеграционного контура объединения. В частности, занимавшая в 2019 г. должность министра торговли ЕЭК В.О. Никишина отмечала, что видит Большую Евразию как начало развития большого экономического пространства, основанного на свободе движения людей и капиталов и возможности соединить западную и восточную части Евразии мостом — «формирования для себя комфортной среды торговли, культурного, социального, научного и иного сотрудничества на как можно более широком пространстве»¹⁶. Результатом воплощения концепции Большого Евразийского партнёрства она рассматривала встраивание расширенного евразийского пространства в глобальные цепочки добавленной стоимости и «обеспечение понятных и выгодных для предпринимателей любого уровня условий свободной торговли на огромном пространстве»¹⁷. Данный подход нашёл

¹⁴ Шувалов: Большое Евразийское партнёрство не будет противопоставлением ТРП // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160905/1476106027.html> (дата обращения: 24.07.2023).

¹⁵ Меркель считает возможным диалог между ЕС и ЕАЭС по экономическим вопросам — ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1717451> (дата обращения: 24.07.2023).

¹⁶ Будущее Большой Евразии и развитие торговой политики ЕАЭС // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-bolshoj-evrazii-i-razvitiye-torgovoj-politiki-eaes/> (дата обращения: 24.07.2023).

¹⁷ Там же.

отражение и в доктринальных документах ЕАЭС¹⁸.

Таким образом, Большая Евразия виделась Москвой в первую очередь как формат открытого экономического регионализма, ориентированного на формирование более благоприятной внешней институциональной и экономической среды¹⁹. Вместе с тем главной структурной предпосылкой, или, как минимум, триггером для выдвижения этой инициативы, стали геополитические обстоятельства. Объявление инициативы (равно как и сопровождавшее её упрочнение российско-китайских связей) произошло после обострения в 2014 г. российско-западных отношений. Необходимость восстановления разрушенных традиционных цепочек поставок и смещения центра экономической гравитации в сторону Евразии в условиях усиливающейся конфронтации внесла в предлагаемую Россией повестку евразийского регионализма геополитическую логику [Handbook of Eurasian Political Economy 2022: 197–212].

Среди прочего, о Большой Евразии в контексте вопросов безопасности российский президент говорил: «Убеждён, Евразия способна выработать и предложить содержательную и позитивную повестку. Это касается обеспечения безопасности, развития отношений между государствами, организации экономики, социальной сферы, систем управления, поисков новых драйверов роста»²⁰. Вместе с тем статус Большого Евразийского партнёрства как регионализма в сфере безо-

пасности напрямую российскими официальными лицами упоминался нечасто. Скорее осторожно говорили о том, что без устойчивой континентальной архитектуры безопасности затруднительно.

Гораздо более активно и открыто о Большой Евразии как платформе для континентальной архитектуры безопасности рассуждали эксперты. Уже упомянутый С.А. Караганов наряду с необходимостью создания пространства развития видел в Большой Евразии «курс на создание континентальной системы безопасности в дополнение к существующим форматам и с частичным и постепенным замещением отживших или отживающих структур»²¹. При этом он определял роль России как «объективно потенциально крупнейшего поставщика безопасности в регионе»²². Ещё один авторитетный отечественный специалист, А.В. Картунов, указывал, что «развитие экономических интеграционных процессов на территории Евразии невозможно без параллельного процесса укрепления континентальной безопасности и разрешения проблем, оставшихся в наследство от XX века и более ранних столетий»²³.

Наряду с безопасностью Большая Евразия определялась и как цивилизационный проект, о чём российский президент заявил на форуме «Один пояс, один путь» в Китае: «Большая Евразия – это не абстрактная геополитическая схема, а действительно цивилизационная инициатива, устремлённая в будущее»²⁴. Таким образом, российское позиционирование своей инициати-

¹⁸ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php?ysclid=lkclwxd1y444794027 (дата обращения: 24.07.2023).

¹⁹ См., например: [Барский, Красильников, Михневич 2021].

²⁰ Международный форум «Один пояс, один путь» // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 24.07.2023).

²¹ От поворота на Восток к Большой Евразии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/ot_povorota_na_vostok_k_bolshoy_evrazii/ (дата обращения: 24.07.2023).

²² Там же.

²³ Картунов А. Восемь принципов Большого Евразийского партнёрства. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (дата обращения: 24.07.2023).

²⁴ Международный форум «Один пояс, один путь» // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 24.07.2023).

вы шло в том же направлении, что и подход Китая к продвижению своих предложений в отношении региона — изначально экономикоцентричные, они с течением времени стали позиционироваться как цивилизационные, направленные на синергию культур. Цивилизационный статус был призван, с одной стороны, поднять статус российской инициативы на более высокий уровень, а с другой — создать идейную основу для культурно-гуманитарного трека сотрудничества.

Таким образом, выдвижение Всеобъемлющего евразийского партнёрства стало ключевым российским мегапроектом, включающим в себя предыдущие региональные инициативы и при этом направленным на гармоничное взаимодействие с аналогичными проектами дружественных Российской Федерации региональных игроков. Предлагаемый Москвой евразийский регионализм, несмотря на превалирование экономической повестки дня, органично вписывался в логику российско-западной конфронтации и был ориентирован на стабилизацию и регулирование её самой и её последствий, в том числе экономическими методами (через институциональное и экономическое вовлечение Европы). При этом евразийское партнёрство рассматривалось Москвой как комплексная инициатива: экономика, безопасность, культурно-цивилизационное единение с фокусом на развитии торгово-экономического сотрудничества.

Что сделано: дискурсивная экспансия Большой Евразии

На фоне широкого и многослойного концептуального наполнения практическое развитие Большого Евразийского партнёрства в 2010-х — 2020-х годах оказалось скромным. Оно характеризовалось тремя основными чертами и одновременно направлениями развития:

1) логика развития Большого Евразийского партнёрства оказалась тесно переплетённой с российско-китайскими отношениями и инициативой «Один пояс, один путь»;

2) институционализация Большой Евразии протекала посредством внедрения в уже существующие многосторонние форматы создаваемого нарратива относительно инициативы;

3) ключевыми форматами продвижения идей Большой Евразии стали ЕАЭС, ШОС, а также двусторонние российско-китайские отношения и взаимодействие по линии Китай—ЕАЭС. При этом включение этого нарратива в деятельность других многосторонних форматов, а также принятие его логики другими евразийскими государствами оказались ограниченными, хотя и имелись определенные успехи.

Создание благоприятных условий для устойчивых отношений с Китаем с самого начала стало одной из ключевых задач евразийских инициатив России, в какой-то степени даже более важной, чем балансирование Запада. Отечественный китаист А.В. Лукин указывал, что для развития евразийского регионализма необходимо «понять значение этого региона и думать о нём стратегически, а не использовать незападное направление внешней и внешнеэкономической политики ситуативно», «проводить такую экономическую политику, которая, обеспечив ускоренный экономический рост, подкрепила бы претензии на роль одного из центров мировой политики»²⁵. Решение этих задач подразумевало баланс в отношениях с Китаем, предполагающий сотрудничество с крупнейшей азиатской экономикой при сохранении возможности проводить независимую политику.

Некоторые западные исследователи и вовсе рассматривали Большое Евразийское партнёрство как преимущественно российско-китайский проект, направлен-

²⁵ Замысел о большой Евразии // Независимая газета. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-03-04/7_7523_ideas.html?ysclid=lkcm3146dk213167775 (дата обращения: 24.07.2023).

ный на укрепление двусторонних связей и снижение геополитических противоречий. Например, один из ведущих немецких специалистов по России, Ханс-Йоахим Шпангер, указывал: «Центральная Азия была одной из областей, в которой в течение некоторого времени сохранялась опасность открытого конфликта, где интересы Китая в его “марше на Запад” напрямую пересекались с особыми интересами России... Но совместное заявление “о сотрудничестве и сопряжении строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути” даёт понять, что Россия и Китай не хотят, чтобы этот спорный вопрос перерос в открытый конфликт»²⁶. Кроме этого, исследователь указал на асимметрию экономических возможностей стран, создающую не самую выгодную для России роль — «использование в качестве тарана».

Такие оценки являются, пожалуй, слишком прямолинейными для описания российско-китайских отношений. В то же время экономическое возвышение КНР действительно объективно меняло и меняет международное окружение России²⁷, что и заставляет Москву стремиться к включению этих процессов в общую логику евразийских инициатив. Снова сошлёмся на экспертную оценку А.В. Лукина: «Китай будет всё больше теснить Россию, он уже стал главным торговым партнёром большинства стран региона. Это никак не угрожает безопасности России, однако её статус как отдельного экономического центра Евразии может попасть под сомнение»²⁸. В этих условиях Москва, формулируя свои евразийские инициативы, придерживалась подхода

«если ты не можешь чему-то противостоять — это необходимо возглавить».

Данный подход нашёл отражение в усилиях Москвы по сопряжению китайской инициативы «Одного пояса, одного пути» и российских инициатив в области построения евразийского регионализма. В рамках данной логики предполагалось, что китайские проекты составят объективную экономическую базу Большой Евразии, а российские инициативы дополняют их политическим содержанием и нормативно-институциональным оформлением. В 2016 году, выступая на Восточном экономическом форуме, В.В. Путин подчёркивал, что именно через сотрудничество ЕАЭС и Китая «создаётся основа для всеобъемлющего евразийского партнёрства в формате “пять плюс один”»²⁹. В дальнейшем именно с Китаем Москва сумела сформировать наиболее институционализированный формат реализации своих евразийских инициатив.

В сущности, идея евразийского регионализма была обозначена уже в Совместном заявлении о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП, подписанном за год до официального объявления Большого Евразийского партнёрства. В частности, в нём было указано, что стороны «будут предпринимать согласованные усилия по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути» и «налаживать совместную работу в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего — на площадке ШОС, твёрдо придерживаясь принципов транспарентности, взаимного уважения, равноправия, взаимодополняемости различных интеграционных

²⁶ Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шёлковом пути // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/povorot-rossii-na-vostok-povorot-kitaya-na-zapad-vzaimodejstvie-i-konflikty-na-shyolkovom-puti/> (дата обращения: 24.07.2023).

²⁷ Больше о влиянии экономических инициатив КНР в регионе см.: [Хейфец 2020].

²⁸ Замысел о большой Евразии // Независимая газета. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-03-04/7_7523_ideas.html?ysclid=lkcm3146dk213167775 (дата обращения: 24.07.2023).

²⁹ Восточный экономический форум // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52808> (дата обращения: 24.07.2023).

механизмов и открытости для всех заинтересованных сторон в Азии и Европе»³⁰. Упоминание ШОС и «всех заинтересованных сторон в Азии и Европе» в документе, посвящённом ЕАЭС и ЭПШП, указывало на то, что Москва и Пекин видели развитие регионального сотрудничества далеко за пределами двух инициатив.

Тем не менее более активное принятие Пекином российской формулы евразийского регионализма уже в виде Большого Евразийского партнёрства пришлось на 2018–2019 годы. В 2018 г. в ходе визита российского президента в КНР в итоговом заявлении была декларирована «проработка вопросов создания Евразийского партнёрства на основе принципов открытости, транспарентности и взаимного учёта интересов в целях продвижения интеграционных процессов в регионе»³¹. Итогом этой проработки стало взаимное признание Россией и Китаем мегаинициатив друг друга и, соответственно, принятие Пекином логики Большой Евразии как одного из ориентиров своей региональной политики.

В Совместном заявлении о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, подписанном сторонами в 2019 г. в Санкт-Петербурге, указывалось, что «Стороны считают, что инициатива “Один пояс, один путь” и идея Большого Евразийского партнёрства могут развиваться параллельно и скоординированно, будут способствовать развитию региональных объединений, двусторонним и многосто-

ронным интеграционным процессам на благо народов Евразийского континента»³². Конечной целью этого сопряжения называлась «глубокая интеграция и сближение: стратегическое взаимодействие и тесная координация в вопросах сопряжения национальных стратегий развития, расширение взаимовыгодного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, укрепление дружественных связей между народами России и Китая, взаимобогащение и сближение культур»³³.

Вовлечение Пекина в развитие Большой Евразии имело в себе две важные черты. *Во-первых*, отчётливо наблюдается то, что, принимая логику российских инициатив, Китай поддерживал их экономикоцентричность. Например, в подписанном в 2015 г. Совместном заявлении прямо указывалась цель «обеспечить поступательный и устойчивый экономический рост в регионе, активизировать в нём экономическую интеграцию и сохранить региональный мир и развитие»³⁴. Фокус на экономической составляющей содержался и в последующих совместных декларациях. В этом отражается логика китайской внешней политики, которая и декларативно, и во многом на практике сохраняет упор на экономическое развитие.

Во-вторых, выстраивание особых отношений с Китаем по линии развития Большого Евразийского партнёрства не сопровождалось каким-либо институциональным строительством и интеграционными инициативами. Усилия Москвы

³⁰ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 24.07.2023).

³¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5312> (дата обращения: 24.07.2023).

³² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 24.07.2023).

³³ Там же.

³⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 24.07.2023).

были сосредоточены скорее на объяснении Пекину сути российских инициатив и стремлении к тому, чтобы китайское руководство признало общую логику Большой Евразии в качестве ориентира для в том числе своей политики на континенте, закреплении этих достижений в совместных документах. На этом направлении Россия сумела добиться немалых успехов, хотя интернализация евразийской повестки в китайском внешнеполитическом мышлении пока остаётся достаточно ограниченной [Novikov, Bocharova 2023].

Такой же подход можно было наблюдать и на международных площадках. Будучи зонтичной инициативой, Большое Евразийское партнёрство не создавало собственных институтов, которые бы воплощали эту инициативу на международном уровне, но стремилось влиять на повестку других, уже существующих или создаваемых форматов.

Концепция Большой Евразии естественным образом была включена в логику развития ЕАЭС. Например, в Стратегических направлениях развития Евразийской интеграции до 2025 г. указывалась необходимость продвижения сопряжения организаций в рамках Большого Евразийского партнёрства, таких как Шанхайская организация сотрудничества, АСЕАН, инициатива «Одного пояса, одного пути». Выступая на Евразийском промышленном конгрессе «Интеграция», министр ЕЭК по интеграции и макроэкономике С.Ю. Глазьев заявлял, что «углубление и расширение евразийской интеграции происходит на фоне крупномасштабных структурных

изменений мировой экономики. Центр её развития перемещается в Азию. На длинной волне роста нового технологического уклада глобальным экономическим лидером становится Китай. Сопряжение реализуемой им международной программы «Один пояс, один путь» с ЕАЭС создаёт прекрасные возможности для рывка наших стран в развитии экономики на передовой технологической основе»³⁵.

Крупнейшей международной площадкой, на которой России удалось закрепить международное признание Большой Евразии, стала ШОС. В частности, в 2019 г. Бишкекская декларация организации заявляла, что «государства-члены считают важным использовать потенциалы стран региона, международных организаций и многосторонних объединений в интересах формирования в *Евразии* [здесь и далее курсив Д. Н. и К. Г.] пространства широкого, открытого, взаимовыгодного и равноправного сотрудничества в целях обеспечения надежной безопасности и устойчивого развития...»³⁶. В предшествующей Циндаоской декларации³⁷ Евразия не упоминалась, а роль географического индикатора играло понятие «пространство ШОС». Евразийское пространство продолжает фигурировать и конкретизироваться в более поздних документах. В 2020 г. в Московской декларации государства-участники ШОС: «отметили инициативу Российской Федерации о создании Большого Евразийского партнёрства с участием стран ШОС, ЕАЭС, АСЕАН, а также других заинтересованных государств и многосторонних объединений»³⁸. Аналогичные формули-

³⁵ Кирилл Барский: Есть надежда, что «Большая Евразия» позволит помирить и объединить ЕС и страны Евразии // Международная жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24168?ysclid=ldg360o35s150044631> (дата обращения: 24.07.2023).

³⁶ Шанхайская организация сотрудничества (2019). Бишкекская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

³⁷ Шанхайская организация сотрудничества (2018). Циндаоская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

³⁸ Шанхайская организация сотрудничества (2020). Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

ровки вошли также в Душанбинскую³⁹ и Самаркандскую декларации⁴⁰. Таким образом, логика широкого евразийского регионализма присутствовала в повестке ШОС в контексте совместной деятельности по стабильному развитию и обеспечению безопасности. При этом в Нью-Делийскую декларацию⁴¹ 2023 г. абзац с упоминанием Большого Евразийского партнёрства не вошёл, хотя ни одно государство—участник организации не заявляло о неприятии инициативы.

Концепция Большой Евразии находит отражение и в официальных дискурсах других организаций. Например, по итогам 4-го саммита Россия—АСЕАН в 2021 году было сделано совместное заявление, в котором стороны заявили об «изучении возможностей сотрудничества в между АСЕАН, ЕАЭС и ШОС в рамках *Большого Евразийского партнёрства...*», «подчёркивают практическую ценность “взаимосвязанности взаимосвязанностей” в Азиатско-Тихоокеанском регионе, зоне Индийского океана и *Большой Евразии...*», а также «способствовать и содействовать развитию сотрудничества с целью поддержки развития взаимосвязанности между народами АСЕАН и *Евразии...*»⁴².

Таким образом, ключевым достижением развития инициативы Большой Евразии стала её дискурсивная экспансия на ряд узловых площадок: ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, российско-китайское стратегическое партнёрство. Отличительными особенностями

использовавшейся риторики оставалось подчёркивание открытости инициативы, того, что Большая Евразия по своей логике включает в себя ЕС и широкий круг стран Азии и Ближнего Востока. Таким образом, Россия, по крайней мере идеологически, закрепляла за собой роль логистического и институционального моста между Европой и Азией и пыталась заложить концептуальное ядро развития широкого евразийского регионализма. События 2022 г. поставили вопрос — в каком направлении Большая Евразия будет развиваться дальше?

Большая Евразия в новых условиях: от дискурсивной экспансии к реализации?

Начало специальной военной операции в феврале 2022 г. ознаменовало разворот в российской внешней политике, который не мог не отразиться и на её мегаинициативе. Можно было предположить, что, отвлекшись на военные действия, Россия свернёт усилия по продвижению евразийского регионализма. Между тем Москва, напротив, поспешила дать сигнал о своей готовности нарастить усилия на этом направлении. В частности, министр иностранных дел С.В. Лавров заявил, что развитие Большой Евразии — «флагманский внешнеполитический проект» России, пояснив, что «речь идёт о содействии объективному процессу формирования широкого интеграционного контура, открытого для всех государств и объединений нашего континента»⁴³. При этом нельзя отрицать,

³⁹ Шанхайская организация сотрудничества (2021). Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectscsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴⁰ Шанхайская организация сотрудничества (2022). Самаркандская декларация Совета глав государств—членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectscsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴¹ Шанхайская организация сотрудничества (2023). Самаркандская декларация Совета глав государств—членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectscsco.org/documents> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴² Совместное заявление 4-го саммита Россия—АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5725> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴³ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на заседании Комиссии Генсовета партии «Единая Россия» по международному сотрудничеству и поддержке соотечественников за рубежом, Москва, 19 июня 2023 года / Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1889118/ (дата обращения: 24.07.2023).

что в новых геополитических условиях реализация столь амбициозной инициативы наталкивается на ряд трудностей.

Во-первых, санкционное давление на Россию объективно осложнило развитие экономического сотрудничества Москвы как с ближайшими соседями, так и с дальним зарубежьем. Увеличение санкционных барьеров и попытка экономической изоляции России стали долгосрочной политикой Вашингтона. Об этом свидетельствовал, в частности, визит заместителя министра финансов США в столицы центральноазиатских стран в апреле 2023 года⁴⁴. Данное обстоятельство заставило некоторых экспертов говорить о как минимум трудностях, которые испытывает ЕАЭС и, соответственно, российская повестка по выстраиванию экономического регионализма в целом⁴⁵. Обсуждается и возможное формирование геоэкономической биполярности, консолидация в условиях внешнего давления российско-китайского экономико-технологического блока [Спартак 2024].

Во-вторых, геополитическая конфронтация с Западом изменила восприятие политики самой России извне, стимулировала подозрения в том, что инициативы Москвы будут увязываться с этой конфронтацией. По данным исследователь-

ского центра Пью (Pew Research Center), общественное восприятие в 24 крупных странах российской политики и руководства, а также выстраивания экономического сотрудничества оказалось в 2022 г. самым низким за десятилетие наблюдений⁴⁶. Впрочем, проведённое исследование не охватывало общественное мнение большинства стран незападной Евразии (на которую во многом и направлены российские инициативы), а те государства, которые вошли в данный анализ⁴⁷, демонстрируют скорее неоднозначное отношение. Например, восприятие России индийским обществом даже улучшилось на 8 п.п. — с 49 до 57%. Вне зависимости от негативного или позитивного окраса оценок Россия стала восприниматься как прежде всего военно-политическая держава, политика которой подчинена противостоянию с Вашингтоном. В этих условиях от Москвы логичнее было бы ожидать предложений по созданию военных союзов и партнёрств, а не экономических инициатив.

О намерении балансировать, исполняя западные санкции и сохраняя при этом экономическое сотрудничество с Россией на разных уровнях, открыто заявили практически во всех столицах центральноазиатских стран⁴⁸. Ещё большей, хотя и менее вероят-

⁴⁴ Media Advisory: Sanctions-Related Travel by Senior Treasury Department Officials // U.S. Department of the Treasury. [Электронный ресурс]. URL: <https://home.treasury.gov/news/featured-stories/media-advisory-sanctions-related-travel-by-senior-treasury-department-officials> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴⁵ См., например: Союз под напряжением: как санкции против России влияют на ЕАЭС // Forbes.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/462891-souz-pod-naprazeniem-kak-sankcii-protiv-rossii-vliut-na-eaes?ysclid=lckmkcvb9i317331489> (дата обращения: 24.07.2023); Что происходит с ЕАЭС на фоне конфликта России и Запада // Профиль. [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/politics/chto-proishodit-s-eaes-na-fone-konflikta-rossii-i-zapada-1215801/> (дата обращения: 24.07.2023); ЕАЭС в условиях экономической войны: как развивать международные связи // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/eaes-v-ekonomicheskoy-vojne/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴⁶ Chavda J. 2. Overall opinion of Russia // Pew Research Center's Global Attitudes Project. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2023/07/10/overall-opinion-of-russia/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴⁷ В исследование вошли: США, Канада, Польша, Швеция, Испания, Нидерланды, Великобритания, Германия, Франция, Италия, Венгрия, Греция, Япония, Австралия, Южная Корея, Индия, Индонезия, Израиль, ЮАР, Кения, Нигерия, Бразилия, Аргентина и Мексика.

⁴⁸ Например: Токаев пообещал следовать санкционному режиму против России. [Электронный ресурс] // РБК. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2023/651580c69a7947350ee3ef00> (дата обращения: 16.02.2024); ЕС поблагодарил Узбекистан за обещание по санкциям против России. [Электронный ресурс] // РБК. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/04/2023/644aa88a9a79472d08d24352> (дата обращения: 16.02.2024).

ной, угрозой виделся переход российской политики к попытке создания в условиях конфронтации с Западом военно-политического блока под своей эгидой⁴⁹. В такой конфигурации предлагаемая Москвой Евразия действительно стала бы по сути попыткой собрать незападный геополитический полюс в условиях новой «холодной войны» — о таких тенденциях в России говорили и раньше [Karaganov 2018].

В этих условиях российское руководство быстро обозначило отсутствие намерения отказаться от преимущественно экономического характера Большого Евразийского партнёрства и линии на развитие открытого регионализма. В частности, уже 5 апреля 2022 г. заместитель председателя Совета Безопасности Дмитрий Медведев заявил, что, начав боевые действия на Украине, Москва преследует цель «построить открытую Евразию — от Лиссабона до Владивостока»⁵⁰. Это заявление по сути продолжало линию на позиционирование Большой Евразии как пространства развития более сбалансированного партнёрства России и ЕАЭС с ЕС. Характерно при этом, что Д. Медведев указал в качестве географического пространства Большой Евразии характерную для 2000-х годов формулу «от Лиссабона до Владивостока», не включив в это пространство Китай и Азию («...до Шанхая, ... до Сингапура»). Это в определённой степени отражало сохранившуюся европоцентричность внешней политики и евразийских инициатив России, во всяком случае среди части элит.

Более системное изложение российского видения будущего Всеобъемлющего евразийского партнёрства было сформулировано Президентом России в ходе Евразийского экономического форума в мае

2022 года. Идея по созданию Большой Евразии стала центральной темой выступления российского лидера: «Большое Евразийское партнёрство призвано изменить политическую и экономическую архитектуру, стать гарантом стабильности и процветания на всём континенте и, конечно, при учёте многообразия моделей развития, культур и традиций всех народов»⁵¹.

Избранная площадка — Евразийский экономический форум — и содержание выступления иллюстративны. Подтверждая своё стремление продолжить реализацию Всеобъемлющего евразийского партнёрства, Москва стремилась сосредоточиться на привлекательной экономической повестке и не затрагивать чувствительные вопросы безопасности, которые ранее пунктирно намечались в описании Большой Евразии. Экономика дополнялась лишь абстрактной цивилизационной составляющей инициативы: «Большая Евразия — это без преувеличения большой цивилизационный проект, и главная идея заключается в создании общего пространства равноправного сотрудничества для региональных организаций».

Ключевым практическим предложением российского лидера стало указание на необходимость конкретной стратегии по реализации инициативы: «Назрело время сформировать комплексную стратегию развития Большого Евразийского партнёрства, и она должна отражать ключевые международные вызовы, стоящие перед нами, а также определять перспективные цели, содержать инструменты и механизмы для их достижения»⁵². Российский президент также добавил, что «необходимо про-

⁴⁹ Например: Russia, China, and America: The New Battle for Eurasia. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/06/04/russia-china-us-geopolitics-eurasia-strategy/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵⁰ Медведев: Спецоперация даст возможность построить открытую Евразию // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/04/05/medvedev-specoperaciia-dast-vozmozhnost-postroit-otkrytiu-ევრასიუ.html?ysclid=lk8fj5ls9x72194866> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵¹ Первый Евразийский экономический форум // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68484> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵² Там же.

думать дальнейшие шаги по развитию системы торговых и инвестиционных соглашений, в том числе – с участием государств–членов ШОС, АСЕАН и БРИКС»⁵³.

Выступление российского президента на Евразийском экономическом форуме 2022 г. не только подтвердило сохранение Большого Евразийского партнёрства в качестве одного из ключевых российских внешнеполитических приоритетов, но и стало одним из самых развёрнутых пояснений логики реализации проекта. В частности, на высшем уровне была сформулирована задача выработки комплексной стратегии реализации с соответствующими механизмами обсуждения и имплементации решений. Была чётко обозначена институциональная инфраструктура инициативы.

Роль одного из главных институциональных ядер, судя по риторике высших российских должностных лиц, по-прежнему отводилась Евразийскому экономическому союзу. Например, в обращении российского президента к главам государств–членов ЕАЭС в январе 2023 г. была ясно обозначена связка между ЕАЭС и БЕП: «Наше объединение может сыграть роль одного из ключевых центров формирования Большого Евразийского партнёрства»⁵⁴. При этом Москва, пожалуй, ещё более активно, чем раньше, указывала на ШОС и АСЕАН как ключевые институциональные опоры российской инициативы на континенте. Симптоматично и упоминание БРИКС, ранее не фигурировавшего в жёсткой привязке к БЕП в силу участия в блоке Бразилии и Южной Африки, географически удалённых от Евразии. Это

показывает, что в глазах российского руководства ШОС, БРИКС и Большая Евразия совместно рассматриваются как ключевые институты и инициативы, объединяющие незападный мир.

В развёрнутом заявлении МИД России «О российской инициативе Большого Евразийского партнёрства» от 15 июня 2023 г. подчёркивалась и экономикоцентричность инициативы, и возможная институциональная инфраструктура: «БЕП, ядро которого могут составить ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, использует также возможности таких дополняющих форматов, как китайская инфраструктурная инициатива ОПОП, может создать необходимые предпосылки для превращения Евразии в единое обще континентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания»⁵⁵. При этом документ задавал шесть основных направлений развития сотрудничества:

- сеть международных торговых и инвестиционных соглашений;
- общее транспортное пространство;
- единая сеть экономических коридоров и зон развития;
- цифровое измерение;
- энергетическое пространство;
- финансовое измерение.

В целом описанная конфигурация содержательного наполнения инициативы Большой Евразии практически не претерпела изменений, представляя собой конкретизацию идей, сформулированных ещё в 2016 г. (например, в описании проекта, данном российским президентом на Восточном экономическом форуме, было четыре направления сотрудничества⁵⁶,

⁵³ Первый Евразийский экономический форум // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68484> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵⁴ Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина к главам государств–членов Евразийского экономического союза // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵⁵ О российской инициативе Большого Евразийского партнёрства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/ (дата обращения: 24.07.2023).

⁵⁶ Восточный экономический форум // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52808> (дата обращения: 24.07.2023).

которые легко разбиваются на приведённые шесть).

Ключевыми изменениями после февраля 2022 г. следует признать акцент на незападной Евразии: ранее российские чиновники практически при каждом упоминании этого проекта подчёркивали возможность и даже желательность присоединения Европейского Союза, чего нельзя ожидать после начала специальной военной операции. Кроме того, стало наблюдаться осторожное отношение к вопросу дальнейшего развития евразийской архитектуры безопасности как неотъемлемого элемента Большой Евразии.

Впрочем, оба эти нюанса едва ли стоит переоценивать с точки зрения эволюции Большого Евразийского партнёрства как инициативы. Например, в ходе выступления на конференции «Евразийский выбор как основа укрепления суверенитета» С.В. Лавров заявил, что логика российской инициативы «оставляет “дверь открытой” для подключения всех без исключения структур и отдельных стран нашего общего огромного континента»⁵⁷, намекая на возможность подключения и стран ЕС. Там же он отметил, что «экономика должна стать основой, на которой в дальнейшем будет выстраиваться архитектура мира, безопасности и взаимного доверия»⁵⁸. Инициатива, таким образом, по-прежнему видится в Москве открытой для европейских государств, хотя это и не говорится столь прямо и часто. Необсуждаемый публично на высшем уровне вопрос построения на базе Большого Евразийского партнёрства архитектуры континентальной безопасности также стоит на повестке, хотя и подчёркивается, что она должна стать естественной надстройкой над экономической базой. То есть к серьёзному обсуждению этого измерения предполагается перейти позже, веро-

ятно, в новых, более ясных стратегических условиях.

Это, впрочем, не означает, что российская инициатива не претерпела содержательных изменений и не адаптируется к новым геополитическим условиям.

Активизация продвижения Большого Евразийского партнёрства в почти неизменном виде сама по себе является механизмом адаптации российской политики к новым условиям. Россия как бы различает два аспекта своей политики. Специальная военная операция и военно-политическая конфронтация с Западом проводятся Москвой без привлечения союзников. При этом российское руководство стремится не допустить милитаризации других аспектов своей внешней политики. Большое Евразийское партнёрство как наиболее амбициозная инициатива символизирует собой неизменность российской политики на других направлениях, не касающихся непосредственно проблем на и вокруг Украины. Акцентируя сохраняющееся стремление развивать открытый формат евразийского регионализма, Москва подчёркивает и стратегическую неизменность своей политики: военное столкновение на Западе — это одно измерение, а задача построения системы континентального экономического сотрудничества — другое, и оно не зависит от отношений с США и ЕС.

Было бы целесообразно подумать о переходе обсуждения Большой Евразии с других площадок на созданную специально под эту инициативу — условно, Форум Большой Евразии. Базой для него мог бы стать существующий Евразийский экономический форум. Пока он в значительной степени сконцентрирован на проблемах ЕАЭС, что существенно сужает и число участников, и повестку дискуссии. Обсуждение более широкой интеграционной перспективы является скорее фоновым и

⁵⁷ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на международной межпартийной конференции «Евразийский выбор как основа укрепления суверенитета», Москва, 14 декабря 2022 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1843867/ (дата обращения: 24.07.2023).

⁵⁸ Там же.

ведётся между Россией и её партнёрами по интеграции, без весомого присутствия представителей других евразийских государств.

Между тем для продвижения Большой Евразии как флагманской внешнеполитической инициативы Москва нуждается в большой и политически статусной площадке, сходной с Форумом ОПОП, на которой можно было бы собирать представителей со всего континента. Это по меньшей мере подчеркнуло бы серьёзность российских намерений, а также послужило бы эффективной основой выработки комплексной стратегии реализации Большого Евразийского партнёрства, о которой говорил президент России. Распределённое обсуждение Большой Евразии на разных мероприятиях: Санкт-Петербургском, Восточном и Евразийском экономических форумах, других деловых и экспертных форматах, не даёт такого эффекта.

При этом, по-видимому, неизбежным наряду с обсуждением экономического измерения является диалог о формировании в Большой Евразии соответствующей архитектуры безопасности. Площадкой для такого диалога может и должна стать ШОС, как наиболее представительная структура в области безопасности, охватывающая большую часть континентального пространства. Ограничителем на этом пути выступает неготовность многих государств обсуждать проблемы жёсткой безопасности ввиду высокой степени конфликтности этой темы. Вместе с тем отсутствие такого диалога в ШОС серьёзно снижает потенциал организации. Вступление в организацию Ирана и перспектива присоединения Белоруссии делают такое обсуждение ещё более актуальным — первый может при-

внести в ШОС ближневосточные проблемы, а вторая — вопросы, связанные с европейской безопасностью. Вероятно, оптимальным было бы осторожное обсуждение перспектив создания комплексной архитектуры евразийской безопасности на экспертном уровне, используя потенциал Форума ШОС и других площадок.

Наконец, целесообразно более активное подключение к выработке стратегии и реализации Большого Евразийского партнёрства экспертного сообщества и в более широком смысле — гражданского общества. Пока идеи по развитию Большой Евразии мало обсуждаются и в самой России, не говоря о других странах континента. Превращение этой концепции в осознанный обществом внешнеполитический ориентир существенно облегчит достижение такой амбициозной и важной цели.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что реализация концепции Большой Евразии была поставлена в зависимость от отношений между Россией и Западом. Её претворение в жизнь осложнено усиливающейся геополитической конфронтацией со странами Запада, и текущие результаты реализации инициативы остаются скромными. Однако сложность положения может послужить стимулом к тому, чтобы уточнить и конкретизировать данную инициативу, а также включить её в качестве одного из инструментов консолидации не-Запада в систему внешнеполитических приоритетов России. Иными словами, несмотря на сложности, с которыми сталкивается сегодня проект Большой Евразии, у него всё ещё сохраняется потенциал для развития в будущем.

Список литературы

- Барский К.М., Красильников С.Р., Михневич С.В. Продвигая инициативу Большого Евразийского партнёрства: совпадение интересов государств, бизнеса и международных институтов // *Международная жизнь*. 2021. №10. С. 4–19.
- Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии: звенья русской истории. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 339 с.
- Гумилёв Л.Н. История Евразии. М.: ЭКСМО, 2009. 1072 с.
- Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: АСТ, 2007. 608 с.

- Глазьев С.Ю. Большое Евразийское партнёрство: созидая новый мир // *ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика*. 2019. №1. С. 18–20.
- Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // *Международная жизнь*. 2017. №5. С. 6–19.
- Кефели И.Ф., Колбанев М.О., Малафеев О.А., Плебанек О.В. Проект «Большая Евразия» в контексте междисциплинарного дискурса // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2020. №14(4). С. 88–102. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-88-102>
- Киреева А.А. Инициатива «Один пояс, один путь»: содержание, причины выдвижения, значение // *Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы* / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 551–580.
- Новиков Д.П. Большое Евразийское партнёрство: возможное региональное влияние и интересы России // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018. № 3 (13). С. 82–96. DOI: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-03-05>.
- Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / Под ред. А.В. Лукина, В.И. Якунина. М.: Весь Мир, 2019. 416 с.
- Спартак А. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023. №4. С. 9–34. DOI: [10.24412/2072-8042-2023-4-9-35](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-4-9-35)
- Хейфец Б. Каким маршрутом пойдёт Россия по одному непростому китайскому пути (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2020. 62 с.
- Bull H. *Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Springer. 1995. 329 p.
- Diesen G. *Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia*. Routledge & CRC Press, 2018. 206 p.
- Handbook of Eurasian Political Economy / ed. by A. Bulatov, E. Pak. Moscow: Aspect Press, 2022. 316 p.
- Karaganov S. The new Cold War and the emerging Greater Eurasia // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. No. 2 (9). P. 85–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.002>
- Kuzmina E.M. «Great Eurasia»: interests and possibilities of Russia at interaction with China // *Post-Soviet Issues*. 2017. No. 3 (4). P. 229–239.
- Lukin A., Novikov D. Sino-Russian rapprochement and Greater Eurasia: From geopolitical pole to international society // *Journal of Eurasian Studies*. 2021. No. 1 (12). P. 28–45.
- Novikov D., Bocharova A. Eurasia in Russian and Chinese political expertise: A comparative analysis // *Journal of Eurasian Studies*. 2023. No. 2(12). P. 1–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/18793665211000057>

GREATER EURASIA IN THE NEW COLD WAR CHALLENGE OR OPPORTUNITY?

DMITRY NOVIKOV

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy Studies, Moscow, 117218, Russia

KIRILL GORENKIN

HSE UNIVERSITY, Moscow, 119017, Russia

Abstract

The Greater Eurasian Partnership project, put forward back in 2016, has become one of Russia's key initiatives to build its version of a broad regionalism covering a significant part of the continent. The launch of the Special Military Operation and the deepening of the Russian-Western confrontation has created and continues to create huge structural changes in the global and regional international system. It also brings serious adjustments to Russia's foreign policy, its objective capabilities and subjective perception of its initiatives. The aim of this study is to determine the prospects of the Greater Eurasia

concept under the changing geopolitical conditions of 2016–2022. It provides a brief overview of the conditions in which Eurasian regionalism developed during the period under review; traces the development of the Greater Eurasia concept in Russian official and expert discourse, shows how the ideological content of the initiative developed, how the initially widely interpreted concept crystallised; considers the achievements in the implementation of the concept, among which the most prominent is the "narrative expansion" on various international platforms, including not only within the framework of the EAEU promoted by Russia, but also within the framework of the Eurasian Economic Union. In order to fulfil the objectives of this study, the authors relied on the analysis of statements of public figures of the Russian Federation and other states at international events and publicist literature, analytical articles in scientific journals and press, official documents and statements of international organisations. The main conclusion of the study is the ambiguity of the situation in which the concept of Greater Eurasia has found itself under conditions of increasing geopolitical confrontation and the relatively modest results of its implementation in recent years. At the same time, one cannot help but notice that the increasingly complex conditions can be an incentive for the evolution and concretisation of the concept, as well as the adaptation of the foreign policy leadership's approach to its implementation. Thus, we can say that despite the difficult conditions, the concept can still claim to be a great future.

Keywords:

foreign policy of Russia; Eurasian regionalism; Greater Eurasia; international security; international society; SCO; geostrategy.

References

- Barskii K.M., Krasil'nikov S.R., Mikhnevich S.V. (2021). Prodvigaya initsiativu Bol'shogo Evraziiskogo partnerstva: sovpadenie interesov gosudarstv, biznesa i mezhdunarodnykh institutov [Promoting the Greater Eurasian Partnership Initiative: Aligning the Interests of States, Business and International Institutions]. *International Life*. No. 10. P. 4–19.
- Bulatov A., Pak E. (eds) (2022). Handbook of Eurasian Political Economy. Moscow: Aspect Press. 316 p.
- Bull H. (1995). *Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Springer. 329 p.
- Diesen G. (2018). *Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia*. Routledge & CRC Press. 206 p.
- Glaz'ev S.YU. (2019). Bol'shoe evraziiskoe partnerstvo: sozidaya novyi mir [The Greater Eurasian Partnership: Creating a New World]. *Evraziiskaya Integratsiya: ehkonomika, pravo, politika*. No. 1. P. 18–20.
- Gumilev L.N. (2007). *Ritmy Evrazii: ehpokhi i tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia: epochs and civilizations]. Moscow: AST. 608 p.
- Gumilev L.N. (2009). *Istoriya Evrazii* [History of Eurasia]. Moscow: EHKSMO. 1072 p.
- Karaganov S.A. (2017). Ot povorota na Vostok k Bol'shoi Evrazii [From Turning East to Greater Eurasia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 5. P. 6–19.
- Karaganov S. (2018). The new Cold War and the emerging Greater Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*. No. 2 (9). P. 85–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.002>
- Kefeli I.F., Kolbanev M.O., Malafeev O.A., Plebanek O.V. (2020). Proekt "Bol'shaya Evraziya" v kontekste mezhdistitsiplinarnogo diskursa [The Greater Eurasia Project in the Context of Interdisciplinary Discourse]. *Evraziiskaya integratsiya: ehkonomika, pravo, politika*. No. 14(4). P. 88–102. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-88-102>
- Kheifets B. (2020). *Kakim marshrutom poidet Rossiya po odnomu neprostomu kitaiskomu puti* [Which route Russia will take along one difficult Chinese path]. Moscow: Institut ehkonomiki RAN. 62 p.
- Kireeva A.A. Initsiativa «Odin poyas, odin put'»: soderzhanie, prichiny vydvizheniya, znachenie [The "One Belt, One Road" Initiative: Content, Reasons, and Significance]. In: Voskresenskij A.D. (ed.) *Model' razvitiya na Evraziiskom prostranstve i perspektivy ikh sopryazheniya* [Paths and belts of Eurasia. National and international development projects in the Eurasian space and prospects for their conjugation]. Moscow: Ves' mir. 416 p.

- Novikov D. P. (2018). Bol'shoe evraziiskoe partnerstvo: vozmozhnoe regional'noe vliyanie i interesy Rossii [The Greater Eurasian Partnership: Possible Regional Influence and Russia's Interests]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ehkonomika*. No. 3 (13). P. 82–96. DOI: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-03-05>.
- Novikov D., Bocharova A. (2023). Eurasia in Russian and Chinese political expertise: A comparative analysis. *Journal of Eurasian Studies*. No. 2(12). P. 1–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/18793665211000057>
- Spartak A. (2023). Pereformatirovanie mezhdunarodnogo ehkonomicheskogo sotrudnichestva Rossii v usloviyakh sanktsii i novykh vyzovov [Reformatting Russia's International Economic Cooperation in the Context of Sanctions and New Challenges]. *Rossiiskii vneshneehkonomicheskii vestnik*. No. 4. P. 9–34. DOI: [10.24412/2072-8042-2023-4-9-35](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-4-9-35)
- Vernadskij G.V. (2005). *Opyt istorii Evrazii: zven'ya russkoj istorii* [Record of Eurasian history: links of Russian history]. Moscow: KMK. 339 p.

Наши авторы

- Горенкин Кирилл Алексеевич** – стажёр-исследователь Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма НИУ «Высшей школы экономики»
- Зиновьева Елена Сергеевна** – доктор политических наук, профессор, профессор Кафедры мировых политических процессов; главный научный сотрудник Нейролаборатории МГИМО МИД России
- Игнатов Александр Александрович** – аспирант Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России; научный сотрудник Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы
- Киселёва Ирина Владимировна** – аналитик Центра европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России
- Мальцев Артём Михайлович** – преподаватель Департамента политики и управления НИУ «Высшей школы экономики»; старший преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук
- Мустафина Виктория Викторовна** – стажёр-исследователь Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии НИУ «Высшая школа экономики»
- Неклюдов Никита Яковлевич** – преподаватель Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России
- Новиков Дмитрий Павлович** – кандидат политических наук, руководитель Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН
- Ноздрев Станислав Васильевич** – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Сектора международных валютно-финансовых отношений ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
- Сергеев Егор Александрович** – кандидат экономических наук, доцент Кафедры мировой экономики, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России
- Сутырин Вячеслав Валерьевич** – кандидат политических наук, директор Центра научной дипломатии и перспективных академических инициатив Института международных исследований МГИМО МИД России
- Харкевич Максим Владимирович** – кандидат политических наук, доцент Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России

Our authors

- Mr Kirill Gorenkin** – Research Assistant, International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, HSE University
- Mr Alexander Ignatov** – PhD Candidate, Department of World Politics, MGIMO University; Research Fellow, Centre for the Study of International Institutions, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
- Dr Maxim Kharkevich** – Associate Professor, Department of World Politics, MGIMO University
- Ms Irina Kiseleva** – Analyst, Centre for European Studies, Institute for International Studies, MGIMO University
- Mr Artem Maltsev** – Lecturer, School of Politics and Governance, HSE University; Senior Lecturer, Moscow School of Social and Economic Sciences
- Ms Victoria Mustafina** – Intern Researcher, Centre for Strategic Research, Institute of World War Economy and Strategy, HSE University
- Mr Nikita Neklyudov** – Lecturer, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University
- Dr Dmitry Novikov** – Head, Centre for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
- Dr Stanislav Nozdrev** – Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Dr Egor Sergeev** – Associate Professor, Department for World Economy, Senior Research Fellow, Centre for European Studies, Institute for International Studies, MGIMO University
- Dr Vyacheslav Sutyurin** – Director, Centre for Science Diplomacy and Advanced Academic Initiatives, Institute for International Studies, MGIMO University
- Prof. Dr Elena Zinovieva** – Professor, Department of World Politics; Principal Researcher, Laboratory of Cognitive Neuroscience, MGIMO University

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американско-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американско-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

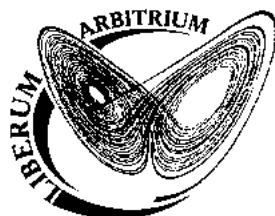
Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

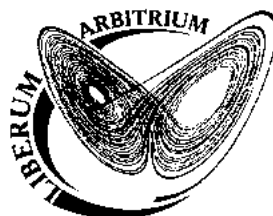
Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТЕМАТИКА РАНЕЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ

Том двадцать первый. 2023	No 1	Неотвратимость конфликта
	No 2	Эклектика теории vs. диалетики жизни
	No 3	Амбиции и прагматика
Том двадцатый. 2022	No 1	Конструирование институтов и институализация конструкторов
	No 2	Согласование смыслов
	No 3	Нормативность фактического
	No 4	Производство согласия
Том девятнадцатый. 2021	No 1	Внешнеполитические ресурсы и образы действия
	No 2	Глобальные вызовы и национальные приоритеты
	No 3	Укрощение среды
	No 4	Цифровые опасности
Том восемнадцатый. 2020	No 1	Национальные задачи и международный опыт
	No 2	Нормы и конструкты в поведении государств
	No 3	Сценарии соперничества и издержки конфликта
	No 4	Дилеммы мультилатерализма в мировой политике
Том семнадцатый. 2019	No 1	Глобальные технологические развилки
	No 2	Международные отношения. <i>К столетию дисциплины</i>
	No 3	Экономический инструментарий политики
	No 4	Форма vs. содержание в международной политике
Том шестнадцатый. 2018	No 1	Стратегии мироуправления
	No 2	Соотношение мощи и власти в международной политике
	No 3	Динамика порядка и логика протеста
	No 4	Новое в решении извечных проблем
Том пятнадцатый. 2017	No 1	Вызовы изменений
	No 2	Эволюция субъектности в глобальной политике
	No 3	К 50-летию АСЕАН
	No 4	Опыт и идентичность
Том четырнадцатый. 2016	No 1	Динамика и инерция
	No 2	Конкуренция в мировой политике
	No 3	Военная сила и асимметрия мощи
	No 4	Вызовы всемирности
Том тринадцатый. 2015	No 1	История в политике и политика в истории
	No 2	Методы и наука
	No 3	Экономические трудности политической системы
	No 4	Ресурсы влияния и инструменты регулирования
Том двенадцатый. 2014	No 1-2	Глобальная политика и информационная война
	No 3	«Новые старые» правила мировой политики?
	No 4	Независимость и предел ответственности

Том одиннадцатый. 2013	No 1	Общество, дискурс, политика
	No 2	Сотрудничество и противоборство в мировой политике
	No 3-4	К 10-летию журнала «Международные процессы»
Том десятый. 2012	No 1	Идея и структура в миросистемной эволюции
	No 2	Среда международной безопасности
	No 3-4	Теория в условиях неопределённости
Том девятый. 2011	No 1	Неуверенная экономика и напряжённое общество
	No 2	Дробление пространства политики
	No 3	Источники глобальной опасности
Том восьмой. 2010	No 1	Политические измерения глобального пространства
	No 2	Конфликт и право
	No 3	Социальная фаза глобального кризиса
Том седьмой. 2009	No 1	Контурсы мирового беспорядка
	No 2	Запрос на перемены
	No 3	Политическая демократия и мировое государство
Том шестой. 2008	No 1	Цикл расхождений в мировой системе
	No 2	Кризис и перспектива
	No 3	Сила и иерархия в мировой политике
Том пятый. 2007	No 1	Контроль и влияние в мировой политике
	No 2	Сопредельные пространства в мировой политике
	No 3	Интеграция и национальный интерес
Том четвёртый. 2006	No 1	Единство и разнородность
	No 2	Хронические конфликты в мировой политике
	No 3	Глобальная конкуренция в мировом государстве
Том третий. 2005	No 1	Регулирование и саморегулирование в мировой политике
	No 2	Антропология мировой политики
	No 3	Нефть и безопасность
Том второй. 2004	No 1	Философия международных отношений
	No 2	Лидерство и контрлидерство
	No 3	Свобода и несвобода
Том первый. 2003	No 1	Порядок и право
	No 2	Мир и война
	No 3	Пространство мира и международная безопасность

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля — только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подаваемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы — должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать непереводных русскоязычных конструкций и идиом.**

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo I sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).